

Ольга Коротаева

Танец стихий

© Коротаяева Ольга

© ИДДК

Глава 1

Сегодня проводили показательное выступление для новичков. День открытых дверей всегда суетливый и энергоемкий, а если еще и совмещенный с тренировкой, то мы практически выползали из зала. Леля, учитель восточного танца, никогда нас не щадила. Правда, в отличие от многих, и сама ни минуты не сидела во время занятия.

И вот теперь девочки, привычно взмыленные, с бешеной скоростью пытались привести себя в порядок, дабы не выступать перед зрителями в таком виде, будто только что пробежали марафон. До выступления оставалось не более получаса. А что делать? Аренда помещения немалая и приходится экономить время, да и деньги заодно.

Тело потихоньку охватывало привычное ощущение легкого мандража: сколько ни выступай, а волнение всегда будет щекотать нервы. Остывающие мышцы упорно не хотели быстро двигаться, а непослушная застежка уже в третий раз выскальзывала у меня из рук. Ольга, уже переодевшаяся и поправляющая макияж, сжалась над моими потугами:

- Давай помогу, чего мучаешься... Вот ведь какая тугая, зараза!

Я расслабилась, предоставив теперь попынтеть подруге. Ожерелье было новым и застегивалось с большим трудом. Тут же спохватилась, ведь времени остается все меньше, и принялась надевать многочисленные браслеты. Вздох облегчения за моей спиной возвестил, что подруге все-таки удалось справиться с китайской бижутерией. Подправить лицо я уже не успевала. Ну и пусть с ним. Авось зрители прикинут, так ли легко все это дается.

- Быстрее, быстрее! - поторапливала Леля. - Зал заполнен, и Наталья вот-вот вас объявит.

Значит, разговоры и вопросы уже исчерпали себя, и теперь люди просили зрелищ. Наша группа легкой сиреновой стайкой впорхнула в ярко освещенный зал, где сразу попала под перекрестный обстрел взглядов множества дам различных возрастов и комплекций. Заиграла музыка, заполняя огромное полупустое помещение и рассеивая отголоски по пустым коридорам.

Искрясь улыбками, мы приступили к несложному танцу, вся прелесть которого заключалась именно в рисунке. Девочки менялись, переходя из одной фигуры в другую. После нескольких секунд страха перед зрителями, который испытывали абсолютно все, танцовщицы расслабились и задвигались свободнее и мягче. Так всегда бывает. У нас, по крайней мере. Увлекаешься самим процессом и перестаешь думать о возможных проколах и страхе опозориться. Заключительное па, и зал взорвался аплодисментами.

Танцовщицы, сияя, как новые монисто, змейкой потекли к выходу. Посмеиваясь и делясь впечатлениями, мы влетели в костюмерную. Я на ходу снимала украшения. Будет другой танец, другой костюм и другая бижутерия. Привычно быстро переодевшись, девочки выстроились по двое у входной двери.

Объявления не было, видимо, у зрителей возникли какие-то вопросы. Я, посмеиваясь, оглядывала подруг. В этих костюмах мы напоминали цыганок... и одновременно новогодние елки. Ольга поймала мой взгляд и тоже усмехнулась, выразительно оглядев меня с головы до ног. Ну еще бы! Мы так часто это обсуждали, и я не строила иллюзий, что выгляжу лучше остальных. Музыка стряхнула с наших лиц ехидные ухмылки. Я нацепила привычную «обворожительную» улыбку в тридцать два зуба. Вблизи страшно, но зато издали видно.

И еще один танец, а потом еще два после утомительных переодеваний. Затем я медленно доплелась до маленькой комнатки, где молча переоделась в повседневную одежду. Руки слегка онемели от непомерной нагрузки, а ноги уже подкашивались. Но хорошее настроение щекотало нервы пузырьками шампанского.

Стоило выйти из костюмерной, как мы попали в объятия стайки молоденьких девушек, жаждущих что-то узнать у нас лично. За их спинами маячила донельзя довольная хитрюга Леля. Ольга и Мария, помогающие ей тренировать новичков, мрачнели все больше по мере увеличения вокруг нас восторженных глаз. И, как всегда, я порадовалась, что когда-то успешно отмазалась от этой повинности. Вроде мы все-таки прорвались без жертв...

Я возвращалась с тренировки, лениво передвигая ногами в сторону родного дома. Правое плечо оттягивала сумка с костюмами, а по левому бедру в такт шагам стучал проигрыватель. Все тело наполняла приятная усталость. На душе было легко и спокойно. Привычное состояние после хорошей тренировки.

В танце я всегда выкладываюсь полностью, ощущая, будто лечу и могу окинуть взглядом весь мир. Я улыбнулась, раскинула руки в стороны, запрокинула голову так, чтобы видеть лишь только небо, и побежала, стараясь создать ощущение полета. Слово были только звезды и я. Очень люблю

загадочные, невероятно далекие звезды, рассыпанные по небосводу, как качественные чешские стразы по бархату цвета индиго. Они притягивают меня, манят несбыточным, зовут к мечте, отрывают от земли...

Да, наверное, правильно мама твердила, что надо хоть иногда и под ноги смотреть. Эта немудреная истина яркой вспышкой озарила мою бедовую голову во время краткого полета. Только не в звездное небо, а на грешную землю. Раздались смешки. Думаю, прохожие получили море удовольствия от моего пируэта. Я зажмурилась, не желая видеть их глаз, и молилась, чтобы никто ко мне не подошел. Но больше не было ни смеха, ни предложений помощи.

Я вздрогнула и схватилась за плеер. Если я его разгрохала, то мы на долгое время останемся без музыки и будем в танце прихлопывать в такт ладошками, изображая детский ансамбль. Или стырим деревянные ложки у соседней-народников. Я хмыкнула, представив себе эту колоритную картинку: танец живота с деревянными ложками. Хихикнув, я попыталась подняться и неожиданно почувствовала тревогу. Что-то было не так.

Меня окружала *тишина*. Жизнь в городе довольно шумная штука, да и в деревне никогда не бывает особенно тихо. А эта *тишина* настораживала, причем я отлично слышала шорох своей одежды, когда поднималась с земли. А вокруг стояла такая тишина, будто меня окружал кокон, старательно поглощающий все звуки.

По шее поползли мурашки. Меня окружал не свет фонаря, как я думала, а нечто иное. Я осмотрелась в странном световом шаре, за границами которого колыхалась лишь тьма, наполненная пугающей тишиной. Я продолжала стоять на чем-то невидимом, но какой-либо зримой опоры под ногами не было. Волна страха медленно поднялась по моему телу, оставляя за собой холодный липкий пот. Казалось, что стук моего сердца слышен во тьме и эхо раздается на всю вселенную.

- Тихо, без паники! - сказала я себе, и, как всегда, звук собственного голоса немного успокоил. Всегда приятно поговорить с хорошим человеком! - Этому наверняка есть какое-нибудь логичное объяснение. Если у меня поехала крыша, то остается надеяться, что меня скоро вылечат! К тому же здесь нет туннеля, свет собран исключительно вокруг, а не маячит где-то впереди. Значит, это не смерть. И вообще, возможно, что темнота вокруг просто оптический обман зрения. Может, посмотреть, что там, за его пределами?

Я подумала, решив, что мой голос дело говорит, зажмурилась и сделала шаг. В тот же миг меня окружили звуки, в лицо ударил колючий ветер, а под ногами хрустнула пожухлая трава. Волоски на руках встали дыбом. Холодно-то как! Вроде лето, но температура явно не выше десяти градусов.

Я быстро обернулась, но на том месте, где я только что стояла, никакого света не было и в помине. Меня снова со всех сторон окружала темнота. Но это уже другая, привычная ночная темнота, и ничего устрашающего в ней не было. Глаза постепенно привыкли, и я увидела себя посреди густого леса! Под ногами обнаружилась лысая тропинка, причем довольно утоптанная. Тропка виляла пьяными зигзагами и стыдливо скрывалась среди округлых кустов. Деревья над головой хитро перешептывались с ветром и вместе они с энтузиазмом засыпали меня высохшими листьями. Казалось, что все вокруг живое, и я ощущаю на себе пристальные взгляды. Ничего не понимаю!

Ноги сделали шаг, другой, я быстро побежала по тропинке, подгоняемая ветром, и уже на ходу подумала, что это неплохая идея. Не выберусь, так согреюсь!

Минут через десять спринтерского бега я увидела впереди мелькающий светлячок. Надежда подхлестнула меня, и я побежала еще быстрее. Когда мелькающая точка света обрела формы фонарика, лес вдруг неожиданно кончился, и я очутилась в населенном пункте. То, что пункт явно населенный, я поняла потому, что столкнулась с представителем местного населения лоб в лоб. Судя по тому, как нас отбросило друг от друга, пресловутая частица общества направлялась в мою сторону тоже с нехилой скоростью.

Пересиливая дурноту и звон в ушах, я попыталась сфокусировать взгляд на объекте столкновения. Тот тоже усиленно крутил головой и длинные волосы его разлетались как в рекламе известного шампуня, из чего я сделала вывод, что объект, скорее всего, женского пола. А потом присовокупила щедушность тела, какой-то балахон вместо одежды и окончательно утвердилась в результативности своего дедуктивного метода.

Скажем прямо, Шерлоком мне не быть! Когда я подползла поближе, дабы извиниться, худенький мальчик с удивительно плоским носиком пытался собрать тонкие волосы в хвост. А балахон оказался широкой рубашкой, видимо, с отцовского плеча. Увидев меня, он пораженно замер.

- Ты как, не сильно ушибся?.. - начала было я.

Парнишка открыл рот и закричал. Я опешила:

- Ты чего орешь?!

Он замолчал так резко, будто выключили звук. Наконец он промолвил дрожащими губами:

- Ты кто?

Писк вместо голоса опять вверх меня в сомнение насчет пола ребенка.

- Меня зовут Мелайна, можно просто Мел. А ты кто? - растерянно проговорила я.

- Я Рови, сын кавайя. А ты кто и откуда? Ты очень странная. И на тебе смешная одежда.

Похоже, мальчишка быстро пришел в себя, любопытство в его взгляде росло и крепло. Я внимательно оглядела себя: после таких-то приключений немудрено и забыть, во что одет. Блин, на дорогом адидасовском трико дырка на колене, а оранжевый топ в пятнах. Зато черные кроссовки с оранжевыми полосами были целехоньки и прекрасно подходили для бега по пересеченной местности, в чем я только что убедилась. Хотя мальчишка прав: одета я совсем не по погоде. Я поежилась от сырого ветра.

- Рови, - сказала я, - я так сильно ударилась, что забыла, кто я и куда шла. Подскажи-ка, милый ребенок, что это за место.

- Это наше село Кряжны. Мой отец здесь кавай, а я бежал к ведунье нашей новой, у нас мамка чой-то приболела. Хочешь, пошли вместе, может, она и тебе поможет с памятью-то?

Рови оказался словоохотливым и легким в общении мальчиком. Я нарочно пропустила мимо ушей незнакомое слово, уцепившись за другое, хоть и неприятное, но понятное название.

- Спасибо, но я лучше сразу к твоему отцу обращусь с просьбой о помощи. Подскажи-ка дорогу, - осторожно попросила я.

После многочисленных статей про сглазы и порчу к ведьмам я относилась очень настороженно, стараясь избегать модного на сегодняшний день общества различных знахарок.

Рови мне подробно, даже слишком, объяснил, где находится дом кавайя, а потом, минут через десять после описания всех окрестных домов, мимо которых мне предстояло пройти, сказал с гордостью в голосе:

- Ты точно не ошибешься, это единственный каменный дом в селе!

Я изобразила на своем лице смирение и поблагодарила высшие силы, что мне не пришлось выслушивать, через сколько коров я должна повернуть направо!

Мы распрощались, и мальчик припустил по тропке в лес абсолютно без страха, словно всегда тут бегает, причем исключительно по ночам. Хотя, возможно так оно и было. А я, поправив на плече тяжеленную от сценических костюмов сумку, быстро двинулась в сторону тускло светящихся окошек.

Даже в исключительной темноте найти дом кавайя, что бы это ни значило, оказалось легче легкого. Хотя этот особняк язык не поворачивался обзвать домом. Он, словно замок, возвышался среди притулившихся вокруг него кривобоких избушек. Я изумленно присмотрелась к последним: да, кажется, они действительно сделаны из глины! И были более похожи на первые горшки криворукого керамиста, впервые засевавшего за гончарный круг. Без углов, с тяжелыми наплывами вокруг прорубленных малюсеньких окошек и соломенным настилом вместо крыши.

Я растерянно моргнула и перевела взгляд на сам особняк. В отличие от гигантских горшков дом был аккуратно сложен из камней, плоская крыша скрывалась за каменными перилами наверху: видимо, она служила балконом, либо прогулочной площадкой. Окна в человеческий рост и широкий подъезд внушали уважение. Я прошла в настежь распахнутые ворота и направилась к добротной деревянной двери. Но стоило мне только потянуться к изогнутой кованой ручке, как дверь резко распахнулась и в светлом проеме показалась улыбка. Потом вышло и все остальное, но маленький человек казался бесплатным приложением к своей потрясающей улыбке.

- Проходи, уважаемая ведунья, мы уже тебя совсем заждались! Ровку только за смертью посылать! Где же этот негодник? - Он посмотрел за мою спину, не заметив мальчишку, махнул рукой и опять расплылся в улыбке «мечта дантиста»: - Да ты проходи, не стой на пороге! Хоть и ведьма, но негоже так легко одеваться, ночи сейчас уже не такие теплые, как в ремень.

Я воспользовалась любезным предложением и прошла внутрь вслед за улыбчивым человеком, по пути пытаясь заодно прийти в себя от такого приема. Меня приняли за ведьму? Видимо, потому, что сейчас я на нее очень похожа, после таких-то приключений. И тут неожиданная мысль пригвоздила меня к месту. А что же произошло?! Моя память отказывалась выдавать информацию о событиях, происходивших со мной ранее, чем час назад. Паника поднималась по позвоночнику и,

взобравшись, поставила волосы на голове дыбом, видимо, решив мне помочь еще более походить на ведьму.

- Простите уважаемый, но, кажется, вы ошиблись! Я не ведьма... во всяком случае мне кажется, что это так, - тихо икнув, испуганно пробормотала я.

Кавай недоуменно обернулся, и я снова испытала шок: лицо толстого человечка было абсолютно серым! Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а перед глазами поползли разноцветные пятна. С трудом прогнав дурноту, я снова подняла глаза на озадаченного хозяина: но все осталось, как есть. На улице, в темноте ночи, я не разглядела цвета кожи маленького мальчика, да и на фоне белозубой улыбки цвет лица хозяина не сразу бросился в глаза. Но теперь, в ярком освещении продолговатой гостиной, сомнений не оставалось: человек был сер, словно мышь. И серые же глаза с красноватым зрачком смотрели на меня внимательно и с изумлением.

Помолчав немного, хозяин неуверенно спросил:

- А кто же ты?

- Я - Мелайна, - на автомате ответила я, судорожно сглотнув. - И, похоже, это единственное, что я знаю... Я сильно ушиблась головой и помню только этот вечер.

- Да уж скорее ночь! И как же тебя так угораздило? - голос толстячка, казалось, выражал искреннее сочувствие, а необычные глаза так и светились от любопытства. - Интересное на тебе платье, словно сделано из кожи гигантского коруга... только цвета яркие, как драгоценные самоцветы. Да и внешность неординарная... я даже на ярмарке не видел таких... красавиц!

Я неопределенно пожала плечами. Сама знаю, что красивая.

И тут в дверь влетел Рови, я тут же уставилась на мальчишку. Маленький плоский нос, как мне показалось поначалу, оказался острым отростком с двумя продолговатыми дырочками. Я содрогнулась от неприязни. Как если бы обычный носик вывернули наружу и отрезали кончик. А губ у парня почти не было. Темно-серая ниточка под остатками носа. Зато длинные зубы сияли белизной так же, как у отца.

- Она идет! Ведьма идет! Батька, встречай! - заорал Рови и, тряхнув белесыми волосами, шмыгнул в сторону двери, откуда поползли такие аппетитные запахи, что я подавилась слюной, а живот громко заурчал. Наверное, я давно не ела.

Кавай снова нацепил свою эксклюзивную улыбку, за что я была крайне благодарна, ведь она скрывала общее уродство, и резво рванул к дверям. В дом вошла женщина. Я с любопытством уставилась на нее, но была разочарована: по-моему, она не сильно отличалась от толстячка... если, конечно, не считать голубоватого оттенка кожи. А кого я ожидала увидеть? Краснокожую бестию с ирокезом и продолжными зрачками? Вот ведь началась всякой ерунды. Лучше бы вместо фэнтези штудировала научные трактаты, может быть и нашлось бы логичное объяснение происходящему. Забытые народы под землей, цвет кожи которых приобрел столь эксклюзивный оттенок вследствие длительной жизни поколений без солнца. И зрачок тоже...

Я действительно не видела ни неба над головой, ни звезд в абсолютной тьме. Никто не доказывал, что в подземных городах не может быть холодного ветра! Так что я просто могла провалиться под землю, двинуться башкой: свет померещился, а там дополнительная травма многострадальной головы о твердый лоб подземного человека. И все: научное открытие в кармане!

Кавай тем временем рассыпался в любезностях, а потом весь подобрался и грозно гаркнул что-то нечленораздельное в сторону, куда улизнул серый пацан. Из дверей мгновенно материализовались женщины разных возрастов: они испуганно сгрудились перед хозяином, бросая на меня и ведьму взгляды, полные паники.

- Смотри, - громкий перешепоток серых дам не стал для меня тайной. - Ведьма-то, похоже, из анахов...

- Да что ты, - голосок повыше, - у них же кожа синяя! Хотя, конечно, уродка такая же...

Я нервно рассмеялась: уродка?! С моей точки зрения, уроды - именно они. Хотя и моя персона не должна показаться местным привлекательной. Так что стала понятна пауза толстяка перед словом «красавица». А я-то, дурочка, приняла «комплимент» за чистую монету.

- Цыц, ванаги! - гаркнул на них кавай. - Это не ведьма! Проводите лучше гостей в комнату хозяйки!

Тут все завертелось, закружилось, меня потащили вверх по винтовой лестнице, через пару поворотов по низеньким кривым коридорчикам. Когда же, наконец, все вокруг немного стихло, я обнаружила себя в небольшой комнате с плотно закрытыми шторами и одной горящей свечой. В

легком полумраке с трудом разглядела огромную кровать, на которой лежала женщина с изможденными чертами лица, обрубок носа был еще резче и острее, чем у кавая. Со стороны кровати доносились странные ритмичные kloкочущие звуки. Вокруг женщины стояли три молчаливые персоны. Похоже, одна из фигур – это колдунья, вторая – сам кавай, а третья... как раз подходила ко мне.

- Ты помощница ведуньи? – робко спросила приветливая молодая женщина.

Волосы незнакомки были тщательно уложены в высокую гладкую прическу, отчего круглые серые глаза казались почти огромными.

- Скорее я ее потенциальная пациентка, поскольку потеряла память и пришла просить помощи у хозяина, – устало ответила я, не в силах больше удивляться.

- Кавай – хороший человек и в помощи не откажет! – решительно проговорила девушка. – Даже таким, как ты.

Я пожала плечами, поскольку и не спорила: это в моих интересах.

У кровати раздался шум, и мы обернулись. Ведьма склонилась над больной, прикасаясь к коже звенящим предметом.

- А что у вас случилось? – тихо спросила я.

- У главной мамы третий день икота. Ни есть не может, ни спать, измучилась совсем!

- Вы дочь кавая? – поинтересовалась я, вспомнив, как Рови говорил, что болеет его мать.

- Дочь второй жены кавая, – с гордостью ответила она. – Но главную маму я тоже люблю. Она меня не обижает, – добавила девушка, а я с изумлением пыталась осознать сказанное.

Тут что, типа гарема? И вся эта стайка серых женщин... Раздалось шипение, легкий вскрик и все стихло. Ведунья откинула с лица пряди волос и облегченно вздохнула:

- Ну, вот и все! Теперь поспите, а утром...

Но тут больная женщина подняла глаза в наш угол. «Главная мама» с шумом втянула воздух дырочками продольных ноздрей и уставилась в мою сторону расширившимися глазами. Я удостоверилась, что за моей спиной никого нет, и изумилась, чем же моя скромная персона так взволновала хозяйку. Наконец, сцена из «Ревизора», успевшая порядком потрепать мне нервы, закончилась. Казалось, женщина заново вспомнила, как дышать, и попыталась что-то сказать. Попытка не удалась, зато ее хрип вывел из недоумевающего ступора старосту.

- Дорогая, что с тобой? – взволнованно спросил тот, поглаживая тонкую руку жены.

- Что со мной? – возмущенно взвизгнула женщина. – Ты клялся, что больше баб водить в дом не будешь, и так ораву натащил – кормить скоро станет нечем! Теперь еще и моде решил поддаться и притащил иностранку?! Да я с тебя шкуру спущу!

- Ну что ты, – растерянно проблеял кавай, испуганно метнув затравленный взгляд в мою сторону. Я вдруг четко осознала, что это действительно было в планах уродца, и содрогнулась от мерзости. – И в мыслях не было, дорогая...

- Смотри у меня, – грозно прорычала женщина, но все еще косилась на меня, как лошадь на пожар.

А кавай тем временем счел за благо переменить тему и разразился благодарственной речью в честь ведьмы. Он потащил женщину из комнаты. По пути неугомонный толстячок подхватил под руку и меня. Я послушно потопала за хозяином вниз по лестнице. Сопровождаемые витиеватой речью, мы с колдуньей попали в ярко освещенную столовую. Ведунья весело подмигнула мне, словно мысли прочла, а я лишь кисло улыбнулась. Не люблю попадать в гаремы, хоть ни разу и не приходилось.

Казалось, что в столовой терпеливо ожидали нашествия многочисленных родственников. Пятиметровый монументальный каменный стол был уставлен разной снедью. Нас усадили, причем речь кавая, ни на секунду не прекращавшаяся за наш переход, вылилась в высокопарный тост. Похоже, серенький мужичок пытался загладить передо мной вину. Он всячески подчеркивал, как любит свою жену и как рад ее хорошему самочувствию. Выпив за здоровье исцеленной бокал багрового вина, ведунья тихо обратилась ко мне:

- Кто ты?

Поднадоевший вопрос! Я послушно повторила свою краткую биографию, решив, что сегодняшний вечер я уже забыть не должна ни при каких обстоятельствах. И, вспомнив о потерянной памяти,

озвучила просьбу о помощи в обретении оной.

Ведунья, представившаяся Марвией, надолго задумалась. Я уже успела попробовать немало блюд, настойчиво рекомендуемых хозяином дома, когда она заговорила вновь:

- К сожалению, я не смогу помочь, - разбила она мою надежду. - Судя по следу на твоём сознании, потеря памяти сопровождалась сильным магическим возмущением неизвестных мне сил. Я сначала приняла тебя за тайного мага с возможностью управлять этими самыми силами. Возможно, это силы, которые привели тебя сюда, а потеря памяти побочный эффект. Возможно также, что память восстановится сама, как в обычных случаях её потери от шока. А возможно, это навсегда... Я не знаю, извини.

- Что же мне делать? - упавшим голосом спросила я, не знаю уж у кого.

- Для начала освоиться здесь, а потом попробовать найти человека или иное существо, которое способно тебе помочь. Что ты умеешь делать? - ведьма пытливо всмотрелась в моё лицо.

- Не знаю... - растерянно произнесла я, поражаясь ярко-алым глазам Марвии без признака на зрачок.

- Тогда посмотрим, что у тебя в сумке, и попытаемся определить это. - Ведьма улыбнулась и направилась к моим сумкам. Я услышала её крик: - О, боги, что *это*?!

- Это плеер, - пожала я плечами.

- Уже прогресс, - усмехнулась Марвия. - А для чего это?

- Чтобы слушать музыку! - Я вскочила, боясь, что память вновь откажет, и торопливо продемонстрировала ведьме работу проигрывателя.

Марвия при первых же звуках замерла, на лице её мелькнул ужас. А вот непривычно молчаливый кавай мгновенно принял позу суслика в поле, и только едва заметные тонкие усы подергивались от любопытства. Я выключила, решив, что с них пока хватит, чем вызвала искреннее огорчение толстячка.

- Так, допустим, - наконец очнулась ведунья. - И для чего тебе музыка?

- Чтобы танцевать, - мгновенно отрапортовала я и обрадовалась.

Хоть какое-то познание себя!

- Значит - ты танцовщица, - уверенно заключила Марвия.

- Я знаю, знаю, - аж подпрыгнул неугомонный кавай. - Мой хороший знакомый корчмарь в Валраде собирает труппу артистов для увеселения посетителей. Валл! Он небедный и, что важно, добрый. Так что скажешь, что от меня, и легкая прижимистость не помешает ему дать тебе приличное жалованье и место проживания в его же гостинице. Конечно же, если он вспомнит, что немного задолжал мне когда-то...

- Ну и замечательно, дорогой хозяин! А теперь, тебе не кажется, что гостье надо поспать, чтобы представить товар лицом этому твоему знакомому? - с легкой усмешкой произнесла ведунья.

Кавай на мгновение смутился, но тут же опомнился, и сразу же его исключительно деятельная натура создала вокруг меня серый смерч. К счастью, не настоящий, а из суеорящихся женщин, которые меня за пару минут спать уложили. В буквальном смысле...

Глава 2

Наутро я тепло попрощалась с новыми знакомыми, стараясь не замечать тоскливого взгляда сальных глаз толстячка и грозного зыркания его старшей жены, которая вопреки рекомендациям ведуньи вскочила с постели, дабы убедиться в моем отбытии. Я же поспешила успокоить эту ревнивицу, стараясь выдвинуться в Валрад как можно скорее.

За плотными шторами я не могла разглядеть ничего, даже света дня. Будет ли этот свет? Я очень боялась, что подозрения оправдаются, и мы окажемся под землей. Поэтому ничто не могло меня заставить приподнять тяжелую ткань занавески. Я даже вышла за порог с крепко зажмуренными глазами и глубоко дышала, стараясь восстановить нормальное биение сердца. Убедив себя, что хуже уже не будет, я распахнула глаза и озадаченно уставилась на веселое оранжевое солнышко, карабкающееся на белоснежное небо. А озадаченно потому, что на горизонте, оттеняя багровую линию чужих лесов, следовало за братом точно такое же оранжевое солнышко.

- Два солнца! - ахнула я.

Нет, это не подземелье. Дело обстояло гораздо хуже. И единственное, что приходило в мою бедовую голову: меня похитили инопланетяне! Тот свет наверняка инопланетный луч, о котором так часто пишут в желтой прессе. А также об издевательствах над землянами и жутких экспериментах. Меня, благо, пока не препарировали. Но эксперимент явно был: простую землянку закинули на чужую планету. Может, это проверка на выживаемость индивидуумов с планеты Земля?

Пока я любовалась на двойное светило, из дома вышла веселая Марвия. По пути молодая женщина левой рукой поправляла многочисленные сумочки на длинных лямках. Правой она важно протягивала мне рекомендательное письмо от кавайя. Спрятав свои потрясающие глаза без зрачков, женщина пробормотала, что ей неожиданно понадобились в городе некоторые ингредиенты для зелий. Но я понимала, что добрая ведунья просто решила убедиться, что со мной все будет хорошо. Очень приятно, когда незнакомый человек, а особенно не человек, проявляет к тебе столько участия.

Но все же это немного настораживало. И я попробовала уточнить причину неожиданного счастья. Марвия рассмеялась по случаю такой «нечеловеческой» пронизательности и объяснила, что хочет проследить за моей дальнейшей судьбой. Может быть, ей даже удастся установить, что за неизвестная магия решила почтить этот мир своим присутствием. Так что, все оказалось проще некуда: обычное любопытство. Точнее, не обычное, а ведьминское.

- Может, ты просто не знаешь о такой магии, - осторожно возразила я, вспомнив свою версию. Для таких вот миров, находящихся в период развития примерно рыцарских времен, любая техника - волшебство! - Ведь ты не можешь знать, какая магия обитает в далеких уголках Вселенной.

- Ты знаешь, Мел, я же не просто ведунья, я маг со степенью, - пожалала плечами ведунья. - И хоть обучалась я целительству, это не освобождало меня от изучения других предметов. К тому же мне часто приходится лечить не только от болезней, но и от сглазов и проклятий различной сложности, которые могла вызвать любая магия мира.

- Тогда что же ты делаешь в этой глуши? - изумилась я.

- Таким, как я, непросто пробиться на хорошие места. Да и не глушь это. С одной стороны нашего леса Валрад - сход торговых путей, один из самых богатых городов Кеприи. Все из-за выхода к морю. С другой стороны простирается граница владений цваков. А на севере лес упирается в горы, где живут анахи.

- О! Этих я знаю! - воскликнула я, вспомнив разговор жен кавайя. - Это те, на которых я похожа, только синие?

- Хороший у тебя слух, - криво усмехнулась Марвия. - Если уж на то пошло, я тоже похожа на анахов. Собственно, именно поэтому я маг. В роду анахов невероятное количество магов. Может, даже все... Они очень скрытны, ничего не знаешь наверняка. И не предугадаешь, что выкинут в следующий момент. Вот и мой папочка, - ведьма горько улыбнулась, - пошел на поводу моды. Взял в гарем иноземную женщину, а потом просто выбросил. А она меня родила.

- В смысле, - пораженно ахнула я. - Беременную бросил? Вот гад!

- Да от меня все равно после рождения избавились бы, - невесело покачала головой Марвия. - Анахи не допустят в своих владениях нечистокровного... Так что, он мне жизнь спас. Не хочу, чтобы ты попала в ту же ловушку, что и моя мать.

- То есть вот так завуалированно ты предлагаешь мне свою помощь? - уточнила я.

- И дружбу, - улыбнулась она.

Мы шли по дороге, вымощенной толстенными керамическими плитами, многие из которых уже давно раскололись в мелкую пыль, поэтому приходилось внимательно смотреть под ноги, дабы не покалечиться. По пути я попросила прочесть лекцию о здешних устоях и обычаях, чтобы не попасть впросак. Вышли мы на рассвете, и я уже имела представление, что эти загадочные цваки - высокомерные придурки, живущие на деревьях. А также, какие на самом деле анахи и как нужно обращаться к ним, чтобы не быть убитой на месте. И сколько стоят услуги мага. Так, на всякий случай. Все равно местных монет у меня не было...

Дорога все больше расширялась, и в нее, как в полноводную реку, вливались боковые тропинки и вполне утопанные пути. Вскоре нас начали обгонять группы всадников и деревянные телеги с товарами. Становилось все болеелюдно, а на подступах к городу стало совсем уж не пробиться. Более того, у ворот выросла приличная очередь.

Сами ворота были изготовлены из синего узорчатого металла. Дорога у замка выложена плоскими круглыми камнями. Насколько я поняла, каменных пород в мире не так много, и это дорого. Простые дороги мостят кривыми керамическими плитами. А из глины мастерят дома простолюдинов. Стена же замка была выложена из крупного и мелкого камня приятного серо-голубого оттенка. Скреплены камни, видимо, той же глиной, так как в стене пробивались пожухлые красноватые лианы. Вал перед стеной был старательно выложен уже изрядно поднадоевшими керамическими плитами.

Когда мы подошли к концу очереди, я уже начала слегка косеть от свалившейся на меня информации о количестве народов, населяющих этот нескучный мир, и об их нетривиальных, с моей точки зрения, обычаях. Запутавшись совсем, я заскулила, моля о пощаде. Марвия засмеялась и успокоила, что в этом городе живут практически все представители рас, и если бы каждый из них стремился исполнять обычаи своего народа, то город разлетелся бы на куски в тот же миг.

Так что я слегка расслабилась, а ведьма потащила меня мимо очереди к серой неприметной дверце. За дверью встретил влажный мрак. Пахло сыростью и прелой травой. Я нервно хихикнула, а Марвия потянула дальше и по пути объяснила, что это тайный ход специально для таких, как она. Я сделала вывод, что магов здесь любят. Или хотя бы боятся, что в огромной очереди они озвереют и разберут город по камешку. И правильно! Марвия сообщила, что магии учатся как минимум пятнадцать лет! Надо же получить какие-нибудь привилегии после этой пытки.

Вскоре посветлело, и мы вышли на узенькую улочку с другой стороны крепостной стены. Я огляделась, но ворот не увидела.

- В любом случае, спасибо! А то в такой очереди меня просто раздавили бы и свернули в рулон для большей компактности.

- В такой очереди тебя запросто украли бы в чей-нибудь гарем! - рассмеялась ведунья.

- Что?! Э...

Больше ничего я выдавить не смогла. Кажется, я лишилась дара речи.

- Мел, твоя внешность о-о-очень необычна для нашего мира, так что постарайся не пополнить чью-нибудь коллекцию раньше времени, ладно? - Марвия посмотрела на меня пронзительным взглядом красных глаз.

- И много у вас тут таких коллекционеров?! - нервно уточнила я.

- Хватает. Но стоит нам добраться до знакомого корчмаря кавая, и тогда тебе ничего не будет грозить. Валл помешан на искусстве и всегда готов взять под свое крылышко очередного непонятого гения. Хотя, думаю, что ты и без рекомендации кавая произвела бы на него впечатление. Но так с тебя вообще пылинки сдувать будут!

- А сам он, случайно, не любитель иноземных женщин? - осторожно уточнила я, вспомнив масляный взгляд толстячка.

- Да что ты, - рассмеялась подруга. И серьезно добавила, словно обрубил: - Он же валл!

Как будто мне это что-то объясняло! Да уж... Будущее со слов подруги представлялось не в очень-то радужных тонах.

Мы бодро шли по улочке, и мелкие камушки городской мостовой шуршали под ногами. Да, без проводника на прогулку по городу я решусь еще очень нескоро. И как только Марвия разбиралась, в какую из абсолютно одинаковых подворотен нырнуть и куда повернуть на одном из многочисленных перекрестков? Вокруг суетливо сновали серолицые существа. Я часто ловила на себе любопытные

взгляды.

Наконец, мы подошли к трехэтажному зданию, которое выглядело не как корчма, а скорее, как дворец. Ну, небольшой такой дворец с огромной конюшней, площадью и фонтаном перед входом. Помпезные керамические колонны, правда, уже были кое-где обколоты, и в гранитных урнах что-то вонюче дымилось, но все равно это не походило на корчму. Похоже, эти мысли отразились на моей не в меру живой физиономии, потому как Марвия весело рассмеялась.

- Удивлена? Не переживай! Это впечатление ты делишь со всеми приезжими. Дело в том, что здесь когда-то жил старый валл, у которого имелась куча родственников, претендующих на его немалое состояние. Но, увы, не было собственных детей. И он решил напоследок подложить всем большую свинью. После того, как родственники вылизывали его лет пять перед смертью... или морили, что, наверное, ближе к истине, он завещал все своему камердинеру. Правда, с условием, что тот сделает из дома гостиницу и будет бесплатно сдавать четверть комнат представителям любого искусства. Камердинер же пошел еще дальше, разместив на первом этаже корчму, а обласканным изменчивыми музами дает в пользование аж половину всех комнат, поскольку всегда разделял любовь своего господина к прекрасному. Правда, это не мешает ему драться с других постояльцев втридорога. А поскольку это сейчас самая модная, чистая и с безупречным обслуживанием гостиница, да еще с корчмой, то от желающих отбоя нет. Это единственное заведение среди сотен гостиниц города, где бронируют места!

Я прониклась и даже покивала с восхищением, а подруга иронично посмотрела на меня. Но, видимо, удовольствовалась этим спектаклем, потому как наконец провела внутрь. Правда, торжественность момента несколько нарушало наше дружное хихиканье.

Но через минуту мне стало не до смеха. Зал оказался просто огромен! И до некуда заполнен людьми. Впрочем, я поторопилась. Существ, похожих на людей, здесь было не так и много...

- Посмотри вон на тот столик, вот так выглядят цваки! Впечатляет? - Похоже, подруга решила подкрепить свою лекцию практикой. - А вон в том углу целая компания анахов. Вообще-то, подобное сборище весьма подозрительно, ну да ладно. Они всегда в черных плащах, поэтому неземную синеву благородной кожи нам не увидеть... но оно и к лучшему, уж поверь!

Мы медленно пробирались между столиками, а я не уставала удивляться: насколько странно постаралась природа этого мира. Может, тут радиоактивное солнце? Кожа существ серая или синяя... Но как же быть со страшными и одновременно очень трогательно-изящными цваками с их почти прозрачной фиолетовой кожей?

До меня долетел обрывок фразы, и я вздрогнула. Мужчины обсуждают меня! Прислушавшись, я поняла, какая именно часть пришлась гостям по вкусу, и начала медленно краснеть. А, оглянувшись, увидела, что следом за нами направились двое представителей этого народа, и вид их был весьма решителен.

- Ма-а-арвии-и-я! - в ужасе прошипела-прокричала я.

В минуты стресса я способна еще и не на такие звуки.

- Спокойно, Мел! Вот твой защитник! - громко продекламировала Марвия.

Я перевела взгляд вперед и испуганно икнула. Пред моими глазами появилось мохнатое пузо диаметром эдак метра в полтора. Я запрокинула голову, пытаюсь посмотреть в глаза его обладателю.

- Привет! - улыбнулась живая гора скомканного меха.

Я оцепенела от ужаса, не в силах отвести взгляда от огромной пасти существа, снабженной целой батареей острых желтых зубов. На память пришли жуткие сценки из старого фильма про звездные войны. Я оторопело разглядывала чудовище с головы до ног. Заметив под пузом шикарные красные шаровары, невольно хихикнула. Не думая о последствиях, я дважды хлопнула себя по щекам. И, прежде чем разум остановил это безумие, присев, выдала:

- Ку!

Марвия оторопело покосилась на меня и, вынув письмо из моей сумки, передала его тоже ошалевшему от такого приветствия великану. Тот пробежал глазами по строчкам, и глаза его потеплели. Мохнатая лапа опустилась на мое плечо:

- Я - Дик. Не бойся, я тебя в обиду не дам! - Кажется, он специально произнес последнюю фразу так, что она громом пронеслась по всему залу.

Я торопливо оглянулась на самоуверенных типов, которые следовали за нами. Те внезапно

стусеивались и постарались сделать вид, что встретили знакомых за близлежащим столиком. Соседи несказанно удивились, и шуму в корчме прибавилось.

- Друзья пройдохи кавайя - мои друзья! - доброжелательно загудел Дик. - Слушай, а ты можешь выступить уже сегодня вечером?

- Это будет здорово, Мел! - поддакнула ведьма. - Мне не терпится увидеть, что могут такие странные существа, как ты...

- Хорошо, - не стала ломаться я, подозревая, что завтра подруги уже в городе не будет.

- Лады! - грохнул Дик. - Тогда пойдем, покажу тебе твою комнату, и до вечера можешь гулять где хочешь... только не уходи дальше фонтана.

Номер был выше всяких похвал! Целых три комнаты и огромная ванная... То, что это ванная, я догадалась по стоящей посередине бочке высотой с человеческий рост. Воду в ней подогревала хитрая конструкция из голубоватого металла с горячими углями. Я сердечно поблагодарила Дика и он, напомним о предстоящем выступлении, вернулся в зал.

- Просто здорово! - заявила я.

Марвия была со мной согласна, на этот раз даже ее проняло.

- Знаешь, платные номера не такие шикарные, - ответила она. И тут же подмигнула: - Кто первый купаться будет?

Мы взвизгнули и наперегонки бросились к бочке, нетерпеливо срывая с себя одежду... Раздался всплеск и наш счастливый визг. Благо размеры бочки позволяли залезть в нее и вчетвером. Вымывшись, мы обнаружили в столовой блюдо с фруктами и, подкрепившись, решили немного погулять по городу. Заодно подкупить кое-чего в знахарскую сумку ведуньи.

Дик недовольно гудел за стойкой, не решаясь отпустить нас одних. Но, в конце концов, ведьма уговорила валла. Правда, нам пришлось таскать за собой другое чудовище - его младшего братца. Младший мохнатик оказался крайне молчалив... хотя, может, ему было просто унизительно прогуливать двух девиц по городу. Набродившись до ломоты в ногах, мы вернулись очень довольные. Я была полна необычных впечатлений, а сумка Марвии - трав, корней и засушенных частей мелких животных. Сдав нашу персональную охранную собачку Дику, мы разбрелись по комнатам. Кажется, я уснула прежде, чем рухнула на кровать.

Снилось, что я танцую в группе из шести девушек. Наши восточные костюмы сверкали и искрились в свете рампы. Концертный зал полон зрителей. И надо было выступить безупречно, поскольку именно сегодня выбирали лучшие коллективы, способные не уронить честь города перед высокими гостями. И, как назло, Ольга постоянно допускала ляпы, крутилась не в такт. Девушку мотало по всей сцене. Багровая Леля рассерженной гусыней шипела за кулисами. Я активно призывала подругу сосредоточиться, хотя танец был уже запорот. Вконец закрутившаяся Оля с грохотом рухнула в оркестровую яму. Но музыка продолжалась. Я огляделась, но на сцене никого кроме меня не было. Неужели, девчонки попросту сбежали? А как же Оля? Я бросилась к яме и увидела распластанное тело девушки. Закричав ее имя, я спрыгнула вниз, повернула подругу за плечи и вздрогнула: на меня смотрели круглые алые глаза без зрачков, дико выделяющиеся на нежно-фиолетовой, полупрозрачной коже. Узкие серые губы исказила болезненная гримаса...

- Да вставай же, наконец! Или хочешь проспять свое первое выступление?! - раздался крайне раздраженный голос Марвии.

Похоже, она будила меня очень долго и была уже на взводе.

- Не тряси меня! - простонала я. - Мне кажется, что я попала в миксер.

Тряска к моему облегчению прекратилась. Должно быть, Марвию озадачило незнакомое слово. Я открыла глаза и перед моим взором материализовалась дымящаяся чашка. Правда, к моим магическим способностям это не имело никакого отношения, просто подруга решила побаловать меня душистым чаем.

- Я надеюсь, в твои планы не входит моя скоропостижная гибель? - Я с подозрением покосилась на чашку.

Похоже, подруга обиделась; она грубо сунула горячую чашку, буркнула, что это добавит мне бодрости, и ретировалась из комнаты. Уж и поворчать немного нельзя! Я вдохнула чудесный аромат цветущих трав и, проорав «спасибо» в сторону распахнутой двери, выпила зелье.

Сладко потянувшись, поднялась. Ночной кошмар оставил на память о себе липкий пот,

покрывающий все тело. Я смочила полотенце холодной водой из кувшина и быстро обтерлась. И лишь потом громко спросила:

- А сколько у меня еще времени? - Ответом была тишина, и я добавила извиняющимся тоном: - Ну, хватит дуться, подруга! После таких жутких снов, который мне сегодня привиделся, вообще странно, что я веду себя адекватно...

- Я не дуюсь, а пытаюсь разглядеть твои наряды, - раздалось из соседней комнаты. - Выход твой через час. А тебе что, кошмар приснился?

- Еще какой, - буркнула я, содрогнувшись от воспоминания.

Вошла в соседнюю комнату и увидела Марвию за работой. От ярких сценических костюмов, развешанных на мебели и действительно находящихся в жутко смятом состоянии, летели разноцветные искорки. Да, часа тут мало! Даже если здесь найдется хороший уют с отпаривателем, я и то буду корпеть как минимум часа три.

Ведунья метнула на меня лукавый взгляд, торжественно щелкнула пальцами, и костюмы стали выглядеть так, будто я их только что забрала из химчистки. Я восхищенно выдохнула, а Марвия гордо улыбнулась.

- Ты так и будешь стоять истуканом или все-таки приведешь себя в порядок? - спросила она.

Я метнулась к сумке, а подруга направилась за мной и следующие минут сорок ведунья провела за любимым занятием девочек всех времен и народов: игрой в куклы. В роли куклы выступала, конечно же, я. Ощущая легкие прикосновения к лицу, я дивилась, насколько быстро Марвия разобралась, как пользоваться нашей косметикой.

И вот в костюме и с почти безупречным макияжем я аккуратно, старательно избегая попадаться кому-либо на глаза, спустилась вниз. Ведунья важно несла за мной плеер, словно это самое ценное сокровище мира. В комнатке перед сценой никого не было: похоже, я выступаю первой. Это несколько нервировало, всегда трудно идти первой. Подруга осторожно, стараясь не измять платье, обняла, пожелала удачи и ретировалась в зал. Дверь снова открылась, и я увидела Дика. Валл окинул меня восхищенным взглядом черных глаз и присвистнул:

- Да ты и вправду танцовщица!

- Ты сомневался, но хотел, чтобы я выступила? - засмеялась я.

- От этого пройдохи можно ждать чего угодно! Я подумал, что он направил ко мне скрывающуюся анахиню-отступницу, - усмехнулся он. Потом вид его стал серьезным: - Теперь все в твоих руках... или ногах. Удачи тебе! И не переживай. Независимо от результата, ты все равно под моей защитой.

Великан вышел, а я глубоко вздохнула, прогоняя нервную дрожь в негнущихся коленках. Перекрестившись, вышла в темный зал. Несколько шагов по скрипучей деревянной сцене в тени тяжелого пыльного занавеса показались вечностью. Я поставила плеер в конце зала и, присев, задала программу проигрыша мелодии через пять минут. Выпрямилась и глубоко вздохнула, сосредоточившись на своем внутреннем состоянии.

По не такому большому, но опыту могу сказать, что от душевного состояния танцовщицы напрямую зависит успех выступления. Даже если ты в танце ничего собой не представляешь, но во время выступления у тебя светятся глаза, и улыбка сияет искренней радостью, то публика примет тебя с большим восторгом, чем суперпрофессионала с лицом мумии.

Я приготовилась получить удовольствие от своего танца. С этим проблем у меня никогда не было: танцевать люблю и всегда любила. Это песня тела, порыв души. В танце я выражаю эмоции, которые невозможно описать словами. Передаю свои чувства, свое видение мира. А здесь, в совершенно чужой и даже чуждой мне обстановке, танец стал единственным, что связывало меня с далеким домом.

За занавесом я слышала равномерный гул. Что ж, люди... и нелюди веселятся. Все правильно, надо же как-то разнообразить свою жизнь. По ткани проплыла огромная тень, и громоподобный голос произнес:

- Тихо! - И настала неправдоподобная тишина, как будто кто-то выключил звук. Дик добавил немного тише: - Представление начинается!

Стоя на сцене, я отсчитывала мгновения, оставшиеся до начала мелодии. Занавес уже медленно отъезжал в сторону, и я оказалась в столбике переливающегося света.

Сердце заколотилось так, что, казалось, его слышат даже зрители. По залу, словно шуршащий

ветерок, прокатился вздох. Что же, я могу их понять. Сама, когда смотрю со стороны на танец наших девушек в группе, наслаждаюсь их сказочной красотой.

В свете магических лучей золотые босоножки нереально ярко сверкали перламутровыми блестками. Юбка, сидящая на моих бедрах, мягко переливалась фиолетовым атласом и таинственно мерцала воздушным туманом органзы, меняющей свет от сиреневого до красного. Углы верхней и нижней юбок расходятся, создавая образ воздушности, и богато украшены золотыми сверкающими пайетками и бисером. Фиолетовая блузка заканчивается под грудью, с длинными рукавами, которые вершат расклешенные манжеты, по стилю повторяющие юбку. Блузка расшита восточными узорами из золотого же бисера и пайеток, а по краю украшена длинной бахромой из сверкающего бисера. На бедрах закреплен золотой пояс, сплошь расшитый фиолетовыми, сиреневыми и красными камнями и тоже по краю украшен шикарной бахромой из золотого бисера. Все это великолепие сверкало и искрилось до рези в глазах в луче света.

Несколько мгновений пролетели для меня часом неподвижности на сцене. Глаза отказывались воспринимать публику как что-то овеществленное. Это плохо, надо танцевать для публики, иначе она почувствует обман и отнюдь не поблагодарит за него. Еще помидорами забросают. Хотя они по цвету и сочетаются с костюмом... Ну, в общем, не люблю я томаты. И мне уже все равно, свежие или тухлые. И тут в цветном расплывчатом пятне публики, которое упорно видели мои непослушные гляделки, я отчетливо увидела *глаза*. Не знаю, чем они меня зацепили. Конечно, явно нечеловеческие, цвета редкого красноватого янтаря, они словно светились, притягивали, гипнотизировали... Наконец началась музыка. Я облегченно вздохнула и, словно нырнув с пятиметровой вышки в холодную воду, начала свой танец. И танцевала для этих глаз. Выражая любовь ко всему живому, любовь к самой жизни, воплощала в танце восхищение прекрасным и необычным. Все это я видела в странных глазах. Тело повторяло заученные до автоматизма, отработанные до совершенства движения, а душа пела и искрилась, заполняя меня, словно яркий бокал веселящими пузырьками шампанского. Казалось, душа вышла за пределы тела и объемом уже превысила столб света, окружающий меня. Вокруг засверкали все краски жизни, засветилась радуга и тут же распалась на миллиарды светлячков. Словно кролик у фокусника, ниоткуда возникли и запорхали невиданной красоты птицы, а под ногами зацвели цветы, источающие аромат божественного нектара. Теперь каждое мое движение наполняла небывалая энергия, она уже охватила все тело. Даже померещилось, что руки светятся и стали полупрозрачными. Великое счастье жизни лилось из движений водопадом, я никогда не ощущала такого счастья! Последнее плавно перетекло в поклон, и музыка стихла. Я стояла, ошеломленная ощущениями, а вокруг оседали хлопья света, которые гасли в сантиметре от пола, и тихая полумгла поглощала пространство танца.

«Странная тут иллюминация, наверняка магическая» - подумала я.

Когда стало совсем темно, я подняла глаза. Меня неприятно поразила тишина, абсолютная тишина. Не то, чтобы я так уж привыкла к бурным овациям, но полностью проигнорировать выступление артиста было совсем уж по-свински. Пыхтишь тут, стараешься, выкладываешься по полной, а в ответ тишина, он вчера не вернулся из боя.

И тут я опять увидела глаза. Только теперь из тумана для моего взора постепенно прорисовалось лицо. И какое лицо! Темное, нечеловечески красивое, с синим отливом. Таким, какой бывает на дорогушем импортном бархате. Тонкие черты: четко выраженные скулы, волевой подбородок, длинный узкий нос... и ничуть не похож на страшные отростки серых существ. Потом, как на картине художника появились волосы... абсолютно черные! Иссиня-черные. Но это его не портило, даже придавало еще более неземное ощущение. Волосы струились по плечам и ниспадали до талии по черному плащу, усиливающему контраст. Он сидел абсолютно неподвижно, не сводя с меня своих поразительных глаз. Я почувствовала, как кожа пошла красными пятнами от волнения. Надеюсь, это не очень видно из зала! Казалось, чистая энергия струится через наши глаза: золотистая из его в мои, и нежно-сиреневая из моих в его. Как будто издалека до моих ушей донесся нарастающий гул. Ощущение, что на меня надвигается огромный улей пчел. Я вздрогнула, связь между нами прервалась, и зал стал виден абсолютно нормальным зрением. Ну, слава богу! А то я подумала, что ослепла от неземных переживаний, да плюс глюк в виде глаз невероятно красивого парня! А со мной все в порядке! У-р-р-а-а-а-а! Я не псих! Да еще улей превратился в овации. Не то слово – это были бешеные овации! Все кричали, свистели, зал стоял на ушах. Конечно это лучше тишины, но, по-моему, ребята (да и девчата тоже) слегка (хм!) перебарщивают. Я окончательно смутилась и стрелой бросилась со сцены.

Не успела перевести дыхание, как в комнату ворвалась Марвия. Она махала руками, пыталась и ногами, но потеряла равновесие и рухнула в кресло. Повращала глазами, несколько раз попыталась что-то сказать, но только разводила руками. Я встала напротив нее и скрестила руки на груди: «Ну, мол, чего еще покажешь». Пантомима мне понравилась, но все же было интересно, что именно она пытается сказать.

- Марвия! Кончай придуриваться, скажи по-человечески, чего тебе нужно!

Она несколько раз вздохнула и выдохнула. Я восприняла благосклонно ее титанические усилия привести себя в порядок и стала спокойно ожидать окончания этой немудреной дыхательной гимнастики.

Наконец подруга начала издавать звуки, похожие на человеческую речь. Хвала небу, она не стала тренироваться на первых выученных, типа «папа, мама», а неестественно спокойным после вышеозначенного буйства голосом произнесла:

- И ты меня еще грузила, что не ведьма! Да первое твое выступление выдало в тебе Мастера! Ты это нарочно или и это забыла!?!

- Чего? - я опешила.

Смысл сказанных слов ускользал от меня, как скользкий уж из рук.

- Я так и знал, что ты ведьма, девочка! - ворвался в комнату Дик, заполняя собой все свободное пространство. Вся его по-волчьи серая шерсть стояла дыбом. - Но *такой* силы я в тебе и не подозревал!

- Ребята, объясните пожалуйста девушке, слегка сдвинутой по фазе, о чем собственно говоря вы толкуете! - тихо начала я, но в конце сорвалась на фальцет.

Марвия моргнула. Тут же выставила сопротивляющегося Дика за дверь: я и не подозревала в хрупкой женщине такой силы, посадила меня в кресло, сунула в руки какое-то пойло, села напротив, и - заговорила.

По ее словам выходило, что я мало того, что маг, так еще и Мастер (даже не магистр и не архимаг). Только Мастер может превратить магию в искусство! Или искусство в магию. К тому же, видимо, чтоб не скучно было, я использую в танце *все* имеющиеся в этом мире стихии. И то, что я принимала за разыгравшееся воображение (со мной это бывает), совершалось на самом деле. И чувства, которые я испытывала в танце, вместе со мной испытывал не только зал, но и весь город! И это не иллюзия, не внушение, они на *самом* деле это чувствуют, и еще долго будут находиться в состоянии эйфории. Короче говоря, все жители и гости города следуют правилу «Возлюби ближнего своего!» и сейчас помирились даже кровные, самые непримиримые враги. Дар магии всех стихий очень редок и труден в постижении. У меня же это естественно, словно я родилась с этим умением. Но этого не может быть, так как противоречит закону природы. В истории Мастера Танца Стихий за минуту могли остановить войну миров, так же, собственно, и развязать ее. И только от силы мага зависит «радиус поражения».

- Я теперь понимаю, почему она скрывается! - ухмыльнулся вновь появившийся в дверях Дик.

- Извините, ребята, мне срочно нужно побыть одной! - нервно хихикая, промямлила я.

Они как по команде скорчили самые понимающие физиономии, а я вылетела за дверь. И бежала, ничего не видя вокруг, и лишь каким-то чудом оказалась все-таки в своей комнате. Захлопнув дверь, я со стоном повалилась на кровать и попробовала отловить хотя бы одну дельную мысль в голове. Но моя бедовая верхняя конечность отказывалась выдать хотя бы и не дельную мысль. Вообще никакую, да еще и отзывалась на каждое усилие только гулким звоном. Я прекратила это издевательство над своим еще ни в чем не повинным организмом, встала с кровати и петляющей походкой направилась в столовую, где еще утром заметила графин с чем-то темным. Последняя надежда оправдалась: это оказалось вино. Выпив залпом целый бокал, я почувствовала первую мысль - «Обалденное вино!». Я усмехнулась этой немудреной мысли и, налив еще, направилась к кровати. В одной руке я держала полную (ну, уже почти полную) полуторалитровую бутылку, в другой бокал с одной же божественной жидкостью. Войдя в комнату, я вдруг столкнулась с оранжевыми глазами, к которым прилагалось все вышеизложенное мною. Я хихикнула и, помахав бутылку у него перед носом, нежным голосом пропела:

- Здравствуй, глюк!

Глюк, похоже, опешил, потому как застыл соляным столбом и усиленно захлопал своими прекрасными гляделками. Я же, выпив вино из бокала, протянула ему бутылку:

- Хоч-чешь глот-оч-очек? - а крепкое пойло: уже язык заплетается.

Из-за спины глюка вынырнула Марвия и, пытаясь отнять у меня бутылку, которой я многозначительно вертела перед носом у глюка, щедро обдавая того ароматными брызгами, сообщила мне громким трагическим шепотом:

- Мел, очнись! Это не глюк, это Верховный маг Лив'утвао, Рож'иальяр Л'ладаргра. Он анах.

- Можно просто Роже, - произнес этот тип, слегка поклонившись и даже не пытаясь спрятать

насмешку в глазах. – Знаю, что произнести правильно мое имя не анахам не под силу, а проверять лучше не стоит.

Услышав его вибрирующий баритон, я окончательно впала в ступор, бутылка выскользнула из рук и разбилась вдребезги. Что окончательно погубило щегольской костюм мага.

Я моментально протрезвела и насторожилась:

– И что же великому и ужасному верховному магу... как там, Ливьютао, вдруг понадобилось в комнате кабацкой танцовщицы? Покорен моим талантом? – иронично спросила я.

Вот так всегда, стоит мне смутиться, как я начинаю хамить. Что-то вроде условного рефлекса. Невероятные глаза Роже, немного похожие на глаза Марвии, сузились и вновь сверкнули насмешкой. Он снова слегка поклонился и галантно ответил:

– Несомненно, покорен! И приглашаю Мастера на гастроли в, – маг отчетливо произнес: – Лив'утвао! Спешу заверить, что тебе, несомненно, будут оказаны все возможные почести моим народом.

– Звучит угрожающе! – тихо пробормотала я, но этот тип обладал, как оказалось, феноменальным слухом.

– Уверяю, я обеспечу всю возможную безопасность. Ты будешь жить во дворце нашего порфиноносца.

Услышав последнее слово, я хихикнула, но решила больше не проверять мага на терпимость. Хотя, надо бы уточнить один щекотливый вопрос:

– В каком качестве? Нового экспоната? Меня просветили насчет здешних обычаев...

Марвия толкнула в бок, и я благополучно подавилась концом фразы.

– Должен успокоить Мастера, что у анахов не принято заводить гарем, как у некоторых рас, – улыбнулся Роже. – Даже у порфиноносца нет такой привилегии.

– Иными словами, даже если гаремы и есть, такую как я туда тащить не будут – лицом не вышла, – саркастически усмехнулась я, мельком взглянув на донельзя мрачную Марвию, которая сверлила анаха убийственным взглядом. – Так зачем же я вам понадобилась, только не говорите, что без ума от танцев, не поверю. Я никуда не поеду без ясной цели моего путешествия.

– Я все расскажу по прибытии, – бесстрастно ответил анах.

Потрясающе: мне готовят сюрприз! Только внутренний голос ехидно шептал, что оний вряд ли меня обрадует. Так что в ответ я пожала плечами, демонстративно развернулась и, подхватив под руку подругу, ушла в спальню, громко захлопнув за собой дверь.

– Какие у тебя будут мысли насчет этой бредовой поездки, цель которой мне не хотят сообщать? – спросила я Марвию.

– Знаешь, Мел, с анахами всегда нужно держать ушки на макушке. Они самые лучшие стратеги и ничего не делают просто так. Любой их, даже самый незначительный, поступок – есть звено в цепи большой интриги. А уж если они чего-то недоговаривают, то это вдвойне подозрительно, – нахмурился брови, сурово произнесла подруга.

– Я с тобой согласна, поскольку чувствую, что эти, с позволения сказать, «гастроли» принесут мне море проблем, – мрачно протянула я.

– Но анахи никогда не отступают, – ведьма с опаской выглянула в окно. – Будет трудно уйти от него. Если только, может быть, Дик поможет?

– Позови его, Марвия, а я постараюсь отвлечь анаха болтовней... – попросила я женщину.

– Смотри только поосторожнее, как бы он тебя саму не отвлек! – ехидно улыбнулась подруга. – Ну что, действуем по плану?

Марвия решительно взялась за ручку и, открыв дверь, уставилась на мага. Тот стоял в том же положении и на том же месте, где мы его оставили.

– Прости, Роже, нам надо было посоветоваться, – я постаралась улыбнуться как можно более обворожительно, но, судя по невозмутимости физиономии анаха, все мои старания прошли даром. – Давай присядем и обсудим все, как цивилизованные люди.

- Я анах, - машинально поправил Роже, все же изящно опускаясь в кресло.

Я, садясь напротив, начала атаку мощным обстрелом глазками. Лицо мага застыло: похоже, он решил, что у меня нервный тик. Так, ладно, женские чары на него не действуют... а жаль. Тогда я попыталась состроить максимально умную физиономию. Не то что бы получилась, но Роже пришлось удовольствоваться тем, что есть.

- Расскажи мне о вашем государстве, - жеманно попросила я, больше не пытаюсь произнести странное название: и как только Марвии удастся это? Ах, да - она же наполовину анах. У этих голубеньких, наверное, какая-то особенная физиология. Я гаденько захихикала, но, очнувшись, вновь вперила в мага кокетливый взгляд, опершись подбородком на руку: - Должна же я хоть иметь представление, куда собираюсь направиться!

Пока я как могла отвлекала внимание нашего гостя, Марвия стремительной тенью проскользнула к входной двери и постаралась раствориться. На мой взгляд, у нее это получилось просто великолепно.

Внезапно Роже довольно улыбнулся, встал и определенным образом взмахнул рукой в сторону двери. Щелкнул замок. Я недоуменно посмотрела на дверь, потом на мага. Сердечко екнуло: вскочив, бросилась в соседнюю комнату: там, кажется, была какая-то маленькая дверца... Анах перехватил меня за талию на полпути, развернул к себе лицом и положил мне на плечи руки. Лицо его медленно приближалось, а я опять подумала: «Как же он красив!». Я слегка откинула голову назад, губы мои раскрылись, глаза заволкло туманом... Вокруг нас что-то сверкнуло, и маг так же медленно отстранился. Но рук с плеч не убрал. А я так и осталась стоять, глупо хлопая глазами с приоткрытым ртом, ожидая поцелуя.

Глава 3

Туман рассеялся, и я увидела совершенно другую обстановку... Кажется, меня банально похитили. Волна ярости нарастала во мне. Правда, если честно, то не столько из-за похищения, сколько из-за того, что выставила себя душой, неправильно истолковав его поведение. Так сказать, выдала желаемое за действительное.

Из моего горла вырвался крик гарпии на последней стадии бешенства, я обхватила правой рукой ладонь анаха, лежащую на моем левом плече, и, изогнув ее в определенную сторону, провела прием, следствием которого у обычных людей если не ломается, то выворачивается кисть. Да, не зря, видимо, я так сильно в детстве увлекалась айкидо; пять лет обучения данному виду, так сказать спорта, а для меня и стиля жизни, вбили приемчики буквально под корку в виде рефлексов. И когда я в бешенстве, это дает о себе знать, как нервный тик, помимо моей воли. Проще говоря, я сначала делаю, а потом, может, и подумую, когда немного остыну.

К чести Роже, надо сказать, он не вскрикнул. Находясь в весьма неудобном и болезненном положении, вместо того, чтобы дергаться, маг наоборот расслабился. По телу мужчины прошла судорога, и он каким-то образом умудрился легко вывернуться из практически безвыходного положения законченного приема. Я вновь пошла в атаку, теперь уже действуя не приемами, а стараясь нанести телесные повреждения силовыми методами. Но он был готов к атаке, и все мои выпады разбивались о глухую защиту. Вскоре ему надоело наше импровизированное танго, и он обхватил меня, повернув к себе спиной, зафиксировал мои руки так, что я не могла пошевелиться вообще. А каждая попытка освободиться причиняла мне острейшую боль, но, к счастью, кратковременную. И, вскрикнув в очередной раз в безуспешной попытке освободиться, я обмякла, решив замаскироваться под обморок.

- Ну что, воительница, больше глаза мне выцарапать не хочется? - съехидничал этот хам.

Я скрипнула зубами от злости и пожелала ему счастливой и долгой жизни в месте настолько отдаленном, что отсюда не видать. Как можно витиеватее, разумеется. Мой партнер по стихийной тренировке замолчал, похоже, опять впав в ступор от моей новой выходки. Интересно, анаха кто-нибудь удивлял столько раз на дню, сколько я? Или это мой личный, хоть и сомнительный рекорд в этом мире?

- Ладно, больше нападать не буду, - с трудом выговорила я, почувствовав в теле нарастающую слабость.

- Точно? - спокойно уточнил маг.

Иронизирует, гад. Наверняка знает о последствиях данного приема на испытуемом и тянет время, что бы я вообще пошевелиться не могла.

- Тебе поклясться или перекреститься, или что там у вас принято? - пробурчала я.

- Да ладно, так поверю, хотя наверняка об этом еще пожалею! - медленно ответил Роже.

Я в ответ только многообещающе хмыкнула, подтверждая его худшие опасения. Но благоразумно оставила сладкое на третье, предпочтя плавно осесть на пол, когда он меня наконец-то отпустил. И обратила внимание на обстановку...

Из моего горла раздался полувскрик-полувздок. Роже заметно дернулся, но, увидев, что послужило причиной таких звуковых эффектов, довольно ухмыльнулся. Да, приятель, а после общения со мной нервишки придется подлечить.

Но мне было не до него, поскольку в это время я во все глаза рассматривала потрясающее по своей необычной архитектуре помещение: шестнадцатигульная комната с высоченными потолками. Что шестнадцати - стало понятно, когда я пересчитала все восемь окон, перемежающихся с цельными плитами узорчатого камня фиолетового цвета. Из всего, что я видела в жизни, он более походил на чароит. Вот только еще и мерцал, словно тигровый глаз. Но даже не это повергло меня в такой восторг: в каждом высоченном окне я видела невероятной красоты заснеженные вершины. Небо на фоне заходящих кроваво-оранжевых солнышек приобрело серебристый оттенок. А снег на вершинах гор упоенно отражал краски заката, напоминая огромную гору пломбира с сочным сиропом, струящимся по желобкам разломов.

Не в силах больше любоваться этой разрывающей мое чувствительное сердечко красотой, я шагнула по пушистому мягкому ковру черного цвета, оставляя за собой глубокие темные следы в высоком ворсе, который с крайней неохотой принимал прежнюю форму. На каменных стенах были выбиты сцены сражений и мирной жизни изящных существ. То, что изображены не люди, становилось понятно с первого взгляда, как и то, что это творение рук отнюдь не человеческих. Мебель в комнате также выдержана в тонах в диапазоне от нежно-сиреневых до темно-фиолетовых.

В глубоком алькове в одной из стен комнаты между окнами стояла огромная кровать с балдахином и занавесками. Стол находился ровно посередине и был вырезан из цельного куска полупрозрачного фиолетового камня с золотистыми искрами по всей поверхности. А окружающие его мягкие пуфики в тон ковру только подчеркивали величественность этого произведения искусства. Вот и вся обстановка. Ни одной двери пока не видно. Несмотря на сгущающуюся за окнами вязкую темноту ночи, освещение в комнате оставалось ярким и равномерным. Казалось, что светится сам воздух.

- Нравится, - скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Роже. - Это теперь твоя комната. Вы с ней прекрасно гармонируете, - уже более ехидно добавил он.

Я опустила глаза и увидела, что я еще в сценическом костюме! И как умудрялась еще и драться в этом наряде. Со стороны, наверное, смотрелось потрясающе. Я хмыкнула, а потом меня как токомшибануло:

- А мои вещи! Мне даже не во что переодеться!

- Не волнуйся, скоро принесут все, что тебе нужно, - иронично произнес анах.

- А как эти «кто-то» узнают мои потребности? - возмущенно спросила я.

- Скоро к тебе придут, изложишь свои нестандартные потребности, - неопределенно ответил он, кажется, даже не пытаясь иронизировать.

На этом он просто пропал. Был... и нет! Я обвела пристальным взглядом всю комнату и убедилась, что двери все-таки на самом деле не видно. Похоже, я затворница, и меня будут навещать только таким эффектным образом. Однако если кто-то заявится без стука, уж не знаю, по какой поверхности они будут стучать, да хоть себе по тыковке! Но я в долгу не останусь! Пусть свои ножки да рожки потом сами собирают.

На этом мои размышления прервал стук в дверь, которая здесь все-таки была, просто искусно замаскирована в узкой нише за гобеленом с изображением снежных вершин.

Я открыла дверь и в комнату вошла красавица. Если к ней подходили другие эпитеты, то ее можно было назвать только еще совершеннейшей красавицей. Абсолютно белые волосы уложены в высокую сложную прическу: заплетенные от края роста волос косы с изящными украшениями перемежались с чисто выбритыми узкими полосками до самой макушки. Сочетание синей кожи и белых кос смотрелось органично, плюс сверкало и искрилось затейливо-ограниченными красными и синими камнями, да игриво мерцало нежным лоснящимся мехом, похожим на серебристую норку, кусочки которого искусно вплетены в прическу. Огромные оранжево-красные глаза на голубоватом лице занимали наибольшую площадь из когда-либо видимых мной соотношений. Такие глаза только в мультиках рисуют. Прибавьте тонкий кукольный носик и капризно изогнутые пухлые губки, подчеркнутые иссиня-черной помадой, а также сногшибательную фигурку. Если бы я была мужчиной, то сейчас тихонечко бы поскуливала у ног незнакомки, пусть даже она больше походит на инопланетянку из кинофильма. Я же, немного полюбовавшись творением неземной природы, спросила вполне твердым голосом:

- Кто ты, и что от меня нужно? - Немного грубовато, но кратко и по сути.

- Я Харле'ана, жена порфироносца Лив'утвао. Пришла спросить, не нуждаешься ли ты в чем-нибудь.

Я хихикнула:

- Уж никак не думала, что сама королева занимается подобными пустяками. Или у вас тут напряг со слугами?

- Да нет, скорее некоторый переизбыток, - Харле'ана вдруг неожиданно мягко усмехнулась, - просто мне было интересно на тебя взглянуть.

- Что на меня любоваться, не диковина чай. Или людей не видела? - буркнула я, чувствуя себя не в своей тарелке.

- Не злись, - примирительно ответила красавица. - Я хотела спросить, не желаешь ли прогуляться со мной. Я бы показала свою вотчину и изложила суть проблемы, из-за которой, собственно, тебя и пригласили сюда.

Пригласили, блин, я не стану молчать!

- Вообще-то я считаю, что меня похитили! - зло прошипела я, сжав кулаки.

Она опешила, как приятно наблюдать выражение растерянности на нечеловечески красивом лице!

Правда, Харле'ана быстро взяла себя в руки и улыбнулась:

- Ты, наверное, не так поняла... - начала было она.

- А что тут понимать, ваш маг ворвался ко мне в комнату и, воспользовавшись тем, что моя подруга вышла, телепортировал меня сюда против моего желания! - еще больше вспыхнула я.

- Теле... чего? - опешила Харле'ана, но опомнившись, заученно спокойно продолжила: - Возможно, он слегка поторопился и превысил свои полномочия, но только потому, что проблема на самом деле очень важна. Я бы сказала, нам жизненно необходима твоя помощь, - терпеливо добавила королева, печально качнув прекрасной головкой.

- Ладно, - сдалась я под ее мягким взглядом, - мне нужно платье, но без корсетов и прочих садистских конструкций, а также обувь, белье и горячая ванна. И через двадцать минут я в вашем распоряжении.

Она кивнула, ничем не выдав удивления по поводу незнакомых слов, и, степенно шагая, вышла, а я устало легла прямо на мягкий ковер, подозрительно покосившись на королевское ложе, скромно именуемое кроватью. Столько впечатлений за короткое время, даже странно, что более-менее спокойно все воспринимаю. Как во сне.

Оказалось, я действительно заснула, причем так, что меня не разбудили, когда перетаскивали на кровать. И даже не потрудились это сделать, когда раздевали. Так что первое, что я сделала при пробуждении - возмутилась! Когда открыла глаза, зажмурилась от солнышка. Отвернувшись в другую сторону, тут же зажмурилась от второго. Ах, вот в чем дело: допрыгав до окна босая и в длинной шикарной полупрозрачной сорочке, я увидела, что на улице давно день и веселые солнышки развлекаются, подсматривая за иноземкой в различные окна. Я потянула на себя стекло за обнаружившуюся тут же ручку и вдохнула полной грудью свежий воздух с легким привкусом озона. Ну да, все правильно, я же в горах. И попыталась рассмотреть что-либо на улице, шурясь от ярких солнечных зайчиков, играющих наперегонки, отражаясь лучиками от множества продолговатых окон, вырубленных прямо в скалах.

А посмотреть было на что. Внизу, под балкончиком, на который я выскочила, не задумываясь, обнаружилась самая настоящая пропасть, судя по всему, бездонная, хотя скорее всего мои гляделки просто не в силах рассмотреть пресловутое дно на столь отдаленном расстоянии. На сколько простирался взгляд кругом виднелись горы, да не просто горы, а заснеженные пики. В соседних горах даже очень далеко можно было разглядеть точно такие же окна, выходящие на небольшие балкончики. Некоторые пики украшены мостами, соединяющими вершины между собой. Таких изящных мостиков имелось в избытке. Смотрелось, как будто титаны многие века оплетали горы в замысловатое кружево. Судя по всему, вершина, в которой я сейчас находилась, самая высокая с этой стороны гряды. Из окна напротив кто-то выглянул, и, сыграв живую пантомиму «бурное удивление», быстро ретировался обратно. Я решила последовать примеру и тоже вошла в комнату: все-таки в ночной рубашке в горах несколько прохладно. А если честно, я мгновенно замерзла до костей.

И тут увидела, что гобелен, изображающий сцену из жизни драконов, откинут, а за ним находится узкий коридорчик с лесенкой, ведущей вниз. Да, похоже, в моих умственных способностях тут не сомневаются, прекрасно зная, что их нет, вот и тыкают носом, как котенка. Что ж, посмотрим, куда нас приглашают. Я пошлепала босыми ногами по прохладному камню и попала в небольшое помещение всего с парой узеньких окошек.

Это оказалась ванная, выполненная в совершенном голубом цвете. Присмотревшись, я увидела, что стены выложены мелкой плиткой из круглых камешков, немного похожих на бирюзу. Да, керамика здесь не в почете. Анахи с большим рвением используют в интерьере полудрагоценные камни: признак ли это богатства, или просто булыжники девать некуда - оставалось только догадываться. Ванна была тоже, естественно, каменная, выточенная из цельного куска бледно-зеленого цвета, слегка полупрозрачного, в виде цветка кувшинки. Большой такой кувшинки, в которую я могла влезть целиком, что с удовольствием тут же и сделала, поскольку ванна была наполнена горячей ароматной водой. От нее пахло озоном, словно воду только что растаяли из большого куска льда с вершины... хотя, возможно, так оно и было. Немного понежившись, я быстро вымылась и облачилась в чистую одежду, которая лежала аккуратной стопкой на небольшом столике. Посмотревшись в зеркало, осталась довольна: нежно-розовое платье облегло талию и мягкими складками струилось до пола, фигурное декольте выгодно подчеркивало грудь и оставляло руки свободными. Мягкие кожаные туфли на пятисантиметровом каблучке были удобнее тапочек. Я расчесала свои длинные пепельно-русые волосы и повернулась на стук в дверь.

Я разрешила стучащим войти и положила резную костяную расческу. Выпрямившись и откинув с лица водопад шелковых волос, повернулась к вошедшим. То есть, к вошедшему. На пороге стоял высокий зеленоглазый мужчина с фиолетовым оттенком полупрозрачной кожи, который буравил меня странным взглядом, под которым становилось неудобно. Посередине абсолютно лысой головы

забавно топорщился невысокий ершик серебристых волос, напоминая родных панков. С той лишь разницей, что у цвака (а это оказался именно он) ершик переходил в широкую косу. И оставалось только догадываться: то ли волосы цваков были настолько толстыми, то ли это типа парика, для красоты.

- Слушаю, - несколько напряженно сказала я, пытаюсь вовлечь высокого блондина в разговор.

Но цвак упорно изображал статую, не отрывая от меня критичного взгляда. Воздух вокруг постепенно наполнился электрическими вспышками, а я, к своему изумлению, оказалась в центре сияния...

- Ривизель! - Окрик прозвучал как-то предупредительно и угрожающе одновременно, и голос этот был до боли знаком.

И правильно, за незнакомцем обнаружился Роже в вечном черном плаще: он что, даже спит в нем? Цвак вздохнул и, как бы с силой оторвав от меня взгляд, почти дружески улыбнулся Роже. Сияние постепенно пропало.

- Прости, друг, не удержался, - виновато протянул он.

Правда, на лице если и было написано сожаление, то только тем, что Роже пришел весьма не вовремя.

- Перемещайся в зал совещаний, - хмуро буркнул анах, не питая иллюзий по поводу цвака.

Тот пожал плечами и исчез. Роже подошел, медленно оглядел с головы до ног, чему-то довольно кивнул и, положив ладони мне на плечи, мягко привлек к себе. Я уже не обольщалась и, вздохнув, приготовилась к перемещению. Вспышка, и мы стоим посреди цветущей поляны, края которой терялись в склизком тумане.

- И куда ты меня на сей раз притащил? - с вызовом спросила я, кидая выразительный взгляд на его руки, все еще лежащие на моих плечах.

Маг быстро их отдернул, будто обжегся, завел за спину и ответил:

- Мы в зале совещаний. Только пока немного в стороне, но нас скоро позовут.

- В зале? - я задумчиво окинула поляну. - Это иллюзия?

- Нет. Эта поляна находится в кратере бывшего вулкана. Используется как зал совещаний и для встреч на высшем уровне, так как из-за природных магических особенностей именно этого вулкана разговор, проведенный здесь, невозможно подслушать ни обычным, ни магическим путем.

Он резко замолчал и направился в сторону тумана быстрым шагом. Шагов через десять обернулся и, увидев, что я все еще стою на месте, ехидно поклонился и сделал приглашающий жест:

- Не желаешь присоединиться к беседе?

Шагов через тридцать туман нехотя расступился, и я увидела широкую площадку, выложенную каменной мозаикой, на которой стоял круглый стол в форме бублика. В центре восседал невероятно тощий мужчина с темно-синей кожей и колючими глазами на жестоком лице. Вокруг стола сидели представители цваков и анахов. Среди присутствующих я заметила недавнего цвака и королеву, которая единственная мне улыбнулась. Остальные смотрели на меня настороженно и оценивающе одновременно. Роже галантно помог сесть за стол и, неожиданно ободряюще улыбнувшись, опустился рядом. Тишина продолжалась, теперь она начала отзываться звоном в ушах. В голове было пусто и что-то тихо гудело, словно первый шмель ранним утром решил полакомиться нектаром. Я догадалась, что меня сканируют. Звон закончился внезапно, а старый анах в центре усмехнулся.

- Можем ли мы рассчитывать на твою помощь, колдунья? - громом прозвучали его слова.

Я слегка оторопела.

- Ч-чем... помочь? - Надо срочно что-то делать с голосом, а то мой писк вызывает недоуменные взгляды. Я прочистила горло и продолжила уже твердым голосом. - Объясните, пожалуйста, чем я могу помочь вам.

«Таким всемогущим, всемогущим и всезнающим магам из иного мира?!»

Похоже, мысль мою услышали все, так как некоторые лица пораженно вытянулись, а у других в глазах без зрачков заиграли смешинки.

- Ты, Мастер Танца Стихий! – словно обвинил меня старик. – Можешь ли ты помочь нам остановить войну? – Интересно, этот невозмутимый анах – так называемый порфиросец?

И где же его порфира?

- Каким образом? Встать на амбразуру? – саркастично усмехнулась я. – Я ровным счетом ничего не понимаю в войнах, да и вообще насилие не приемлю.

- Рож'иальяр Л'ладаргра! Зачем ты привез девчонку, которая не умеет пользоваться своей силой? Зачем ты внушил нам ложную надежду?! – порфиросец жестко смотрел в глаза Роже.

Тот не отвел взгляда:

- Я уверен, что она нам поможет, – без колебания ответил он.

- Объясни, что стало причиной для подобной уверенности! – старый анах сжал кулаки.

- За несколько унов она без особых энергетических затрат остановила злобу и ненависть в сердцах жителей Валрада и его окрестностях, – просто ответил маг, словно не замечая гнева порфиросца.

- Знаю! Весть об этом пролетела сразу же среди всех разумных рас. Но я теперь понимаю: это вышло стихийно, она не управляет своей силой! – анах обвиняюще указал на меня пальцем.

Я поцокала языком: не обучали их хорошим манерам поведения! Цвак сузил глаза и нахмурил свои седые брови: читает мысли, редиска.

- Я научу ее. Завтра назначим испытание, – все так же бесстрастно отвечал порфиросцу Роже.

- Хорошо, – прозвучало, словно мне вынесли приговор.

По тону я поняла, что на сегодня разговор на тему моей персоны окончен, и облегченно вздохнула. Роже встал и потянул меня за руку. Я безропотно прошла десяток шагов, потом вдруг очнулась и набросилась на него с вопросами:

- Так с кем война-то?

- С цваками, – спокойно ответил Роже.

- Это с теми фиолетовыми панками, представители коих сидели с нами за одним столом?! – хихикнула я. – Вы делитесь с ними планами очередной военной вылазки в тыл врага, чтобы они подготовились, и вам не было скучно на месте? Правильно, а то непорядок: нападаешь на врага, а эти противные сидят дома и чаек попивают...

Маг взглянул на меня так, что смех застрял в горле:

- Скоро ты все поймешь, – тихо сказал он.

- Куда направляешься, Роже? – Ривиэль возник рядом так внезапно, что я подпрыгнула на месте, с трудом сдержав крик.

Цвак холодно усмехнулся тонкими губами.

- Ты вовремя, Ривиэль, я хочу отвести вас к ним...

Цвак понимающе кивнул. Вид у него стал донельзя угрюмый. Роже положил нам на плечи руки и медленно приблизился. Опять двадцать пять: вспышка и новые декорации. Очень мрачные, смею заметить. Полутемное освещение комнаты все-таки позволило разглядеть прутья клетки. Роже сделал пасс рукой, и комната наполнилась светом. Я вздрогнула.

В клетке находились цваки, бывшие когда-то фиолетовыми. Сейчас язык бы не повернулся их так назвать: кожа существ приобрела кровавый оттенок, словно они искупались в крови, и та запеклась, обозначив иссушенные края разводов и наплывов багровой жидкости. Вдобавок, оборванные, грязные, с кругами под глазами и оскалами, сделавшими бы честь любому вурдалаку. В зеленых, как у стрекоз, глазах читалась жажда убийства, а когда они увидели Роже, розовая пена обильно пошла у них изо рта. Они все полезли в его сторону, цепкие руки протягивались сквозь прутья, пытаясь дотянуться... Они давили друг друга в этом стремлении. Я поежилась:

- Что с ними?

- Проклятье. Кто-то вложил в них одно стремление – уничтожить всех анахов, – грустно ответил он: в глазах мага явно читалась жалость к пораженным магией существам.

- Роже, я все же хочу найти его! - с неожиданной болью в голосе произнес Ривиэль.

- Не стоит, друг, ты ему ничем не поможешь, - отрицательно покачал головой анах.

- Кого вы хотите найти? - тихо спросила я, не надеясь, впрочем, на ответ.

- Моего брата, - нехотя ответил Ривиэль. И резко повернулся ко мне, так что я отшатнулась, столько скорби было в его глазах. - Теперь ты понимаешь, как нам необходима помощь! Всем! Проклятье распространяется очень быстро, словно болезнь, но только неизвестным способом. Скоро оно поглотит всех цваков и начнется война, в которой не будет победителей.

Он метнулся к прутьям, а Роже с испуганным криком попытался его оттащить. Безумные цваки каким-то образом умудрились схватить обоих в свои цепкие объятия. Они попытались разорвать тела друзей в клочья прямо руками: брызнула кровь, какие-то мгновения... Не знаю, что произошло. Я вдруг закричала и, сделав па с разворотом, мягко послала руки волной. Эльфов за прутьями словно смело небольшим смерчем, и они затихли кучей неподвижных тел в дальнем углу клетки. Сглотнув, я попыталась осмыслить собственную выходку.

Ребята хрипели и сплевывали кровь, вполне красную, как и в моем мире, одновременно шаря по телам, пытаясь оценить ущерб своему здоровью. Я, отменяя все размышления, бросилась к Роже со слезами на глазах.

- Помоги Ривиэлю, - прохрипел он, отшатнувшись, - я более-менее в порядке.

С сомнением посмотрев на него, я все же неохотно подошла к высокомерному цваку и неосознанно сделала пасс рукой, похожий на движение со свечой: та не должна упасть или потухнуть в этом движении, так что кисть надо было выворачивать очень аккуратно и быстро. Цвак стал дышать равномернее, лужа крови под ним более не расплзлась. Помутневшим взглядом он посмотрел на меня исподлобья:

- Спасибо, чужачка, - и рухнул в обморок.

- Он потерял много крови, но ты спасла ему жизнь, - хрипло сказал анах.

Я непонимающе смотрела на свои руки и повторяла недавнее движение, но ничего больше не происходило. Нервно хихикнув, подумала, что или сошла с ума, или кто-то управляет моим телом. Роже похромал ко мне и бесчувственному цваку. Приблизившись, он с облегчением вздохнул и обнял нас за плечи. Вспышка.

Глава 4

Мы оказались в прежней комнате, куда меня определили на постой гостеприимные анахи. Роже оттащил цвака, все еще находящегося в отключке, на широкую кровать и, ни слова не говоря, прошел в ванную. Послышался всплеск и звуки воды, льющейся на пол. Вот нахал, он еще и в ванну залез, прощай, вечерний расслабон! Я махнула рукой, прибавив пару словечек позаковыристее для успокоения себя любимой, и осторожно подошла к кровати. Цвак лежал бледно-фиолетовый и, казалось, что безжизненный. Под полупрозрачной кожей я без труда могла разглядеть все кровеносные сосуды. Поняв, что такой загадочный оттенок коже придавали именно сосуды, а сама кожа просто прозрачна, я осторожно прикоснулась к запястью цвака: пульса не было. Сердце тяжело бухнулось в ребра. Я быстро наклонилась к нему, стараясь уловить дыхание, когда сзади раздался насмешливый голос:

- Наш красавчик сейчас не в состоянии выразить благодарность за внимание и ласку! - Я отпрянула от цвака и залилась краской.

От гнева, разумеется! Чего это он подумал! От возмущения не смогла сказать ни слова, да и не собираюсь я перед ним оправдываться, какого...

- Да, ладно, не красней, - понимающе усмехнулся анах, вытирая обнаженный торс полотенцем: я сглотнула, любясь перекатами упругих мышц под атласной кожей цвета индиго, - помоги мне лучше привести Ривиэля в более-менее нормальное состояние, чтобы его дружки не закатили нам межрасовый скандал. На фоне происходящего любая мелочь может развеять шаткую иллюзию мира.

- Он, кажется, не дышит, - прохрипела я, с трудом справляясь с непонятными мне самой чувствами, - как бы не пришлось могилу копать.

- Это было бы крайне неприятно: копать в горах могилу дело небыстрое, уйдет пара сот со сменой лопат, - иронично ответил анах, оборачивая мягкой тканью роскошную гриву черных волос.

Затем, небрежно забросив использованное полотенце в угол, маг приблизился. Я неосознанно шагнула навстречу, но потом опомнилась и с преувеличенной заботой посмотрела на цвака.

- К тому же, иногда и этот прохвост пользу обществу приносит. Да и отец Ривиэля меня по головке не погладит, за то, что не уберег его драгоценное, но глупое чадо, - неожиданно подмигнув, добавил анах. - Выхода нет, надо спасать.

- Я серьезно, посмотри, он... - проблеяла я, стараясь спрятать от мага глаза.

- Да успокойся, - уже без иронии, даже несколько раздраженно сказал Роже. - Жив он. - И добавил ехидно: - Мертвые цваки так активно не шевелят ушами, прислушиваясь к разговору. Ривиэль, что ты хочешь услышать о своей персоне? Любят ли тебя девушки? Или будет ли старый больной анах рыдать над твоей могилой?

- Дождешься от тебя! - Раздался слабый голос Ривиэля. - Скорее, действительно девушки разлюбят. - Цвак так многозначительно посмотрел на меня, что я фыркнула и, резко развернувшись, ушла в ванную комнату.

Там я, беспрестанно ворча про наглых фиолетовых чудиков и тупых от природы голубков, наполнила тазик теплой водой и захватила пару полотенец в комнату. Роже уже успел раздеть цвака. Судя по тому, что на нем осталось, многое из одежды пришло в негодность. Точнее все. Я не ожидала такого откровенного зрелища, поэтому опять покраснела, но, собрав остатки сил, постаралась не уронить таз с водой. Не доставлю я им такого удовольствия. Они и так оба на меня глядели во все глаза, ожидая определенной реакции. Я же сделала вид, что лицезрение обнаженных прекрасных мужских тел входит в мой ежедневный распорядок дня, со скучающим видом поставила таз, подала мокрое полотенце Роже и обмакнула в воду свое. Отжав тряпку, я повернулась в сторону этих наглых типов и сказала:

- Ну?! Чего уставились? Ривиэль, тебе по сценарию положено изображать смертельно раненого! Роже, тебе надо осторожно обмыть раны друга, дабы проводить его в последний путь чистым и ухоженным! - И с размаху всучила ему в свободную руку мокрое полотенце.

- Мел, а что по сценарию будешь делать ты? - похоже, Роже опешил от моей наглости.

- Тушить пожар, который вы устроили в моей комнате! - проворчала я, довольная эффектом.

И обвинительно указала рукой в сторону чудо-стола, на котором догорало нечто окровавленное, подозрительно похожее на испорченную одежду этих двоих. Черный едкий дым подкрадывался к нам шкодливым котом, чтобы пощекотать нос невероятно противным запахом горелой ткани.

Чихнув, я позеленела и бросилась к ближайшему окну. Распахнув его, с наслаждением вдохнула морозный воздух и оставила окно распахнутым, позволяя сквозняку хозяйствовать в комнате.

- И, кстати, как вы пойдете отсюда, голышом? - отдышавшись, я, кажется, начинала злиться.

- Мел, не ерепенься, голый у нас только Ривиэль, а я... - начал было Роже.

- А ты в одних дырявых подштанниках! Что хотите делайте, я больше в этих играх не участвую! Ты и сам справишься, ты же у нас вроде как великий маг, - буркнула я, исподлобья бросив взгляд на анаха, стараясь при этом не слишком любоваться его превосходным сильным телом.

- Я верховный маг, - поправил Роже, между делом успевший обтереть друга. - Но я еще и взял на себя тяжелую ношу учителя. Так что, не отлынивай от своих обязанностей! Урок первый - вылечи цвака.

Мы с Ривиэлем уставились на Роже, причем оба с ужасом!

- Но, но... - что-то проблеял сильно побледневший мужчина: кровеносные сосуды стали видны еще отчетливее, превращая цвака в анатомическое пособие.

Тем более, судя по тому, что я увидела, устройство цваков не слишком-то отличалось от человеческого. Но попытка больного воззвать к сочувствию анаха не удалась, Роже уже тащил меня к кровати, так что Ривиэль успел только прикрыться мокрым полотенцем. Видимо, пытаюсь оградить от моих действий самое дорогое.

- Но, что я... Я же не умею! - отчаянно сопротивлялась я.

Роже же спокойно поставил меня перед оцепеневшим от безысходности цваком и лекторским тоном произнес:

- Ну ты же как-то спасла ему жизнь, причем бесконтактным способом. Значит, колдовала, логично? Вспомни свои действия и ощущения в тот момент и попробуй их повторить. Для начала...

- Вы знаете, мне вдруг стало намного лучше, - уверенно сказал цвак, пристально наблюдавший за моей растерянной физиономией. - Пожалуй, я даже сам до своей комнаты дойду. Правда-правда!

В стрекозьих зеленых глазах цвака читалось, что он готов в настоящем виде дойти и до самого своего дома, лишь бы отказаться от услуг такого «доктора», как я. Да уж, жить захочешь, еще и не так раскорячишься!

- Ладно! - неожиданно для самой себя решила я, - в конце концов, это же твой друг.

Круглые от ужаса глаза цвака забегали в поисках спасения. Я резко выдохнула, зажмурилась и попыталась повторить свой пасс, сосредоточившись на создании нужного настроения. И тут четко поняла, что данный пасс вызывал стихию жизни и стихию смерти. Подумала, что этого недостаточно, и продолжила уже обеими руками. Веерообразные движения пальцами мягко переплетали стихии. Словно некто мудрый шептал мне на ушко простые истины незнакомого мира. Я вдруг осознала, что стихия смерти затягивает раны, а стихия жизни исцеляет их. То, что нужно.

Я приоткрыла один глаз: цвак все еще дышал! И как дышал! Только у него были подозрительно большие глаза: теперь они занимали почти половину донельзя удивленной физиономии. Я перевела взгляд на рваные раны на его теле... точнее, на то место, где они были. Там остались красные рубцы, будто раны зашил искусный врач, причем неделю назад. Перевела внезапно затуманившийся взгляд на Роже. Тот выглядел подозрительно довольным. Туман в моих глазах густел...

Когда я открыла глаза, оказалось, что мы с Ривиэлем поменялись местами. Теперь они с Роже нависали надо мной.

- Ну что? На ком следующем будем проводить полевые испытания? - слабым голосом спросила я.

Друзья заулыбались и помогли мне подняться. Я заметила, что мужчины уже оделись.

- У меня постшочковые глюки или вы успели ограбить проходящих мимо придворных? - пораженно уточнила я.

- Ни то, ни другое, Мел. Я просто перенес сюда содержимое своего шкафа.

Роже показал на кучу одежды, валяющейся на полу.

- Не надейся! Жить с тобой я не буду! Уноси отсюда свои манатки! - закричала я, срываясь на визг от едва сдерживаемого смеха.

Анах застыл столбом и захолопал длинными, как у барышни, ресницами. А мы с цваком переглянулись и залились слегка истеричным смехом. Роже понял, что это шутка, и терпеливо ждал, пока мы успокоимся. Но почему-то его невозмутимая физиономия только подливала огонь в наше веселье. Мы с цваком уже стекли на пол и тихо хрюкали в обнимку.

- Один-один, - все еще хихикая, произнес Ривизель и помог мне подняться.

Я утерла слезы и посмотрела на него, скорчив максимально зверскую физиономию:

- Осталось отомстить тебе.

- Какая ты грозная да мстительная! С ума можно сойти от восхищения! А с чего ты так завелась? Что плохого мог сделать тебе скромный и обаятельный цвак, коим я являюсь?

Я только вздохнула и скорчила скептическую морщину. А за спиной раздался скучающий голос Роже:

- Если вы закончили паясничать, то я хочу продолжить обучение. Урок второй - ты должна повторить свой танец для тех несчастных. Надеюсь, я не ошибся в противоядии.

- А вот это не получится при всем моем желании! - преувеличенно довольным голосом сказала я, да еще и язык голубку показала для пущей важности.

- Что тебя заставляет так думать? - удивился Роже.

- А то, что скоммуниздив мою драгоценную персону, ты не позаботился о моих вещах! Или то, что мой плеер остался там, ничего тебе не говорит? - уперев руки в бока, я наседала на удивленного мага.

- Нет, не говорит, - подумав, сказал он. А потом осторожно спросил: - А что это - плепер?

- Плеер! Он проигрывает мелодию! А без музыки я не смогу станцевать так же! - торжественно продекларировала я.

Анах немного расслабился и натянуто улыбнулся:

- Музыка не при чем. Тебе должно хватить мелодии твоего сердца, твоей души. Вспомни, что ты тогда чувствовала, о чем думала. Продолжительность и сила этих эмоций может сыграть большую роль, чем идентичность движений.

Я посмотрела на него и вспомнила... Все заволочло дымкой, я видела только его невероятные глаза, как тогда...

- Отлично, Мел, похоже, это то, что нужно. Не теряй ощущения, поддерживай это состояние. А теперь вслушайся в свое тело, оно подскажет нужные движения, - тихо, словно боясь спугнуть нежную бабочку, прошептал Роже.

Откуда-то словно изнутри меня раздалась божественная музыка, полился свет. Я опять танцевала для этих волшебных глаз цвета редкого янтаря. И снова пели птицы, цвели цветы, радуга переплеталась с шелком моих волос... «Мел, Мел». Прошла бесконечно долгая секунда, и я смутно различила две фигуры, потом знакомую обстановку. Ощущение мира возвращалось ко мне очень медленно. Мужчины что-то говорили, активно жестикулировали, комната заполнялась народом, что-то происходило. Но меня это не касалось, мне было покойно и хорошо где-то там... Там, где была любовь.

«Мел! Возвращайся!», - Зачем, думала я, зачем куда-то возвращаться...

И тут меня резко дернуло в завихрение эмоций, причем моих эмоций, таких сильных, красочных! Я моргнула и с шумом втянула воздух. Носом, так как мой рот был несколько занят. Роже целовал меня, как показалось, максимально старательно и с некоторой претензией на страстность. Я отчаянно забилась в его объятиях. Анах вздрогнул и отпустил. Кажется, он несколько увлекся, поэтому упустил момент моего возвращения. Нет, конечно, я бы и не подумала сопротивляться, если бы он целовал меня по-настоящему. Но я почему-то была уверена, что он просто применил максимально простой и эффективный способ вернуть загулявшую в грезах из астрала. Удивляюсь, что он не переложил эту тяжелую обязанность на цвака. Грустно улыбнувшись своим мыслям, я, наконец, обратила внимание, что мы в комнате совсем одни.

Немного подумав, я залепила магу пощечину: пусть или целует по-настоящему, или не лезет вообще! Анах бесстрастно принял удар как должное, даже не пытаясь уклониться.

- А где все? Кажется, тут была куча народу, - растерянно спросила я, не ожидая такой реакции.

Точнее, я ожидала хоть какой-то реакции.

- А, ты все-таки помнишь, - Роже утомленно опустил на мягкий пуфик.

Я села прямо там, где стояла, то есть на ковер, не в силах дойти до другого. А опуститься на колени к мужчине, как бы ни хотелось, после случившегося не смогла.

- Ты их вернула! - просто ответил верховный маг. - Всех! То есть, не только этих эльфов, что ты видела, а всех, кто был на расстоянии десятка калонов вокруг. Из засад выскочили многочисленные шпионы и покаялись в своих грехах ближайшим анахам. Все в восторге! Обучение закончено, ты прошла проверку.

Я устало кивнула, сладко потянулась на ковре и провалилась в глубокий сон.

Проснулась я, когда оба солнца уже стояли высоко: прямо над вершиной той горы, в которой находилась моя комната. Это стало понятно потому, что ни в одном окне на ярком белесом небе не было видно ни одного оранжевого светила. Еще доброе, но уже давно не утро. Находилась я в кровати и, конечно же, опять в ночнушке. Ух, попадись мне тот, кто меня практически бесчувственную переодевает, глаза повыцарапаю. Я подняла голову и огляделась. В комнате никого не было. От вчерашнего разгрома не осталось и следа. Уж не приснилась ли мне вся эта история с эльфами? В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату ввалилась небольшая толпа. При ближайшем рассмотрении оказалось, что толпа состояла из двух уже до колик знакомых проходимцев и еще парочки фиолетовых цваков сверх программы. Видимо, дабы отличаться от Ривизэля, один из панков носил оранжевый ирокез, второй - ядовито-зеленый. Развеселая компания сгрудилась у моей кровати. Я натянула одеяло до подбородка, так как ночнушка отличалась уж излишней прозрачностью, больше подчеркивая, чем что-то скрывая. Ривизэль, от которого не укрылось это движение, легко присел ко мне на кровать и подмигнул:

- Я думаю, нам уже незачем что-то друг от друга скрывать!

Компания обалдела и притихла. На лице Роже отразилось недоумение, типа, когда же вы успели. Я решила раз и навсегда разобраться с наглым цваком:

- Это только тебе нечего от меня скрывать, бесстыдник! Но, тем не менее, я попрошу тебя впредь сдерживать свою гиперсексуальность в большем количестве слоев одежды и не пытаться соблазнить меня своей неземной красотой, потому как в следующий раз, если тебя угораздит попасть в беду, голому тебе я помогать ни за что не буду!

Но этот нахал продолжал нежно улыбаться и смотреть на меня своими масляными глазами цвета первой листвы... в моем мире, так как здесь растительность отличалась более агрессивными оттенками. Вот уж точно, как с гуся вода. Я с мольбой посмотрела на мага. Тот, все-таки смилостивившись, перестал хихикать над сценкой «неприступная девица» и потащил всех из комнаты. Хлопнула дверь. Я облегченно вздохнула и торопливо выскочила из-под одеяла. И натолкнулась на взгляд Роже, весьма красноречивый. Мои ноги словно приросли к полу. Через минуту он перевел взгляд на мое лицо и совершенно серьезно сказал:

- Да, Ривизэль много потерял. Если бы он остался, то уж точно вам обоим не было бы чего еще друг от друга скрывать.

Я вспыхнула до корней волос и, бросив в наглеца подушкой, метнулась в сторону ванной.

Через десять минут, одетая и причесанная, но все еще донельзя смущенная, я резво взбежала по крутым ступенькам и вошла в комнату, в которой уже давно гудели голоса. При моем появлении воцарилось молчание. Ривизэль тут же вскочил и, взяв под руку, усадил подле себя. Я мельком взглянула на Роже. Лицо его ничего не выражало, взгляд был отрешен. Казалось, он и не заметил, что я пришла.

Впрочем, лица у всех выглядели донельзя серьезными: это были уже не те балагуры, что ввалились ко мне полчаса назад.

- Что-то случилось? - спросила я, мой голос внезапно стал хриплым.

- Война случилась, - тихо произнес Роже и, посмотрев мне в глаза, добавил: - Проклятье сработало окончательно, охватив сразу всех цваков. Кроме тех, кто находился в радиусе десятка калонов отсюда, а также в Валраде. Этим ты спасла.

Два новоприбывших цвака оказались из числа недавно исцеленных. Это брат Ривизэля и его друг. Друзья торжественно объявили, что нас отправили на задание под кодовым названием «осчастливь цвака» впятером. Я - как рабочая лошадка, Роже - магическая поддержка, цваки в качестве живых щитов. Причем добровольных: мой поклонник клятвенно обещал ограждать меня своим горячим телом днем и ночью. Я уже устала отбиваться от ухаживаний Ривизэля и в ответ только нервно огрызнулась.

Брат Ривиеля прочитал мне лекцию на тему, как он рад, что в их семье появился такой замечательный чужак как я. И хотя цваки обычно против таких союзов, для Мастера они с удовольствием сделают исключение. На мои слабые возражения, что, дескать, я и не собиралась пополнять их семью своей особой, никто не обратил ни малейшего внимания. Я уже вообще не понимала, что происходит. Роже, кажется, поддерживал эльфа в его стремлении вскоре обзавестись парой-тройкой маленьких полукровок. Я же была просто в бешенстве от реакции анаха. Неужели установившаяся между нами в первую же встречу такая волшебная потусторонняя связь была плодом моего неумного воображения?

Начались бестолковые сборы: порфиросец толкнул речь минут на сорок о мире во всем мире, но порфирой своей, как бы она ни выглядела, к моему сожалению, при этом не потрясал. Ривиель постоянно крутился рядом, и я уже даже не огрызалась. Поскольку было все равно. Внутри как будто что-то стореало, стало пусто и тоскливо. Но подобное состояние окружающие списали на формажорные обстоятельства, тем более что эти самые обстоятельства, собственно говоря, никому настроение не повышали.

Мужчины взялись за руки и встали вокруг меня. Слаженно запели, как будто полжизни работали в церковном хоре. Мозг отказывался принимать информацию: хоть я и понимала отдельные слова, смысл песни ускользал; должно быть, это было заклинание перемещения групп, судя по эффекту. Свет рождался внутри их тел и с каждым словом становился ярче, накрыв в конце и меня облаком. Когда краски потускнели, мы оказались в каменном мешке с низким нависающим потолком. Было сыро, в нос ударил запах пожухлой травы и еле заметный кислый запах гниения. Из небольшой пещерки с влажными камнями стен открывался вид на огромное поле, поросшее низкой багровой травой. Цваки тут же выскользнули наружу. Ривиель объяснил, отвечая на мой немой вопрос, что они будут охранять подступы к нашему небольшому партизанскому отряду. Лагерь цваков, подвергшихся проклятию, находился совсем рядом, и Ривиель решил разузнать планы темной армии. Он торопливо чмокнул меня в нос и исчез вслед за товарищами.

Я же поежилась от промозглого холода, с дикой радостью набросившегося на мои оголенные плечи. Да и легкое платышко не могло защитить тело от сырости, царившей на свежем воздухе. Ну вот, как всегда, экипировочка у Мастера страдает. Конечно же, я привыкла к небольшим неудобствам: иногда выступать приходилось в совсем нереальных условиях, даже порой зимой на снегу, поэтому мы всегда глотали перед выходом какую-нибудь горячую гадость из аптеки, чтобы потом не загреметь в больницу с пневмонией. Здесь же подобных удобств не было, местные знахари могли бы предложить только отвар из местных трав... хотя, кто знает – может статься, такое лечение гораздо эффективнее.

Пока я, синяя от холода, предавалась воспоминаниям, от природы синий Роже уже расчистил от мелких камней небольшую площадку и принялся устанавливать по кругу черные магические свечи. Полюбопытствовав «зачем?», я услышала в ответ, что сие действие необходимо для усиления моей ворожбы, чтобы уж точно покрыть как можно большее пространство мира. Я хотела узнать, как он рассчитал диаметр нужного круга, но тут в пещерку ворвался пронырливый Ривиель. Он бросил ироничный взгляд на ползающего по кругу Роже, а затем торжественно сообщил мне, что наступление на анахов назначено на утро. И, весело подмигнув, тут же умчался обратно. Похоже, чокнутому цваку вполне по вкусу подобные приключения. Меня же стал бить озноб.

– Роже! Мне кажется, я не справлюсь. Я какая-то пустая, ничего не помню, не испытываю никаких эмоций. Во всяком случае, положительных, – я потянула анаха за капюшон, отвлекая от нелепого занятия: анах в который раз медленно обходил созданный круг, придирчиво рассматривая его и чуть поправляя антрацитовые свечи.

Похоже, я сорвалась на скулеж.

– Соберись, Мел! От тебя сейчас зависит судьба двух народов. Причем, от судьбы одного из них напрямую зависит твое счастье, – отмахнулся маг, не прерывая движения.

Я растерянно выпустила натянувшуюся ткань из рук и, вскинув голову, вопросительно посмотрела на него, недоумевая над последней фразой.

– В смысле? – сердце сладко замерло от возродившейся надежды: а вдруг он скажет, что когда все закончится, мы сможем быть вместе?

Маг раздраженно передернул плечами: мол, зачем спрашивать про очевидные вещи! Потом, обреченно вздохнув, попытался объяснить:

– Если... Нет! Когда все у нас получится, ты заживешь счастливо с Ривиелем. Его народ воспримет тебя, хоть и чужака, но спасительницу всего рода цваков. Ты должна сейчас думать только об этом, бери силы в своей любви. Это огромная сила, совершенная магия. У тебя все получится, я в тебя верю.

- Но я люблю не Ривизэля! - воскликнула я, едва сдерживая слезы разочарования.

Роже моргнул и недоуменно уставился на меня.

- Но ты же любишь? - прозвучало, словно обвинение. - Это даже видеть не требуется: твое чувство просто осязаемо.

- Да... это так. Но... - тихо прошептала я, не в силах продолжать.

Ибо просто не перенесу еще одного крушения надежды.

- Тогда дай волю силе своей любви, дальше тянуть нельзя, я отдам тебе все свои магические силы для ритуала. Сосредоточься и начинай, - сухо кивнул анах.

По спине побежали мурашки от паники, охватывающей весь организм, но я отчаянно трянула головой и вошла в импровизированный круг: самое лучшее лекарство от противоречивых эмоций - переключиться на что-то другое. К тому же, если Роже говорит, что медлить нельзя, значит это, как минимум, именно так. Мы с магом встали друг напротив друга: Роже скинул свой вечный черный плащ, завернул рукава рубашки из тонкой, чуть блестящей ткани серебристого оттенка, и собрал в хвост шикарные длинные волосы, глядя на которые многие дамы из моего мира просто бы тихо усохли от зависти.

Взгляды наши встретились, и я позволила себе утонуть в этих необыкновенных глазах, раствориться в янтарных брызгах без малейших признаков обычного человеческого зрачка или радужки. Волны света прошли в пространстве, воздух наполнился электричеством, на моих волосах засверкали искорки. Они стекали вниз и, падая на каменный пол, озаряли светом круг с зажженными свечами. Я почувствовала, как счастливая улыбка преобразила лицо и больше не сдерживала свою любовь, позволяя ей заполнить всю пещерку. Тело продолжило движение души и закружилось в танце, выплетая картину самой жизни из нитей всех стихий. Разноцветные узоры оживали причудливыми существами, которых уносили завихрения силы, создаваемые ударами, сложными восьмерками и волнами движений. Один за другим вокруг меня выстраивались мощные потоки сил. Стихии закручивались, соединяя мощь в чистую энергию. Физически ощущаемая субстанция текла из района солнечного сплетения и заполняла собою каркас из сияющих разноцветных потоков. Я вложила в танец всю свою любовь и несбывшуюся надежду, всю себя и, полностью опустошенная, опустила на холодный каменный пол.

Но созданное мной заклинание продолжало жить и расти. Оно словно обрело сознание и теперь пульсировало сердечным ритмом, превратившись в комок ярчайшей субстанции, которую отказывались идентифицировать все пять человеческих чувств. Сознание положило заявление о своем уходе на мой лоб, и последнее, что я ощутила, это как субстанция, сжавшись до микрона, взорвалась. И от этой бесконечно малой величины пошли световые круги, словно мощные волны океана от упавшего метеорита, свободно проходя сквозь стены и любых существ. Затем все погрузилось во тьму.

Очнувшись, я подумала: судя по энергозатратам на подобные заклинания, я проживу недолго великим магом стихий. Моя голова покоилась на чем-то приятном, теплом и мягком. Я скосила глаза и определила, что в качестве подушки использую колени в черных штанинах. Подняв взгляд выше, я определила во владельце столь полюбившихся мне конечностей Роже. Анах гладил меня по голове и шептал что-то неразборчивое, но явно успокоительное.

В пещеру ворвался фиолетовый вихрь. Я резко села, чем вызвала мельтешение разноцветных кругов перед глазами, и со стоном уронила голову на руки. Роже, воспользовавшись неожиданной свободой, подорвался с места в сторону прибывших. Завязался жаркий разговор. Я восстановила равновесие в верхней конечности, которую пока язык не поворачивался назвать носителем разума, и осторожно направилась в сторону дискуссии.

На меня налетел небольшой ураган, при ближайшем рассмотрении оказавшийся не кем-нибудь, а Ривизэлем. Он закружил меня, сотрясая воздух дикими криками:

- Получилось! Ты гений, любимая!

И крепко обняв, страстно поцеловал меня.

- Ривизэль, ты что, с ума сошел?! Она же еле жива! - Хвала небесам, Роже отодрал от меня восторженного цвака.

Меня же, осторожно поддерживая, подвел к выходу. Фиолетовые существа снова выпорхнули мимо нас из пещеры и понеслись куда-то сплоченной стайкой.

За границами пещеры в пределах видимости моего зрения стояли цваки с абсолютно счастливыми лицами. У некоторых из глаз лились вполне человеческие слезы. На земле валялось

разнообразнейшее оружие: некоторые экземпляры повергали в шок, но большинство смутно напоминали знакомые мне с детства арбалеты. Цваки же недоуменно оглядывались или трясли головой, сгоняя наваждение. Они походили на людей, вырвавшихся из кошмарного сна, который оказался жуткой явью. И пожухлая колючая трава багрового оттенка добавляла картине сюрреализма: Пикассо бы удавился от зависти.

- У тебя все получилось, ты умница, - почти нежно прошептал Роже, чуть прижав меня к плечу.

Я уже твердо стояла на ногах, а он отпустил меня и сам прошел вперед. Глаза его, обращенные к белесому небу, сияли от радости. И я знала, что он счастлив не столько за цваков, сколько за мой успех.

- Да, у меня получилось... но только благодаря тебе. Ты один такой. Я не могла не полюбить тебя, - тихо говорила я, мягко отступая назад.

Раздалась тихая печальная музыка: она лилась из моего измученного сердца. Я вдруг поняла, что сейчас просто вернусь туда, где не было боли и любви. Видимо, этот мир прогоняет меня, поскольку миссия иноземного существа завершена. Плавно проведя руками перед собой, я закрутила спираль ладонями вокруг тела: словно со стороны смотрела я на совершаемые движения, тело подчинялось сейчас не мне. Роняя слезы и опускаясь на колени, медленно провела круг над землей. Нет, постой, я еще не все сказала!

- Я люблю тебя, Роже! Прощай... - проговорила я из последних сил, и полупрозрачная реальность донесла до меня обрывок фразы «...стой!..»

Роже смотрел в белесое предрассветное небо, смотрел, как одинокие звезды исчезают одна за другой, унося с собой в небытие все проблемы... Он возносил хвалу этому небу за эту ночь, за Мел, за то, что он снова смог полюбить.

- Да, у меня получилось... но только благодаря тебе. Ты один такой. Я не могла не полюбить тебя. - Легкий шепот за спиной заставил его замереть, а сердце заработать в бешеном ритме.

- Я люблю тебя, Роже!

Он повернулся к Мел и счастливая улыбка, озарившая скуластое лицо мага, сменилась растерянностью.

- Прощай...

Фигурка девушки призрачным облачком таяла во тьме...

- Мел, стой! Я люблю тебя! - Очнувшись, анах метнулся к ней, пытаясь схватить струйку тумана.

В пещере стало темно. Роже упал на колени:

- Я люблю тебя больше жизни! Мел...

Глава 5

- Прощай, любимый! - вновь прошептала я тьме, в которой мне мерещился черный тяжелый плащ мага.

- Рано помирать-то собралась, милая! - Прозвучало у меня над головой. - Хоть и чебурахнулась так, что аж звездочки вокруг посыпались... но жить будешь.

Я открыла глаза и обнаружила себя в свете фонаря распластанной на земле. Слева валялась сумка с выпавшими костюмами, справа застыл на боку плеер. А надо мной возвышалась сухонькая улыбающаяся старушка и еще несколько заинтересованных лиц на заднем плане. У меня вырвался стон.

- Чаво стоите, люди добрые, помогите молодке! - засуетилась вокруг милая старушенция.

- Спасибо, мне уже лучше. Да и до дома сто метров осталось дойти, - пробормотала я, отчаянно тряся головой.

- Может, проводить? - бухнул басом какой-то мужик: сердце мое болезненно сжалось, он чем-то неуловимо походил на мохнатого Дика.

Неужели все это только бред больной на голову каскадерки? А на самом деле ничего и не было? Сердечко заныло еще сильнее.

- Огромное спасибо за заботу, но мне на самом деле близко, - пряча слезы, прошептала я.

И, судорожно запихав сверкающие в свете фонаря костюмы, подхватила плеер и побрела к дому. А вслед раздавались голоса очень живого обсуждения моего сальто. Сразу стало видно, как народ соскучился по художественной гимнастике. Поди, еще и оценки выставили.

Дома я первым делом залезла под душ, скинув нежное шелковое платье... Шелковое платье?! И тут в моем сознании вспыхнуло все произошедшее, я со стоном опустилась на дно ванны. Осознать правду оказалось намного больнее, чем считать все, что со мной произошло, сном. Струи, бежавшие по моему лицу, смешивались со слезами отчаянья. Но не приносили утешения...

Я открыла глаза ранним утром, и снова тоска начала упоенно грызть меня. Как эта зараза, видимо, соскучилась по мне за ночь! Сегодня опять снился *тот* мир. Во сне я была счастлива, я танцевала для Роже, только для него. Он смотрел на меня своими удивительными глазами и улыбался так, что в душе пели райские птицы...

Каждое пробуждение было мукой: я опять вопреки потаенной надежде просыпалась здесь, в мире без него. И так уже много-много дней. Тоска изъела всю душу, заострила некогда округлые черты, проложила тени под глазами. Я старалась реже смотреться в зеркало. Но уже стало все равно, ведь он на меня не смотрит. Я совсем перестала ходить на занятия, не танцевала даже дома. Для всех окружающих это было, по меньшей мере, странно, ведь все свои эмоции я всегда выражала в танце. Друзья постоянно звонили, чуть не насильно таскали мою тушку по любимым местам, старались отвлечь. Они знали только, что мой любимый уехал далеко, и я не могу поехать за ним. А что я еще могла сказать? Без опаски угодить в психиатрическую лечебницу, разумеется!

Ко мне часто приходила Леля. В последнее время это был единственный человек, присутствие которого приносило немного облегчения душевной боли. Она молча сидела рядом. Ни о чем не спрашивала, просто ждала. И однажды меня прорвало. Я рассказала все, не боясь, что меня потащат к доктору. И начав, не смогла остановиться, пока не излила подруге всю свою горечь, сжавшись в ершистый комочек от нахлынувших воспоминаний. После десяти минут молчания я не выдержала и подняла глаза.

- Что ты можешь мне на это сказать? - тихо спросила я, пытаюсь унять бешеный ритм сердца.

Глаза подруги странно блестели:

- Ты знаешь, я не сильно поражена. Уж прости, - не удержалась Леля от усмешки. - История необычная, но не эксклюзивная. Если, конечно, отбросить фантастические персонажи, все становится рядовой эзотерической практикой.

- А вот с этого места попрошу поподробнее. - Я искренне заинтересовалась происходящим.

- Понимаешь, это философия. Философия танца...

Мое недоумение позабавило подругу:

- Я не говорила об этом, потому как считала, что вам еще рано... Правда, похоже, что тебе как раз

давно пора. Как, ты думаешь, возник танец живота?

- Ну, вроде как есть легенда, что девушке под платье залетела пчела, и она волнообразными движениями попыталась прогнать нахалку. А окружающим понравилось... - растерянно пробормотала я: как пчела может быть связана с эзотерикой?

Леля искренне расхохоталась:

- Потешно! Но таких историй сотни, а правда одна. Это искусство, такое же, как каратэ, йога и прочая лабуда. В каждом направлении есть практическая часть, а есть духовная. Сейчас народ не желает постигать знание, все хотят сразу результат. Но нет на свете известной танцовщицы, которая изучала бы только физическую сторону дела. Это очень заметно... Два притопа, три прихлопа не сделают тебя знаменитой, нужна еще и духовная составляющая танца. Не делай такое страдальческое лицо, сейчас я объясню. Вернее, попытаюсь.

Подруга немного помолчала, собираясь с мыслями.

- Каждое движение, такое красивое и невинное, на самом деле несет с собой энергетическую линию. Если смотреть иным взглядом, меняется даже аура танцовщицы. А сам танец и есть создание структурного энергетического поля. И площадь этого поля зависит от вкладываемого в танец потока энергий. Так ты можешь оздоровить либо себя, либо кого-то другого, надо только, чтобы объект попал в созданную структуру. А ты рассказываешь по сути об огромнейшем поле и влиянии его на сознание множества людей... Ну хорошо, как там: кваков. Ладно, не в этом суть. Так что в произошедшем с тобой нет ничего неизвестного и странного. Древнее искусство танца трепетно передано нам поколениями. И не только восточными. Ката в каратэ - тот же танец. Можно просто выполнять движение, а можно постигать высшее искусство, неся поток энергий. Мне даже нечему учить, тело твоё знает больше моего. Только не хватает теории: так что этот случай как раз из тех, когда ученик превосходит своего учителя. А сейчас тебе так плохо потому, что ты выжилилась больше, чем имела право. Задействовала поток своей жизни, собственного здоровья. И, видимо, как умирающая лиса, вернулась в свою нору. Или восстановиться или окончательно сдохнуть. Но ведь последнее не так уж обязательно?

Леля подмигнула мне самым легкомысленным образом:

- Набирайся сил, восстанавливайся. Если ты смогла один раз, сможешь еще. Главное - не бояться перемен и верить в свою судьбу. И поменьше читай желтой прессы и фэнтезийных романов, тогда не будет глюков с голубыми инопланетянами!

Подруга ушла, оставив меня переваривать полученную информацию.

Я боялась. Конечно, надеялась, что магия еще при мне, и я смогу вернуться с ее помощью, но страх разочарования был сильнее. Страх потерять надежду, которая поддерживала в этом теле жизнь, перекрывал все другие эмоции.

Защипало в горле, и тяжесть подкатила к вискам...

- Хватит! - гаркнула я на саму себя. - Давай договоримся, милая. Ты сейчас встанешь, примешь душ и выпьешь кофе, а потом можешь устраивать истерики, если уж тебе так сильно приспичило.

Кажется, говорить с самим собой это первый признак шизофрении или еще там чего-то, но меня этот странный как будто не мой голос немного успокоил, я даже решила, что предложенный план неплох. И, откинув одеяло, приступила к его скрупулезному выполнению.

Уже сидя на кухне с чашкой свежеваренного черного кофе без сахара, я позволила себе немного расслабиться. Тоска обрадовалась и принялась грызть с удвоенной силой. Что-то эта стерва сегодня совсем разбуянилась! Я уже почти решилась на эксперимент, но надо было все тщательно взвесить, а таким тонким делом следует заниматься на светлую голову, причем обязательно с легким сердцем. Все вышеизложенное в данный период моей странной жизни можно было соединить только в одном состоянии. И я отправилась на пробежку.

На улице ярко светило солнце: я вдруг затосковала по оранжевым близняшкам из мира Роже. Одинокие прохожие с по-утреннему хмурыми лицами торопились на работу. Я мягко бежала в коротком топике, облегающих трико и легких кроссовках. Все это я купила, как только поняла, что танцевать я не буду, как минимум, очень долго. Тело у меня тогда воспротивилось, начало ломить все кости и мышцы, пока я не поняла, что совсем без физической нагрузки не смогу. Так что появилась альтернатива. Бегать мне нравилось, это поднимало настроение с отметки «хуже некуда» до вполне сносного «терпимо». Так как прежние мои вещи остались валяться где-то в чужом мире, я не пожамотилась и выбрала для экипировки новые, качественные, фирменные, бегать в них было еще приятней. С особенной тщательностью подбирала кроссовки. Взяла летние, упругие, без задника, с лентой, перехлестывающей пятку для фиксации. Плюс: в них было не жарко.

Через пару километров я начала замечать красоту природы и пение птиц. Это было хорошим знаком. Как раз где-то к этому моменту я выбегала из душного города и бежала вдоль реки, наслаждаясь свежим ветром. Солнечные блики носились толпами по волнам. Это мельтешение еще больше повысило настроение, что странно, почти до отметки «хорошо». Видимо, из-за того, что утром мне было хуже обычного, некто добрый сверху решил дать небольшую передышку. Я горячо возблагодарила небеса, распугав всю местную живность своим дурным голосом. Хорошо хоть людей не было.

Солнечные зайчики бегали по моему лицу, я чихнула и с все возрастающим удивлением заметила, что мне так похорошело, что даже захотелось искупаться. Решив не испытывать такую добрую сегодня тетушку-судьбу, я сбежала вниз по крутому склону к воде, на ходу раздеваясь, и со всего размаху нырнула в еще прозрачную с утра воду. Прохладные волны подхватили меня и нежными струями обвили вокруг тела, щекача кожу пузырьками воздуха. Вынырнув на поверхность, я мощными гребками поплыла поперек реки, чувствуя под собой все возрастающую глубину. Настроение зафиксировалось на отметке «стабильно хорошее», а я не уставала поражаться необычному дню.

Наплававшись вдоволь, повернула назад и с удивлением заметила, что отплыла на довольно приличное расстояние. Я вообще не видела приметной березки на берегу, на которую повесила черные трико с широкими ярко-розовыми полосами: такой ориентир трудно пропустить. Видимо, меня отнесло течением вниз по реке. Дорога назад отняла гораздо больше сил, так как пришлось плыть против течения. Наконец, увидев полощущиеся на ветру черно-розовые полосы импровизированного флага, я буквально выползла на берег, еле живая от усталости. Рухнув на мелкий прохладный песок, попыталась восстановить дыхание. Через несколько минут мне это удалось, и я с наслаждением перевернулась на спину.

Над головой проплывали белоснежные облачка. Небо было глубокое, оно так и манило к себе, захотелось стать птицей. Взмахнуть крыльями и улететь в этот синий омут, как напоминающий чудной цвет кожи мужчины моей мечты... Мир вокруг разорвался на тысячи цветных бликов, стало трудно дышать, словно под водой, сдавило грудь, все больше усиливался звон в ушах. Вдруг я увидела перед глазами живую картину и в панике вскочила на ноги. Роже... истощенный, в разодранной одежде, с многочисленными кровоподтеками, будто только что подрался с тысячей бешеных кошек. Он был прикован, да практически вмурован в скалу, на которой явно различались какие-то магические письмена и знаки. Вдруг анах поднял, казалось уже, безжизненную голову и посмотрел прямо на меня, словно видел. Его глаза горели огнем, темно-синие губы сложились в подобие улыбки:

- Любимая... - раздался его тихий шепот, больше похожий на дуновение ветра.

Яркая вспышка ослепила, и мир вернулся ко мне со всеми зелеными красками шепчущихся сосен, задорным пением утренних птах, как будто и не было ничего.

- Было, - прошептала я, пребывая в полной растерянности. - Ну уж нетушки - было!

Что с ним произошло, почему он беспомощен, кем повержен? Миллион вопросов крутился вокруг меня, как пчелы. Каждый причинял боль и ввергал в панику.

- Спокойно, Мел, - попыталась я себя образумить. - Он жив, и это самое главное. Остальное можно исправить.

Быстро натянув одежду прямо на мокрое, щедро облепленное шершавым песком тело, я побежала, не понимая, что делаю. В голове с быстротой молнии прокручивались какие-то слова. И не успевала я их осознавать, как они бесследно исчезали, словно мыши при виде ловчей кошки. И только одна мысль, вполне понятная и ясная, родилась в голове громом среди ясного неба:

- А куда я, собственно говоря, так мчусь? До него мне не добежать, даже если я буду всю жизнь наматывать круги по планете.

Представив вытопанную мною дорогу, опоясывающую Землю наподобие второго экватора, я усмехнулась и огляделась. Полянка, где закончился мой бешеный кросс, была совсем небольшой и окруженной темными соснами. Похоже, я убежала далеко в лес, даже этого не заметив. Вот что значит мчаться сломя голову, не разбирая дороги. Хорошо хоть, что не повстречалась лбом с одним из этих монументальных стволов многолетних елей.

Перед внутренним взором опять встало увиденное не так давно. И шепот: «Любимая...» ножом полоснул по сердцу.

По щекам потекли горькие слезы бессилия, из-за которых окружающий пейзаж принял облик зеленого пятна различных оттенков. Как будто из самой души вырвалась старая песня:

Мир без любимого, Солнце без тепла, птица без крыла!

Под аккомпанемент своего голоса я закружилась по полянке, вкладывая всю любовь в песню:

Край без любимого, Горы без вершин, песня без души!

И вдруг мое зрение отметило какое-то движение в мельтешении зеленых пятен. Скорее даже не зрение, а какое-то другое чувство подсказало, что я не одна. Я резко остановилась и инстинктивно приняла боевую стойку: мало ли какие маньяки бродят по нашим лесам.

Глава 6

Да вот так вот... такой веселенький столбняк. Я стою на еле заметной тропинке, которую окружают исполинские деревья. Ветви с сочными багровыми листьями начинались метров в пяти от земли, а верхушки щекотали синевато-серые облака. Я почувствовала, что рядом кто-то есть, но никого не видела.

- Паранойя, паранойя! - нервно хихикнула я и, сжав в маленьком карманчике недавно приобретенный баллончик со слезоточивым газом, заорала как можно более грозно. - Эй, кто там прячется в лесу?

От звука моего голоса, казалось, даже ветер оторопел, потому как все звуки стихли. Да нет, не паранойя, решила я изменить себе диагноз, а манька-догонялка, то бишь мания преследования. Да еще с глюками и звуковыми эффектами. Консилиум психиатров по мне плачет.

- Выходи, а то газовым пистолетом воспользуюсь! - дрогнувшим голосом добавила я.

Пистолет звучит более грозно, чем баллончик, решила я, может, маньяк сам испугается?

Но тут загадочный преследователь все-таки решил побережь мне нервы.

- Не надо в глаза мне бить тестометом! - испуганно прорычал рядом красный куст, что шевелился вне зависимости от ветра. - Я и так все верну!

Я, взвизгнув, отскочила в сторону, когда из кустов вывалилось существо, которое я поначалу приняла за медведя. Но мохнатик оказался в подозрительно знакомых красных шароварах, похожие я видела некогда на добром Дике.

- Ку-ку, - растерянно протянула я. - Еще один пацак!

И тут до меня, наконец, дошло: красная листва, белесое небо, мохнатика, скачущие по багровой траве... Я наконец снова здесь! Да еще в славное теплое время соты, которое местные кличут ремень. Еще раз взвизгнув, теперь уже от восторга, я схватила мохнатые лапы звероподобного валла и закужилась с ним в круговороте дикой пляски радости.

Но потом, разглядев абсолютно круглые от ужаса глаза валла, я решила повременить с подобным проявлением своих эмоций:

- Ты кто, чудик? - ласково протянула я, отпустив густую шерсть валла: тот сразу отпрянул в прикрытие куста. - И откуда? Из Валрада?

- Я все-все верну! - проскулил тот, не вылезая из-под куста. - Прямо сейчас побегу к Дику и все отдам! И прощения попрошу! И ничего больше брать не буду!

- К Дику? - переспросила я. - Ладно, значит, нам по пути. Проводи меня к нему, а то я тут не очень-то в местности ориентируюсь. Тебя как звать-то, пацак?

- Я не пацан, - обиделся валл. - Я взрослый! Зовут меня Бак.

Он все-таки нехотя вылез из кустов, в густой шерсти застряли багровые листья, напоминая мне осенние болота с россыпью клюквы. Ну что ж, назвался взрослым - надо соответствовать, хотя валл был примерно в два раза ниже Дика и не такой еще круглый. Да и шерсть не торчала сваленными колтунами, а оставалась еще вполне гладкой и блестящей. Из всего этого и из поведения существа я заключила, что передо мной, скорее всего, подросток. Вслед за собой пацак вытянул из упругих ветвей красные шаровары и запихал их в большой холщовый мешок.

Похоже, Бак вполне осмелел, поскольку даже попытался обнюхать меня, за что получил по любопытному носу. Но это наглого вала не смутило: мальчишка махнул лохматой рукой, сметая с влажного темного носа приставшие песчинки:

- Фух, - восторженно рыкнул он. - От тебя пахнет морем! Садись на меня, я быстро побегу, а то будем плестись до заката.

Я растерянно моргнула: каким морем? Хотя, что я знала о здешних запахах моря, воды, рек, как и о существовании всего этого? Может, просто-напросто песок есть только там, где море? Или пахнет рыбой... интересно, здесь есть рыба?

Пока я размышляла об устройстве мира, мохнатик тем временем встал на четвереньки и в ожидании помахивал маленьким пушистым отростком. По-видимому, гордо именуемым «хвостом», более всего походившим на заячий. Сдавленно хихикнув сравнению - такой длинношерстой громадине никак не подходил такой куцый хвостик, я все-таки присела на чуть прогнутый хребет

валла. И тут же судорожно вцепилась в длинную густую шерсть волчьего оттенка: валл так резво рванул с места, что меня чуть не снесло с его спины порывом неведь откуда возникшего ветра.

Я прижалась к Баку всем своим дрожащим телом: в глазах мельтешили пятна, к горлу подкатывалась тошнота. Бег по пересеченной местности на горбу резвого молодого валла оказался самым экстремальным видом аттракционов, на которых мне только приходилось бывать за всю свою жизнь.

Зато на такой скорости я напрочь забыла о беспокойстве за Роже. Если я на миг расслаблюсь и слечу с бешеного мохнатика, беспокоиться о маге будет уже некому.

Сопровождаемые очумелыми взглядами серого народца, подтягивающегося к еще закрытым воротам Валрада, мы подлетели к каменной стене. Стоять в перекрестном огне взглядов, которые будут сопровождать нас в очереди, мне совсем не улыбалось, поэтому я попыталась отыскать в густой шерсти валла нечто, похожее на уши, очень надеясь, что они есть. Нашупав вполне человеческие по форме раковины, причем, свободные от волос, я потянула за них, стараясь направить мое транспортное средство к малой неприметной дверке, через которую мы с Марвией проходили в прошлый раз.

Опешившая стража не решилась задержать белокурую бестию, мчащуюся на валле, и мы проскользнули в Валрад черным ходом. Тут Бак затормозил всеми конечностями и встал столбом, не доходя до шикарной гостиницы Дика.

- Чего стоим? Кого ждем? - поинтересовалась я, чуть переводя дух и с трудом отдирая скрюченные пальцы от изрядно покрасневших ушей валла, если не считать, конечно, это застрявшей листвой.

- Брат меня убьет, - Бак посмотрел на меня так жалобно, что я вздрогнула. - Может, ты сама отнесешь ему вещи?

- Вещи? - озадаченно переспросила я. - Так ты что, украл у Дика его знаменитые красные штаны?!

Бак сел на мостовую и стыдливо прикрыл волосатое лицо коленками, а я безудержно расхохоталась:

- Ради всего святого, скажи: зачем?!

- Сам ходит, как франт, а брату - ничего, - не открывая лица, буркнул Бак. - А я уже взрослый, мне уже можно штаны носить! А он не дает! Вот я и взял... А потом испугался и убежал. И не вернулся бы ни за что, если бы ты меня не нашла.

- Ладно уж, горе луковое, - я потянула жалкого мальчугана за руку. - Иди. Я отнесу братцу твоему страшному вещмешок: лишь бы только он не решил, что это я скоммуниздила его драгоценные шмотки!

Бак восторженно взвизгнул, лизнул меня в нос: я поморщилась, похоже, чистить зубы тут не принято, и быстро улизнул в ближайшую подворотню. Чтобы я не передумала, полагаю. Вздохнув, я покачала головой и потянула мешок. Крякнув от недюжинной тяжести, развязала грубую веревку и заглянула внутрь: множество широких штанов различной расцветки порадовали яркими красками в этот непогожий денек. Усмехнувшись, я пробормотала:

- Да уж - соблазн великий: в каждом из этих чехлов можно разместить среднестатистический танк! Ну да ладно, пусть танки стоят ненаряженные, а то Дик с голой задницей уже не будет так пугающе воздействовать на посетителей: срам один!

И завязав мешок, пыхтя, потащила его к входу в знакомое заведение. Бросив тот у двери: мне никогда не перетащить такой груз через порог, я закричала, что есть мочи:

- Дик! С Новым годом! Давай встречай Снегурочку! - с трудом разогнув ноющую поясницу, я вытерла с лица пот, льющий градом. - Тяжелая атлетика, блин!

Через минуту из двери высунулась знакомая морда, озадаченная донельзя:

- Мел, ты, что ли?

- Нет, это твоя бабушка, - буркнула я. - Смотри, что я нашла: вроде, в твоём ужасающем вкусе.

- Что там? - полюбопытствовал валл, но из дверей не вышел, протянув громадную лапу к вещмешку, буквально содрал веревку. - Да это же мой гардеробчик! Ах, Мел, ну ты умничка! Сейчас, погоди!

Дик исчез за дверью с драгоценной ношей и через мгновение появился на пороге весь, сверкая довольной физиономией и являя миру себя любимого в ярких красных штанцах.

- Ку, - привычно сказала я, а потом крякнула, придавленная благодарственными объятиями

мохнатого валла.

- Вот спасибо! Вот удружила! А то я уж думал, придется заведение мое совсем закрыть: валл без штанов - сопляк, мальчишка; мне даже было за порог не выйти, чтобы прикупить себе новенькие. И не пошлешь ведь никого - позора потом не оберешься, - и он снова прижал меня к своей мощной мохнатой груди.

Я на собственном опыте ощутила все прелести эмоций лягушки, попавшей под каток. Когда Дик соизволил отпустить раздавленный полутруп, я сползла на пол, стараясь возратить вытарашенные глаза на место, завещанное им природой, да пытаюсь отплеваться от попавшей в рот жесткой шерсти. И потом зареклась навек повторять подобные «добрые жесты», особенно, если это связано с валлами.

Чуть оправившись, я поднялась... и была тут же сбита с ног налетевшим вихрем. Марвия, талантливо подражая разъяренной гарпии, затрясла меня так, что казалось дух скоро покинет брренное тело.

- Ты жива! - радостно взвизгнула ведьма между дикими воплями.

- Похоже, это временно, - пробормотала я, ощупывая свое многострадальное тело. - Удивительно, но кажется, сильных повреждений нет.

- Ты пострадала? - тут же насторожилась Марвия, впрочем, не торопясь слезать с меня. - На тебя напали? Кто посмел?..

- Если бы я знала, насколько горячий прием меня ждет, постаралась бы держаться подальше, - усмехнулась я, пытаюсь выбраться из-под ведьмы. - Свои же и добьют, чтоб не мучилась долго.

- А ты где пропадала? - прогудел над ухом Дик.

- То тут, то там, - скривившись, ответила я: на самом деле, все верно, и здесь пропадала, и в своем мире пропадала. - Но речь сейчас не обо мне. Скажите, что тут у вас происходит?

- Да ничего, вроде, - пожал могучими плечами валл.

- Это он у нас вроде затворником стал, - саркастически ухмыльнулась Марвия. - В один прекрасный день взбесился и всех прогнал. Орал из своей комнаты, что сейчас выйдет и всех, кто не ушел, съест. Много шуму в городе наделал: столько камов сразу лишились крова. И все с товарами. И это не считая музыкантов, поэтов и прочих балагуров. Так что, представь, какая сутолока была.

- Так что не так? - перевела я тему, с иронией косясь на здорового амбала, застывшего, словно в ожидании порки: видимо, Дик не надеялся, что я промолчу о действительной причине его добровольного затворничества.

- Через некоторое время, как ты пропала, цваки заставили камов закрыть ворота и никого не пускать. Разнеслась весть о проклятии. Ну, благо камов напугать легче легкого, ибо магией они обделены полностью. А анахи бушевали - выпускать их цваки тоже запретили. Бедные горожане не знали, кого слушать. Поползли слухи о войне. Но вскоре все как-то само собой разрешилось: веселые цваки возвращались в свои леса через Валрад, братались со всеми, кто под руку подвернется. Горожане совсем зашугались: добродушные цваки пугали их больше, чем цваки высокомерные. А потом пропали анахи, все разом, словно в один миг исчезли из города...

Марвия опять лукаво взглянула на Дика:

- Наш валл зачудил к тому времени, а вот другие гостиницы понесли убытки: анахи пропадали прямо из своих комнат, не заплатив. Ну, что пропадали - привычное дело, магия. А вот что не платили - странно, поскольку маги очень щепетильны. И хоть свысока смотрят на другие расы, но расплачиваются всегда.

- Это точно, - авторитетно покивал Дик. - Весьма щедры, никогда не экономят на чаевых. А почему ты спрашиваешь, Мел?

- Да, кстати, - словно очнулась ведьма. - И правда, почему?

- Мне как бы было видение, - с неохотой поделилась я, - что верховный маг в большой опасности. И вот я опять здесь, в вашем мире. Прямо Чип и Дейл спешат на помощь! Правда, в урезанном варианте: осталась только Гайка.

- Мне иногда кажется, что ты говоришь на другом языке, - растерянно моргнула Марвия. - Давай, пойдем ко мне и обсудим все спокойно...

- Как - ко мне? - грозно рявкнул Дик. - Вы всегда в безопасности под крылышком Дика!

И валл для пущей важности помахал перед моими глазами огромными ручищами: я тихонько хихикнула, любуясь на мохнатые «крылышки». А Марвия покачала головой:

- Ну уж нет: мало ли какая снезь тебя еще раз ужалит! - нахмурилась ведьма. - Опять выгонишь на улицу посреди ночи, потом бегай, ищи ночлег! Я уже нашла весьма привлекательную комнатушку по приемлемой цене, туда и пойдём! А ты подумай над своим поведением!

И, резко развернувшись на каблуках, потащила меня в сторону от опешившего валла. Я оглянулась и на прощание помахала рукой Дику: тот выглядел расстроенным. Марвия бурчала всю дорогу, но если поначалу она честила валла на чем свет стоит, то потом перешла на мою скромную особу:

- Ну я так и знала, что не стоит оставлять тебя одну с этим проходимцем! - ворчала ведьма, имея в виду анаха. - Ну что ты так растаяла под взглядом этого ловеласа? Нет, я понимаю, за анахом, да еще за верховным магом, любая побежит... но от тебя я такого не ожидала! Хоть бы меня дождалась для приличия, а то я места себе не находила от беспокойства за твою бедовую голову. Теперь-то ты знаешь, как обращаются анахи с теми, кто не принадлежит к их «высшей» расе?

Я рассмеялась и, остановившись, нежно обняла подругу:

- Ну не ершись, - мягко сказала я нахмурившейся ведьме. - Не бегала я за ним... хотя, хотелось, не спорю. Меня банально похитили, ткнули носом в задачу, а когда я ее разрешила, ваш мир просто выплюнул меня в то место, откуда взял. Неприятная процедура, скажу я тебе! И если бы не платье, в которое обрядили меня анахи, я бы просто решила, что все сон и томление духа. А вот теперь я снова здесь и ищу нового героя, который как слепого котенка сунет меня носом в очередную проблему этого нескутного мирка. Интересную халтурку мне подбросили... уж не знаю, кто!

Марвия стояла, как пригвожденная к земле ударом молнии, не в силах вымолвить ни слова. А что эти самые слова рвались наружу, было ясно по вытаращенным глазам.

- Да, - я успокоительно похлопала подругу по плечу. - Вот такая жизнь стала интересная. Но я тебе выразить просто не могу, как рада снова быть здесь. Единственно, что омрачает картину - неизвестная мне участь Роже. Ну давай, показывай, где твоя пресловутая хатка, я все по порядку расскажу - может, вдвоем мы сумеем понять, с какого края начинать есть этот каравай с сюрпризом.

Немного позже я с интересом разглядывала новое жилище ведьмы, пока Марвия переваривала мой рассказ. Обжилась она здесь основательно: по стенам в гармоничном порядке развешаны пучки пахучих растений, на многочисленных полочках, прибитых к стенам, педантично расставлены баночки и горшочки с таинственным содержимым. Из мебели одна узкая скамья, покрытая тонким одеялом - видимо, она служила кроватью. Все остальное пространство было занято сундучками, коробочками и горами свитков.

- Цваки! - вдруг радостно воскликнула Марвия.

Я подпрыгнула от неожиданности и схватилась за грудь:

- И незачем так орать! - с укором сказала я подруге. - Что - цваки?

- Ну, этот твой недоделанный жених, - ведьма выразительно провела по голове, намекая на ирокез. - Может, он что-нибудь знает?

- Жених-то доделанный, - усмехнулась я. - Но, к счастью, не мой. Но ты права - первым делом надо отправиться к цвакам. Вот только как до них добраться, я же не знаю...

- Я тебя отведу, - подпрыгнула Марвия. - Ты же не думала, что так легко от меня отделаешься? К тому же - я твоя единственная защита сейчас: надеюсь, ты не забыла об интересных порядках камов? По пути нам встретится еще не один кавай, желающий пополнить свой гарем таким уникальным экземпляром.

- Ах да, - поморщилась я. - Ну давай, что ж с тобой делать.

Честно говоря, я была в восторге, что подруга вызвалась помочь, но пусть она считает, что напросилась сама. Чтобы потом не оправдываться: мало ли в какую опасность нам придется влипнуть из-за моего стремления помочь Роже.

- Я только заплачу аванс владельцу гостиницы, - резво подпрыгнула Марвия. - Надо договориться, чтобы не выкидывал мои пожитки, пока я не вернусь. Я быстро, жди.

И ведьма выскользнула в покосившуюся дверь, которая, тоненько скрипнув, вновь открылась. Вздохнув, я встала, чтобы прикрыть дверь за торопливой подругой. Но, приблизившись к выходу, замерла с протянутой рукой. В этот момент я и забыла, что собиралась сделать, ибо услышала

слова, донесшиеся до меня из приоткрытой двери.

- Зачем ты так упорно стремишься уничтожить всех анахов? - раздраженно спросил высокий женский голос.

- У меня было видение, - терпеливо бурчал неизвестный мужчина.

- Твои видения часто обманчивы, - вспылила дама.

- Но не это, оно повторялось много раз. Ты будешь сильно страдать от одного из них. И еще одно видение - он стоит, держа в руках окровавленный нуч, - мрачно возразил мужской голос. - А мои видения связаны с тобой, ты знаешь. Я не могу допустить, чтобы тебя убили.

- Оставь мой мир в покое, жалкий старик, - закричала женщина. - Это моя жизнь, и тебе в ней нет места. Оставь в покое *меня!*

- Я не могу, ты же знаешь, - спокойно ответил мужчина.

- Тогда ты умрешь, - так тихо, что я еле расслышала, прошептала женщина.

- Ты мне ничем не сможешь навредить, Хранитель - насмешливо протянул ее собеседник.

- Я нашла способ, не вмешиваясь, победить твое заклятие, - с угрозой в голосе сказала женщина. - И я смогу убить тебя, не причиняя вреда самолично.

- Твоя воля, - безразлично ответил мужчина. - Но анахи все умрут.

Голоса стихли, а сердце мое бешено билось о ребра.

- Вот и я, - влетела Марвия, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. - Что с тобой?

Я вкратце пересказала подруге подслушанный разговор. Потом мы осторожно выглянули в коридор: тот был пуст. Дверь в комнату напротив оказалась тоже приоткрыта. Я судорожно сглотнула, а Марвия тихонько заглянула внутрь:

- Ушли, - раздался приглушенный голос ведьмы. - Деньги на столе, самих нет... Если, конечно, все это тебе не привиделось.

- Но деньги-то есть, - рассудила я. - Значит, кто-то там был. Интересно, а у хозяина можно узнать, кто там гостил?

- Исключено, - погрузилась Марвия. - Хозяин ни за что не выдаст, будет юлить до последнего, но ничего ни про кого не расскажет. Хотя, именно поэтому я и выбрала эту гостиницу.

- Ну, что ж, - вздохнула я. - Тогда пойдем к цвакам, пока и они не исчезли.

Глава 7

Мы с Марвией весело шагали по утоптанной дорожке и в голос хохотали, вспоминая последнюю вылазку к камам за едой. Путь наш был долог, и приходилось добывать себе пищу разными методами, большинство из которых не очень-то нравилось прижимистым хозяевам. Но потрошить огороды и тащить готовую пищу из раскрытых окон нам надоело: захотелось нормальной горячей еды.

Поэтому мы рискнули и заявили к местному кавайю. Марвия представилась торговкой и предлагала толстому серому мужичку меня в качестве покупки. Я торжественно перевязала талию бантиком и подмигнула страшенькому каму. Тот, отпихиваясь от рыдающей в голос жены, выложил всю наличность, что была в настоящий момент. И тогда Марвия предложила как следует обмыть сделку. Толстяк повелся, приказал жenuшкам накрыть шикарный стол.

Мы так наелись, что я уже думала: нипочем теперь улизнуть не удастся. Просто бегать не смогу! Но Марвия оказалась хитрее: она подманила старшую жену, которая сидела с кислым выражением на плоской серой мордахе и буравила меня тяжелым ненавидящим взглядом.

Ведьма прошептала старушке несколько слов на маленький отросток, старающийся выглядеть нормальным ухом. Правда, ему никогда это не удастся: длинная мясистая мочка портила все впечатление. Но, несмотря на внешнее уродство, женщина оказалась весьма разумной, чтобы разглядеть свою выгоду: она поманила нас за собой.

Воспользовавшись тем, что кавай отлучился в очередной раз по особым потребностям: видимо, у бедолаги старческое недержание, мы прокрались вслед за его женой. Та вывела нас из дома черным ходом. Пообещала отвлечь мужа на сколько сможет и, получив половину денег, выцарапанных Марвией у кавая, скользнула обратно в дом.

Так что теперь мы шли к цвакам довольные, сытые, веселые и богатые!

Я отметила, что лес постепенно редел, а деревья становились все выше, хотя мне и так казалось, что деревья в этом мире невероятно высокие: под ними даже валл выглядел муравьем. Здесь же листы не было видно совсем – только мощные, в несколько обхватов, стволы. Конечно, кроны имелись, но где-то там, настолько высоко, что это уже не имело значения.

Трава под ногами тоже постепенно редела, уступая место сухой потрескавшейся почве. Конечно, сколько же влаги нужно этим исполинам! Ни кустика, ни низенького деревца – только коричнево-красные колонны кругом.

Мы с ведьмой притихли: смех казался чем-то неприемлемым в этом древнем лесу. Мне подумалось, что в величии эти необыкновенные деревья не уступают высоким пикам анахов.

Из возвышенного состояния вывели нас несколько странным методом, который называется «шоковая терапия». Существа выступили из-за деревьев все сразу, окружив глухой стеной, и ошетились в нашу сторону заряженными арбалетами. Цваки?! Ну да, а кого же мы тут рассчитывали встретить? Но все равно – появление фиолетовых существ с мрачными физиономиями было весьма впечатляющим.

Один из них, похоже, маг, спросил, буравя холодными глазами почему-то меня, словно Марвии и не стояло рядом:

– Зачем вы заявили в Лес, камские ведьмы?

Похоже, нам не рады. Ну и ладно, мы не гордые. Но что-то ответить надо, а то скоро станем похожи на двух маленьких ежиков, но это что-то еще должно им понравиться. Похоже, от тяжелой работы мозги расплавились и отказались далее выполнять свою функцию, пискнув напоследок «Ривизель». Я аж подпрыгнула – точно! Стрелы, старательно уложенные в арбалеты, завибрировали от напряжения. Похоже, нас отделял от гибели миг, поэтому я поспешно выпалила:

– Не стреляйте! Мы гости самого Ривизеля по его личному приглашению! И приглашению его брата, а также друга, которого не помню уж, как зовут. Простите, склероз на нервной почве.

От моей тирады маг обалдел, потом еще раз пристально посмотрел на меня. В голове загудело, но так как там было абсолютно пусто в данный момент, это ничего ему не дало. Не отрывая от меня холодных глаз, он махнул рукой, я зажмурилась, приготовившись к участи подушечки для иглоков. Ничего не происходило. Я медленно приоткрыла один глаз. На дороге стояли только мы вдвоем с магом, который, увидев, что я все-таки не умерла от страха, презрительно бросил:

– Следуй за мной! – Развернулся и быстрым шагом направился по дороге.

Я вприпрыжку помчалась за ним, со стороны должно быть, напоминая Пятачка. Вот только мой высокий статный провожатый совсем не походил на доброго сладкоежку Винни. Шли долго. Я постоянно оглядывалась в поисках подруги:

- А где еще одна ведьма, что пришла со мной? - спросила я спину мага.

Цвак напряженно молчал, игнорируя меня. Тогда я решилась задать следующий вопрос: не отвечает, но и не пытается заткнуть.

- А почему вы решили, что я ведьма?

Маг снова проигнорировал.

- Два раза, - буркнула я, едко усмехнувшись. И настойчиво повторила, повысив голос: - Если вас не сильно затруднит, ответьте, пожалуйста, на что-нибудь.

Цвак слегка повернул в мою сторону исчерченное кровеносными сосудами лицо, я обрадовалась и рывком поравнялась с ним, приготовившись слушать. Но он только выразительно оглядел с головы до ног, обдав тройной дозой холодного презрения.

- Спасибо на добром слове! - буркнула я, добавив про себя: «Сам такой!».

Маг скосил на меня взгляд, в котором мелькнула легкая усмешка. Похоже, меня опять «сканировали». Тут мы вышли к поселению, и это отвлекло от выбора способа мести заносчивому магу.

Исполинские деревья словно расходились в стороны, открывая перед нами огромную круглую площадь, сплошь усеянную мелкими бархатными цветами различных оттенков зеленого. Что это? Намек на фантастический цвет глаз, присущий цвакам?

По краям этого благоухающего ковра прямо на толстых стволах росли дома. То, что эти неровные большие наросты - дома, было понятно по наличию изящных окошек. Более всего это напоминало чагу, что растет на березах. Огромную такую чагу, да еще и пустую, внутри которой запросто спрячется с комфортом с десятков валлов. Только мохнатиков сюда, конечно же, не допустят.

Да, красота: умеют же цваки устроиться... И тут же перед моими глазами встала иная картина: горы анахов, их балкончики и каменные мостики. Горький вздох вырвался у меня помимо воли. Маг удивленно оглянулся. Похоже, он впервые встречал существо, которое не замирало от восхищения этой величественной красотой, а страдальчески закатывало глаза.

Справившись с удивлением, маг повел меня вдоль всего этого великолепия: бабочки самых ярких цветов мелькали перед глазами, как заведенные, подчеркивая сочную зелень бархатного ковра. Лучи теплых солнышек отражались от многочисленных кристалликов, украшающих все, во что их только можно было воткнуть, рассыпаясь в цветных блестках по всему поселению. Я же семенила за цваком как побитая собачонка. Плечи все больше опускались под грузом тревоги. Тот уже косился на меня, как на сумасшедшую, не в силах разгадать сумбур в моей голове. Я и сама не в силах, образы и мысли с быстротой бешеных галок металась по всему сознанию. Но он был прав: надо прийти в себя, мне еще предстоял серьезный разговор с Ривиелем. Почему он бросил друга в беде?

Мы подходили к дереву, на котором раскинулся обширный дом, более всего похожий на огромную летающую тарелку, прибитую к земле исполинским гарпуном, с десятком расходящихся в стороны ажурных подвесных мостков. Под ним стояла небольшая толпа, не сводящая с нас множества буравящих и колющих зеленых глаз. Я с детским любопытством рассматривала ирокезы самых невысказанных оттенков и сочетаний, как вдруг натолкнулась взглядом на абсолютно лысую черепушку: женщина! Миловидная молодая девушка была бы красавицей, если бы какой-то злодей, видимо, от ревности, не обрезал ей косы! Но тут я заметила еще одну даму, несколько постарше, и она тоже совсем лысая! Мне это напомнило куриную ферму: разноцветные петушки и неприметные самочки.

А тем временем навстречу уже шел улыбающийся во весь рот Ривиель, раскинув руки с намерением заключить меня в теплые объятия. Судя по виду, цваки в толпе медленно косели, а позади раздался стук упавшей челюсти мага. Кажется, он мне вообще не поверил. Потом к нам подлетели еще двое знакомых цваков с яркими ирокезами и заключили нас с Ривиелем в объятия с двух сторон. Толпа зашумела, хотя, может, это зашумело у меня в голове. Похоже, друзья все-таки услышали мой раздавленный хрип, потому как простора вокруг прибавилось и дышать стало значительно легче. Ривиель подхватил ослабевшую меня на руки и, легко балансируя, взбежал по шатающемуся мостку в дом. Уложил на нечто мягкое и оставил приходить в себя. Ривиель вышел на балкон и величаво продекламировал хорошо поставленным баритоном:

- Спасибо, Ллерекайен, что проводил мою невесту. Друзья, простите, но сегодня я останусь с Мел. Мы долго не виделись и нам многое надо обсудить. - В ответ раздались одобрительные выкрики, и

вскоре все стихло.

И тут до меня дошло: «Невеста?!» Вошел цвак. Я подорвалась с кровати:

- И когда же это мы успели обручиться?! - Честно говоря, я была в гневе.

Цвак опешил, подумал, немного отошел от меня и робко произнес:

- В Лив'утвао. Я при своем брате, друзьях и порфириносце анахов назвал тебя своей невестой. Ты думала, я пошутил? Цваки не разбрасываются такими словами.

Я растерянно моргала, не в силах выудить из памяти сей занимательный момент. Цвак расценил мой вид по-своему и мягко улыбнулся:

- Не беспокойся, милая, никто не будет возражать, особенно, когда мы тебя приведем в порядок. Моя семья уже знает про тебя, и они в восторге от предстоящей встречи. Я попросил пока оставить нас наедине, а потом мы ходим к самому лучшему мастеру, и тебе уберут с головы эту чудовищную растительность.

- А мое согласие что-то значит? Или это не моего ума дело? - как можно ироничнее спросила я, выдавая такой оскал за улыбку, что Ривизель отшатнулся: пусть только попробует меня остричь!

- Ты благосклонно воспринимала мое общество... или передумала? - насторожился тот.

Все правильно, он меня тогда так достал, что на его реплики я отвечала невнятным мычанием, не вслушиваясь в смысл слов. А зря, как оказалось! Я вздохнула, не до этого сейчас:

- Ривизель, скажи, пожалуйста, когда ты в последний раз видел Роже?

Он наморщил лоб и выдал информацию:

- Так треть соты прошло всего, как он уехал отсюда, гостил у нас после проклятия примерно полсоты. Вы же двое - наши национальные герои. А так как ты переместилась домой, все бремя благодарности расы цваков легло на его могучие плечи. Правда, не расслабляйся, скоро и тебе достанется. Они только и ждут, когда же мы наmilуемся.

С этими словами цвак попытался меня обнять, я же, кое-как отпихиваясь, закричала:

- Ривизель, не зли меня! Выслушай! Я же не просто так спрашиваю.

Мужчина сделал серьезное лицо. Но его попытки не увенчались успехом, маска сосредоточенности постоянно расплывалась в сладкой улыбке. Я понаблюдала за спектаклем, потом махнула рукой, попутно сбросив его руку со своей коленки:

- Роже в беде, я не знаю, жив ли он еще, но был, когда я попала в ваш мир. Серьезная переделка...

И я рассказала о скале. Лицо цвака мгновенно сосредоточилось, глаза стали холодными, в них засветилась мудрость двух-трех столетий. Мне вдруг подумалось, что в такой вариант Ривизеля я, пожалуй, могла бы и влюбиться, будь мое сердце свободным.

Цвак по-деловому произнес:

- Собирайся. Я позову Ллерекайена и объясню все совету.

Он быстро и бесшумно выскользнул из дома. Я с облегчением откинулась на низкий удобный диванчик: пока мои космы остались при мне, а впредь надо поаккуратнее выбирать друзей, а то еще приспичит меня всю переокрасить... Да и собирать собственно было нечего: все свое, так сказать, я всегда ношу с собой, находясь в этом мире.

Похоже, я опять заснула. Как сквозь туман до меня долетел гул голосов, постепенно обретая форму отдельных фраз, потом вычленились слова, но смысл все равно ускользал от моего сознания. Я с трудом разлепила глаза. В другом конце комнаты стояли трое незнакомых цваков и что-то очень эмоционально обсуждали. Я, все еще стараясь понять смысл их дебатов, приподнялась на локте. Все трое тут же замолчали и уставились на меня колючими взглядами.

Я почему-то подбоченилась, выдвинула подбородок и грозно сверкнула глазами. В общем, вид приняла максимально соответствующий виду грозной ведьмы. По-моему, вышло не очень, так как незнакомые цваки, все как один, расплылись в насмешливых улыбках. Я пожалала плечами, принимая свой нормальный вид, типа, не хотите, и не больно-то и надо. Потом испуганно вздрогнула и схватилась за голову: облегченный вздох опять вызвал смешки у цваков.

Пока мы все вместе практиковались в пантомиме, в дом бесшумно вошли Ривизель с Ллерекайеном.

Я поднялась с дивана и пошла им навстречу. Ллерекайен поклонился и улыбнулся максимально дружелюбно. Улыбка на его худой, не привыкшей к таким усилиям физиономии, смотрелась как на корове седло. Я тихонечко хихикнула, безуспешно пытаюсь скрыть смех в кашле.

- Госпожа Мелайна, в следующий раз, когда решишь заглянуть к нам в гости, будет достаточно произнести свое имя, и тебе сразу будут оказаны все полагающиеся почести! Я прошу прощения за свое непочтительное поведение и спешу заверить, что ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь и поддержку! - И он опустился передо мной на одно колено, опустив голову.

Эк его... Должно быть, у меня вытянулось лицо, вон как ехидно цваки косятся. Я стояла в растерянности и смотрела на склоненную голову мага, не зная, что сказать. Помощь пришла с неожиданной стороны. Ривизель подошел ко мне с ослепительной улыбкой, покровительственно обнял рукой мои плечи и весело сказал коленапоклоненному Ллерекайену:

- Да ладно тебе, Ллер, ты слишком серьезно отнесся к словам моего отца. При всем моем к нему уважении, надо признать, он любит сильно сгущать краски. - Цвак нагнулся к магу и с силой потянул того за локоть вверх.

- Да уж, Ривизель! Зато ты полная ему противоположность! Излишне легко ко всему относишься. Когда же ты повзрослеешь, сэр будущий повелитель! - проворчал смущенный Ллерекайен.

- Что-о-о? - изумленно протянула я.

Похоже, цваки решили удивить меня сегодня максимально возможное количество раз. Ко всем сомнительным достоинствам наглого цвака он еще и что-то типа принца в придачу! Но все смотрели на меня спокойно, даже с некоторым удивлением.

- А ты не знала? Странно, я вроде говорил, - задумчиво промолвил новоявленный наследник.

Ха, если бы я слушала все, что он говорит, я бы давно стала буйнопомешанной. Немного смущенно пожала плечами. И решила поинтересоваться:

- Мы собрались здесь по делу или будут еще хвалебные дифирамбы и неожиданные откровения? - Если и слышалась в моем голосе ирония, то совсем чуть-чуть.

Я беспокоилась о Роже все больше и больше. Трое цваков в углу, не вмешивающихся в наши споры, оказались такой специальной группой магов, которые взялись переместить несколько существ в определенное местечко. Ллера отправили с нами в качестве магической поддержки. Мне стало еще хуже, когда я подумала о том, что в прошлый раз магическую поддержку нам обеспечивал как раз Роже. Глаза мои наполнились слезами, а маг нахмурился в раздумьях, бросив быстрый взгляд на улыбающегося Ривиеля. Но ничего не сказал, только стал еще мрачнее. Да уж, непростой типчик. Мы втроем взялись за руки и подошли близко друг к другу. Остальные цваки окружили нашу троицу, расположившись равносторонним треугольником, и хорошо поставленными голосами запели заклинание перемещения.

- Стой, - я схватила Ривиеля за рукав. - Я же забыла про ведьму. Где Марвия?

- Та нахальная девчонка, что сопровождала тебя? - рассеянно переспросил цвак. - Не переживай, ее отпустят.

- Ну вот, - огорчилась я. - Опять Марвия решит, что я ее бросаю.

Тем временем цваки, не обращая на нас внимания, засветились изнутри, и это сияние постепенно поглотило всю троицу. Мы переместились как раз в тот зал совещаний, который находился на цветущей поляне в кратере потухшего вулкана. В лучах последнего заходящего солнца легкий туман, видимо, всегда обитающий здесь, приобрел грязно-розовый оттенок. Это выглядело настолько зловеще, что мы быстро сгруппировались. Мужчины объединились в круг, поместив меня за спины в центр, и вскинули наизготовку арбалеты.

Впрочем, как раз природное явление тут было не при чем. Мы ощущали мощное проявление магии смерти. Но, поделившись своими впечатлениями, сообща решили, что это просто след. Ни фиги себе, остаточное явление! Какой силы должен быть маг, чтобы оставить *такой* след!? Ллер прислушался и добавил, что эпицентр не так далеко, возможно даже, в этой самой долине. Хотя ничего нельзя сказать наверняка. Мы посоветовались и большинством голосов решили найти этот самый эпицентр, чтобы иметь представление, что же тут произошло.

Маг снова прислушался к себе и решительно направился в сторону оранжевого светила, убегающего с небосвода вслед за уже скрывшимся собратом. Мы побрели за проводником. Ривизель строил гипотезы произошедшего, одну другой фантастичнее. А перед моими глазами проходили сцены из прошлого. Роже перед своим повелителем, защищающий меня, ручающийся за меня. Мне вспомнилось его решительное лицо, потрясающие, бесконечно любимые глаза. И мягкая улыбка

поддержки. Он одним своим присутствием мог создать атмосферу безопасности. Что же произошло? Кто смог одержать над ним верх?

Ох уж этот туман, мало того, что настраивает на мрачные мысли, так еще и скрывает все на расстоянии десяти шагов. Мы могли пройти в двадцати шагах от вражеской армии и не заметить ничего! Хотя насчет живых существ можно было не волноваться или, наоборот, волноваться, но уже за них самих. Так как, благодаря моей новообретенной способности, я точно могла сказать, что живых тут нет, причем на большом расстоянии. При этом я отчаянно надеялась, что нет здесь и мертвых.

Мы резко остановились. Маг внимательно огляделся, к чему-то прислушиваясь.

- Да, точно! Это здесь...

- Но здесь ничего нет! - разочарованно воскликнул Ривизель, внимательно оглядевшись по сторонам. - Как же мы узнаем, что тут произошло?

Вдруг я резко покрылась холодным потом и хрипло прошептала:

- Что-то приближается, но неживое, это точно! Очень огромное... страшное.

- Насколько огромное? - деловито спросил Ллерекайен, примеряясь к площадке и закатывая рукава. - С какой стороны приближается?

Я попробовала еще раз пощупать пространство и закричала:

- Уже здесь! Позади тебя!

Маг стремительно обернулся и вскинул руки, а принц оттеснил меня к дереву и, молниеносно вскинув арбалет, закрыл своим телом.

Теперь уже слышалось какое-то странное шипение, к которому изредка добавлялся звук, более всего напоминающий хаотически выстроенный перестук камней. Но по-прежнему ничего видно не было. Звук же нарастал, тело из-за него наполнила какая-то ненормальная вибрация. Такое ощущение, будто внутренние органы перетряхиваются, внезапно решив поменяться местами, причем кардинально сменить постоянное место жительства. Ллер вдруг согнулся пополам, его вырвало кровью. Я закричала, отгаскивая принца, метнувшегося к магу. Сил моих явно не хватало, сомневаюсь даже, что Ривизель почувствовал, что ему что-то мешает. Протащившись по земле пару шагов, я сочла за самое благоразумное отпустить цвака.

Ривизель не добежал всего лишь шаг, как крик боли сотряс и его тело. На земле теперь корчились оба цвака. Я вскочила и, взмахнув руками вверх, с силой развела их в стороны. Какая-то часть меня, древняя как этот мир, взглянула на происходящее моими глазами. Будто со стороны я наблюдала за действиями своего тела. Это была я и не я: что-то подобное я переживала в холодной пещерке, во время ворожбы над цваками. Чувствуешь себя пешкой в уверенных руках гроссмейстера. Вот так люди и сходят с ума, разрываясь на две личности! Я увидела, что происходит на самом деле, и забила в панике в самом дальнем уголке сознания.

Весь мир состоял из сгустков энергии различной плотности, полярности, внутреннего движения. Над поляной зависло мрачное облако гудящей осиним гнездом энергии. Оно тянуло щупальца в виде тонких смерчей к судорожно сжимающимся телам на земле. По завиткам этих смерчииков в направлении от цваков в облако перетекала сверкающая субстанция, растворяясь в черной туше.

Я осознавала в приступе глобальной ясности, что это жизненная энергия, и что уже сейчас их, скорее всего, не спасти. Тела цваков меркли, некогда ярко-зеленые глаза постепенно гасли. Лица корчились так, будто тела заживо пропускали через мясорубку. Во мне поднималась волна ярости. Она проходила снизу вверх по телу, закручиваясь в спираль, и выхлестывалась из рук в стороны. Я резко сжала ладони.

Яростная бушующая энергия цвета зимнего солнца забурлила вокруг кулаков, создавая два свирепых шара на моих запястьях. С силой взмахнув руками, я плавно раскрыла ладони и, создавая пальцами волну, развернула кисти ладонями вперед. Шары сорвались с моих пальцев и с невероятной, все сметающей скоростью устремились к чудовищу. По поверхности шаров проходили волны, по пути они подкармливались энергией от всего, что встречали на своем пути, мгновенно превращая в прах камни и остовы деревьев. В итоге, к тому времени, за какие-то миллионные доли секунды, когда они коснулись твари, каждый шар был чуть меньше, чем сама тварь. Шары внезапно соединились, заключив чудовище целиком внутрь огромного энергетического пузыря. Крик твари получил огромный резонанс в ментальном мире, заставил меня сжаться, но я не опустила рук. Мне была не нужна быстрая смерть твари, и не то, чтобы я хотела ее помучить. Причина более серьезная - надо, чтобы она вернула то, что успела отнять, причем как можно медленнее, а то скорость возвращения жизненной энергии может убить моих спутников.

Я глубоко вздохнула и медленно, очень медленно стала совершать волнообразные непрерывные движения от плеча к кисти. Тварь натужно загудела, а охватывающая ее платиновая энергия сотворила два мини-смерча как у твари, только обратной полярности, и по этим каналам по искорке начала поступать энергия в практически безжизненные тела. Я полностью сосредоточилась на волнах, так как только от меня зависело, выживут ли цваки.

Это как давать пищу умирающему от голода, очень важно строго соблюсти меру. Очень хорошо, что у меня так развита гибкость движений, я все делала идеально. Мастер древности, Мастер всех стихий проснулся как нельзя вовремя во мне. Сейчас я могла при желании вывернуть мир наизнанку и посмотреть, что получится, находясь в центре Хаоса. И знала, что сил хватит еще и не на такое. Но это никак не влияло на мои чувства (или уже не мои, поди разбери), я была спокойна как сфинкс и, подозреваю, что даже улыбалась как он. Цваки стали подавать слабые признаки жизни. Сила вернулась к ним, теперь им необходимо отдохнуть, а мне разобраться с тварью.

Правой рукой я удерживала в неволе тварь, левой же, выпустив нечто, похожее на светящееся лассо, аккуратно переместила цваков за спину. Ну, что ж, посмотрим, помню ли я еще, как там жабы препарируются. Хорошо, что рядом нет зеркала, вряд ли мне понравилась бы сейчас моя улыбка.

Мягкой танцующей походкой я приблизилась к чудовищу, положила ладони прямо поверх энергетического поля и медленно начала делать руками восьмерку над своей головой. Сфера начала раскручиваться, повинувшись моим движениям, все больше ускоряясь. Я постепенно наращивала темп, теперь в движение вступило все мое тело, изгибаясь в противоположные стороны, что создало эффект взаимодействия противоположностей. Из твари сыпались искры поглощенной ранее жизненной энергии, которые золотой пылью оседали вокруг меня. Тварь стала резко уменьшаться в размерах. Она была обесилена, у нее не осталось ни пылинки истинной жизни. Вот теперь поговорим.

Я протянула руку вверх и, без проблем проникая сквозь платиновую оболочку, взяла шар, который теперь был размером с детский мячик. Тварь стала медленно растворяться, без поддержки энергетической оболочки мгновенно потеряв форму шара. Я сморщилась: медлить нельзя, тварь умирала, а я должна выяснить все!

Одним резким движением, пока не передумала, я впитала тварь в свое солнечное сплетение. Тварь тут же расплылась, напрямую столкнувшись с Силой Стихий, но главное сделано – ментальная память чудовища стала частью моей памяти. Теперь я знала все, что знала тварь. Посмотрим, насколько был осторожен ее создатель!

Впрочем, не создатель, решила я, прислушавшись к чужой памяти. Тварь просто призвали и усилили магически. Существо, призвавшее тварь, память описывала сильным проводником стихии смерти. Информации очень мало.

Что делать с платиновой сферой, сердитым шмелем гудевшей у меня над головой, я не знала. Махнув рукой, мол, потом, я с трудом развернулась и подошла к цвакам. Они с суеверным ужасом смотрели на меня. От подобных взглядов я вздрогнула и ... стала собой. Опять жалобно блеющим невротиком, не осознающим собственной силы.

Хотя нет, прислушавшись к себе, я поняла, что никуда моя сила не ушла и даже не спит. Она просто обернулась вокруг меня компактным вторым слоем ауры, практически незаметным, только более плотным на ощупь, словно спящая змея вокруг немогущей дудочки. Но гроссмейстер, что направлял эту силу в нужное русло, исчез.

Цваки все еще подозрительно на меня косились, но увидев, что я ни во что больше не собираюсь превращаться, во всяком случае, пока, немного расслабились.

– Как вы? – задала я мучающий меня вопрос.

– Как цваки, которых убили и тут же воскресили, – хрипло ответил Ллерекайен. – Мел, ты спасла мою жизнь. Знай, что теперь ты вправе потребовать от меня любой услуги, даже если она будет противоположна моим принципам!

– Бла, бла, бла, – сразу запаясничал Ривизель. – Мелайна, я ничего не буду говорить тебе...

– Ну и хвала Создателю! – страдальчески простонала я.

Принц фиолетовых панков, как ни в чем не бывало, продолжил:

– ...так как моя жизнь и так принадлежит тебе, делай с ней все, что захочешь, любимая.

Я застонала:

- Ривизель, ну сколько раз тебе повторять! Не нужна мне твоя жизнь...

- Да, да, я знаю, - усмехнулся этот нахал. - Ты меня не любишь, и я тебе не нужен. Видишь, я умею запоминать!

- Тебе важнее научиться понимать! - со злостью сказала я.

- Я все понимаю, Мел, - с умным видом покивал цвак.

- Ну и чего ты понял, - я саркастически приподняла левую бровь.

- Ты очень устала, любимая, тебе срочно надо выспаться. А я могу посторожить твой сон... ну и, заодно согреть тебя, - нежно пропел Ривизель, тут же получив от меня подзатыльник.

Ллерекайен расхохотался и, вконец обессилив, опять опустился на землю. Все еще хихикая, он предсказал:

- Да, тяжело тебе будет, ведьма!

Ясновидец хренов.

Глава 8

Мы, собрав последние остатки энергии, переместились в тронный зал анахов, чтобы попытаться чего-нибудь еще выяснить. В огромном величественном зале, выбитом в сердце скал, царил мрак и запустение. Все было покрыто пылью, тонким слоем, но везде равномерно. Я глухо застонала, осознав свою ошибку. Цваки вопрошительно подняли на меня глаза.

- Ребята, помните, я сказала, что на поляне нет живых существ? - Они слаженно кивнули. - Так вот, я ошиблась.

- Что ты хочешь сказать? - осторожно уточнил маг.

- Только то, что живых существ нет нигде в этом королевстве.

- Как это? - растерянно заморгал Ривизель.

- А так! Я не ощущаю ни анахов, ни цваков, кроме вас, ни людей, кроме себя, ни камов, ни валлов, ни птиц... здесь даже тараканов нет! - под конец я сорвалась на крик и спрятала лицо в ладонях, испугавшись своего гнева.

Мне надо учиться контролировать свои эмоции, а то ничего живого не останется во всем этом мире. Восстановив равновесие стихий, я подняла глаза. Оба цвака выжидающе смотрели на меня.

- Что уставились? - раздраженно спросила я. Потом осеклась: нельзя так с друзьями. Но что я могу? И тут меня осенило: но ведь я действительно многое могу! - Так, кажется, можно попытаться попробовать проследить события последнего дня. Так как тогда наверняка был сильный всплеск энергии, должны остаться следы. Ллер будет исполнять роль поисковой овчарки, или какие тут собачки имеются, отыскивая эти следы, а я буду складывать мозаику в картину.

Маг поморщился от сравнения, но спорить не стал, да и мне было не до того, надо хоть как-то восстановить силы.

- Вот бы чуточку поспать! Друзья, переместите меня, пожалуйста, в комнату, которую привыкла считать своей, а потом, - выбросив предостерегающий жест в сторону открывшего рот Ривизеля, - найдете себе спальни сами, не сомневаюсь. Подъем через три часа и начинаем.

- Три часа - это сколько по-нашему? - бесстрастно уточнил маг.

- Ой, как с вами непросто, - фыркнула я. - Ну, как взойдет... фиолетовая луна, как раз вслед за той, пятнистой, словно лабрадор, так примерно будет полночь на моих кварцевых, если я ничего не путаю.

- Я провожу тебя и спою колыбельную, - Ривизель улыбнулся и обнял за талию.

Цваку было фиолетово на мировые разницы во времени.

- Мне сейчас только концерта самодеятельности не хватает! - буркнула я, мягким жестом погружая Ривизеля в сон.

Пусть с ним Ллер разбирается, сгрузит куда-нибудь. И спокойно переместилась сама. Комната радостно приветствовала ночным пейзажем с вершинами из всех своих восьми окон. Я улыбнулась: как все-таки иногда удобно быть ведьмой, доползла до огромной кровати с немного пыльным балдахином и рухнула на мягкую перину. Сон мягко накрыл меня прохладной волной.

И тут же оказалась в полной темноте; хотя нет, это не просто темнота. Я почувствовала себя в первозданной Тьме, надвигающейся на меня со всех сторон. Тьма пыталась раздавить, сожрать этот смелый кусочек жизни. Я зябко передернула плечами и услышала зов. Мне надо идти вперед. Я сделала первый, самый трудный шаг и, тяжело переставляя непослушные ноги, понесла свое тело навстречу зову. Под ногами беспрестанно что-то шуршало, а при каждом моем шаге противно хрустело и хлюпало. Я старалась не думать, что может издавать подобные звуки, чтобы не исчез и так небольшой стимул продвигаться вперед. Потому что чувствовала: дальше будет только хуже.

Странная атмосфера сего ненормального места потихоньку начинала светиться невероятным черным светом. Я и представить себе такое не могла! Но факт. Оказывается, и такое возможно. Я уже что-то различала боковым зрением, но сознательно не присматривалась к окружающей обстановке. Ну их подальше с этими адскими интерьерами. Моя память подобрала единственный пример, хоть немного соответствующий происходящему. Правда, пример не был ничем обоснован и жив только благодаря слухам и Библии. Но сознание немного успокоилось, это было что-то более-менее знакомое, значит, можно к чему-то подготовиться, а, точнее, к самому плохому. Хоть я намеренно и не присматривалась к обстановке, но услужливая фантазия уже успела нарисовать отсыревшие своды с несметным количеством всякой низшей ползающей живности, а также горы

костей и гнилых останков под ногами. Разумеется, человеческих. От подобных ассоциаций я содрогнулась, погрозила пальцем своему неумному полету мысли, и, решив, что хуже не будет, решила все-таки оглядеться.

Да-с, как наивен человек! Реальность настолько потрясла меня, что я поддалась панике и затряслась всем телом: я находилась в узком коридоре абсолютно круглого сечения, на стенках, потолке и полу лежал толстый слой какой-то субстанции. Даже не лежал, а, к моему ужасу, непрерывно двигался с астрономической скоростью и в хаотичном беспорядке. Причем субстанция состояла из настолько маленьких тварей, что казалось, это грязь рождается, дышит, развивается и умирает сама по себе в бесконечной прогрессии. Местами в массе мелькали сегменты чьих-то тел: в шаге от меня промелькнул глаз с тянущимся от него нервом, в сантиметре от своей ноги я увидела фалангу пальца, очень уж похожего на человеческий.

В принципе я глубоко благодарна последнему видению, так как обратила внимание, что мои ноги постепенно покрывает толстым слоем эта проклятая грязь, взбираясь вверх. Причем, пальцев на ногах я уже не чувствовала. Я закричала и сама испугалась звука своего голоса. Это придало прыти, и я сломя голову метнулась вперед по коридору. Через минуту безоглядного спринта я почувствовала свои пальцы ног, но как-то слабо, как после анестезии. Эти твари успели впрыснуть какой-то яд в мой организм, но доза была, к счастью, невелика, и тело потихоньку справлялось само. Паника поутихла, странная грязь слетела с ног при быстром беге, а я перешла на шаг, пытаюсь восстановить дыхание. Глупо мчаться вот так неизвестно куда, особенно после такого теплого приема! Мало ли, что там еще ждет впереди.

Черный свет здесь стал значительно ярче, а я все ломала голову, пытаюсь найти логическое объяснение этому явлению. Моя голова обиделась на меня и отозвалась резкой болью, намекая на непосильность поставленной задачи. Я покивала, соглашаясь с неоспоримым мнением, и высокопарно извинилась перед своей пятой, периодически нужной конечностью. Похоже, извинения были приняты, поскольку боль немного поутихла. Воспользовавшись передышкой, я огляделась. Грязи из тварей здесь было значительно меньше, иногда моему взору даже представляли стены, идеально гладкие, словно полированные, из какого-то темного материала, на вид больше всего походившего на металл. Если бы не полупрозрачность и расходящиеся неровными кругами разводы, словно у спиленного столетнего дерева. С каждым шагом тьма становилась все ярче, стены чище, а коридор расширялся, резко уводя потолок вверх.

Через метров сто взору моему предстала огромная пещера с множеством ходов, пробурованных на разной высоте от пола. Все ходы отполированы до блеска, как будто ими ежедневно пользовались какие-то гигантские змеи. Я содрогнулась от собственного сравнения.

Посреди пещеры стоял огромный валун, походивший на сколотую часть горной вершины. Камень был сплошь покрыт непонятными письменами, напоминающими китайские иероглифы, и так походил на скалу, к которой был прикован Роже из моего видения, что я почувствовала дурноту и слабость в ногах. Пересилив эмоции, я медленно приблизилась к валуну. Где-то справа раздался легкий стон, больше похожий на последний вздох. Я вздрогнула и метнулась в сторону звука. Обогнув скалу, я увидела анаха.

Он был весь спеленат оковами из уже знакомого мне странного материала с разводами и прикован к скале на уровне около полуметра от пола. Грязные клочья, бывшие когда-то щегольской одеждой верховного мага Лив'утвао, свисали лентами мумии. Изможденное тело обтянуто потемневшей восковой кожей, сквозь которую было видно, с каким трудом пульсирует в венах кровь. Очень медленно. Спутанные грязные волосы свисали с опущенной головы паклей, полностью закрывая лицо. Не было слышно ни малейшего признака жизни.

- Роже... - прошептала я дрогнувшим голосом.

По телу мага прошла судорога, он немисливо изогнулся от боли во всем теле, прошло несколько секунд. Потом он обмяк, а я с надеждой услышала неровное дыхание. Анах с трудом поднял голову, и его взгляд медленно сфокусировался на моем лице. Только его необыкновенные оранжевые глаза не подверглись страшному изменению. В них, как и раньше светились мудрость и грусть. Я со слезами метнулась к нему...

И со всего размаху врезалась в невидимую стену. Не поверив в такой жестокий обман судьбы, я прощупала пространство впереди себя. Стена была монолитной и окружала скалу плотной завесой. Анах печально улыбнулся и тихо сказал:

- Мел, я рад, что увидел тебя перед уходом. - Я с ужасом поняла, что он умирает.

Хуже, он уже умер, когда я пришла, и только его могучая сила воли вернула к жизни. Чтобы попрощаться.

Застонав от бессилия, я опустила на пол. Из глаз моих потекли слезы.

- Нет, нет, только не сейчас! Я же нашла тебя, нашла!

- Не плачь, любимая, я буду ждать за порогом. Когда-нибудь мы снова встретимся...

Улыбка застыла на его прекрасном лице. Голова медленно опустилась, и волосы скрыли от меня любимые черты.

- Нет! - От моего крика завибрировали стены.

Страх потерять его, бурлящий внутри, наконец нашел выход, взбудоражив силу стихий во мне: она, словно внезапно разбуженная змея, вскинулась и яростно зашипела. Я выбросила вперед руки и, очертив ими идентичные спирали, развернула ладонями вверх. Раздался оглушительный хлопок. Препрады больше не существовало.

Избавившись от энергии страха, я воззвала к стихии воды, почувствовав, как она поднимается из глубин двумя ожившими столбами. Одновременно мягко провела руками вдоль тела снизу вверх и, завершая движение, так же мягко повела руками в спираль. Следствием этого движения пробудилась энергия огня и тоже спирально взобралась по столбам ярко-голубой энергии воды. Приподнявшись на цыпочки, я перенесла вес тела на правую ногу, одновременно левой делая захлест вокруг оси тела, и с силой развела руки в стороны - энергия воздуха повлекла яркий клубок противоположных стихий к прикованному в скале телу, и окружила спиралями со всех сторон.

Яркий свет вспыхнул внутри Роже и пробежал интенсивным всплеском молний от центра по всем клеточкам организма. Когда тело мага закончило искриться, вокруг него коконом застыло облако яркого света. Станный свет тьмы вокруг нас заметно потускнел.

Тело анаха на глазах наполнялось силой, краски обретали яркость. Аура мага обретала объем и насыщенность живого анаха. Он поднял голову, рывком откинул волосы с лица и пораженно уставился на меня. Похоже, маг просто потерял дар речи. Я смущенно развела руками:

- И не надейся от меня избавиться! Либо оба здесь, либо вместе туда!

Роже усмехнулся:

- Прямо и не знаю, что и выбрать! А еще варианты есть?

Мы рассмеялись. Вдруг Роже резко замолчал, и я прочитала в его глазах беспокойство и непонимание.

- Что с тобой? - спросил он чужим голосом.

Я посмотрела на свои руки и, к своему ужасу, увидела сквозь них пол пещеры. Я медленно таяла и была уже полупрозрачной. Что происходит?

- Bravo, Мастер! Не ожидал от тебя такого... энтузиазма.

Я резко развернулась. Позади меня на расстоянии двух шагов стоял человек. Темная аура клубами дыма окутывала его фигуру в черной одежде. От него исходили волны силы. Знакомой силы, по памяти твари. Маг продолжал:

- Явиться прямо в мою скромную обитель, да еще в таком, я бы сказал, неадекватном состоянии... Смело, очень смело. Но ты потратила слишком много сил на восстановление своего друга и скоро не сможешь поддерживать свое ментальное тело в таком виде. Это и так энергоемкий процесс, а с твоим непредусмотрительно выбранным резервом так и вообще дело дрянь! С минуты на минуту мы лишимся возможности лицезреть несомненно прекрасное тело. Но, признаться, я удивлен. Ты добилась того, что я не смогу причинить вред магу, но он ведь все равно остался моим пленником. Один-один. Хотя нет, два-один в мою пользу. Я узнал потенциал и теперь могу обещать, что скоро разделаюсь со всей вашей компанией, и вы больше не будете вставлять палки в мои колеса. Ты и понятия не имеешь, во что ввязалась, девочка!

Я вскипела:

- Ой ли? Уже носишь шкуру убитого медведя? С тварью твоей мы справились. Не боишься, что справимся и с тобой?

- Мой уровень гораздо выше, победа над наивной девчонкой будет легким приключением, - плотоядно улыбнулся маг.

- А если девчонка сделает так? - я воззвала к древнему существу внутри себя и взглянула глазами вечности в лицо магу.

Он побледнел и, покачнувшись, отступил. Но, видимо, на эту ребяческую выходку ушел весь остаток

резерва энергии, я провалилась во тьму.

Открыв глаза, я увидела, что опять лежу в комнате, выделенной мне некогда гостеприимными анахами, на смятой от беспокойного сна постели. За окном уже было утро. Трудлюбивые солнышки наперегонки карабкались на белесое небо, согревая все живое и стряхивая с меня остатки оцепенелости. Все тело била нервная дрожь. Оно уже вспотело, как будто меня всю ночь использовали в качестве черепахи, удерживающей Землю.

Я сползла с мокрой кровати и доплелась до шкафа. К счастью, там все еще висела одежда, которой меня снабдили в последний мой визит, а на полу нашлись и мои адидасовские штотки. То ли не успели убрать, то ли на самом деле закрепили за мной данную жилплощадь. Последнее было приятно. Значит, меня здесь ждали. Я переоделась в сухое и облегченно вздохнула, раскинувшись в кресле. Сейчас я чувствовала себя такой разбитой, к тому же что-то не давало покоя, будто камушек попал в туфлю. Сон... кажется, это важно. Никак не удается вспомнить. Кстати, а почему, собственно, меня не разбудили? У нас же были грандиозные планы по поиску бесследно исчезнувшего народа! Или под шумок и цваки пропали, а я одна живая душа на километры вокруг? Прислушавшись к себе, я успокоилась: фиолетовые панки были где-то рядом.

Ладно, раз меня не хотят окружать вниманием и заботой и не надо! Я не гордая, сама найду и выскажу все наболевшее. Как они могли меня проигнорировать! В следующий раз не буду их спасать! Тут же рассмеялась, – ну и бардак в голове! И на этой оптимистичной ноте отправилась на поиски цваков. Я вышла из комнаты и пошла вниз по коридору. Спустившись по каменной винтовой лестнице, остановилась и задумалась, куда же свернуть, как тут же услышала приглушенные голоса. Тогда радостно побежала на звук и вскоре обнаружила друзей в огромном зале, по которому разносилось гулкое эхо, превращая беседу цваков для моего слуха в непрерывный гул.

– Привет, Мел, как спалось? – Ривизель, приветливо улыбаясь, шел мне навстречу.

– Спасибо, хреново! Что ж не разбудили-то? – ворчливо отозвалась я, ловко увиливая от объятий белобрысого цвака.

– Мел, мы тебя будили, точнее, пытались, но ты вообще создавала впечатление не спящей, а замороженной, – улыбнулся подошедший Ллер.

В глазах у мага я прочла тревогу.

– А вы что-нибудь нашли, пока я пыталась разворожиться? – уточнила я.

В ответ маг махнул рукой на то место, где они стояли:

– Только вот здесь: очень сильный след. Увы, мы все обошли, но это единственный отпечаток магии во всем замке. А вот остатки магического возмущения наблюдаются абсолютно везде. Мел, я не то, что раньше такого не видел, я вообще о таком не слышал.

Я вздохнула: ну чем я могла помочь? Еще не так давно я была знакома с магией только по книжкам! Но попытаться необходимо, вдруг проявится еще какая-нибудь способность. Хотя, если честно, я бы немного подождала с новыми потрясениями. Легко мечтать о силе, но сложно владеть ею. Моя шкурка это испытала на себе. Я сейчас вообще не понимала: кто я или что я. Магические прозрения были милосердно короткими, но все равно сила, бушующая в такие моменты, пугала. И легче думать, что она вселилась в меня на время, пришла извне. Но гадкий шепоток внутри все подкладывал доказательства обратного. Я тяжело вздохнула и прошла в указанное Ллером место. Сосредоточилась на своих ощущениях. Что-то знакомое промелькнуло на уровне подсознания, возникло ощущение дежавю.

– Ребята, сдаётся мне, я знаю, кто оставил этот след, но почему-то не могу вспомнить ни этого типа, ни откуда я его знаю! Есть от чего сойти с ума!

– Давай-ка помогу, – воодушевленный маг быстро подошел. – Сосредоточься на нем.

И положил указательные и средние пальцы рук на мои виски. Голова загудела, как портативный компьютер, я тихо хихикнула насчет своей причастности к миру техники. Потом виновато скосила глаза на нахмурившегося мага и сосредоточилась.

В голове что-то звучно щелкнуло и поплыли образы... Да, конечно, как я могла! Как могла забыть *такое*! Я задышалась, а тем временем мои глаза решили, что им тесно в глазницах, и почти вылезали из орбит. Маг отпустил мою голову и тихонько отошел в сторону. Все тело била крупная дрожь, холодный пот покрыл линию позвоночника. Я затравленно оглянулась на друзей.

– Мел, не тяни! – первым не выдержал Ривизель. – Только не говори, что не вспомнила, не поверю. Это написано огромными буквами на твоём лице!

- Ну так прочитай! - мрачно буркнула я, внутри заново переживая минувшую ночь.

- А я люблю слушать твой голос, меня это успокаивает и настраивает на счастливую семейную жизнь! - хитро промурлыкал наглый цвак.

Я гневно сверкнула глазами и открыла было рот, чтобы высказать этому нахалу все, что я думаю о семейной жизни как таковой и о его жизни в частности. Но вспомнила, что момент, мягко говоря, не подходящий.

Мысли явно пропечатались на моем лице, потому как Ривиэль иронично хмыкнул. Ллер понял, что я уже более-менее в порядке, и спросил:

- Так кто это был, Мел?

- Темный маг, - просто ответила я и приступила к рассказу на тему: «Что я делала этой ночью».

Глава 9

После моего рассказа друзья впали в легкий ступор, переваривая услышанное. Я же усиленно почесывала тыковку в поисках мало-мальски дельной мысли. Все было против нас. Роже похищен, и хвала небесам, что он сейчас хоть в относительной безопасности. Но я не знаю, сколько продержится моя защита. И не знаю, где конкретно он содержится. К тому же, не знаю, что вообще произошло. Роже – один из сильнейших магов этого мира; как же удалось темному магу взять его в плен? И, главное, зачем он это сделал? Чего он хотел от него добиться? И куда делись все остальные анахи? Одни вопросы и ни одного намека на ответ. Я со злостью ударила кулаком по небольшой статуе из красиво переливающегося синими красками камня: от несчастной во все стороны полетели сколы, а я с удивлением уставилась на свой кулачок.

След стороннего магического вмешательства мы нашли, а толку. Только мага идентифицировали. А многочисленных «что?», «зачем?» и т. д. только прибавилось. И у меня родилось пока только одно решение.

– Ребята, я сейчас собираюсь сделать большую глупость, но прошу вас не мешать, – решительно пробормотала я.

Цваки очнулись от тяжелых размышлений и вопросительно уставились на меня.

– Я возвращаюсь в логово темного мага. – На лице Ривиэля был написан откровенный ужас, но маг ответил понимающей улыбкой.

Кажется, он тоже сделал вывод, что другого пути нет. Нам просто необходимо получить хоть какие-то ответы.

– У тебя получится, – просто сказал он и тут же в Ллера полетел возмущенный взгляд белобрысого цвака.

– У меня должно получиться! – Я решительно осмотрелась и добавила. – Да, именно здесь. Мне будет легче, пойду по следу словно гончая. Куда-нибудь да попаду. Только вот один нюанс...

Я сосредоточилась и магически перенесла в зал огромную неуклюжую кровать из своей комнаты. И, отвечая на удивленные взгляды цваков, кивнула в сторону холодного и грязного пола:

– Ну, вы же не думали, что я позволю своему бесчувственному телу валяться где ни попадя, да еще и в такой сомнительной компании, пока моя душа или что еще там шляется неизвестно где?!

– Я очень надеюсь, что нам станет известен ее маршрут, – спокойно улыбнулся Ллер.

Вот уж кто был уверен во мне за нас двоих... Или нет, глядя на вытянувшееся лицо Ривиэля, пожалуй, за троих! Но прекрасный принц молчал, правда, очень старательно и красноречиво пыхтел при этом.

– Что с тобой, Ривиэль, я думала, твой рот физически не способен оставаться закрытым хоть пять минут подряд! – я по-дружески хлопнула цвака по плечу. – Ты даже для проформы не повозмушался! Форму теряешь, приятель.

– Насколько я понимаю, тебя отговаривать бесполезно, – каким-то блеклым голосом ответил цвак.

Я только неопределенно пожала плечами и полезла устраиваться на кровати, как раздался страшный грохот. Я, наученная невеселым опытом, молниеносно нырнула под кровать, цваки тоже поспешили укрыться за спинкой.

Вслед за гулким шумом снаружи огромное окно зала, собственно, просто одна из стен, выполненная из стекла, разлетелась на мелкие кусочки, застывшие на стенах и полу расплавленными кляксами. Я словно сквозь сон проследила за полетом осколка, пролетевшего в сантиметре от меня. И поблагодарив себя любимую за столь дельную мысль, как своевременный перенос в зал такого надежного укрытия, с любопытством, но очень осторожно выглянула из-под кровати и уставилась на разбитое окно.

А там было на что посмотреть! В пролом, в клубах черного дыма, украшенного проблесками пламени, медленно влетал неопределенный летающий объект, гордо называемый в народе НЛО. Ярко-серебристый и продолговатый, он завис над полом в полной тишине, иногда нарушаемой шипением расплавленного стекла.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнула я. – Все оказалось гораздо проще, чем я себе представляла: меня банально похитили инопланетяне, накачали какой-то галлюциногенной гадостью и теперь всю потешаются, наблюдая за моими дикими эротическими фантазиями! Но теперь, видимо, время истекло, пора возвращаться в реальный мир. Так что сейчас меня переместят в какой-нибудь

прозрачный бокс, и зеленые человечки будут препарировать мой мозг дальше...

Тем временем серебристый объект мягко опустился на каменный пол и... встряхнул полупрозрачными крыльями с четкой сеткой перепонки. Потом от серой глыбы отделилась длинная шея, увенчанная изящной продолговатой головой, на которой немного выше глаз ярко-красным веером раскинулись шипообразные наросты, создавая иллюзию нимба вокруг головы. Ярко-красные же шипы я увидела и вдоль позвоночника громадного ящера, начиная от нароста и заканчивая кончиком мощного хвоста длиной метров пять. Алый раздвоенный язык заметался в раскрытой длинной пасти.

- Красавец! - невольно вырвалось у меня.

Не то чтобы я не испугалась, очень даже наоборот, но я же в первый раз вижу дракона. Живая легенда, так сказать. Дракон остановился, странно кося на нас алым глазом, потом вытянул шею в нашу сторону и прошипел:

- Ес-с-ли уж на то пош-шшло, то красс-савица!

После этих слов дракон немыслимо изогнулся, вспыхнуло пламя, и сквозь клубы черного дыма вышла невероятно тоненькая девушка с черными глазами и черными, с синим отливом, волосами. Взмахнув длинными густыми ресницами, она улыбнулась:

- И спасибо за комплимент!

- Дракон-оборотень! - пораженно выдохнул Ллер. - Это же легенда... такая древняя, что уже давно кажется просто сказкой...

- Ну как тебе не стыдно, друг, - иронично покачал головой Ривизель, отпихивая цвака. - Разве можно упоминать женщине про возраст... Скажите, какова цель вашего визита, прекрасная леди?

Девушка жеманно улыбнулась цваку и, метнув в него кокетливый взгляд, соизволила ответить:

- Я должна предупредить верховного мага о возможном нападении на обитателей Лив'утвао!

Ллер печально качнул головой и произнес:

- Ты немного опоздала, легенда... анахи бесследно исчезли. Верховный маг жив только благодаря Мастеру стихий, но все еще в плену.

Девушка растерянно огляделась, потом, нахмурившись, капризно топнула ножкой:

- Вот гад, опять меня обставил! Ну ничего, разговор еще не закончен...

Тут она заметила, как вытянулось в недоумении лицо стоящего рядом с ней Ривизеля, и мгновенно ослепительно улыбнулась цваку. Прекрасный принц заметно покраснел и пробормотал:

- А чего, побрить лохмы и сойдет...

Кажется, белобрысому панку было до лампочки, что там твердит прекрасная незнакомка, а вот она сама очень даже заинтересовала моего бывшего жениха. Что обрадовало бы меня в другой момент, но тут я поняла, почему голос оборотня кажется знакомым: это ее разговор мне довелось подслушать в зачуханной гостинице Валрада.

- Хранитель, - потрясенно прошептала я.

- Для начала, меня зовут Ссхенлишь, - обворожительно улыбнулась мне девушка: ну, милая, уж на меня свою харизму можешь не тратить! - Ты можешь называть меня Хен; знаю, как тебе, бедняжке, трудно ломать язык, пытаюсь правильно произнести наши имена.

Я скорчилась: вот язва, это ж надо так принизить собеседника под глазурью трогательной заботы.

- Ты права, я - Хранитель, - безмятежно продолжила Хен, бросая томные взгляды из-под темных ресниц на цваков. - Точнее одна из Хранителей. И издавна охраняю границу нашего мира от непрошенных гостей. Особенно от тех, кто пришел с негативными намерениями. Если быть более точной, наша цель - соблюдать равновесие этого мира по отношению ко всей Вселенной. Около семи месяцев назад границу пересек очень сильный злой маг. В нашем мире не было мага, который мог бы противостоять ему. Не в силе, а в тонкости его ворожбы. Она чужеродна для этого мира и несет всему живому смерть. Посредством высасывания жизни. Мы не смогли засечь его самого, но чувствовали все, что он творит.

Я растерянно оглянулась на цваков и пораженно заметила, что те понимающе кивают каждому слову красавицы... она их что, загипнотизировала? Несет же полную чушь, а они ей верят, Ллер вон

какой встревоженный!

– До последнего момента мы не знали, какую интригу он плетет, – тяжело вздохнула Хранитель. – Для нас была загадкой история, произошедшая полсоты назад. Зачем ему надо сталкивать два древних народа между собой, – она пожала плечами и обиженно надула пухлые губки. – Это же могло привести мир к гибели! Проблему надо было решать как можно скорее, и Хранители призвали из пограничного мира некое существо, – при этих словах Хен отвесила в мою сторону легкий полупоклон. Так это они меня сюда притащили, да еще и обозвали! – и одарили его возможностью управлять сразу всеми стихиями, поскольку на данный период в этом мире медиумов такого плана не имелось.

Глаза мужчин обратились ко мне: Ллер смотрел явно разочарованно, Ривизель же просто глянул на меня и снова с обожанием уставился на Хен. То есть, эта стервочка хочет сказать, что сила не моя, а заимствованная? Я стояла, чувствуя себя так, словно на меня в жару неожиданно вылили ведро ледяной воды.

– Только сейчас мы разгадали его замысел, – печально продолжала Хен. – Все дело в том, что у всех анахов врожденные способности к магии смерти. Существует вероятность, что если собрать вместе всю расу и провести в замкнутом пространстве определенный ритуал, то через одного анаха, желательно сильного мага, можно получить всю силу клана. Или добиться одновременной их смерти и сразу впитать посмертный выброс силы. Это делает его магом вне времени и пространства. Меня послали предупредить анахов, но я опоздала, причем, видимо, намного, – она задумчиво присела и провела тонким пальчиком по грязному полу.

– Ага, – со злостью прошептала я. – Протрепалась с самым злым и ужасным магом в захолустной гостинице.

– Он наверняка уже провел ритуал и вытягивает жизненные силы из несчастных, – заломила руки безутешная Хранитель и горестно замолчала, поникнув.

– Ривизель, – я отчаянно затрясла рукав цвака: тот глупо улыбался, глядя на страдающую Хен. – Она лжет... то есть, я не могу поручиться, что лжет, конечно. Но всей правды не говорит!

– Полно, Мел, – цвак оторвал влюбленный взгляд от Хен, которая уже настороженно поглядывала на меня. – Ты же всегда говорила, что мы не пара, что тебе не пойдет ни ирокез, ни лысина, что бы это ни значило... да и зеленые глаза тебе напоминают каких-то там мартовских котов... не надо ревновать, милая!

– Кретин, – буркнула я, отталкивая Ривизеля и бросаясь к Ллеру: – Ты-то понимаешь, что происходит?

– Конечно, понимаю, – серьезно кивнул Ллер. – Медлить нельзя. И раз тебе дана сила, чтобы спасти наш мир, ты должна воспользоваться ею. Мел, я думаю, тебе нужно рассказать Хранителю все, что ты видела.

Ну что мне оставалось делать? Я тяжело вздохнула и затянула волюнку по новой, стараясь не упустить ни малейшей мелочи. Хен слушала очень внимательно. В конце рассказа она просветлела и сообщила нам:

– Мел уже почти решила проблему. Во всяком случае, она отгородила верховного мага от посягательств испытателя, но остальные анахи могут умереть от истощения. Все дело в том, что анахи с помощью магии были заключены в этот самый обломок скалы, что видела Мастер стихий. Со своей стороны они наверняка ощущают себя просто в тесном каменном мешке. Связь между ними и испытателем выбран обеспечивать верховный маг, что совершенно логично вписывается в нашу догадку.

Цваки с умным видом покачали головой, соглашаясь с Хранителем. Я тоже покачала головой: надо же так ловко притянуть все факты за уши, чтобы вывернуть все наизнанку. Если эта краля хоть чем-то повредит Роже... нет, пусть только попытается, я выцарапаю ее прекрасные глазки!

– Проблемы темного мага начались с того, что Роже оказался все-таки уникальным магом, сильным духом, – словно прочтя мои мысли, продолжила Хен. – Он очень долго сопротивлялся, готов был скорее отдать свою жизнь, чем позволить испытателю провести свой мерзкий опыт. А своей магией Мел как бы запечатала вход. Заклятие наверняка продержится еще пару диос, судя по его силе. Но мы не можем ждать. Действовать надо прямо сейчас. Я настроюсь на энергию Мел и отыщу эту пещеру, вы полетите на мне. Наша задача освободить анаха и уничтожить мага...

– С одной только поправкой! – решительно вмешалась я, поскольку не доверяла Хранителю. – Вы втроем полетите, а я отправлюсь с черного хода.

Хранитель растерянно кивнула, тут же в голове я почувствовала легкий гул и усмехнулась: даже

цваки давились противоречивым хаосом, творящимся в моей черепашке, куда уж тебе, милочка! Вздрогнув, Хен торопливо отошла к окну и, по-кошачьи выгнув спину, начала увеличиваться в размерах. Серебристое сияние, разрастаясь, охватило все тело девушки. Через пару мгновений перед нами стоял летающий объект по образу и подобию сказочных драконов.

Оглянувшись, Хранитель припала к полу, позволив цвакам взбежать по хребту и сесть себе на шею. Потом слегка повернула ко мне свою монументальную голову и, подмигнув, оскалила пасть в подобии улыбки. Я содрогнулась от этого неземного зрелища. Проводив глазами улетающих друзей, повернула в сторону кровати и начала вторично устраиваться.

Расслабившись и закрыв глаза, я сосредоточилась на внутренних ощущениях. Попыталась вспомнить пещеру, своды, темные провалы ответвлений до самой последней мелочи. И внезапно, словно кто-то переключил канал телевизора, пещера предстала передо мной в натуральном виде. Все осталось в том же состоянии, как и в мой первый визит. Я торопливо огляделась. Темного мага нигде не было видно, Хранителя с цваками пока тоже. Я подбежала к камню и облегченно вздохнула: Роже был все еще жив. Он спал, окруженный коконом света.

- Роже... - тихонько позвала я.

Маг тут же проснулся и, подняв голову, нежно улыбнулся:

- Мел.

- Роже, я не знаю, сколько у нас времени, поэтому буду кратка. Я знаю, что твой народ заточен в этом камне, а ты - замок. Я сейчас попробую подобрать к тебе отмычку, так что будь готов ко всему.

- Но существует опасность, что странный маг почувствует твое присутствие, - предупредил анах.

- Обязательно почувствует! На то и расчет. Не волнуйся, на этот случай у меня имеется отвлекающий дракон, и, судя по моим ощущениям, он как раз приближается, - весело сообщила я магу: раз Хранитель так нагло пользуется мной, отчаянно привирая всем вокруг, значит, я тоже имею право воспользоваться милашкой.

Роже растерянно моргнул и хотел было спросить о чем-то, но я прижала палец к тонким синим губам:

- Скоро роковая дракониха прилетит и пусть сама разбирается со своим старым поклонником, а мы тем временем посмотрим, сколько сил закачали в меня эти Хранители.

Потом немного отошла и воззвала к силе стихий, покоящейся внутри меня: скрученная вокруг ауры гипотетическая змея отозвалась практически мгновенно, мне даже показалось, что она очень обрадовалась новому делу. Сразу же мои глаза настроились на энергетическое видение. И яркий кокон вокруг Роже поблек на фоне скалы, к которой он был прикован. Гора, как оказалось, состояла из крошечных светящихся точек в миллионном количестве.

Я воззвала к силе любви и жизни и легким движением направила ее по спирали вокруг горы. Я скользнула, словно по льду на эту спираль, разворачивая в пространстве движение маятника. Вокруг зазвучала музыка жизни. Я выпустила на волю силу огня, и она саламандрой пробежала по спирали, поднимая меня все выше. Сила воздуха развеяла ментальное тело в пространстве. Я сама стала этим воздухом. В структуру ментального поля мягко вплелась сила воды, образовав новые завихрения невероятной силы. Воззав к силе земли, я сумела проникнуть сквозь скалу, а сила смерти дала мудрость веков всех миров: теперь я прекрасно знала, как вытащить отсюда всех пленников. Я закрутилась в середине валуна, распрямляя пространство изнутри, раскрывая каждую клеточку камня. Словно со стороны услышала резкие щелчки и падение тела. Это скала отпустила Роже.

Теперь будет немного посложнее: я чувствовала, что истощена. Но тут вдруг перед внутренним взором возник образ серьезной Хен: Хранитель передала мне мощный поток серебристой энергии. Силы загудели шмелями, переплетаясь друг с другом, беспрестанно смешиваясь, но оставаясь отдельными потоками. Я охватила всю внутреннюю сторону камня и вывернула ее наизнанку. Это потребовало максимальной концентрации. В стремлении удержать шаткое равновесие, я немедленно, пока оставался хоть минимальный резерв, освободила анахов из пещеры на поверхность и плавно полетела навстречу тьме, не в силах более совладать с бушующими стихиями.

Теперь резерв магии, вложенный Хранителем, полностью исчерпался. Я постепенно растворялась в силе и тут почувствовала рядом чье-то присутствие, но не понимала, кто это, хотя ощущала чужой полный резерв, открытый для моего пользования. Одним «глотком» втянула в себя почти все, что было у существа.

Усмирив стихии, я ощутила, что на меня надвигается темный маг. Как вовремя пришла помощь: еще мгновение и от Мастера стихий осталось бы только воспоминание, да холодный трупик на

огромной кровати в тронном зале анахов. Ментальное тело испытателя не совпадало с физическим, представив собой рваный каплеобразный силуэт. Я мгновенно распространилась вокруг него, создавая непробиваемую сферу. Тело задергалось, а я позволила силе смерти объединиться с силой огня. И субстанцией ярко-черного света пробила мага насквозь.

Астрально снизившись на уровень, позволяющий мне видеть своим обычным физическим зрением, оглядела поле боя. Да-с, картинка. На широком плато, прижавшись, друг к другу, стояли изможденные анахи. Ривиэль беспокойно склонился над бесчувственной Хен и отмахивался от Ллера, словно от мухи. Тот, невзирая на сопротивление товарища, перевязывал ему серьезную рану на плече. Хотя у самого вся одежда была в крови, будто в ней искупался. Опустившись на камень, я подбежала к окровавленному цваку и уже протянула руки, чтобы его исцелить, когда натолкнулась на его упреждающий взгляд. Он едва заметно покачал головой: кровь чужая, сам Ллер был здоровехонек.

- Почему ты так выглядишь? - удивилась я.

Похоже, тот в очередной раз лишился дара речи и только развел руками. Хен застонала и слабо зашевелилась. Ривиэль вздохнул с облегчением и обернулся ко мне:

- Ну и спектакль ты тут устроила, сестренка! Мы вполне честно сражались трое на одного. Этот хмырь успел меня вывести из строя и рванул к этой беззащитной девушке...

«Беззащитная девушка» хищно улыбнулась, но ничего не сказала против, нежно посмотрев на цвака.

- Не знаю, какое жуткое заклинание он применил, но Хен упала, как подкошенная! - продолжал Ривиэль, трепетно прижимая к груди изящное тело Хранителя: та благосклонно прильнула к мужчине, уткнувшись бледным личиком. - Отовсюду стали валиться тощие анахи, выглядевшие так, словно их только что выкопали из уютных могил. Маг отвлекся от Хен и попытался уничтожить несчастных. Тут Ллер бросился наперерез, плетя новое заклинание, как вдруг злодей остановился как вкопанный, волчком покрутился на месте и, удивленно вскрикнув, разлетелся на молекулы. Ллера и всех, кто стоял внизу, окатило душем из свеженькой кровушки. И тут на месте чудовищного взрыва появляешься ты! Такой эффектный финал навеки запомнят все анахи, я тебя уверяю, еще и сотню легенд сложат!

Ривиэль даже восторженно подпрыгивал, рассказывая мне о битве. Хен, которой, видимо, надоела тряска, отвлекла цвака старинным женским способом. Целуя Хен, наглый цвак хитро скосил на меня глаза: может, надеялся увидеть признаки ревности? Я пожала плечами: что же, весьма сладкая парочка получилась, стоят друг друга. Тут мне пришло в голову, что заниматься чужой личной жизнью как минимум нелепо, когда своя есть.

- А кто-нибудь видел Роже? - встревоженно спросила я: Ривиэль удивленно моргнул и поднял голову, Хен обиженно укусила цвака за ухо.

- А я давно уже здесь, - раздался за спиной хриплый голос. - Вот стою, жду, когда и до меня очередь дойдет.

Я с воплем радости бросилась анаху на шею... и со всего размаху проскочила мимо. Непонимающе уставилась на свое прозрачное тело и провалилась в темноту.

- Ты меня выжала, как лимон, - терпеливо вторил мрачный анах на мои обвиняющие вопли. - У меня больше ни на что сил не осталось. Я отдал тебе весь резерв, ну как я смог бы без магии переместить к нам твоё тело?!

- А ты не оправдывайся. Еле живая героиня после славных подвигов хочет только одного поцелуя, но и это у нее отбирают! - не могла успокоиться я, метаясь по опустевшей без кровати комнате. - А мне еще пришлось ждать, когда вы изволите доползти до города, не зная, в какой стороне вас искать! Я было рванула...

И тут меня попросили заткнуться, впрочем, самым приятным образом.

- Как же я тебя люблю! - произнесли мы вместе и счастливо рассмеялись такому единодушию.

- Ну, все? - спросил Роже. - Больше не будешь пытаться мне глаза выцарапать? Хорошо же ты встречаешь усталого пленника.

- Сам виноват, - пряча улыбку, буркнула я. - Все вас накорми, напои, да спать уложи...

- Вообще-то, - мечтательно закатил свои прекрасные глаза анах. - Можно ограничиться последним пунктом плана!

И повалил меня на мягкий ковер. Игриво борясь, мы катались по черному ворсу, срывая друг с друга остатки одежды. Вдруг Роже замер, восхищенно уставившись на результат своих действий:

- Что? - смущенно спросила я, переворачиваясь на живот.

- Ты такая необычная, - нежно проворковал анах и припал теплыми губами к моей шее.

- Кто бы говорил, - пробормотала я и, развернувшись к синекожему мужчине, поймала жадными губами его поцелуй.

Несмотря на мои опасения, с физиологией иномирцев оказалось все, как надо.

Позже, я, прижавшись к Роже, лежала на темном ковре и смотрела на фиолетовую луну в сером небе. Утомленная настолько, что не могла заснуть, но бесконечно счастливая, я нежно проводила рукой по длинным темным волосам любимого и слушала его сонное дыхание. Чтобы ни было за спиной, чтобы ни случилось впредь, мне казалось, это уже не имеет значения: большего счастья в моей жизни не будет, ибо человек просто не способен ощутить более сильные эмоции. Мне хотелось летать, совершать акробатические трюки... и все равно, что я не умею. Поскольку казалось, что сейчас все смогу.

В дверь тихонько постучали. Я недоуменно оглянулась: после таких событий не представляла, кто бы это мог быть: анахи банально отлеживались, цваки тоже после битвы были никакие, Хен... наверняка занялась остатками сил Ривизеля.

Стук раздался снова. Вздыхнув, я осторожно, чтобы не разбудить, выскользнула из объятий Роже и, завернувшись в остатки некогда тяжелого черного плаща, пошлепала к двери.

В коридорчике стояла бесстрастная Хен.

- Ты чего по ночам шастаешь, исполняешь обязанности заезжего привидения? - удивилась я, тщательно прикрывая за собой дверь: вдруг ей вид прекрасного обнаженного мужчины навеет мысли, что Ривизель не так уж и хорош.

- Мне жаль, - качнула головой Хранитель. - Но тебе пора.

- В смысле - пора? - опешила я.

- Миссия твоя завершена, - печально продолжила Хен. - Силы должны вернуться к Хранителям, а ты уйти в свой мир...

- Но почему? - сердечко мое сжалось от страха все потерять.

- Потому что так надо, - уверенно произнесла девушка.

- А если я не соглашусь? - уточнила я. - Я нашла свое счастье здесь и никуда не собираюсь возвращаться.

- Тогда ты становишься врагом этого мира, - просто, без малейшей угрозы в голосе, ответила Хен. - И Хранители призовут другое существо, чтобы уничтожить тебя...

- И так они тащат в этот мир всяких проходимцев одного за другим, - невесело усмехнулась я. - Предыдущий тоже не хотел, видимо, покидать этот мир. Я слышала ваш разговор в гостинице. Что, надоел поклонник? Надо было срочно избавиться от старой пассии? Даже не пожалела мне все свои силы отдать для его уничтожения.

Хранитель вздрогнула и уставилась на меня с подозрением: ну хоть какие-то настоящие эмоции на милом личике.

- А что случится, если я выиграю у следующего спасителя мира? - как бы невзначай уточнила я.

- Ничего, - нахмурилась Хен, отводя глаза. - Мир не рухнет...

Я хищно усмехнулась: счастье свое так легко не отдам! И бороться буду до последнего.

- Но, - Хранитель подошла ко мне вплотную. - Ты не умеешь управлять данными тебе силами. И очень скоро стихии завладеют тобой, подчинят твою волю, вырвутся на свободу, и тогда... ты ничего не сможешь исправить. Никто не сможет выдержать прикосновения к чистой силе какой-либо стихии.

Я побледнела: все, что говорила Хен, красочной картиной встало перед глазами. Я знаю, что такое стихия, я ощущала в себе бурю. И если верить Хранителям, то вполне возможно, что стихии, не терпящие контроля, правда завладеют моим телом. Та змея, что ласково свернулась вокруг и пока

спит, в один прекрасный момент может запросто позавтракать своей хозяйкой, если решит, что голодна. И первыми жертвами станут самые близкие... Роже. При всей силе верховного мага я чувствовала, что анах бессилён против стихий.

Хен удовлетворенно кивнула, поняв, что я смирилась:

- Прощай, Мастер, - иронично усмехнулась она и, сложив ладони, подняла их над моей головой.

- Подожди, - торопливо крикнула я, увидев, как нарастает вокруг меня светлый кокон.

Свет померк, и я продолжила, глядя на себя уже в открытое зеркало шифоньера:

- Дай хотя бы попрощаться...

Глава 10

Вязкий скользкий туман обволакивал все вокруг. Я пыталась вырваться, я бежала, сломя голову, но не могла убежать отсюда. Этот туман держал крепко, и для этого ему абсолютно не требовались ни руки, ни оковы. Просто он проглотил мою душу, спрятал мое сердце, а пустое тело никуда не денется и так.

Иногда в тумане звучали до боли знакомые голоса, пару раз я даже пыталась рассмотреть смутные овалы лиц, но все это было где-то там. А здесь только одиночество, боль, страх. Страх так никогда и не вырваться из этого склизкого тумана.

Проснувшись утром, я привычно поежилась: этот сон сопровождал меня все долгие тяжелые пять лет. И каждое утро я практически на автопилоте встаю, иду в ванну, где под еле теплым, так как с утра на воду большой спрос, душем смываю липкие остатки кошмаров. Потом варю кофе и шагаю в студию: занятия, тренировки, снова занятия, выступления – все смешалось в разноцветный хоровод фальшивых сцен. А потом тоскливый одинокий вечер и опять туман вместо увлекательных сновидений.

Нет, конечно, так было не всегда. Сначала я надеялась: каждый день возвращалась той же дорогой, как в мой первый визит, даже выверяла точное время, специально задерживаясь на тренировках, я молила звезды и глухое небо о новых опасностях. Которые могли бы грозить миру, чтобы Хранители снова призвали меня. Но день проходил за днем, а ничего не происходило.

Я возненавидела это небо, так отличающееся от того, я возненавидела единственное солнце, которое звало по утрам в еще один пустой день. По мне лучше было навеки остаться в том склизком тумане, это и так очень близко походило на мою теперешнюю жизнь, но было не так больно. Может, потому, что в тумане и не ждешь ничего хорошего.

Теперь каждая тренировка для меня за благо; и чем изнурительней, тем лучше. И бралась я теперь за все, лишь бы не думать, лишь бы убить лишнюю минутку, отобрать ее у одинокого вечера, когда в моей душе поднималась неконтролируемая волна безысходности. Плакать я давно уже разучилась – слезы не приносили утешения и почему-то лишь усиливали боль, словно иссушали тело, и от этого перегорали какие-то загадочные предохранители в душе.

Я взяла несколько групп новичков для тренировки. Но даже это не выматывало меня так, как я хотела: чтобы прийти и просто рухнуть от усталости, забывшись тяжелым сном. Тогда стала расширять свой круг: напросилась к друзьям на занятия, металась от стиля к стилю. Вскоре мой день состоял из многочисленных разездов по городу: я хваталась за любую возможность узнать что-то новое, освоить еще несколько неизвестных движений. Ибо в танце находила если не утешение, то хоть какой-то смысл существования: вдруг тому миру потребуется помощь, я должна быть во всеоружии. И если стихии подчиняются танцу, то именно свой стиль я должна отточить до совершенства.

Теперь, через пять лет, меня не узнавали старые знакомые, даже если нас сталкивало лицом к лицу: конечно, я очень сильно изменилась. Одежду пришлось отнести в красный крест уже через год – я стала носить почти детский размер, ибо аппетит уже не навещал, а танцами я занималась иногда круглыми сутками. Я продала все восточные костюмы: все равно они с меня падали, а стриптизом никогда не хотелось зарабатывать на жизнь.

Еще я перестала улыбаться. Да, раньше улыбка составляла часть танца, но это были другие постановки. Постановки радости. Любви, счастья. Какая у меня могла сейчас быть радость? Так что восток я оставила за спиной, предпочитая искать свой стиль, ставить новые, часто на грани экстрима, танцы. Все стили смешать, но не взбалтывать – теперь я жила по этому принципу.

Но от востока все равно далеко не уйдешь, поскольку наша студия на нем, собственно, и основывается. Приходится и преподавать, и делать постановки соло и для групп. Девочки давно уже смирились, что я теперь не в группе, но часто припоминали мне бегство. Ну не могла я больше идти по старой дорожке: воспоминания буквально скручивали, стоило только глянуть на групповой танец в фиолетовых костюмах. Ведь именно в таком я впервые предстала перед Роже.

Горячий ароматный кофе обжег небо: задумавшись, я сделала излишне большой глоток. Откашлявшись, решительно возвратила чашку на мраморную столешницу: вечером допью. Подхватив рюкзачок, я выскользнула на улицу в прохладу зарождающегося утра. Прохожих пока никого – еще слишком рано. Это хорошо, я всегда чувствовала себя комфортнее в одиночестве, а теперь это стало моим стилем жизни. «Гордое одиночество», так теперь меня называют за глаза, да и в глаза тоже – некоторые невезучие парни, выбравшие для любовных страданий именно мою персону, словно вокруг нет девчонок посимпатичнее, поулыбчивее... да со свободным сердцем.

Сперва я хотела поменять квартиру, чтобы окончательно избавиться от воспоминаний, но потом, немного успокоившись, отказалась: сейчас лишь воспоминания составляли лучшую сторону моей

жизни. Я смотрела на реальность вокруг, на людей, слушала подруг и поняла, что не имею права жаловаться: мое сердце тронула настоящая любовь. Та, которую ждут большинство людей на планете, возможно, всю свою жизнь. А некоторые, так и не дождавшись, уходят из этого мира ни с чем. Мне же улыбнулось великое счастье, и пусть лишь одну ночь – она стала путеводной звездой всей жизни.

Да, со звездами у меня особые отношения. Усмехнувшись, я вспомнила, как пробежала по этой дорожке как-то ночью, так же раскинув руки, как в памятный вечер, уперев глаза в звездное небо, да как с размаху налетела на фонарный столб. Вот тогда звезды окружали меня со всех сторон. А потом окружали кресты... нет, хвала небу, я оказалась не на кладбище. Но, к моему сожалению, и не в том мире. Просто загремела в больницу с сотрясением мозга. Передвигаться по стеночкам и отбрыкиваться от добрых врачей, наперебой предлагающих сделать пункцию мозга, мне не понравилось, поэтому я прекратила эксперименты и теперь всегда смотрю под ноги.

Поймав пустую маршрутку, я поехала на окраину: все равно еще очень рано. В одиночестве танцевать сегодня не хочется, а вот там мне было чем заняться. Поблагодарив говорливого водителя, который развлекал меня всю дорогу и не требовал какой-либо реакции, я выскользнула около рощицы: там, на небольшой вытоптанной полянке по ночам происходило почти волшебство. Когда я впервые увидела, как парни танцуют с горящими паями, то была совершенно очарована. Напросившись к ним в компанию, я начала заниматься со всей страстью. И освоив свою первую восьмерку, уже думала, как поставить клубный танец с такими вот штуками.

Конечно, танцевать с огнем в тесном помещении очень опасно, поэтому я решила ставить танец со специальными светящимися палочками. В темноте танцпола они смотрятся ничуть не хуже огня, зато не дымят, не чадят и не поджигают зрителей. Так что теперь мои тренировки дикой смеси беллиденса и хип-хопа с элементами нижнего брейк-данса, да еще с паями наперевес всегда вызывали аншлаг в тренировочном зале: люди специально оставались после занятий, чтобы поглазеть на весь этот ужас. А с учетом того, что я теперь принципиально не брала для танцев легкую музыку, предпочитая рок, металл, классику и прочие сложные для постановок композиции, каждый танец признавали «высокоинтеллектуальным». Так что, по прошествии этих тяжелых, но продуктивных пяти лет я стала личностью узнаваемой и востребованной в плане моего нестандартного творчества.

Выйдя на полянку, я скинула рюкзачок и легкую хлопчатобумажную курточку на отшлифованное многими сотнями задниц до зеркального блеска бревно. Натянув на голову тоненькую шапочку, спрятала под нее волосы. Не то, чтобы это сейчас необходимо – просто хорошая привычка, когда имеешь дело с огнем, ведь волосы вспыхивают мгновенно, а шевелюра мне еще нужна, так как волосами можно танцевать так же лихо, как и телом. Я даже поспорила однажды и составила небольшую композицию, движения в которой выполнялись исключительно свободно спадающими волосами. Получилось забавно: я выиграла спор, да еще заработала хорошие деньги, продав свое произведение рекламщикам какого-то шампуня. Правда, сама отказалась участвовать в съемках: мне до сих пор Леля это напоминает.

Подруге все не терпится вывести на новый уровень нашу школу. Хотя лично я не понимаю такого активного рвения: у нас и так все очень стабильно идет в гору. Еще пять лет назад существовал единственный и, честно говоря, довольно посредственный ансамбль из шестерых девчонок да несколько групп стареющих матрон, желающих приобщиться к прекрасному, пока песок еще не сыплется. Сегодня у нас официально зарегистрированная школа, которая проводит обучение и взрослых, и детей, а также ведет группы для начинающих. Есть несколько групп танцоров, работающих в различных направлениях. Ежегодные отчетные концерты, всегда проходящие с аншлагом, постоянный поток заказов танцоров на различные мероприятия, чего еще можно желать? Но нет, Леля никогда не останавливается на достигнутом и всегда твердит, что она так же упорна, как и я: только в бизнесе. И подруга права – в этом она как рыба в воде, мне же никогда не нравилась вся эта тягомотина с организацией, бухгалтерией и прочей лабудой.

Так что наш дружеский союз плавно перерос в коммерческий. Но хорошие отношения остались: Леля всегда прислушивалась ко мне, старалась найти компромисс между моими запросами и реальностью, тщательно взвешивала каждую каплю моего фонтанирующего творчества: что будет покупаться, что народ просто не поймет. У Лели на это всегда был нюх. Да и для Лели я оставалась единственной подругой, поскольку многие отношения сломались, когда стала бизнес-леди. Просто не выдержали лелькиного жесткого напора.

В глаза Леле лебезили, за спиной шушукались: какая дружба выдержит такое двуличие? Я лично не понимаю такого отношения, поскольку не ищу выгоды для себя. Выгода сама меня найдет, поскольку, гоняясь за синей птицей, рискуешь порвать последние штiblеты. А если делаешь свое дело упорно, с удовольствием, синяя птица сама сядет тебе на плечо. Чисто из любопытства: чем это ты так увлечен, что не замечаешь такое диво, как она?

Естественно, мы с подругой иногда ругались, поскольку не скрывали правды-матки и рубили сгоряча, высказывая претензии в лицо. Зато никогда друг на друга не обижались: смысл обижаться

на правду? Просто поостыв, искали пути решения проблем.

Все это крутилось у меня в голове в унисон с полетом теннисных мячиков, засунутых в старые носки. Треники всегда валялись здесь под кустами в большом количестве: мало ли кому вдруг приспичит потренироваться? Обычно здесь круглые сутки народ, так как увлекаются кручением паев самые разнообразные люди. И порой в мешковатой одежде и не поймешь: кто здесь крутой бизнесмен, кто – домохозяйка, а кто и чеканутая танцовщица...

Я резко остановилась: упущенный треник больно ударился в затылок. Почесав тыковку, я попыталась поймать за хвостик ускользящую мысль. Ой, правда, я словно сегодня подвожу итог за все эти прошедшие пять лет. Судорожно сглотнув, припомнила, какое сейчас число. Точно: ровно пять лет назад Хранители выплюнули меня из своего мира. Второй раз в том мире я провела гораздо больше времени и была уверена, что меня потеряли. Тем больше удивилась, когда, позвонив Леле, узнала, что отсутствовала три дня! Лелька, конечно, забеспокоилась, но в милицию еще не ходила.

Живу я одна, родителей нет. Скажем так, мне абсолютно нечего терять здесь. Только Леля, но я была уверена, что без меня подруга не пропадет. Да, и я, и она будем скучать, но это не трагедия всей жизни. Но в тот день подруга махом примчалась ко мне домой и устроила мне, зареванной, допрос с пристрастием. Пристрастием служила бутылка коньяка, подаренная Леле поклонником пару лет назад. Так как мы с ней обычно совсем не употребляем алкоголь, бутылка долго ждала своего звездного часа. И дождалась.

После стакана, опрокинутого натошак, слезы высохли, и даже наступило некоторое облегчение душевной боли. Конечно, я осознавала, что завтра мне будет еще хуже, но была благодарна за некоторую передышку в страданиях. Бедной Леле пришлось выслушать все. Подруга, буравя меня пьяным взглядом, иногда испуганно ахала, порой просто не верила, но изо всех сил старалась понять.

– Ой, Мелка, – вздохнула она под утро, когда пустая бутылка валялась под столом, а мы сонными глазами мрачно встречали преувеличенно-бодрое утреннее солнышко, – как я тебе завидую...

– Завидуешь? – удивилась я. – Чему, интересно? Разлуке с любимым? Или тоске в душе?

– Глупая ты, – оборвала меня подруга. – Люби завидую, чувствам, словно в романе. Приключениям завидую. Ты хоть понимаешь, что была там, где никто не был? Видела другой мир, о чем люди только мечтают, пытаются хоть во сне прикоснуться к чему-то не столь обыденному?

– Не понимаю, – хмыкнула я. – Точнее, мозгами все понимаю, а вот сердце завидует как раз тебе. Что ты спокойно живешь, зная не зная об этих самых гипотетических других мирах, о любви ненормальной к существу, похожему на тебя лишь отдаленно. Хорошо, хоть в валла не угораздило влюбиться, тьфу, страсти какие!

– Ну, давай друг другу завидовать, – расхохоталась Леля. – С обоюдного разрешения.

На том и порешили, и с тех пор все делали вместе, Лелька даже хотела перебраться ко мне из общежития, да подвернулась квартирка недорогая рядом со строящимся зданием, которое в будущем и стало нашей школой танцев. Контора, строящая его, развалилась – партнеры не поделили что-то между собой, а Леля, как всегда, оказалась в нужное время в нужном месте, не побоялась за строительство взяться, хоть и не знала на тот момент об этом ничего. Но риск оправдался, здание окупилось через четыре года и в этом мы даже вышли на хорошую прибыль. Леля честно поделила деньги пополам. Я было отбрыкивалась: с тех пор, как меня лихим желанием Хранителя занесло в Кеприю, деньги перестали для меня что-то значить. Есть чего носить, есть чего поесть, а танцевать меня теперь везде бесплатно пускают, поскольку все уже свои. Но Леля была непреклонна, почему-то считая, что именно я помогла сбыться ее амбициозным планам.

Вздыхнув: что-то тренировки не получается, мысли уводят в прошлое, я закинула треники обратно в куст, стянула шапочку и засобиравалась в школу. Солнышко тем временем поднялось уже довольно высоко, и летняя удушливая жара набирала силу, так что курточка отправилась в рюкзак. Я достала кепку и резинку: сделала хвост, чтобы не было жарко от распущенных волос, закинула яркий розовый рюкзачок за спину и, надвинув кепку пониже на лоб, отправилась по дороге пешком, поскольку маршруток здесь немного, ждать, возможно, придется долго, а пройтись всегда веселее.

Позади отчаянно засигналила машина. Оглянувшись, я увидела знакомых, которые тоже иногда приезжали сюда паи покрутить. Оказывается, они ехали в город, но решили завернуть на полянку. Узнав, что я тоже возвращаюсь, друзья решили отложить тренировку и подвезли меня прямо до школы.

Пришлось самой отпирать дверь, больше похожую на металлический сейф: все еще было очень рано, даже Лелька не пришла. Справившись с упрямой дверью, я направилась к себе в кабинет. Зачем мне кабинет, я и сама не знала, но Леля уверенным тоном заявила, что положено. Куда

положено, не сказала, зато провела меня в махонькую комнатушку, где невозможно танцевать или крутить паи. И сказала, чтобы я иногда занималась чем-нибудь еще просто так, для разнообразия. Я долго пыталась приспособить кабинет под склад многочисленных сценических костюмов, ибо терпеть не могла копаться среди чужих вещей в поисках своего, помятого многими копающимися до меня. И это если не брать в расчет запах, стоящий там: тошнотворная смесь пота, ведь выступление только со стороны смотрится легким, да табака, поскольку выступать часто приходилось и на корпоративах. Пока Леля не взбесилась и не выделила еще одну комнату под мой личный гардероб, где я тщательно проветривала каждый костюм, прежде чем повесить его к остальным.

И вот тогда, долгими обеденными перерывами, когда зал был занят, а больше делать нечего, я вдруг неожиданно для себя стала рисовать. Это после того, как зареклась навечно брать в руки карандаш, с трудом окончив художественную школу. С трудом, поскольку мне было абсолютно неинтересно рисовать скучные мятые самовары и восковые потрескавшиеся яблоки. А мои рисунки на вольные темы чопорный старичок, учивший нас, всерьез не воспринимал.

И вот теперь, когда я на столе обнаружила пачку бумаги и канцелярские принадлежности, руки от скуки сами вывели первую загогулину. Я вошла в свою обитель: теперь я могла сказать, что это моя комната. Стены сплошь увешаны рисунками, большинство из которых представляли собой загадочные пейзажи Кеприи. Некоторые давали представление о народах, населяющих этот веселый мир.

Я опустилась в мягкое вращающееся кресло, поприветствовавшее меня жалостливым скрипом, и карандаш словно сам собой скользнул в ладонь. Синий, конечно же. Я никогда не вывешивала на стены его. И вообще, тщательно прятала каждый портрет, хотя именно их рисовала чаще всего.

Длинное узкое лицо с почти квадратным подбородком, четко очерченные скулы и озорные ямочки на щеках. Как у ребенка. Тонкий длинный нос с маленькими ноздрями, какие рисуют в иллюстрациях про Древнюю Грецию. Высокий гладкий лоб, копна длинных черных волос. Глаза я всегда оставляла напоследок: миндалевидные, опущенные густыми черными ресницами. Интересно, мне даже не с чем сравнить эти прекрасные и удивительные глаза. Может, только с янтарем. Той редкой его разновидностью, внутри которой сияет множество искорок, скрывая собой прозрачность красновато-оранжевого камня.

Интересно даже, каким он видит мир через эту природную призму. Схожи ли наши версии? Может, он ощущает цвета, как совершенно иные? Или различает больше оттенков. Видит ли он далеко или может видеть сквозь преграду? Я так мало знаю о жителях Кеприи. Мое путешествие больше похоже на стремительную сказку... нет, скорее, на китайский фильм. Это у них любимый конец: «и все они умерли».

- Ну и урод, - фыркнула невесть откуда появившаяся Леля, заглядывая через плечо. - Это тот злодей, что соблазнил Хранителя и хотел бросить бедняжку?

- Ты все перепутала, - чуть улыбнулась я. - Но соблазнитель еще тот...

- А, - хлопнула себя по лбу подруга. - Это твой квака!

- Это не цвак, - покачала я головой, делая ударение на правильности названии расы. - И вообще, тебя поставили подслушивать, а ты подглядываешь! Кстати, поздравляю, - весело добавила я, шуточно щелкая Лелю в нос. - Сегодня ровно пять лет, как ты меня напоила коньяком до поросычьего визга.

- Пять лет? - ужаснулась девушка и виновато покачала головой. - Непорядок, надо исправляться, а то на старости лет решу, что жизнь прожита зря - напоила Мелку всего только один раз! Короче, надо это дело отметить, благо есть на что. Так что сегодня никакой работы...

- Не получится, - хмыкнула я. - Ты же сама вчера до потери пульса визжала, что приезжает мэр и нужно нечто интеллектуальное, как раз в моем стиле.

- Ах да, - поморщилась Леля. - Эх, в кои веки решишь расслабиться... так собственно и расслабимся! Прямо там и отметим это дело. Все равно государев человек сбежит с вечеринки быстро, как всегда. А мы к оставшимся присоединимся.

- На халяву, - поддакнула я, подмигнув. - Нужда прошла, а привычки остались.

- Заметь, - приосанилась стройная женщина в брендовом костюмчике. - Полезные привычки: опять-таки, экономия! Ну что, согласна?

- Ладно, - безразлично пожала я плечами. - Пить, так пить...

- Сказал котенок, когда понесли его топить, - рассмеялась Леля, сдернув с меня кепку.

Ох, я даже забыла головной убор снять, хотя подругу это не удивило: Леля привыкла еще не к таким чудачествам. Она медленно стянула резинку, распуская пепельный шелк волос:

- Поверить не могу, как они выросли за это время, - восхищенно произнесла Леля. - Уже Жозефину Павловну переросли! Красота! Зачем ты такую роскошь постоянно в хвост прячешь?

- А ты попробуй походить в парике подобной длины пару летних дней - узнаешь, - буркнула я, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза: всегда любила, когда мне причесывают мою гриву. - Вот цваки, название которых ты до сих пор запомнить не можешь, решают этот вопрос радикально. И, оцени, пришлось от принца прекрасного отказаться ради сохранения шевелюры!

- Ценю, - рассмеялась Леля и взяла в руки костяную расческу.

Ту самую, которую я случайно стырила в свой первый визит, вместе с шелковым платьем. Второй прошел менее продуктивно: мне достался лишь рваный плащ Роже. Хранитель не дала времени даже исподнее одеть. Хорошо, хоть в дом закинули, а то хороша бы я была в таком виде, допустим, посреди леса: бедные грибники бы за сексуальную маньячку приняли.

- Эх, пропал в тебе художник, - тяжело вздохнула Леля, проводя гребнем по волосам.

- Так это ты его сейчас ищешь? - усмехнулась я. - Теперь понятно, кто там все это время шебуршился... не дергайся - шучу я. Никто во мне не пропал, художник из меня так себе. Это просто от безысходности я вновь взялась за карандаши. Подожди, пройдет еще годик, за масляные краски возьмусь - все отсюда сбежите. Запашок там... мечта токсикомана! Сколько натикало унов?

- Через полчаса занятие, - посмотрела Леля на маленькие изящные часы, не проявляя удивления: она привыкла, что я произношу много незнакомых слов, и просто угадывала значение.

- Тогда возвращай мне хвост, пойду им покручу, - потянулась я. - Разогреюсь перед занятием да подумаю, чего бы такого высокоинтеллектуального выдать вечером.

Махнув рукой Леле, задумчиво разглядывающей рисунки, я быстро сбежала по ступенькам и ворвалась в прохладный зал. Жалюзи поднимать не стала - солнце слишком быстро нагреет воздух, а так кондиционер попозже включим. Мы еще не привыкли, что можно теперь не экономить, права Леля. Включив свет, проскользнула в тренерскую, переодеться.

Натянув эластичный топ и любимые штаны-мотню, вышла в зал. Включив медитативную музыку погромче, позволила телу совершать движения, какие оно само захочет, полностью освободив разум от мыслей. Динамическая медитация, продолжающаяся примерно минут пятнадцать, прекрасно подготавливала тело и мозги к серьезным нагрузкам и позволяла отвлечься от всех проблем. Завершила разминку несколькими любимыми асанами. Начал потихоньку подтягиваться народ, а йога любит тишину, поэтому я округлилась и включила музыку поритмичнее. Проверено: слыша попсу, девочки и переодеваются быстрее, и в более веселом настроении приступают к работе. День обещал быть весьма суматошным.

В семь я почувствовала, что немного притомилась, а вечером предстояло выступление. Домой отдохнуть вырваться не удалось, поэтому придется восстанавливать силы так, без любимого дивана. Махнув на прощание девочкам из танцкласса, я поплелась в свой кабинет. Коврик для йоги умещался где угодно, так что за полчаса при закрытых дверях и берушах в ушах я становилась практически новым человеком, способным танцевать всю ночь без передышки.

Так что примерно за четверть до восьми часов я была уже в форме. Вынув беруши, услышала, что в дверь отчаянно ломятся, и, видимо, давно. Я спокойно поднялась, стараясь не расплескать равновесие, и открыла дверь. В комнату влетела Леля с вытаращенными глазами. От эмоций, бушующих в маленькой женщине, со стен повалились белые листы.

- И незачем так орать, - сказала я подруге. - Успеем, как всегда.

- Да ты что! Выход в девять, а надо еще одеться, накраситься, распорядиться с музыкой, сама знаешь, как нелегко объяснить ди-джею то, что от него требуется... - Леля металась по комнате в панике. - А еще надо девочек настроить, они сегодня новый танец показывают, волнуются...

- А еще надо доехать, - намекая на время, поддакнула я. - Да не переживай ты так, все будет в лучшем виде, как всегда. Я за костюмом, а ты девочек обзвони. Кто нас сегодня повезет? Мы же собирались отметить, так что ты за руль, надеюсь, не полезешь?

- О! - схватилась за голову Леля. - Точно! Надо еще и с машиной договариваться...

Оставив подругу улаживать организаторские вопросы, я торопливо спустилась в костюмерную, поскольку за весь день так и не подумала, какой бы танец показать сегодня. Я вошла в длинное узкое помещение. Не представляю, в каких целях можно было бы использовать еще эту комнату, но

под костюмерную она подходила идеально: оставалось только протянуть между двух стен штангу, на которую нанизались вешалки с костюмами. Внизу стояла обувь. На широком подоконнике я расположила сценическую косметику, накладные ресницы, парики, большую вазу с бижутерией и увеличительное зеркало на ножке.

Пока Леля сейчас договаривается со всеми, я сразу надену костюм и приведу себя в надлежащий вид, чтобы быть готовой выступить, поскольку всегда есть какие-то проблемы, задержки. А оставаться незаметной до выступления мне поможет залатанный черный плащ Роже. Я осторожно прикоснулась к чуть мерцающей ткани: на ощупь она была прохладной, хотя грела даже в тридцатиградусный мороз – проверено на практике.

Теперь я знала, что буду танцевать. Этот номер родился из моего измученного сердца. Всю боль потери, всю невостребованную страсть я вложила в этот танец. Я стянула с вешалки комбинезон из биэластичной ткани и, спешно скинув тренировочные шаровары, натянула костюм. Большое, почти во всю стену костюмерной, зеркало отразило худощавую девушку с грустными голубыми глазами, чье тело было охвачено бушующим пламенем.

Мою задумку портниха очень успешно претворила в жизнь: на комбинезоне из ткани телесного цвета кроваво-красными пайетками и стразами вышиты языки яростного огня. В танце при определенном освещении иллюзия была такой правдоподобной, что иногда меня пытались тушить чуть подвыпившие граждане. Паника в их глазах читалась совсем не в шутку, как они потом пытались доказать, сорвав выступление.

Волосы оставлю распущенными, но перед самым выходом. Макияж можно сильный не делать: костюм предполагал узорчатую бархатную маску, тоже изображающую языки пламени. Накладные ресницы и багровая помада оттенят лицо, придав еще больше трагизма. Бижутерия здесь просто потеряется, так что я никогда и не пыталась цеплять даже сережки. Бежевые босоножки, пойдет семерочка, чтобы быть хорошо устойчивой, а то в танце много кружений. И последнее: я прикрепила на шею сверкающий стразами ошейник, от которого до самого пола струилась алая парча гофрированных крыльев.

Внимательно осмотрела себя, стараясь оценить общее впечатление. В этом танце тоже не нужно улыбаться, поскольку он выражает муки страсти. Спалившие нежное сердце дотла, а вот пара хищных гримас только помогут произвести большее впечатление. Криво ухмыльнувшись своему отражению, я накинула плащ анаха, схватила с вешалки дежурное вечернее платье и выскочила в просторный холл.

Как я и думала, Леля все еще где-то бегала, с кем-то договаривалась. Девочки, которые собирались показать новый танец, немного тряслись от волнения.

– Привет, котята, – дружески кивнула я двум Катям. – Что показываем?

– Фраки, – нервно икнула одна, зябко кутаясь в старенький халатик, из-под которого показался кусочек серебристо-черного костюма.

Девочки, зная заранее, что Леля сегодня не за рулем, тоже переоделись прямо в школе. Тут с лестницы почти скатилась бизнес-леди, в узкой дизайнерской юбке умудряющаяся перепрыгивать практически по три ступеньки.

– Хорошо, хоть из окна не решилась выпрыгнуть, – усмехнулась я, следуя за пронесшейся к дверям Лелей.

Котята подхватили пожитки, сваленные в углу, и подорвались следом.

Мрачный мужик за рулем джипа несся так, что котята повизгивали от ужаса на заднем сидении. Леля там же, на чем свет стоит, костерила кого-то по телефону. Я же, запихнутая подругой на переднее сидение, пыталась улыбаться в ответ на очень уж недвусмысленные взгляды водителя.

Так что все с облегчением вздохнули, когда оказались на месте: котята, что остались живы, я – что мужик наступил на горло песне и не увез нас куда-нибудь на хату, а Леля – что не опоздали. Водитель же грустно окинул нас взглядом, пробурчал что-то неразборчивое и, смущенно сунув мне в руки визитку, умчался в ночь.

Вздохнув, я перевсучила бумажку Леле и, накинув чехол с платьем на плечо, направилась к черному входу дорогого ресторана. Подруга аккуратно сложила визитку в специальный альбомчик: она каким-то образом умудрялась брать в оборот моих поклонников, не вмешивая меня саму в это дело. Оно и к лучшему, а то я бы эти визитки компостировала прямо зубами самих назойливых поклонников.

Конечно же, можно было и не торопиться: выход задерживали, и мы уже полчаса плевали в и так уже грязный потолок коридорчика, ведущего к кухне. Оттуда доносились дразнящие ароматы,

девочки-официантки уже не раз пытались запихать в нас какую-нибудь вредную вкусность, но мы мужественно терпели: плясать с набитым животом все равно, что прыгать с парашютом, прихватив пару гирь. Мало того, что опасно. Так еще и неудобно: руки заняты, кольцо-то чем дергать?

Наконец в дверь влетела как всегда взъерошенная Леля:

- Ну, все. Котятка, наизготовку! - скороговоркой выпалила она и унеслась обратно: надо проконтролировать, чтобы ди-джей, явно не отказывающийся добрым официанткам, поставил именно ту музыку, которая требовалась.

Кати одновременно затряслись: дуэт у девочек был такой слаженный, они даже боялись одинаково! Скинув серые халатики, девчонки показали мне в костюмах. Я присвистнула:

- Эротичненько!

- И готичненько, - мрачно подтвердили Кати хором.

Черные сетчатые колготки обтягивали стройные ножки. Самое сокровенное прикрывали тонюсенькие серебристые стринги. Черные фраки с серебристыми манишками делали котят неуловимо похожими на пингвинчиков, тощеньких таких пингвинчиков. Черные цилиндры на головах и серебристые трости завершали наряд. Раздались первые звуки песни под ритмы твиста:

- Пошли, - как всегда слаженно кивнули котятка и, широко заулыбавшись, выскочили на сцену.

Не имея возможности насладиться выступлением подружек, я приплясывала в черном плаще в коридорчике, провоцируя молоденьких поварят, которые с любопытством выглядывали из кухни. Музыка закончилась, и в дверь ворвались разгоряченные Кати под гром оваций.

- Ура, - вскрикнула первая, кружа меня в танце. - Не налажали!

- Ура, - порадовалась я за девочек. - А теперь отпусти, сейчас мне выступать.

Я скинула плащ - пацаны, выглядывающие из-за угла, восхищенно присвистнули - и передала Кате. Танец мой начинался с темноты и тишины, так что, услышав, что в зале стихло, вышла на сцену. Раздались первые, уже раздражающие сердечко, звуки до боли знакомой музыки. Я подняла руки, воспроизводя ими первую вспышку огня.

Медленное вступление: движения лились в такт печали, диктуемой песней. Пламя все больше разгорается, и вот затишье, лишь обозначающее место взрыва. Бамбуковые палочки нырнули в мои ладони: припев. Я взметнула вверх руки, раскрывая кроваво-красные парчовые крылья: привычное «ах!» раздалось из зала. Я все быстрее раскручивалась, меняя положение крыльев, выписывая ими замысловатые фигуры, зная, насколько эффектно все это смотрится со стороны.

Проигрыш: бросаю крылья. Здесь несколько готик-движений, сопровождаемых соответствующими ужимками. Это всегда на «ура», особенно у мужской части зрителей. Хотя и женщины часто описывали свои ощущения, как «мурашки по телу». Вновь раскрываю крылья, срывая аплодисменты. Ухожу в партер: несколько движений нижнего брейк-данса, фиксирую сложную позицию. Пламя затухает, оно сожрало все живое, что питало его, танец закончен, музыка стихает. Зрители аплодируют, свистят, а у меня по лицу текут слезы: это я, мое сердце в очередной раз проглотило пламя невозможной любви. Жду: вот ди-джей выключил свет... Наконец, можно уйти. Это мой любимый танец, но он приносит столько боли, лишь растравливая чуть затянувшуюся рану.

Как-то уж очень темно, видимо, включили слишком яркие лампы, и я так ослепла, танцуя, что теперь мне вообще ничего не удастся разглядеть. Куда хоть идти? А зрители почему-то молчат: видимо, думают, что это часть представления, и ждут - что дальше. О небо, не угадаешь, где тут край, как бы вообще не свалиться - вот смеху-то будет. Я стала осторожно, на ощупь, пробираться вперед. Запнувшись за что-то невидимое под ногами, замахала руками, пытаюсь сохранить равновесие. И вдруг почувствовав сильный тычок в спину, кубарем полетела вниз.

Глава 11

- Ты не ушиблась? - спросил молодой женский голос: вот позор, мой полет увидели зрители.

Теперь точно от Лельки достанется на орехи - неделю пилить будет.

- Не ушиблась, - раздраженно буркнула я. - Зато того, кто меня со сцены толкнул, точно пришибу!

Кто же мог так подсуропить? Котята на такую подлость не способны физически, Лелька не стала бы этого делать в принципе... а больше там никого и не было. Если бы с нами поехала Ольга, я бы поняла - девушка который год предпочитает сохнуть от черной зависти, хотя не пойму, чему вообще у меня можно так сильно завидовать.

- Берегись, - воскликнула девушка и оттащила меня в сторону.

В том месте, где я только что лежала, распластавшись, звучно шлепнулось что-то еще. Или кто-то: я злорадно подумала, что злодей навернулся вслед за мной совершенно самостоятельно, не дожидаясь моей сладкой мести.

Но увидеть это более чем приятное зрелище мне было не суждено: глаза, привыкшие к темноте, отказывались напрочь воспринимать мир в ярком свете. Так что оставался пока только один способ удовлетворить свое любопытство: сощурившись, я попыталась хоть что-то разглядеть в ярких пятнах.

- Кто там?

- Другие рабы, - спокойно ответила девушка. - Что-то много на этом рынке скупали, видимо, оптом.

- Какие рабы? - я немного привыкла к свету и с удивлением воззрилась на собеседницу: молодую девушку весьма миловидной внешности.

Странное грубое платье в фольклорном стиле, распущенные волосы и ни грамма косметики: сейчас в ресторан модно приходить, одеваясь в стиле хиппи? Впрочем, какая мне разница, я никогда особо за модой не следила... только за модой на костюмы. Да и тут, скорее, создавала эту моду, порой ввергая окружающих в шок.

- Камы, - девушка, сощутив глаза, пыталась рассмотреть что-то за моей спиной, - в основном. Вроде, валл молодой еще есть, если не ошибаюсь. Дорогой будет лот на аукционе, если так... Валют всех в кучу, без разбора, бедняги даже не пытаются уклониться от других.

Сердце мое замерло: только Леля знала про камов и валлов, а она точно не могла проболтаться... да и сама не особо верила в мое незадачливое путешествие, хотя изо всех сил пыталась этого не показать. Сглотнув, я осторожно повернула голову, осматриваясь: мы находились в просторном помещении, сколоченном из грубо отесанных досок, Неожиданно ощутив покачивание, я поняла, что это скорее всего нечто передвигающееся. Из большого люка в потолке вниз падали тела серых существ. На полу уже барахталась и болтала многочисленными конечностями живая серая куча. Кто-то поумнее да пошустрее умудрялся скатываться с импровизированной горы и забиваться подальше по углам. Мы с девушкой сидели в одном из них, к нам никто даже не пытался подходить.

Из кучи вылез мрачный, как туча, валл в зеленых ободранных штанах и суровым взглядом обведя помещение, решительно направился к нам:

- Если не возражаете, - буркнул он, плюхаясь на задницу. - Не с голытьбой же сидеть...

- Вы знаете наш язык?! - лицо девушки вытянулось так, что я усмехнулась: а что такого, они тут все нормальным языком разговаривают.

Хотя, откуда ж ей знать, бедняжка, должно быть, впервые сюда попала. Тут я замерла: так я правда в Кеппри! Видимо, нужен Мастер стихий... Но, почему тогда я не одна попала сюда из моего мира? Эта девушка, зачем она мне, в помощницы? Раньше я одна справлялась...

- Знаю, девочка, - вдруг мягко усмехнулся валл. - Я целую соту укрывал у себя одну из вас... вот и поплатился, - он снова помрачнел.

В голове зазвенело: целую соту укрывал одну из нас? Если у меня все в порядке со слухом, то ситуация еще интереснее.

- А ты знаешь Дика? - я решила сразу взять быка за рога, надо же было выпутываться из этой не очень приятной ситуации, а то продадут в какой-нибудь гарем и поминай, как звали. - Того, что в Валраде держит гостиницу?

- В Валраде? - смешно поморщился валл, став неуловимо похожим на обиженную собаку. - Это тот древний город из запретной легенды про Ману? Так он ведь разрушен много-много сот назад...

- Разрушен? - потрясенно прошептала я. - Но ведь это невозможно... Как?! Много сот? А насколько много?

Валл пожал плечами:

- Не знаю, - раздраженно ответил он: валлы терпеть не могут ситуации, когда выглядят глупо. - Много... может, тысячу!

Я сглотнула: тысячу?! Перед глазами поплыли серые пятна: девушка в холщовом платье озабоченно поддержала меня:

- Мне кажется, у тебя сотрясение мозга, - тоном доктора продекламировала она. - Тебе надо прилечь.

- Лучше бы сотрясение, - я помотала головой. - Чем такие новости. А что за запретная сказка про Маху?

- Легенда про Ману, - упрямо качнул мохнатой головой валл. - Все просто: одна стерва похитила сердца у анаха и цвака, но сбежала на небо с цваком, бросив анаха. А тот маг верховный был, завладел властью да приказал всех цваков в отместку извести. Цвакам пришлось уйти из своих лесов, прятаться. И с тех пор они отыгрываются на белках, уничтожая всех, кто под руку попадется.

- Белки-то тут причем? - ошарашенно пробормотала я, донельзя удивленная: так эта Мана - производное от Мелайны? Это как же получается: я бросила Роже и сбежала с Ривизэлем?! Что вообще происходит?

- Ну как при чем, - хмыкнул валл. - Мана белочкой была, вот вам и не повезло: я одну прятал от цваков, Настькой звали. Убили ее, Настьку-то, злобные цваки. Хорошая девушка была, добрая. А меня продали камам...

- Фарс какой-то, - я сдавленно хихикнула. - Кошмар наяву.

Тем временем камы валиться в дыру перестали, люк с шумом захлопнулся, и пленники расселись на полу. Камы не сводили серых глаз с нашей маленькой компании: девушка поежилась от пристального внимания.

- Никак не могу привыкнуть к их красным зрачкам, - затравленно шепнула она мне. - Как в фильме ужасов. Меня, кстати, Верой зовут. А тебя?

- Мел, - отозвалась я, все еще пытаюсь прийти в себя от новостей.

- А ты чего так странно одета? - допытывала Вера. - Ты давно здесь? Как попала? Я вот попала в аварию: вот на нас грузовик едет, удар - я зажмурилась. А глаза открыла - на площади какой-то сию, ночью. А утром оказалось, что это типа базарной площади. Тут меня камы сразу взяли. Я же ничего не понимала, сказать ничего не могла, они и порадовались - легкая добыча. Продали меня одному старику. Кавай оказался камом добрым, купил не в гарем, а жена очень просила. Женщина научила меня языку, объяснила, где я... Да что я все про себя! Ты-то как?

- Как обычно, - хмыкнула я. - Поскользнулся - упал, очнулся - гипс.

Вера расхохоталась, а валл озадаченно моргнул.

Вера оказалась легким, веселым человечком, очень разговорчивым. Последнее мне было очень на руку: я не была готова делиться с кем бы то ни было своими тайнами. К тому же они, эти самые тайны, стали ой как опасны. И еще неизвестно, что мне могло принести будущее.

Вера несколько сот помогала супруге кавайя по хозяйству, поскольку кавай оказался оригиналом - женился только на одной и всю жизнь с ней прожил. А хозяйство большое - рабов камов пятьдесят, поля, леса хороший участок, дом. В доме, конечно, рабыни убирались, но не могла же жена кавайя сделать помощницей камку. А вот Вера на эту должность хорошо подошла: и рабыня, и не камка.

Вот только опасно держать таких рабов: пронюхают злобные цваки, плохо будет. Вот и хозяевам Веры не повезло: спалили ночью все село дотла, погибли все, кто был в доме, никто не спасся, словно напоили всех, даже детей. Конечно, подозрение пало на цваков, но что камы могли сделать? Цваки владеют магией, они опасны и сильны. Сильнее только анахи, но тем нет дела до серых камов.

Вере же невероятно повезло: именно в этот день хозяйка отправила девушку проверить, как рабы провели посев. И охранника могучего выделила: полувалла, мощного кама, чуть более волосатого,

чем обычно. Вроде наших кавказцев. Только серого, конечно. Вернувшись, они обнаружили лишь кострище. Родственники кавая недолго думали: село продали, от рабов тоже побыстрее избавились. Рабов-то торговцы продали быстро, а вот с Верой с тех пор так и возятся. Точнее, возят. Мало кто решится купить такую рабыню.

Пока девушка рассказывала про свою нелегкую судьбу, огромная повозка тронулась и медленно поплыла вперед. Камы привычно прикорнули кто где, дабы подремать в дороге. Валл, которому надоело слушать словоохотливую Веру, а возможно просто убаюканный бесконечной речью, растекся по деревянному полу, грубо оттолкнув ближайших рабов.

Вскоре девушка и сама замолчала, устремив печальный взгляд в сторону. Я не нарушала установившегося молчания: надо было подумать, а это удобнее всего делать в тишине. Я так привыкла к одиночеству, что не могла долго переносить чье-либо общество, даже очень приятное.

Прошло много времени, возможно, что все, кого я знала, давно мертвы. И к тому же, за белочками, я горько усмехнулась, ведется настоящая охота. Фиолетовыми ирокезоносителями. Правда, за последними тоже идет жестокая охота, синие методично отстреливают своих врагов. То есть, все мои усилия, приложенные в прошлые визиты, просто пошли к коту под хвост: эти две расы упорно враждуют. Почему – никто почти не помнит, есть только старая легенда про Ману, которая явилась гвоздем раздора. То, что Мана, то есть Мелайна, никого не бросала, и не похищала, теперь не докажешь.

Но самое страшное даже не все это. Самое жуткое для меня сейчас – вспоминать о Роже. Я даже боялась подумать о том, что могло с ним произойти за это время. И спрашивать наверняка бесполезно, мне хватило информации о Дике, точнее, ее полного отсутствия. Пока я предпочитала скрывать правду от самой себя, просто чтобы сразу не умереть от горя. Для начала: я все-таки здесь! И это важно!

Было очень странно, что таких, как я теперь много. Так много, что цваки даже объявили на них охоту. Что, все они – Мастера стихий? Что же творилось в мире, наводненном настолько могучими магами?

– Вера, – позвала я задремавшую было девушку.

– А? – вздрогнула та.

– Ты ведьма? Что ты умеешь? – спросила я, а сердце глухо билось в ребра в предчувствии ответа.

– Ведьма? – удивилась Вера. – Почему ты так решила? Эх, была бы я ведьмой, разве ж сидела в этой тюрьме?.. И в этом мире?

Я даже не удивилась, словно зная ответ заранее. А еще мне показалось, что я знаю, почему. Раз таких, как я, много, значит, никто из них не может нести силу, дарованную Хранителями. Просто почему-то люди из моего мира появляются здесь, и это не имеет отношения к каким-либо бедствиям. Значит, и мне не перепало сил от Хранителей. И сейчас я обычная слабая беззащитная девчонка, а никакой не Мастер стихий.

Но это можно проверить только одним способом. Правда, танцевать в передвижном деревянном бараке, который набит камнями, как бочка сельдью, совсем не хотелось. Так что наберемся терпения и отложим эксперимент на более позднее время.

Мерное покачивание убаюкивало, глаза закрылись сами собой. Сейчас надо просто отдохнуть...

– Просыпайся, – трясла меня Вера. – Приехали, слышишь? Сейчас будет торговля.

Я встала, покачиваясь, не понимая, где я. Снаружи доносился гулкий шум, словно мы стояли перед водопадом.

– Что продаем? – зевнула я.

– Нас, – мрачно ответила Вера.

– Но ты говорила, таких, как мы, не покупают – боятся, – в растерянности проговорила я.

– Да, – невесело кивнула Вера. – Но это рынок Арвна, тут торгуют только рабами, причем со всего света. И покупатели, соответственно, тоже всякие, а не трусливые камы. Так что, не сомневайся – продадут. Да еще и по огромной цене. А то стали бы камы с нами возиться, и для торговцев риск великий – даже просто перевозить таких, как мы.

– Понятно, – нахмурилась я. – И как все будет происходить?

– А я знаю? – огрызнулась девушка. – Меня только один раз продавали, да просто каваяю. Я лишь

слышала иногда про здешний рынок. Знаю только, что если товар спросом не пользуется, его уничтожают.

При этих словах валл стал намного пышнее: видимо, у бедолаги волосы встали дыбом от такой веселой перспективки. Да и мне она не очень улыбалась. Как, впрочем, быть проданной в гарем к какому-нибудь заезжему богачу.

Снаружи шум усилился: по деревянным стенам барака кто-то постукивал в нетерпении. Люк наверху распахнулся, и внутрь упала веревочная лестница. В дыру всунулось серое лицо торговца. Он что-то прокричал и скрылся. Я растерянно моргнула: ничего не поняла...

- Интересно, - прошептала я. - За тысячу сот так изменился язык?

- В смысле? - одновременно спросили Вера и валл.

- Я ничегошеньки не поняла, что он там пробурчал, - пожаловалась я им.

- Так он не на нашем говорит, - удивленно ответила Вера. - Ты что, думала, в другом мире на русском языке разговаривают? Я, конечно, тоже патриотка, но не настолько, - усмехнулась она.

Я лишь потрясенно покачала головой.

- А что сказал - переведу, - вздохнула девушка. - Сейчас выходят только камы, вон они как резво лезут, да на нас озираются. А мы - гвоздь программы. Валлов покупают, в основном, как телохранителей да в охранники, а нас... в гарем. Так что, подруга, готовься морально. Ты, конечно, не из робкого десятка, раз на камов вообще не среагировала. Я даже подумала, что ты давно в Кеприи... Но дальше станет хуже, стоит тебе увидеть цвака... не дай небо, это будет последнее существо, что ты видишь в этом мире. А если перед тобой встанет анах, постарайся не упасть в обморок, они единственные покупают белок не в гарем, а только чтобы насолить цвакам. А упадешь, не купит. Они и так не особо дружелюбны, а если падать перед ними ниц, вообще за живое существо не примут. Но и задаваться не следует - просто уважительно поклониться. Правда, я толком не знаю, что происходит с белочками, когда они попадают в горы к анахам, но оттуда еще не возвратилась ни одна.

- Ужас какой, - мрачно подытожила я. - Как ни крути, ничего хорошего ожидать не приходится.

- Мы рабы, - обреченно пожал плечами валл. - Чего нам ждать хорошего?

Последние камы резво лезли по веревочной лестнице, торопливо подталкивая друг друга. Снаружи уже давно шла очень активная торговля: народ шумел, торгуясь; продавец, рискуя охрипнуть навек, выкрикивал что-то так, что даже у меня здесь звенело в ушах. Видимо, набивал цену на товар.

Мы притихли: каждый думал о своем, явно невеселом. Через некоторое время толпа чуть поутихла.

- Что, - очнулась я от тяжелых дум. - Уже все? Всех распродали? Быстро...

- А чего тянуть, - пожалала плечами Вера. - Камы - рабочие лошадки, стоят дешево, у других рас идут на ура из-за дешевого содержания и большой работоспособности. Правда, присмотр постоянный нужен: ленивы и чуть недосмотришь, сразу воспользуются и не сделают чего нужное. Им абсолютно плевать на результат их работы. Но из-под палки все сделают.

Люк снова распахнулся, вниз полетела уже знакомая лестница.

- Вон, - поежилась Вера. - За нами пожаловали...

- Лезть? - с безнадегой в голосе спросила я, не имея не малейшего желания выходить из барака.

- Нет, - покачала головой Вера. - За такими, как мы, они сами спускаются.

- Зачем? - насторожилась я.

- Чтобы проверить, в каком виде их лучший товар, чем можно украсить... может, еще чего, я же не специалист в вопросах работорговли в Кеприи.

Тем временем вниз проворно спустились два худых кама и высокий амбал, не поддающийся идентификации.

- Кто это? - испуганно спросила я Веру, указывая пальцем на громилу.

Знаю, что невежливо, но такого монстра я видела впервые в жизни: гориллоподобный, с длинными, волочащимися по полу руками и маленькой головкой.

- Я предупреждала, - вздохнула Вера. - Потребуется все твое мужество там, снаружи. А это морней, еще не самый страшный экземпляр этого мира. Они весьма миролюбивые изначально, но раз этот морней попал в руки торговцев, то наверняка уже обозленный. Видимо, приехал на материк в поисках лучшей судьбы.

- Откуда ты знаешь? - изумилась я, разглядывая сей экземпляр: бугры на лбу, немного рыжеватой растительности, кожа словно вымазана сажей.

Интересно, он такой цветом или просто-напросто грязный?

- Да у нас был один такой, - отмахнулась Вера. - Хозяйка купила его, чтоб ходил и посева охранял от разбойников лесных. Да от него толку - только с виду страшный. Но дрессировке морней поддаются хорошо, можно воспитать и убийцу...

Маленький кам из троицы подошел к Вере и бесстыдно пощупал руки, ноги, понюхал волосы, задрал юбку. Я даже онемела от такой наглости, но Вера сносила все спокойно: лишь по чуть покрасневшему личику девушки можно было понять, как ей неприятен «досмотр». Торговец что-то сказал собрату по расе и направился ко мне: неужели этот кретин думает, что я вот так же дам безнаказанно себя полатать?!

Кам без всякого страха, даже опаски, со скучающим видом подошел ко мне и протянул руку... по которой тут же получил. Торговец опешил, потом ухмыльнулся и позвал гориллу.

- Мел, не надо сопротивляться, - умоляюще воскликнула Вера, со страхом наблюдая, как горилла вытаскивает из-за пояса широкий нож. - Они все равно это сделают. Чем меньше будешь сопротивляться, тем быстрее и безболезненнее все пройдет.

- А я не хочу безболезненнее, - увидев приближающегося гориллу и подбоченившегося кама, я отстегнула крылья, чтобы не мешали, и приняла боевую стойку. - Их никто не тянул за уши, пусть и получают!

- Мел! - взвизгнула девушка, когда горилла занес руку с намерением ударить меня по голове рукоятью ножа, и в ужасе закрыла рот ладонями.

Ха, не зря я возобновила тренировки сразу же, как только вернулась в свой мир. Магия магией, но себя нужно уметь защитить в любой ситуации... Например, такой вот, как эта: вряд ли Хранители делили магию стихий на всех людей, что попадали в их мир. Значит, я тоже залетела сюда без волшебной поддержки. А это значит... айкидо психологическое и не совсем, тщательно мною осваиваемое в долгие одинокие вечера, дождалось своего звездного часа. Психология тут, увы, не сработает. Во-первых, я не знаю языка, а во-вторых, думаю, на такие простейшие молекулы оно не действует.

В отличие от силы, подумала я и, дождавшись, когда кулак с зажатой в него рукоятью от замаха пойдет вниз, спокойно перехватила толстую лапищу гориллы. Продолжая движение вместе с ним, я лишь чуть ускорила его и перенаправила немного в сторону, сама одновременно уходя с линии атаки. Блин, даже скучно: подобная скорость у нас в классе считается игровой, тренировочной, а не спарринговой. Но раз начала, надо добить: горилла удивленно ткнул носом в землю, а я с умным видом расселась на широкой спине морнея. И даже поковырялась в ухе для пущего эффекта: мол, куда вам, дайте лучше две!

Серые глазки камов почти вылезли из орбит от ужаса.

- Ура! - восторженно закричала Вера, размахивая руками: девушка так радовалась, словно и победила на финале чемпионата России.

Камы испуганно подпрыгнули и, мгновенно вскарабкавшись по лестнице, исчезли в люке. Я встала и снисходительно пнула морнея в ту же сторону. Гориллу дважды не надо было упрашивать: он попластунски пополз в сторону лестницы, но увидев, что камы ее торопливо вытаскивают, рванул так, что, мне показалось: сейчас взлетит! Но тот только лишь подпрыгнул, схватил лестницу, попутно свалив вниз одного из торговцев, и профессиональным матросом залез наверх. Лестницу вытащил он же, судя по тому, что на ней, словно на крючке червяк, болтался выпавший торговец.

- Ух ты, - валл уважительно покачал головой. - Даже я так бы не смог. Это магия?

- Это энергия, - хмыкнула я, отряхивая руки и снова прицепляя крылья. - Просто правильное направление ци через центр своего тела и тела спарринг-партнера.

- Чо? - мохнатое лицо валла вытянулось, я пожала плечами, смысл сейчас все это объяснять?

- Так ты каратистка! - восхищенно воскликнула Вера.

- Скорее, айкидоистка, - рассмеялась я такому энтузиазму девушки: думаю, она была бы в меньшем восторге, если бы я на самом деле владела магией всех стихий. - Хотя, на каратэ с друзьями тоже ходила заниматься: каратисты считают чуть ли не делом жизни доказать, что их путь лучше айкидо...

- А что лучше? - заинтересовалась девушка.

- Ничего, - фыркнула я. - Как можно сравнивать скалу и ветер? Это совершенно разные пути, хотя оба основаны на взаимодействии энергий. Но было весело, так что заморочки парней меня не напрягали.

- Даже так, - вдруг погрузилась Вера. - Все равно зря ты это... сейчас они придут в большем числе или пришлют кого посильнее... не убили бы вообще!

- Весь лучший товар? - я с сомнением покачала головой. - Скорее, пришлют парламентаря.

- Пара... чего? - не унимался валл.

- Плохо тебя учили, - усмехнулась я. - Парламентарь - самая важная личность для враждующих сторон. Только он способен узнать, а из-за чего, собственно, весь сыр-бор!

Глаза валла выражали только еще большее непонимание: я махнула рукой, ну как преодолеть языковой барьер. Раз в прошлый раз я не испытывала подобных трудностей, значит, либо все говорили на одном языке, и это - русский, либо, что более вероятно, вместе с магией стихий Хранители одарили меня знанием всех языков мира... или это бесплатное приложение к силе.

В это время люк открылся, и вниз снова полетела лестница. Потом возникло некое замешательство наверху, лестницу убрали. После шумной возни в люк вставили нормальную крепкую деревянную лестницу. И по ступенькам вниз важно спустился толстенький кам с тонюсенькой косичкой над ухом. Помимо этого украшения, на черепушке серого больше не было ни волоска: ну прямо, мечта цвака!

Видимо, это был самый главный работоровец. Следом поспешно скатилось камов десять свиты.

- Привет! - на чистом русском воскликнул кам: лицо мое удивленно вытянулось.

Но, видимо, на этом весь словарный запас великого могучего был исчерпан, потому как кам начал тараторить свою речь на абсолютно неизвестном мне языке.

- Че этому хлыщу надо? - подозрительно скосив глаза на пышное жабо франта поверх старой серой рубахи, спросила я свою «переводчицу». - Ничего не понимаю, кроме первого слова!

- Понять его немудрено, - презрительно фыркнула Вера. - Взывает к нашему чувству самосохранения, требует подчиниться беспрекословно, грозит смертью лютой...

- Все, как обычно, - понимающе кивнула я. - Значит так, передай: еще кто протянет ко мне... или вам руки, тут же протянет ноги! Еще передай: если не выпустят нас на свежий воздух из этого затхлого корыта для свиней, - разнесу все вдребезги-пополам!

Вера заговорила, грубо перебивая разглагольствующего толстяка. Тот поперхнулся окончанием речи, да так и застыл с открытым ртом: видимо, до меня подобной наглости рабы еще не проявляли. Что ж, милый, все бывает в первый раз. Толстяк, подумав, видимо, что такой вид не поддерживает репутацию, пасть захлопнул и крепко задумался: кажется, я даже видела, как шевелятся под серой кожей мыслишки на его блестящей лысине. Потом торговец что-то отрывисто произнес и резво влез на лестницу: толпа, сопровождающая его, ломанулась следом, сталкивая друг друга и косясь на меня глазами, бешеными от ужаса.

- Чего с ними? - удивленно покачала я головой.

- Кам сказал, - весело рассмеялась Вера, - что мы можем выйти. Правда, прибавил, что бежать нам все равно некуда. Но даже это уже отступление от незыблемых правил! Поэтому на тебя так и посмотрели другие. Что-то ты сделала такое, что сильно напугало или озадачило главного. А у страха глаза велики, к тому же, камы вообще весьма трусливы, иногда им даже повода не надо.

- Тогда пошли, - улыбнулась я. - Хватит с меня этой вонизмы! Тут, видимо, рабов в кусты вообще не принято отпускать. Или камы делают все интимные дела прямо под себя...

Я первой подбежала к лестнице, но валл оттолкнул меня весьма грубо: я в недоумении воззрилась на сопящего мужчину.

- Глупо, - огорошил он, - лезть сломя голову туда, куда так активно приглашают. Давай, хоть я первый пойду. Если скажу, что путь свободен - поднимитесь. Иначе - держите оборону, девочки.

- Ну иди, - махнула я, - камикадзе.

В очередной раз проглотив незнакомое слово, валл осторожно поднялся по лестнице: мы с Верой замерли в ожидании. Над головой раздались гулкие удары, возня. Ну, думаю, все: конец котенку, прав был валл. Как тут в люк заглянул наш знакомец:

- Вылазь, путь свободен. Тут торчал какой-то, но я его на всякий случай скинул вниз.

Удовлетворенно хмыкнув такому рвению валла, добровольно взявшего на себя роль нашего секьюрити, я спешно полезла на свежий воздух. Вера, шумно пыхтя, лезла следом. Оказавшись на крыше барака, я полной грудью вдохнула почти свежий воздух и с интересом огляделась: Огромная круглая площадь была сплошь уставлена гигантскими повозками типа нашей. Каждую окружала разношерстная толпа, перед некоторыми стояли небольшие помосты, похожие на временные сцены, что делают в нашем городе, когда нас посещают заезжие певцы. Около нашего барака стояла такая же, а вот толпы не наблюдалось: рабов раскупили очень быстро, видимо, торговцы сплывили их оптом, рассчитывая на большую прибыль от продажи нас.

- Любопытно, - протянула я, разглядывая нескольких существ, что с безразличным видом прогуливались вокруг нашей повозки: им можно было бы поверить, если бы они шли мимо, а так заинтересованность товаром налицо.

Возможно, торговец уже разрекламировал свою неординарную добычу и потихоньку к нам слетались все самые богато одетые существа. Были среди них и камы, даже анаха вроде углядела: за их вечными черными плащами до пят и капюшонами до подбородка наверняка не скажешь. Но были и такие, что мне совсем незнакомы.

Мои два предыдущих визита показались быстротечной сказкой, во время которой я не узнала ни мира, ни населяющих его существ. Я столкнулась лишь с малой частью его и, к тому же, была настолько поглощена собой, своими чувствами, своей вдруг приобретенной магией, что совсем не смотрела по сторонам. И относилась ко всему, как эгоист: важна только я и мое окружение, а там хоть трава не расти! Но трава росла, крепла и плодилась, и другие народности и расы заодно. Наверняка, имелись материки, раз тут и Великий океан есть, и загадочные россыпи островов, на которых произрастают такие вот экземпляры, типа морнеев. И ведь никто не говорил, что мир населяют исключительно цваки, анахи и камы...

Я рассматривала толпу: особенно меня потряс тип с желтой кожей и алой гривой крупно вьющихся волос. Тот, ощутив на себе пристальное внимание, улыбнулся и послал воздушный поцелуй: тот огненной бабочкой пролетел по воздуху и пытался сесть мне на нос. Отмахнувшись от назойливого насекомого, я показала язык наглецу: ну вот, опять маг!

На барак шустро взобрался камский мальчишка. Потянув носом воздух, он осклабился и заявил:

- От тебя вкусно пахнет!

- Бараком? - ехидно уточнила я. - Или отходами жизнедеятельности рабов?

- Духами, - поддержала мальчишку Вера. - Очень хорошими духами, только они и позволили мне продержаться там столько времени, - улыбнулась девушка. - В прошлый раз меня беспрестанно тошнило.

Тем временем мальчишка поставил на крышу барака сверток, еще раз втянул обрубком носа воздух, улыбнулся и исчез. Вера торопливо развязала узелок: на квадратной салфетке оказались кусок каравая и кувшин. Валл расцвел:

- Еда! Как тебе удалось?

- Ну я переводила слова Мел, - смущенно ответила Вера. - И прибавила от себя. Думала, навредить уже больше нельзя, хуже точно не будет. А вдруг послушают, так и поедем. Ведь кормить рабов до продажи тут не принято...

- Изверги, - пробубнила я, запихивая в рот кусок еще теплого хлеба. - Голодом морят, чтобы не гадили много, видимо...

На сцене появились камы, и толстяк пригласительным жестом позвал нашу троицу вниз. Подчиняться не хотелось из чистого упрямства, но было любопытно, что нам приготовили. Дожевав хлеб и запив его кислой жидкостью, более всего похожей на клюквенный морс, я отряхнула руки от крошек. Первым пошел валл: он грубо отодвинул камов и помог нам с Верой спуститься на помост.

Но стоило мне отвлечься на собирающуюся перед импровизированной сценой толпу, как откуда-то снизу вынырнул недавний гориллоподобный морней и схватил девушку за горло. Он резко отпрыгнул в сторону камов и приставил к шее девушки свой широкий нож. Валл, зарывав, бросился

было на громилу, но тут торговец что-то быстро затараторил и махнул Вере.

- Они убьют меня, - перевела испуганная девушка, - если вы хотя бы попытаете вмешаться.

- Что они хотят? - угрюмо произнесла я, оттащив валла за загривок: это оказалось нелегко сделать.

Парень хоть и был еще молод, но силы в нем уже изрядно.

- Получить за нас хорошую выручку, - безропотно переводила Вера слова донельзя довольного кама: все правильно, план торговца сработал, и мы готовы торговаться за жизнь подруги. - Чтобы ты показала потенциальным покупателям, что умеешь. Он представит тебя, как воина...

- Да без проблем, - хищно оскалилась я. - С радостью покажу... прямо на нем и потренируюсь!

Вера перевела и камы все, как один, отскочили назад на пару шагов, стараясь держаться на максимально отдаленном от меня расстоянии. Торговец, лицо которого покинуло самодовольство, не замолкал:

- Просто покажи, - повторила за ним Вера. - Без партнера... Мел, а что ты еще умеешь? Не хочется продаваться в войны, участь у них в основном не столь завидна...

- Правильно, - саркастически хмыкнула я. - Участь наложницы в гареме гораздо более приемлема: всего-то делов: ешь, спи... с хозяином. Лучше уж воином.

- Из гарема можно сбежать, - проникновенно проговорила Вера, умоляюще глядя на меня, - а из казармы вряд ли... К тому же, вы-то с валлом - воины, а меня сразу отдадут солдатам на забаву.

- Вот черт, - мрачно выругалась я. - Со всех сторон обложили. Ну ладно, - я немного поежилась: не очень хотелось открываться, да и очень боязно.

Одно дело предполагать, что не обладаешь магией, а совсем другое - убедиться в этом. Но выхода другого у меня сейчас не было, мало того, что могли убить единственного человека, которого я знаю в этом мире, так еще и переводчика с камами лишусь. Валл, конечно, может переводить, но камский он знает тоже очень скудно, по волосатому лицу было видно, что половины слов парень не понимает, и только вслушиваясь в перевод Веры, выстраивает для себя полный смысл сказанного. Несчастливая девушка из моего мира, что попала под горячую руку цваков, оказалась весьма талантливым учителем.

- Станцую для них, - нехотя буркнула я. - Только пусть музыку сами достают, неважно откуда.

- Я так и знала, что это сценический костюм, - лицо Веры немного просветлело.

- Только скажи этим чудикам заранее, что я иду в комплекте с валлом и еще одной белочкой, так что любая попытка разлучить нашу троицу, и этот наглый кам получит настоящую белую горячку от меня!

Вера, тщательно выговаривая незнакомые слова, перевела мой манифест. Кам обрадовался, потом немного сник: видимо, представил, что его ждет. Скорее всего, жадный торговец хотел нас продать по очереди, но пришлось уступить моим условиям, если он предполагает вообще получить прибыль.

Через некоторое время камы притащила на помост каких-то не поддающихся идентификации странных существ. Маленькие колобки со свисающими щеками на безбровом лице горчичного оттенка достали из больших, в их рост, мешков причудливые конструкции, оказавшиеся инструментами. Переглянувшись, они затянули невероятно заунывную мелодию.

Я растерянно кашлянула:

- Под это не танцевать надо, а провожать в последний путь. Этих композиторов что, притащили с ближайшего кладбища?

Вера, пообщавшись с недоумевающим торговцем, перевела:

- Это лучшие музыканты города, весьма недешевые. Мел, тут такая музыка, честно-честно! Я сама с тоски вешалась на больших праздниках селян. Они под это еще и танцевать умудрялись, и веселиться, хотя мне такие песни всегда напоминали мартовские ночи.

- Теперь понятно, почему я с моим плеером в первый визит произвела такой фурор, - пробормотала я. - Ладно, сейчас попробую извлечь из этой какофонии что-нибудь приличное.

Народ тем временем все собирался: теперь перед нашим помостом скопилось существ больше, чем где бы то ни было. Конечно, тут было на что посмотреть: небольшая кучка камов, судорожно жавшихся к самому краю; морней с белкой в огромных ручищах; валл, буравящий его ненавидящим

взглядом; пара местных музыкантов; да ярко-красная бестия в полумаске, мечущаяся по сцене.

Немного поупражнявшись в пантомиме с колобками, я дала понять, что та музыка, которую они так старательно извлекают из своих инструментов, совсем отстой. Потом попыталась понять, как работают эти бандуры: на инструментах отсутствовали всякие струны, клавиши, и вообще непонятно, как колобки умудрялись извлекать из них звуки. Инструменты представляли собой некий каркас из твердых прутьев, прощупывающихся внутри, от них отходили малюсенькие меха, как у волюнок, да тоненькие пластинки. Я растерянно крутила надутый шарик из гладкой кожи руках, как вдруг осенило:

- О! Вера, скажи каму, чтобы подошел... да пусть не трясется так, бить пока не буду. И скажет этим бетховенам, чтобы били в эти свои шары, как в барабан...

- Он не понимает, - настороженно ответила Вера, - он не знает, что такое барабан и кого нужно бить. Покажи им сама, что нужно делать.

Раздраженно передернув плечами, я услышала, как кам что-то гаркнул горчичникам и те послушно усталились на меня, ожидая инструкций. Я попробовала ударить по загадочному инструменту, как по табле. Раздавшийся звук почти ничем не отличался от привычного. Хорошо, что в свое время я научилась нескольким ритмам, теперь пора нести свет искусства в иной мир.

Поняв, где ударять, чтобы получить звук более глухой, где - чтобы позвонче, я медленно показала музыкантам, как выбивать ритм максум: пусть будет попроще. Дум-так-так-дум-так, дум-так-так-дум-так, дум-так-так-дум-так - продолжала я до тех пор, пока в крохотных глазках горчичных колобков не углядела понимание. А еще дикий восторг: вот так, может, праздники здесь повеселее станут.

Музыканты чуть поупражнялись: надо отдать должное профессионализму колобков, усвоили новое они с необычайной скоростью. Мне, допустим, понадобилась неделя, чтобы освоить таблу. Существа замерли, услышав незнакомые, но весьма ритмичные звуки, многие стали хлопать в ладоши, стараясь попасть в ритм. Ну вот, теперь эти музыканты не только лучшие в городе, колобки будут нарасхват во всем этом чудном мире!

Я по-кошачьи потянулась, расправляя все суставы и готова мышцы к нагрузке. Приятной негой отозвалось тело, чуть похрустывая в суставах. Потом я резко прыгнула в центр сцены и раскинула руки, чтобы не мешали зрителям наслаждаться движениями бедер. Пусть будет восток, простейшая табла - танец под барабаны, где танцовщица не показывает готовую композицию, а танцует под живые барабаны, сотрудничая с таблистом. Правда, в том варианте гораздо интереснее - таблист ловит настроение танцовщицы и меняет ритмы, следуя ее движениям, убыстряясь, или замедляясь, ставя резкие акценты. Это совместное творчество двух людей, словно разговор таблы и гибкого тела девушки.

Здесь же все обстояло гораздо проще и прозаичнее: ровный ритм, только что выученный музыкантами и я, лениво покачивающая бедрами. Ну ладно, надо же показать хоть что-то - вон столько народу собралось поглазеть. Восьмерка - удар. Глубокая волна, тряска бедрами. Но, входя в раж танца, я становилась все мрачнее: да, предчувствия подтвердились - никакой магии я не чувствовала. Ни сплетения стихий, ни сильных эмоций сердца, поющего в унисон с силой. Ничего. Только ритм, толпа и наряженная белка. Только пока что песенки не пою, да орешки не грызу...

Словно прочтя мои мысли, Вера посоветовала:

- Ты бы еще пропела что-то, а то ритм нудный, пустой.

- Какие мы привередливые, - я показала плененной девушке язык, не прерывая движений. - Тебе сейчас вообще-то положено лежать в глубоком обмороке от страха за свою жизнь, а не любоваться танцем живота в моем исполнении.

- Да уж лучше полюбоваться, а то, может, больше не придется, - грустно улыбнулась девушка, чуть отодвигая шею от лезвия: горилла, залюбовавшийся танцем, и не заметил этого движения. - С камов станет нарушить договоренность и прирезать меня. Просто, чтобы не возиться да не объяснять такие обстоятельства покупателю. Где это видано: рабы диктуют свои условия!

- Хм, - еще больше помрачнела я. - А я поверила, глупая. Ну что же, тогда можно и запеть: с моими способностями через минуту здесь не останется ни одного покупателя - все сбегут от сладкоголосой гарпии! Но вы-то тут не при чем, так что сделаем-ка финт ушами...

Медленно раскручиваясь, подхватила бамбуковые палочки и раскрыла огненно-красные крылья. По толпе пронесся восторженный вздох, у камов окончательно отпали челюсти. В глазах торговца уже явно читалось желание оставить экзотическую птичку себе. Мол, корову свою не продам никому, такая зверюга нужна самому.

И в этот момент я подлетела к морнею и ткнула палкой в глаз. Горилла заревел от боли и схватился за окровавленное лицо, уронив нож. Тут же, словно по сигналу, к нам подскочил валл и, оттащив опешившую от ужаса Веру за спину, пнул морнея в лицо, превращая нос в кровавое месиво. Громила заревел еще больше и уже катался от боли по всему помосту, перекрывая камам путь к восставшим рабам. Но торговцы, впрочем, и не спешили вмешиваться, благоразумно держась в стороне.

Толпа загремела оглушительными аплодисментами: видимо, существа решили, что это такое представление, спектакль, чтобы показать покупателю товар лицом да набить цену повыше. Ритм импровизированных барабанов постепенно затух. Мы стояли, держась за руки: я вдруг почувствовала странное единение с абсолютно чужими мне валлом и Верой.

- Меня Радом звать, - вдруг сказал валл, видимо, тоже прочувствовавший общее настроение. - И, девочки, я с вами до конца, каким бы он ни был...

- Спасибо, - прошептала я. - Но давайте просто посмотрим, что будет дальше.

Но дальше ничего не было: искалеченного громилу оттащили со сцены, торговец подошел к нам на пару шагов, готовый в любой момент метнуться обратно, и что-то продекламировал толпе.

- Сказал, что продается только комплектом, - облегченно вздохнула Вера: девушка до последнего не верила, что кам сдержит свое слово. - Ого! Ну ничего себе, начальная цена! Да за такую можно построить небольшой городок!

Народ, прочухавший, что представление закончено, начал потихоньку расходиться. Большинству такие цены оказались не по карману, как бы ни хотелось приобрести в личное пользование такие экзотические экземпляры. Перед помостом остались лишь десятка с два существ, но у всех глаза горели решимостью выиграть аукцион.

То там, то здесь существа выкрикивали предложения, поток новых цен не утихал. Глаза Веры все больше округлялись, Рад же оставался невозмутим: насколько я поняла, редкому валлу есть дело до денег, они в большинстве своем кочевники. Но есть и исключения вроде моего старого друга Дика, которого, увы, наверняка давно нет в живых.

Вдруг Вера испуганно вздрогнула, увидев, как поднял руку некто в широком плаще: лицо существа было сплошь заматано тряпками, оставались только две прорези для глаз:

- Это цвак! - в панике прошипела она. - Он хочет купить нас, чтобы убить!

Рад подбоченился и прикрыл собой девушку: кажется, наш бравый вояка имеет некую склонность к лысым, по сравнению с валлами, белочкам. Незнакомец же поднимал руку все чаще, явно перебивая цены. Многие существа, видимо, превысив свой лимит, поспешно удалялись с торгов: слово было великим позором проиграть. Через некоторое время перед помостом остались только четверо: старый дряхлый кам с горящими глазами, вот уж точно - седина в голову, бес в ребро. Хотя серые камы не седели, просто лысели, да и тогда тщательно берегли каждый оставшийся волосок. Второй - тот самый незнакомец, обмотанный тряпками. Третий, сердце мое дрогнуло, явно анах: только они ходят в таких черных тяжелых плащах, скрывающих все тело, да низко опускают капюшоны на лицо. Четвертый - давно замеченная мною жертва желтухи с огненно-красными волосами и абсолютно черными глазами, словно парень сошел с экрана одного из многочисленных фильмов про демонов, которые любят клепать режиссеры моего мира.

- Кто это? - спросила я Веру, чуть наклонившись к девушке.

- Красноголовый? - уточнила Вера и, дождавшись моего кивка, продолжила: - Это эфемерид, он с материка Тау, за Великим океаном. Там, говорят, сплошь пустынные плато и очень жарко. Честно говоря, не очень бы хотелось самой убедиться в этом.

- Понятно, - кивнула я, соглашаясь. - А магией они владеют? - и наткнувшись на непонимающий взгляд Веры, уточнила: - Ну, вот анахи - маги, цваки тоже, камы и валлы - нет. А как обстоит с этим у эфемеридов?

- Честно говоря, не знаю, - покачала головой Вера, донельзя удивленная моей осведомленностью. - А какая разница? Хотя, конечно, есть: будет труднее убежать. Судя по жуткому взгляду, он весьма тобой заинтересован. Прямо не знаю, за кого и болеть... против кого, уверена: лишь бы не цвак нас купил. Это сразу смерть! И ведь никто не вмешается: рабы - его собственность, и он что хочет, то с ними и делает!

Первым, тяжело вздохнув, сдался кам. Толстяк, смешно бросая на меня тоскливые взгляды, вперевалку удалился. Через некоторое время эфемерид сплюнул со злостью и ушел, не оборачиваясь. Теперь остались только двое, и сердце сжал страх: а вдруг Вера права и за тряпками скрывается цвак? Это раньше фиолетовые ирокезы были относительно дружелюбными, сейчас же

они стали для меня и для всех землян смертельно опасными.

Последним сдался анах. Он просто вдруг глянул на меня из-под плаща. Словно острым кинжалом по сердцу полоснул взгляд оранжевых глаз: я, вздрогнув, мелко затряслась всем телом. Вера в унисон затряслась со мной, только по другому поводу:

- Нет! - в отчаянии прошептала она.

Но если тот, замотанный, на самом деле - цвак, неужели анах не учуял врага, который находится настолько близко? В это верилось с трудом, так что оставалась надежда, вдруг Вера ошиблась: незнакомец просто не хочет быть узнанным и это вовсе не озлобленный цвак.

Камы осмелели: продав нас незнакомцу, торговцы сбросили с себя страх. Я поняла, почему: они чуяли магию, исходящую от незнакомца, словно собаки - след сильного хищника. А раз он маг, значит, справится со своей покупкой сам. И камы, получив монеты, тут же слиняли из поля зрения, словно и не было их тут. Мы же остались стоять перед нашим новым хозяином.

Глава 12

Незнакомец махнул рукой, приглашая следовать за собой, и, развернувшись, быстро зашагал в сторону порта. Тем временем мы, испуганно сжавшись, ждали нападения.

- Так, - я немного отстранила валла, который пытался закрыть нас своим круглым животом. - Вроде нас не проткнули сотни дротиков, выпущенные из цваковских арбалетов. Значит, пока убивать не собираются. Может, все-таки догоним нашего нового хозяина?

- Зачем? - с надеждой в голосе спросила Вера. - Вон он как далеко уже топает, может, убежим под шумок?

- Ага, - мрачно хмыкнул Рад. - Сама говорила, он за нас выложил невероятное количество денег. Чтобы отпустить? Наверняка он маг и если мы попытаемся бежать, будет что-то плохое... Цваки вон... тоже... не убежишь, - совсем сник валл, вспомнив свой печальный опыт.

- Бежим! - воскликнула побледневшая Вера, внимательно посмотрев вперед. - Я его уже почти не вижу! Вдруг, когда он исчезнет, на нас обрушится заклятие?

Я заклятия почему-то не боялась. Зато было очень интересно, что это за существо, почему он потратил немалые деньги, чтобы нас выкупить, и более всего, почему он так скрывает лицо? Поэтому, не в силах больше мучиться от любопытства, я сиганула с помоста вслед за друзьями. И попала в теплые и волосатые объятия Рада. Парень не стал даже экспериментировать с нашей черепашьей скоростью: валлы бегают намного быстрее, поэтому он подхватил нас с Верой под мышки и на всех парах понесся вслед за незнакомцем. Конечно же, догнали мы его очень быстро, только меня стало мутить от такого нестандартного способа передвижения. Валл остановился шага за три до незнакомца и пошел уже спокойнее.

- Рад, - спокойно обратилась я к валлу. - А можно, я немного пройду на своих двоих?

Валл так и не поставил нас на черепичную мостовую, продолжая нести под мышками. И если Веру, судя по выражению ее лица, устраивало данное положение тела, мое взбунтовалось и грозило в отместку выдать все, что я недавно проглотила. Рад, засуетившись, извинился и поставил нас на ноги, чем вызвал немалое огорчение у девушки, но Вера промолчала.

Я же во все глаза стала смотреть по сторонам: я ведь в первый раз на невольничьем рынке. Оказалось, все прозаичнее, чем в фильмах или книжках: камы выталкивали вперед из стада ожидающих своей очереди рабов следующего. Когда проходил аукцион, несчастный стоял, понурился: ему было все равно, кто его купит, для чего. И никаких эмоций на лице. Думаю, если бы ему дать еду, он бы еще и меланхолично пережевывал пищу при этом. А вот если покупателя не находилось... я стала свидетелем такого нелицеприятного зрелища: раба просто убивали и скидывали труп в люк помостов. Теперь понятно назначение этих сооружений. Я-то думала, это сделано для возвышения, чтобы лучше видно... реальность оказалась страшнее. Как и жуткий смрад, который явственно ощущался всякий раз, когда мы проходили мимо одного из таких строений.

Сглотнув, я старалась больше не смотреть по сторонам. Так как разглядывать больше было нечего, я устала в спину нашего нового хозяина, который ни разу не оглянулся за все время передвижения, словно прекрасно зная, что никуда мы не денемся. Что за самоуверенность, я раздраженно передернула плечами. Существо впереди иронично хмыкнуло: я напряглась. Что-то невероятно, до боли, знакомое было в этом звуке. Как и в походке, и в манере прокладывать себе дорогу через поток существ...

- Марвия? - дрожащим голосом, не веря себе, спросила я. - Неужели это ты?

Незнакомец лишь чуть обернулся и искоса бросил на меня взгляд, полный сарказма. А вот Вера, весело болтавшая с Радом, вдруг замолчала на полуслове, вперила в меня удивленный взгляд, но я не обратила на подругу внимания. Неужели правда этот незнакомец - моя старая знакомая ведьма? Но откуда у простой ведуньи столько денег? Всю дорогу я тряслась от страха, что ошибаюсь, что призрачная надежда растает неумелой иллюзией, что единственная ниточка, связывающая с моим прошлым, с натяжным звоном оборвется.

Мы вышли с площади, но я не радовалась ни свежему ветерку, унесшему страшный смрад, доносящийся из-под помостов, ни ярким солнышкам, полоскающим свои брюшки в сверкающих водах океана, ни множеству небольших суденышек, облепивших порт, словно дикие утки место ночлега. Ибо не сводила напряженного взгляда со спины существа в широком плаще, ловя все больше сходства в движениях.

- Мел, не смотри на меня так, - скрипуче проворчал наш хозяин. - Дыру в моей спине прожжешь!

- Марвия! - радостно шептала я, не замечая вопросительных взглядов друзей. - Марвия!

- Вот сюда, быстро, - существо указало на небольшую лодчонку, на которой возвышался добротный шалаш. - Все внутрь!

Мы послушно шмыгнули на борт, а Марвия, осторожно осмотревшись, шагнула следом и, невежливо толкая нас в спины, завела внутрь. Там она знаком заставила валла и Веру сесть на мягкие тюки, а меня поманила дальше. Я вступила в следующую часть палатки, отгороженную от первой легким покрывалом. Но удивительно, стоило мне опустить занавесь, как щебет девушки, обсуждающей с Радом события дня, полностью перестал слышаться.

- Удобно устроилась, ведьма, - одобрительно хмыкнула я и обернулась к Марвии, которая снимала с себя многочисленные тряпки.

- Если бы не эти глупые законы, запрещающие женщине заниматься работоторговлей, - проворчала она, разматывая длинный шарф с головы. - Пошла бы как нормальная ведунья на площадь. А так, вот приходится изгаляться, да еще каждую соту, чтобы только тебя не проморгать!

- Ты меня ждала? - восхитилась я. - Да еще так долго... Кстати, Марвия, а насколько долго? - задала я мучающий меня вопрос.

- Сейчас увидишь, - хихикнула ведунья и, справившись наконец с непослушной шалью, подняла на меня глаза.

Я опешила: за исключением этих глаз на лице старухи не осталось ничего, напоминающего прежнюю Марвию: абсолютно белые, выключенные шальями волосы, такие же седые брови, кожа с синеватым оттенком в глубоких морщинах, я даже разглядела парочку застарелых рубцов, словно передо мною стоял старый воин с богатой событиями жизнью за могучими плечами.

- Ты ли это? - побелевшими губами прошептала я. - Что с тобой произошло?

- Время со мной произошло, - с сарказмом в голосе ответила старуха. - Знаешь, тысяча сот - это тебе не шутки!

- Тысяча, - повторила я, все еще не в силах поверить. - Значит, валл был прав... Но волосы - разве камы седеют?

- Камы - нет, - пожалала плечами ведьма. - А вот анахи - еще как... через пару тысяч сот.

Пару тысяч? Я замерла, боясь спугнуть робкую надежду:

- Марвия, скажи - Роже жив? - дрожащим голосом спросила я.

- К моему великому сожалению, - зло буркнула ведунья.

- В смысле? - озадаченно спросила я, даже позабыв обрадоваться.

- Присаживайся, Мастер, - ведьма похлопала сухой ладонью по мягкому свертку рядом с собой. - Это долгая история. Сейчас заворожу твоих спутников. Насколько понимаю, девушка знает язык, да и валлы иногда поражают умением слушать.

Марвия исчезла за покрывалом, а я в растерянности плюхнулась на мягкий тюк. Палатка старухи была выложена из толстых плотных ковров и, казалось, держалась на честном слове. Конечно, я знала, что вся конструкция опирается на магию, но глядя на потолок, который сам по себе висит в воздухе, верилось в реальность происходящего с трудом. Коричнево-серые тряпки разбросаны всюду, нечто мягкое, распиханное по тюкам, не поддавалось опознанию. Запах горелых трав, расплзающийся колючим туманом из-под занавеси, добавлял обстановке мрачности. Я поежилась: чем мог Роже насолить ведьме, что Марвия с такой ненавистью отозвалась о нем?

Вскоре старуха вернулась: из-за приподнятого покрывала раздалось сонное посапывание Веры, изредка заглушаемое мощными всхрапами валла.

- Ну вот, теперь можно спокойно поговорить, - с облегчением в голосе произнесла Марвия, усаживаясь рядышком.

- Скажи, - задала я первый мучающий меня вопрос. - Откуда у тебя столько денег?

Конечно, мне было гораздо интереснее узнать про Роже, но я почему-то оттягивала момент, словно опасаясь, что история не понравится.

- Смешно получилось, - расхохоталась старуха. - Это было муть знает столько сот назад. Когда на Валрад обрушился гнев мицара и город разрушили и сожгли дотла, я как раз отдыхала у Дика... ну,

ты помнишь Дика. Валл во время атаки отчаянно собирал всякий хлам, грузил на телегу и тайными путями, с помощью меня и родственников, вывозил в лес. А потом, когда от города осталась лишь равнина, окутанная дымом, Дик вдруг разрыдался. Сказал, что валлу не нужно ни денег, ни скарба, мол, валл свободен, когда у него ничего нет. И он, наконец-то, свободен. Всучил мне вожжи от лошаденки и, сграбастав своих ошеломленных братьев, пытающихся хотя бы мешок со знаменитыми штанами Дика стащить с воза, просто ушел в лес. Так я стала просто неприлично богата: валл драл с постояльцев втридорога, а тратить накопления и не думал, так как штанов у него было много, а больше Дику ничего и не надо, поскольку у валлов на самом деле ни в чем нет необходимости. С тех пор несколько островов в Великом океане – мои. А я езжу по миру, посещая все мыслимые рынки рабов в надежде когда-нибудь купить тебя.

– Кстати, – заинтересовалась я. – А почему ты была так уверена, что я окажусь именно там? И вообще, появлюсь снова в Кеприи?

– Ну, это просто, – снисходительно улыбнулась старуха. – Все эти соты я упорно выстраивала нечто, похожее на тоннель в ваш мир, чтобы вернуть тебя, звала по нему...

– Вязкие туманы моих снов! – осенило меня. – Так вот, что это было: ты звала меня, затягивала в Кеприю, а я так боялась хоть раз послушаться и двинуться на зов.

– Да, – с серьезным видом кивнула Марвия. – Ты не слушала, не хотела идти по тоннелю...

– Поэтому ты перетащила меня так? – весело спросила я.

– Нет, – печально покачала головой Марвия. – Это не я. Но я пыталась, я никогда не останавливалась. Ты должна исправить то, что оставила позади себя: хаос.

– Погоди, – я опешила. – Чтобы там ни было, давай по порядку. Ты сказала – все просто. Если не ты, кто тогда меня перетащил?

– Сама знаешь, кто, – мрачно хмыкнула ведьма. – И я не сомневалась, что так оно и будет. Конечно, лучше бы ты послушала меня и пришла по тоннелю, но и так тоже сойдет. Мне только оставалось перехватить тебя первой. Что я и сделала... А вычислить, что ты окажешься у работоторговцев, было делом магии.

Старуха хитро сощурилась, взглянув на мою любопытную физиономию:

– Да мне просто дзеты сказали. Вот, смотри!

Старуха достала из одного серебристого мешочка, что в огромном количестве висели у женщины на поясе, маленькие плоские камушки. Кругляши словно были выточены из разноцветных драгоценных камней и идеально отшлифованы. Старуха любовно погладила камушки:

– Они меня еще ни разу не подводили. Так что я знала, где тебя искать, и это давало мне преимущество. Но оно не так уж велико; мицар очень силен, гораздо сильнее, чем в твой визит. Так что давай быстрее, скоро он уже будет здесь, – торопливо произнесла Марвия.

– Да кто такой мицар? – изумленно воскликнула я. – И чего ему от меня надо?

Ведьма растерянно замерла, потом осторожно произнесла, пристально глядя мне в глаза:

– Мел, мицар – владыка мира. А нужна ты ему потому, что он хочет отомстить за свое разбитое сердце. Тысячу сот назад мицар был...

Сердце мое сжалось в дурном предчувствии, словно в него вонзились миллионы крошечных ледяных осколков.

– ...Верховным магом Лив'утвао по имени Рож'иальяр Л'ладаргра! – жестко произнесла ведьма. – Именно тот, кого ты бросила после проведенной вместе ночи, убежав в свой мир с потомственным повелителем цваков Ривизлем. После такого удара маг разозлился на весь мир и захватил власть в Лив'утвао. Он повел войска по всей Кеприи, захватывая все расы в плен, одну за другой, пока весь мир не склонился перед новым мицаром, которого в Кеприи не было, наверное, миллион сот! Но больше всего пострадали цваки: мицар приказал полностью истребить эту расу. Цваки, привыкшие жить в лесу, оказались несколько более живучи, чем полагал мицар, да еще их магия позволяла укрыться раньше, чем опасность подойдет слишком близко. Но это потом, сперва они ни о чем не подозревали, считая расу анахов союзниками, ибо Рож'иальяр и Ривизель дружили с самого детства. Поэтому первый удар мицара оказался для цваков самым страшным: анахи перебили почти всех представителей расы. Лишь немногие успели переместиться на безопасное расстояние, только самые сильные магически.

В голове гудело: я отказывалась принимать страшные вести. Что за чушь? Я не бросала Роже, меня

отправил Хранитель обратно в мой мир, где я провела тоскливые пять лет в надежде, что однажды вновь попаду сюда. А тут такое...

- Мицар, видимо, очень настойчиво искал тебя, - тем временем продолжала Марвия. - Я так понимаю, его магия словно крючком вытаскивала из вашего мира похожих на тебя девушек. Но попав в Кеприю, бедняжки пропадали либо в гаремах камов, либо гибли в жестоких руках обозленных цваков.

- Эти-то на что так разозлились? - несчастным голосом спросила я.

- Цваки решили, что ты околдовала потомственного повелителя специально, чтобы уничтожить весь род цваков, - объяснила ведьма. - Что под видом доброго дела натравила на цваков анахов. Многие даже высказывали предположение, что и эпидемию спровоцировала ты, чтобы втереться цвакам в доверие. Поэтому, когда в Кеприи стали появляться подобные тебе, они банально испугались, что нарушится их шаткое равновесие. Испугались, что ты вернешься, чтобы закончить начатое - извести до конца весь род цваков.

- Что за чушь, - простила я, не в силах больше сдерживаться: по щекам потекли слезы отчаяния. - Утром к нам в комнату постучала Хен, Хранитель мира. Она сказала, что если я останусь, мир рухнет. Или не рухнет, но Роже погибнет в любом случае, поэтому я должна уходить. Она отправила меня в мой мир и все! Я не сбегала с Ривиэлем, поскольку Хен сама на него глаз положила. И если Ривиэль пропал, это она его стащила своими цепкими драконьими лапками. Уж, не знаю, зачем он ей нужен: из практического интереса, или гастрономического, я просто была рада избавиться от его надоедливых ухаживаний.

- То есть, - старуха выглядела так, словно на нее внезапно обрушился небосвод, даже оранжевые солнышки шаловливо заиграли в глазах ведьмы, - ты все еще любишь мицара?!

- Я люблю моего Роже, - твердо ответила я. - А этого вашего пресловутого мицара знать не знаю! Что делать теперь, не представляю...

- Для начала, отправимся ко мне, - решительно проговорила Марвия, снова принимаясь заматывать длинной шалью лицо. - На моих островах уже полно белых девчонок, очень похожих на тебя. Так что, если мицар зайвится туда, он будет немного растерян таким обширным выбором... А мы с тобой пока решим, как тебе вернуть его сердце. И исправить хаос, который ты случайно оставила за собой.

- Увы, Марвия, - печально улыбнулась я. - В этот раз меня вызвали не Хранители. Поэтому силы стихий нет во мне ни капли. Так что, вряд ли я смогу хоть что-то исправить.

- Как это, нет? - удивилась ведьма. - Что ты несешь? Твоя сила не зависит ни от кого. И никакие пресловутые Хранители тут не указ. К тому же, судя по твоим словам, не очень-то эти самые Хранители любят правду говорить...

- Но как же! - воскликнула я. - В прошлый раз я и языки знала, и танцевала так, что магия из меня водопадом лилась... А сейчас я - никто! Не понимаю никого, переводчица нужна! И танцевала просто, словно все стихии - только сладкий сон!

- Не города, - поморщилась Марвия. - В смысле, языков не знаешь, а как по-твоему, мы сейчас разговариваем? Я в ваш мир не попадала, представления не имею, как вы там говорите. Кстати, тебе, как Мастеру стихий, верили, потому что ты с каждым говорила на его языке. Причем так, словно родилась представителем его расы. И сейчас, уж поверь мне, ты говоришь на чистейшем камском. Так что, не прибедайся, сила твоя все еще при тебе. А то, что ты ее в себе так тщательно закопала, спрятала от самой себя, так это надо поскорее решать.

- То есть, - осторожно уточнила я, боясь поверить Марвии, дабы не пробуждать несбыточные надежды, - ты хочешь сказать, что сила при мне была всегда? И Хранители не могли ни взять ее у меня, ни, соответственно, даровать магию для спасения мира?

- Умница, дочка, - расхохоталась довольная ведьма. - Удивлена, что до тебя сразу не дошла эта немудреная истина. Магию вообще нельзя ни дать, ни взять - это сила, присущая существу еще до рождения. Как, интересно, ты собираешься одарить магией, например, свою подружку белку? Не пыхти даже - это просто невозможно, закон природы!

- Но я хотела воспользоваться магией, чтобы освободиться от работоторговцев, - в панике взвыла я. - И у меня ничегошеньки не получилось! Почему, Марвия?!

- Ну давай посмотрим, - растерялась ведьма и вновь достала свои безотказные дзеты.

Расчистив местечко на полу от грязного тряпья, она нежно подкинула камушки и позволила им свободно упасть на деревянный пол. Скрючившись в три погибели, старушка засуетилась над

полом, пристально вглядываясь в рисунок, созданный упавшими дзетами:

- Так, партнеры, - бормотала она. - Магический дуэт, любовь, ненависть, снова любовь... как все не просто!

- Что там? - вытягивая шею, я пыталась всматриваться в безликие камни.

- Погоди, - отмахнулась Марвия. - Танец, стихии... так-так, все понятно.

- Что понятно? - жалобно проблеяла я. - Давай, не тяни! Сама говоришь, времени нет.

- Понятно то, что ты, моя милая девочка, в сказки свято веришь! - торжествующе произнесла ведьма, погрозив мне узловатым пальцем. - Тебе сказали, что нужно уходить - пошла. Сказали, что сила не твоя - поверила, как миленькая, даже не потрудившись проверить! Хорошо, конечно, что ты девочка послушная была, но теперь все изменилось: ты далеко не девочка и должна иметь на все собственное суждение. И то, что оно не совпадет с чьим-то, тебя не должно так сильно волновать. Слишком большая сила в тебе скрыта, нельзя так с ней. Если ты ее отвергаешь, сила будет управлять тобой исподтишка, воплощая в жизнь твои самые тайные страхи и мимолетные желания. Решила, что должна уйти - ушла, обливаясь слезами. Поверила, что не можешь вернуться, мешала всем - и мицару, и мне - до тебя дотянуться. Послушала, что сила тебе не принадлежит, и закопала способность управлять ею настолько глубоко, что сама не можешь найти, когда потребовалось.

- И что же мне теперь делать? - ужаснувшись своим действиям, прошептала я в панике. - Как вернуть эту способность? Или магия так и будет теперь управлять мною, воплощая в реальность все мои кошмары?

- Хороший вопрос, - ухмыльнулась старуха, сграбастывая камешки. - Увы, милая, ответ тебе придется искать самой. Единственное, что подсказали дзеты - тебе поможет любовь.

Я растерянно моргнула: как любовь тут может помочь? Это, интересно, иносказательно, или конкретный план? Если второе, то любовь с кем?

- Не понимаешь, - Марвия в упор рассматривала мою растерянную мордашку. - Тогда вспомни, что произошло, когда мы встретились. Насколько я понимаю, до этого момента ты не понимала язык камов, а мы с тобой свободно заговорили на нем. Что-то произошло в тебе в этот момент, что открыло возможность к подобной метаморфозе. Подумай над этим пока, а мне нужно сходить в порт, получить разрешение, чтобы отправиться на острова. Точнее, просто заплатить за выход в океан. Отсюда не выходи, кто знает, как скоро сюда доберется мицар или его подручные, лучше пока не соваться в пасть к коругу.

И Марвия, накинув широкий плащ, скрылась в складках покрывал, скрывающих вход в палатку.

Я сидела на тюке, растерянная, заплаканная, и не знала, что и подумать. Все казалось просто сном, страшным сном. Почему так произошло? Почему Роже подумал, что я сбежала с Ривизэлем? Где сейчас Ривизэль или Хен? И что я скажу любимому, если он найдет меня сейчас? Я одновременно жаждала этой встречи и панически боялась ее. Ведь не было прежнего Роже, был жестокий и властный мицар, приказавший стереть из истории целую расу. Магия которого была настолько сильной, что он мог буквально похищать девиц из моего мира. Я вдруг поняла, просто почувствовала, как он это делал: словно в темном мешке среди множества предметов на ощупь выбирал похожий на тот, что ему нужен. И Вера, и другие, живые и погибшие, оказались здесь по моей вине. Конечно, я не виновна в измене, но я так старательно скрывала от себя свои же силы, что в последний момент ускользала от магии мицара, а маг забирал вместо меня похожую жертву.

Пока я горевала над судьбой невезучих девушек, в палатку кто-то проник. Я не услышала ни звука, не почувствовала ни единого дуновения ветерка. Просто вдруг осознала, что здесь кто-то есть: сердечко сжалось в панике - мицар нашел меня! Подняв голову, я увидела неясные очертания мужской фигуры. Некто приближался ко мне, медленно, словно двигался в воде. Контур его тела перемещался вне зависимости от хозяина, оставляя неясный след из разноцветных теней по всему пути продвижения.

Сглотнув, я почувствовала, как волосы на затылке зашевелились, по коже пробежал морозец, лицо помертвело.

- Ты что, меня видишь? - донельзя удивился незнакомец и... проявился.

Это был не Роже, к моему великому облегчению. Передо мной стоял яркий представитель своей загадочной расы, как там его назвала Вера?

- Эфемерид, - старательно произнесла я вслух. - Так вы все-таки владеете магией.

- Немного, - загадочно улыбнулся рыжеволосый. - Например, умеем делать вот так.

Мужчина коснулся желтым пальцем моего лба, как раз между бровей, и я погрузилась во тьму.

Глава 13

Очнулась я в большой деревянной комнате. Слегка мутило, казалось, даже стены отплясывают загадочный танец вместе с моим организмом. Чуть погодя я поняла, что это не просто тошнота: комнату на самом деле сильно раскачивало, но не так, как деревянный барак камов. Более всего это было похоже на качку судна, находящегося в море. Я удивленно огляделась: каюта, а это именно каюта, раз комната на корабле, явно предназначена для мужчины. Узкое ложе, прибитое к полу, на котором я сейчас лежала, покрыто тонким матрасом. На деревянном полу большая жесткая шкура неизвестного мне зверя. Одинокий стол посередине тоже прикреплен к полу. А вот парочка легких стульев чуть ездила взад-вперед, подчиняясь движению качки.

Я встала и босыми ногами прошлепала к столу, держась за стену: на поверхности разбросаны мятые листы, полностью зарисованные знаками и линиями. Похоже, это местные карты. Я ничего не смогла разобрать в загадочных закорючках, но меня это не смутило: в прошлый свой визит в Кеприю я тоже не могла читать, только понимать существа. Мне даже кажется, что знание языков тут не при чем, я также продолжала говорить на своем языке, а расы на своем, просто моя магия доносила до собеседников смысл сказанного. Может, я могла и мыслями обмениваться, надо попробовать как-нибудь.

Но сейчас это мне ничего не давало: ни разговаривать, ни обмениваться мыслями было не с кем. Я подергала дверь, но лишь убедилась, что та крепко заперта. Ни окошек, ни иллюминаторов в комнате не было, но было светло. Пристально оглядевшись, я увидела, что свет льется прямо с потолка, словно того не существовало, и солнышки беспрепятственно освещают всю обстановку. «Опять загадочная магия эфемеридов», – подумала я.

То, что я у рыжего типа, сомнений не вызывало. Парень не смог смириться с тем, что его обскакали на аукционе, и проследил за новым хозяином рабов. Дождавшись, когда тот покинет суденышко, эфемерид просто-напросто выкрал меня, погрузив в сон.

Я ощутила босыми ногами холод мокрых досок и вприпрыжку побежала обратно на кровать, старательно цепляясь за стены. Укутав замерзшие стопы в толстый плед, я огляделась вокруг в поисках туфель. Обувки нигде не было, как и моих алых крыльев – надеюсь, когда их снимали, не повредили замысловатую застежку. Но костюм все еще оставался на мне, и это радовало: одевался он интересным образом, да и снимался с трудом, так что посторонний, не посвященный в тонкости швейного мастерства, не смог бы снять его, не разорвав. То, что костюм цел, доказывало, что остальное сняли только для моего удобства. Пугало лишь отсутствие моих вещей.

Я села на кровати и уставилась на дверь, ожидая прихода моего похитителя. Но ничего не происходило: мерная качка судна продолжалась, стулья ездили по тому же маршруту, что показывало на прежний курс. В дверь никто и не думал ломиться. Чувствуя, что засыпаю, я встрепенулась: надо устроить хоть какой-то будильник, чтобы знать о гостях заранее: терпеть не могу не контролировать ситуацию.

Я огляделась и увидела глубокий сосуд с водой, видимо, для умывания. На столе, в специальном углублении, стояла кружка. В сундуке, прикрепленном к полу, я обнаружила пару длинных бечевков. Быстренько соорудив простенькую детскую ловушку с кружкой над дверью, привязав веревку к ручке двери, я со спокойным сердцем легла спать: никто не войдет сюда, не устроив при этом большого шума.

И ловушка сработала. Но то, что сработало именно мое сооружение, я поняла позднее. Сначала проснулась от дикого грохота и с визгом слетела с кровати, застав перед глазами такую картину: мой знакомый эфемерид, распахнув дверь, словил на свою рыжую голову кружку с водой. От неожиданности отпрыгнул в сторону, но запутался в бечевках, которыми я опутала ловушку, не зная, в какую сторону открывается дверь, и поэтому проработала оба варианта. И теперь, барахтаясь в обломках стульев, мокрый и очумевший эфемерид старался выпутаться из петли на щиколотке.

– И вам здрасте, – хихикнула я.

Парень бросил на меня мрачный взгляд:

– Что ты тут устроила?

– Торжественное приветствие своего похитителя, – невинно хлопая ресницами, объяснила я. – Или ты ожидал более теплую встречу? Извини, чайника не нашлось, водичка только холодная!

Эфемериду надоело возиться с веревкой и он, достав из-за пояса нуч с костяной ручкой, просто перерезал ее. Увидев оружие, я насторожилась. Тем более, эфемерид не торопился убирать свой ножичек обратно.

- Боишься? – подмигнул он. – Вот это уже верное настроение, а то непорядок: жертва затиранила своего похитителя!

- Не то, чтобы боюсь, – четко призналась я. – Просто не очень люблю холодное оружие... в чужих руках. Вот если бы ты дал мне немного поиграться со своим клинком, я была бы более довольна.

- Давай, я лучше дам тебе поиграться, – хитро сощурился нахальный рыжик, – с чем-нибудь еще, не столь опасным, но не менее интересным.

Вспыхнув до корней волос, я метнула в эфемерида презрительный взгляд, подчеркнуто медленно оглядывая мужчину с головы до ног:

- Только сунься ко мне, черноглазый, и сразу получишь по наглой рыжей морде! – предупредила я.

Эфемерид усмехнулся и, не спуская с меня глаз, обойдя обломки стульев, присел на краешек стола. Нич он спрятал, что немного успокоило.

- А вот твои глаза меня сразили наповал еще там, на площади, где я тебя впервые увидел, – неожиданно мягким тоном поделился мужчина. – Я слышал о белках, но еще не видел. Там продавали двух девушек с белой кожей, но та, другая не идет ни в какое сравнение с тобой. Какие выразительные глаза: можешь говорить без слов, метать молнии, выразить все эмоции...

Я с сомнением посмотрела на эфемерида, пытаюсь разгадать, чего это он комплиментами стал сыпать? Или не получилось нахрапом, попробуем усыпить бдительность сладкоголосыми речами? Но по черным глазюкам рыжего совершенно невозможно что-то прочесть: может, поэтому он так восхищается выразительностью глаз земных девушек. Миндалевидные, опущенные алыми ресницами, по-моему, чересчур длинными для мужчины, глаза эфемерида казались гладко отшлифованными кусками мертвого антрацита.

- Забавно, что в них так много цветов: кругляши, как у камов, но цвета глаз моего народа, – эфемерид восхищенно покачал головой. – Я счел это добрым знаком...

- И, не имея возможности честно купить раба, подло украл меня у нового хозяина, – грубо обрубил я поток сладких речей.

- Я богат! – черные глаза блеснули, видимо, я поторопилась с выводами о безжизненности эфемеридовых гляделок. – Просто никак не предполагал, что захочу что-нибудь купить у глупых камов. Прогуливался по этой чудовищной, зловонной площади, когда увидел тебя. И сразу захотел. Но законы камских рынков очень жестки: ты имеешь право заявить только ту сумму, которая на данный момент с собой, и никаких посулов, мол – на корабле. И не так уж много мне не хватило... это и разозлило.

- Хорошие законы, – упрямо встала я на сторону камов. – Мало ли какие проходимцы встречаются... ты, вот, например. Сплошная болтовня!

- Я тебе покажу. – Судя по тону, кажется, я довела своего похитителя до белого каления: а кто мог предположить, что эфемериды такие ранимые?

Рыжик решительно встал и подошел: я попыталась ускользнуть в сторону, но эфемерид схватил меня за плечи и развернул к себе спиной. С силой прижав к себе, он ладонью закрыл мне глаза: я испуганно пискнула, не зная, что предпримет этот хам.

- Тихо, не трепыхайся, – шепнул эфемерид на ухо, скользнув теплыми губами по линии шеи. – Ты меня возбуждаешь и отвлекаешь от дела. Сперва я тебе покажу свои владения, а потом можешь дать себе волю и кричать, сколько вздумается: стены моей каюты заморожены, изнутри не прорвется ни один звук.

Судорожно сглотнув, я крепко сжала зубы и осторожно, чтобы он ничего не заподозрил, нащупала пяткой ногу эфемерида: в случае чего со всей дури ударю по пальцам ног, пусть попрыгает! Но эфемерид ничего не предпринимал. Он по-прежнему крепко держал меня за талию одной рукой, другой прикрывал глаза. От горячего дыхания мужчины по шее ползли мурашки: мужчина читал что-то нараспев. И, раз я не понимала ни слова, значит, это какое-то заклинание, а не слова, обращенные ко мне.

Через несколько долгих секунд эфемерид глубоко вздохнул и медленно убрал ладонь с моего лица. Открыв глаза, я вскрикнула от страха и, умудрившись развернуться в крепких объятиях мужчины, запрыгнула на него и вцепилась всеми конечностями. Дыхание мужчины участилось, ловкие руки заскользили по моему телу. Но я почти не чувствовала этого: отходя от шока, осторожно посмотрела вниз.

Мы с эфемеридом висели в воздухе, очень высоко, почти на уровне облаков, если бы они тут были.

Но белесое небо оставалось чистым, припорошившись лишь легкой дымкой. Оранжевые солнышки, казалось, объаты пламенем, очертания кругов словно плавилась от собственного жара. Под нами, куда бы я ни посмотрела, простиралась яркая пустыня, полная оранжево-красного песка. И лишь вокруг редких, но огромных строений можно было заметить багровые пятна чахлых растений. Строения же сверкали и переливались желтовато-белыми камнями, из которых выстроены, да манили свежестью огромных искусственных озер.

– Все это мое, – жарко шептал эфемерид, лаская меня. – Все эти земли, дворцы... все будет и твоим. У эфемеридов не принято заводить гарем. Возможно, тебе покажется странным, но мы предпочитаем только одну жену. И я свою уже выбрал, мы будем править вместе с тобой...

Мужчина поднял руки и развернул мое лицо к себе. В панике я снова взвизгнула и вцепилась в него еще крепче. Эфемерид крикнул, видимо, не очень приятно ощущать мои насмерть вцепившиеся в его тело пальцы.

– Это ненастоящее, – прохрипел он. – Просто некая тень моего материка. Иллюзия...

– Отпусти меня, чудо-травка, – потрясенно прошептала я и, боязливо опустив одну ногу вниз, с облегчением нащупала носками твердый пол в пустоте, которую видела под собою.

Осмелев, я быстро слезла с эфемерида, окинув при этом мужчину таким взглядом, словно это он на меня залезал. Мираж пустыни постепенно таял, сквозь яркую картинку уже чуть просвечивали очертания комнаты, видимо, заканчивалось время заклинания. Эфемерид снова притянул меня к себе. Сейчас я не стала медлить и, схватив его ладонь, провела ее за спину мужчины, закручивая энергию атаки по оси. Не ожидавший такой подлянки эфемерид послушно оглянулся. Что мне и надо – усиливая его движение, я направила руку резко вниз, и сама поднырнула, позволяя тяжелому телу свободно взлететь и кубарем укатиться в угол.

Эфемерид вновь растянулся на обломках стульев, выдав при этом витиеватую многозначительную фразу. Многозначительную, поскольку я не поняла ни слова. Но так как при ее произнесении не возникло более никаких миражей, то значит, это просто непередаваемый эфемеридский фольклор. Долго не разлеживаясь, мужчина вскочил и кошачьей походкой стал приближаться:

– Хочешь поиграть? – мягким, почти обволакивающим тоном, произнес он: кажется, я его разозлила. – Ну, давай, поиграем, девочка...

Он напал стремительнее змеи. Я, охнув от неожиданности, еле успела отклониться в сторону: ушла в пережат и вновь вскочила на ноги. Теперь между нами находился прикрученный к полу стол. Эфемерид в ярости смел с деревянной поверхности все бумаги: карты, шурша, плавно осели на пол, словно осенние листья.

Сердечко бешено колотилось: я чувствовала, что передо мной воин, который намного сильнее. И все мое умение пригодится лишь только в одном случае: отвлечь приемом, свалить с ног и убежать. Первую часть плана я легко претворила в жизнь, со второй дело обстояло хуже: бежать некуда. А противник, тем временем, уже прекрасно знал о моих возможностях и уже не позволяет себе расслабиться. Ибо этим он даст мне еще один шанс его унижить. На губах эфемерида залегла жесткая складка: он явно был в курсе всех моих умозаключений. Пока я не проявила себя, у меня имелся некий шанс, теперь же я как на ладони. Мужчина уже распрямился, откровенно забавляясь ситуацией, но при этом тщательно контролировал каждое мое движение, тут же отвечая на него, а иногда даже предугадывая.

Поддавшись панике, я рванулась к двери, надеясь выбить замок: других путей отступления придумать не смогла. Но эфемерид с легкостью просчитал и это мое устремление. Мужчина мощным прыжком враз оказался на моем пути и даже чуть застыл, смакуя этот момент. Я по инерции врезалась в него: рука эфемерида мгновенно оказалась на моей шее, и он шагнул вперед, прижимая меня спиной к стене. Я вцепилась в сжимавшие горло пальцы, стараясь отодрать их и впустить глоток воздуха. Немного полюбовавшись моей беспомощностью, эфемерид нарочито медленно прижал меня к стене своим телом и отпустил руку. Я судорожно вдохнула воздух и закашлялась.

Эфемерид взял в руки мою голову и развернул вверх лицом. Сжав зубы, я с вызовом посмотрела в черные глаза мужчины. Он же оставался спокоен: по лицу эфемерида бродила весьма довольная улыбка. Улыбка удава, знающего, что жертва от него никуда не денется, поэтому можно с ней немного поиграть.

Ну все, конец котенку: подумала я. Будущее предстало передо мною в весьма мрачном свете: долгая семейная жизнь, полная таких вот садо-мазо игр.

Насладившись своей победой, эфемерид жестко зафиксировал рукой мой подбородок и страстно впился в губы, проникая в рот раздвоенным языком. Задрожав от страха, я отчаянно рванулась, но эфемерид лишь еще сильнее прижал к стене, почти выдавив из легких весь воздух. Другой рукой он

рванул ткань на моей груди. Бифлекс выдержал, лишь растянувшись, но на пол, стуча каплями дождя, посыпались многочисленные стразы кроваво-алого цвета.

- Гемм! - дверь распахнулась, и на пороге возник другой эфемерид, немного старше.

В раскрытую дверь внутрь комнаты тут же проникли звуки бьющих о борт судна волн, резкие крики птиц и невнятные разговоры существ.

- Что?! - лишь немного отстранившись, спросил Гемм.

В одном негромком слове чувствовалась такая ярость, что у меня засосало под ложечкой: кажется, еще секунда и тело несчастного, осмелившегося побеспокоить эфемериды в его каюте, растечется по грязному полу неопределенной кровавой массой.

- Прости, что отвлекаю, - чуть виновато произнес ворвавшийся эфемерид. - Но ты должен это видеть.

Гемм зарычал, но, отпустив меня, развернулся к эфемериду. Я, ощутив свободу, тут же выкарабкалась из угла, куда он меня загнал, и скользнула в сторону стола в поисках временного укрытия.

- В твоих интересах, чтобы это было действительно важно, - с угрозой в голосе проговорил Гемм и широкими шагами направился к выходу.

Дверь оставалась распахнутой. Немного осмелев и решив, что я, собственно, все равно ничего не теряю, я скользнула наружу. По пути провела рукой по косяку и с удивлением не обнаружила ни намека на замок: значит, дверь закрывалась магически. Оказавшись на широкой палубе, торопливо осмотрелась. Гемм с помощником всматривались вдаль, стоя у правого борта. Несколько полуголых эфемеридов, видимо, матросы, украдкой бросая на меня любопытные взгляды, подчеркнуто безразлично занимались своими делами.

Перед дверью обнаружили мои туфли и крылья. Рассудив, что топтать по разгоряченной на полуденных солнышках палубе босиком не очень приятно, я торопливо нацепила босоножки и накинула крылья, как плащ. Почувствовав себя более уверенно, я тоже пытливо всмотрелась в сторону, куда было направлено все внимание помрачневшего Гемма.

На горизонте виднелся корабль, на всех парусах движущийся в нашу сторону.

- Анахи, - немного удивленно констатировал Гемм. - Что им от нас нужно? Если только...

Он оглянулся в сторону каюты и, увидев, что пленница осмелилась выйти, обратился ко мне:

- Может, ты знаешь, что от нас вдруг потребовалось анахам?

Я испуганно вздрогнула, взгляд заметался: неужели мицар уже знает, где я? Я не готова сейчас встретить Роже, хотя это, конечно, лучше, чем быть изнасилованной эфемеридом.

- Что, еще один твой поклонник? - понимающе улыбнулся Гемм, оцарапав ревнивым взглядом. Потом резко бросил пожилому эфемериду: - Готовьтесь к сражению. А ты, милая, лучше укройся внутри, а то как бы не украли!

- Словно это спасает, - зло буркнула я и, полностью игнорируя Гемма, перешла к другому борту.

Здесь горизонт оставался чист, кристальное небо отражало блики оранжевых солнышек в темных водах океана. Волнение было очень сильным, не зря корабль так раскачивало. Хорошо, хоть я не страдаю морской болезнью... а может, и плохо: глядя на зеленую барышню с периодическими позывами к рвоте, Гемм бы не решился лезть целоваться. Я сплюнула в воду, вспомнив его раздвоенный язык, щекочущий мне небо. Жуть какая! Да уж лучше в воду, чем замуж за это чудовище! Хотя, конечно, умирать совсем не хотелось. Но тут уж как повезет: если на корабле анахов действительно находится мицар, конец мой обещает быть скорым, но, к сожалению, мучительным.

Как я буду оправдываться? Он прожил тысячу сот с мыслью о том, что я его бросила и убежала с другим. Эта мысль давно укоренилась в его мозгу и проросла, напрочь убив всякие сомнения: ведь я так ни разу и не объявилась. И к тому же всячески мешала ему добраться до себя, пусть и неосознанно. Он ведь не знает, что неосознанно!

Во мне все бурлило: страх, надежда, ожидание встречи, несмотря ни на что, отчаяние, что все против меня. Я все-таки надеялась, что любовь осталась в его сердце, хоть чуть-чуть... Конечно, яд обиды и ревности за столько времени мог запросто убить все чувства. Выслушает ли он меня? Поверит ли? Плечи мои уныло опустились, в воду капнула соленая слеза.

- Не бойся, - раздался рядом тихий голос. Гемм, приближение которого я пропустила, задумавшись, нежно обнял: - Я никому тебя не отдам!

- Опять угрожаешь? - насмешливо протянула я, передергивая плечами. - Тебе ничего и не придется делать - я сама уйду.

- Запомни, девочка, - Гемм нахмурился, голос его звучал жестко, - я всегда получаю то, что хочу: так или иначе. Будешь упорно сопротивляться, придется тебя сломать. Все могло бы быть совершенно иначе, подумай над этим...

Эфемерид, развернувшись, сбежал по деревянным ступенькам на нижнюю палубу.

- Да, - рассеянно прошептала я, глядя на быстро приближающийся корабль. - Все могло бы быть совершенно иначе.

На небольшом столике обнаружилась подзорная труба. Так как на верхней палубе сейчас никого не было (видимо, все готовились отражать нападение анахов); я торопливо схватила ее и направила в сторону приближающегося судна. Матросов не было видно. Все правильно, анахи достаточно сильные маги, чтобы заставить корабль плыть самому, этим, кстати, объяснялась и чудовищная скорость, с которой они приближались. Только сейчас я оценила смелость эфемеридов, которые хотят дать отпор самой сильной в магии расе Кеприи. Хотя, что я знала о силе самих эфемеридов? Только то, что мужчины силой берут то, что им вдруг захотелось, не уточняя мнения окружающих.

На единственной палубе небольшого корабля я углядела троих анахов. Один из них, словно почувствовав мой взгляд, скинул черный капюшон: я оцепенела от неожиданности...

Ллер! Да это же Ллер! Осознав, что вижу старого друга, я готова была прыгать от радости: он спасет меня! Вырвет из жадных рук эфемеридов... Хотя, я сникла, он же цвак. А они уничтожают белок. Возможно, он прятался под плащом анахов, чтобы выкупить меня и убить. А потерпев поражение на площади, решил довести кровавое дело до конца, но теперь уже в море.

«Как ни крути, мне крышка», - мрачно решила я, наблюдая, как сверкающие струйки прозрачной воды щекочут деревянный борт судна, рассыпаясь на миллион брызг позади судна. Сама не замечая, я стала мурлыкать несложный мотив нежной мелодии. Словно передалось спокойствие многовековых вод океана, его тягучесть и особая терпимость. Что бы ни происходило на поверхности, океан всегда спокоен, глубины его незбылемы. И мне надо попытаться стать такой: что бы ни подсуropивала мне сволочуга-судьба, я должна хотя бы попытаться сохранить внутри себя подобное спокойствие, твердый стержень. И пусть рваный ветер треплет распущенные волосы, пусть эфемериды увозят меня в красные пески чужих пустынь, я все равно останусь той, кем была все это время. Тем, кем мне запретили быть, убедив, что это опасно для любимого. Я все еще оставалась Мастером стихий.

Волной нахлынет новый день.Вдохну я свежий аромат.Рассеется забвенья тлен,Ведь жизнь прекрасней во стократИ вмиг узнаю я его -Он чудо жизни подарил.Весь мир родился из него.Сейчас он путь и мне открыл.Смущенный взор зеркалит гладь.Коснется струн дождя поэт.Он бирюзой волн скрываетМой грациозный силуэт.Доверюсь я ладоням волн,Пусть снимут с плеч моих печаль.По следу заходящих солнцОтправлюсь в призрачную даль...

Осознав, что мелодия постепенно наполнилась словами, я осеклась. Сердцем чувствовала, что это Великий океан разговаривает со мной так, как умеет. Стихия воды обращается к некой части внутри меня так, словно он покорный возлюбленный, готовый подчиняться, готовый на все, лишь бы больше не глотать соль моих слез. Я интуитивно протянула к воде ладони - океан словно вздохнул, с радостью, что его услышали, что его помощь готовы принять. Он был безмерно благодарен. А еще я осознала, что стихия воды пыталась добраться до моего сознания все время, что я в море: укачивает, чтобы успокоить, чарует завораживающим танцем струй, чтобы отвлечь от тяжелых дум. Если мне плохо - ему плохо.

Чувство вины сдавило горло: мои эмоции отравили океан. А ведь он не при чем: Мастер стихий не имеет права отворачиваться от своих верных слуг, особенно когда они рвутся ему помочь. Мне даже ничего не надо делать, только позволить океану любить меня.

Улыбнувшись, я забралась на перила и распахнула руки, словно готовясь обнять это огромное, мокрое и прекрасное тело друга.

- Любимая, - в растерянности произнес Гемм, легко взбежавший по лестнице: все приготовления сделаны и до схватки остались считанные уны, поэтому он счел нужным спрятать свое главное сокровище. Теперь эфемерид с ужасом наблюдал за мной, балансирующей на перилах в легком прозрачном бирюзовом платье до пят. - Что ты хочешь сделать? Ты ведь не будешь прыгать? Это из-за меня? Я что-то сделал не так?

Я истерически расхохоталась: оцепенение, навеянное магией стихии воды, как рукой сняло.

Изумленно огляделась: на мне и правда надето бирюзовое платье и стою на перилах так, словно с детства ходила исключительно по канатам. Я весело оглянулась на эфемерида:

- Запомни, мальчик, - тщательно копировала я его собственные интонации, - в жизни далеко не всегда получаешь то, что хочешь. Даже если тебе принадлежит все золото мира, всегда останется то, что невозможно купить! Подумай над этим...

И шагнула вперед... точнее, вниз. Вся сжалась, ожидая всплеска и удара об воду. Но мой друг мягко принял меня в свои объятия, даже не намочив легкого платьица: волны пластично спружинили, как самый нежный матрас в мире, и оставили меня на поверхности. Чуть придя в себя от легкого шока, я осторожно потрогала воду носком туфельки: под стопой ощутила мягкую, но вполне упругую поверхность.

Весело рассмеявшись, я побежала прямо по волнам, ощущая на себе растерянный взгляд Гемма. Мужчина что-то крикнул вслед, но я даже не пыталась расслышать: он остался там, позади, почти в прошлой жизни. Там я была слабой женщиной, сейчас я почти всемогущий Мастер стихий, к которому вернулась способность повелевать стихией воды.

Сила наполняла, словно пузырьки бутылку шампанского, которую из озорства потрясли на празднике: и это могло закончиться только тем же, что произошло бы с этой бутылкой. Я почувствовала себя пробкой, которую запускает в небо мощный, почти неуправляемый поток возрожденной силы. Зависнув над океаном, я закрутилась волчком, не в силах выносить ту бесшабашную веселость, которая переполняла меня.

Из океана вырывались столбы воды, они воронками закручивались в том же направлении, что и я, затягивая на дно все, что попадалось на их пути. И мне было абсолютно все равно, что крохотные суденышки внизу разлетаются на щепы, что гибнут существа. Сейчас мне не было до этого дела, я стала веселым ручьем, наконец объединившимся с океаном после долгого изнурительного пути по острым камням и грязной земле.

Проснулась я утром, ощущая себя так, словно мне выдали новенькое, еще никем не использованное тело, лишь по случайности похожее на мое старое. Даже взвизгнув от удовольствия, я сладостно потянулась на мягкой гладкости волн. И чихнула от щекотки в носу веселыми утренними солнечными зайчиками, которые в переизбытке метались вокруг. Вода приветствовала брызгами соленой пены, которая замирала на платье крохотными кристалликами, тут же превращающимися в сверкающие камешки.

Чувствуя огромную благодарность за избавление от неприятной ситуации, я нежно погладила чуть покачивающуюся волну. Океан ощутимо завибрировал, мурлыкая, как довольный кот, который дождался ласки от пробудившейся хозяйки. Я рассмеялась и озорно чмокнула блестящую поверхность. Вскочив, огляделась.

Впереди манила темной линией полоска материка, она была неровной и изредка бахрилась скоплениями островков. Вокруг них я заметила много лодок, покачивающихся на маленьких волнах. Видимо, рыбаки. Кто еще выйдет в океан в такую рань?

Желудок урчанием напомнил, что ела я еще вчера, и это был тот кусочек хлеба, который мне повезло урвать из жадных лап голодного валла. В моем мире это я напоминала организму, что иногда людям свойственно есть, и поэтому рада пробуждению долгожданного аппетита. Но немного огорчало то, что как раз сейчас у меня ничего не было, чем я бы могла порадовать свое оголодавшее от приключений тело. Поэтому я направилась к лодкам: вдруг кто из рыбаков пожалеет голодную девушку и поделится обедом? То, что рыбаки увидят, как девушка пришла из океана по волнам и выглядит чересчур счастливой, меня не особо заботило - в мире Кеприи полно магов, что вообще сможет удивить его обитателей?

Сможет, увы. Когда я приближалась к маленькой утлой лодчонке, в которой сидел одинокий рыбак, я убедилась в этом. И даже приветливое помахивание обеими руками: мол, у меня нет оружия, ничего не дало. Старый морней, вдруг очнувшийся от ступора по поводу странного зрелища и понявший, что это не результат его вчерашнего перебора с местным пойлом, дрожащими руками схватился за весла и его лодка понеслась к берегу так, что я поняла: этому миру еще долгое время не будут нужны моторы. Во всяком случае, пока в нем живут морнеи.

Но от голода меня это не избавит, поэтому я направилась прямо к берегу, избегая далее приближаться к лодкам, дабы не вводить в шок ни в чем не повинных существ. На берегу же хрупкая девушка не вызовет ни подозрений, ни страха, и, возможно, мне дадут поесть. Немного притомившись, я присела отдохнуть, а мой новый друг океан понес меня к берегу, подхватив легкой волной, словно катая на веселом дельфине с ветерком. Благодарно похлопав по волне, которая тут же растворилась в темных водах, я ступила на коричневый песок.

Маленький кособокий островок, усеянный низкими багровыми деревьями с колючими листьями и

украшенный скопищем рваных камней: словно здесь раньше взрывали скалы, а осколки складывали в аккуратные кучки. По-утреннему свежий ветер трепал ровный ковер травы. Вдалеке виднелись неказистые строения морнеев, куда я и направилась. Осторожно ступая в высокой траве, поскольку почти сразу наткнулась на глубокую конусовидную яму и чуть не свалилась, я довольно шустро продвигалась к своей цели.

Видимо, здесь, как на островах, образованных подводными скалами, была налажена добыча камней, на которые так беден мир Кеприи. Кто-то делает большие деньги на этом, и я сомневаюсь, что это – морнеи. Гориллоподобные тупые существа просто не способны организовать такое дело. Но кто же здесь промышляет?

Через пару минут я поняла, кто наживается, расковыривая острова морнеев, поскольку столкнулась с одним из добытчиков лицом к лицу: молодой цвак с нежно-розовым ирокезом старательно измерял длинным прутом одну из конусовидных шахт. Увидев меня, он даже уронил свой шест от неожиданности. Потом на фиолетовом лице существа появилась довольная усмешка:

– Оп-па! Кто это тут у нас?

И я поняла, что он не уронил шест, а нарочно выпустил его из рук, отвлекая внимание. Увы, слишком поздно: в руке фиолетового уже красовался арбалет.

Глава 14

- Осторожней с оружием, - паникуя, сказала я. - Оно же и выстрелить может!

- Ага, - с удовольствием ответил цвак, радуясь, как ребенок. - И дырку сделать!

Он осторожно поднялся и, не отводя от меня арбалета, приблизился. Да, парнишка совсем молод, Ллера наверняка не знает. Хотя, почему я про это подумала: если вспомнить, что я творила вчера, Ллера теперь никто не найдет. Парень скорчил задумчивую физиономию, разглядывая меня. Я, в свою очередь, рассматривала его: высокий и худощавый, он был несколько темнее Ривизля - видимо, загорел на солнышках, при такой-то работенке.

У парня было заметно не только каждый сосудик, как у всех цваков, но и отчетливо видна каждая мышца. Не в том смысле, что он настолько прозрачен, просто парень оказался чрезвычайно мускулист, но не чрезмерно перекачан. При общей худощавости смотрелось такое тело весьма привлекательно. Розовый же ирокез, как ни странно, добавлял парню мужественности. Веселые темно-зеленые глаза цвака теперь насмешливо наблюдали за моей реакцией: кажется, я излишне увлеклась, любуясь его телом.

- Ну и как тебя занесло сюда, милая белочка? - протянул парень, поигрывая мышцами и исподлобья подмечая каждое мое движение. - Здесь, на маленьком островке, посреди Великого океана... вот уж кого я никак не мог себе тут представить.

- Ты меня убьешь? - в лоб задала я вопрос: мне и вчерашних измышательствам достаточно.

Уж или бояться, или искать выход из критической ситуации, что-то одно, все вместе, увы, у меня не получается.

- Конечно, - парень несколько удивленно поднял черные брови. - А какие у тебя еще есть предложения?

- Отпустить меня, - растерянно пробормотала я: на что он намекает?

- Это не предложение, - фыркнул цвак. - Это - глупость. Вторая попытка.

- У меня нет денег, - покачала я головой.

- Деньги? - расхохотался парень и, отстегнув от пояса кожаную сумку, высыпал содержимое на ковер багровой травы: звеня и переливаясь в лучах утренних солнышек, вниз посыпались неровные монетки. - Хочешь - забери, я занимаюсь добычей камней от безделья, а не из страсти наживы. Анахи, знаешь ли, не оставили нам особого выбора, чем и где заниматься. Все, последняя, третья попытка.

Я пристально посмотрела в зеленые глаза цвака, и тут до меня дошло...

- Ах, вот как? - вспыхнула я. - Опять обрить меня хотите? Ну уж нет, дудки! Пошли вы, цваки, лесом со своей неземной любовью, да строим, чтоб не скучно было!

- Это детали, - отмахнулся арбалетом цвак: я замерла, ожидая стрелу в грудь. - И вообще, волосы сейчас женщины не бреют, эта мода прошла много сот назад...

Тут он резко замолчал и пристально всмотрелся в мое лицо, взгляд из масляного стал колючим, испытующим:

- Вот оно что, - разочарованно протянул он, - так ты - Мастер! То-то я смотрю, откуда здесь белка, с неба, что ли, свалилась?

- Значит, все равно, убьешь? - обреченно спросила я, в панике обшаривая взглядом окрестность в поисках укрытия.

- Конечно, - почти пропел цвак и неожиданно подмигнул: - Но если поцелуешь...

- Что? - не поверила я своим ушам. - Всего только один поцелуй? С чего вдруг такая щедрость?

- За большее меня самого тут закопают, - расхохотался парень. - Скоро придут остальные и если нас найдут под ближайшим кустом... последствия будут не очень полезны для здоровья. А вот на поцелуй время все еще есть. А потом уходи, да не суйся на ближайшие острова, двигайся к материку, там цваков нет.

- Можно узнать, по каким заслугам такой подарок? - подозрительно спросила я.

- Я открою тебе эту тайну, - сказал парень и поманил меня пальчиком, убирая арбалет за пояс. - После.

Тяжело вздохнув, я медленно поплелась к цваку: что за жизнь - сплошные домогательства! Торопливо чмокнув парня, сразу отскочила назад, словно обожглась. Цвак приподнял левую бровь:

- Мне передумать? Или не знаешь, как это делается? Вот уж не думал, что придется Мастера стихий обучать подобным вещам, - ухмыльнулся цвак, притягивая меня к себе. - Даже жаль, что продолжения не будет.

Заглянув в глаза, он нежно провел пальцем по моим губам, потом легко коснулся их полураскрытыми фиолетовыми устами, чуть затянул нижнюю губу, а потом, все более усиливая напор, проник языком...

Я не пыталась сопротивляться, но и не отвечала, гадая: солгал ли цвак, или все-таки отпустит. Поцелуй затянулся, но я не смела прерывать, боясь упустить призрачную свободу: от арбалета я далеко не убегу и весь опыт айкидо мне не поможет.

Что-то мелькнуло вдаль, за куцыми деревьями, перед избушками морнеев: я вздрогнула, парень отвлекся. Оглянувшись, он с сожалением заметил:

- Ну все, время вышло, уходи...

- А как же тайна? - деловито уточнила я.

- А, - улыбнулся парень и снова обнял. На этот раз поцелуй был милосердно коротким, прощальным, затем цвак склонился и шепнул: - Не все цваки такие кровожадные. Мало ли, какой там финт ушами сделала одна из вас когда-то... женщины вообще - существа непостоянные, что же их теперь всех убить?

Мне пришлось бежать вприпрыжку, дабы ускользнуть от зорких цваков, приближающихся к каменоломням. Вскочив на волну, я прильнула к гладкой поверхности и попросила воду скрыть меня: волна накрыла сверху, словно покрывалом, и бережно понесла в сторону берега материка.

Коричневый прибрежный песок здесь перемежался с грязно-серой землей и багровыми хлопьями морских водорослей. Сердечно поблагодарив волну, я пошла в глубь материка, надеясь встретить более адекватных местных жителей, которые не будут добиваться поцелуев прекрасной дамы, а попросту накормят бедняжку.

За песчаной полосой почти сразу же начинался лес и, насколько я могла рассмотреть по сторонам, продолжался очень далеко. Найти жилье в таком густом лесу было равнозначно чуду, но вот поживиться чем-нибудь съестным вполне реально: в детстве я немало объездила глухих местечек в роли юного моряка. И теперь судьба давала мне шанс проверить на практике полученные знания. Просить у моря рыбу я не стала, посчитав это святотатством: для моря рыба - это дети... к тому же, морская рыба бывает ядовита в отличие от речной, а гадать, какая из подаренной морем съедобна, не хотелось, как и ставить на себе рискованные эксперименты.

Лес встретил тишиной, прерываемой лишь шелестом старых листьев под ногами: я так и не поняла - деревья здесь полностью облетают или сбрасывают листья периодически, словно линия? Ответа от грустных деревьев я не дождалась, поэтому продвигалась все глубже в лес. Грибы местные тоже не рискну употребить в пищу, так что даже не пыталась их искать. То же с ягодами... что же остается? Не очень-то мне помогает мой детский опыт.

Я задумчиво наблюдала за некой птахой, весело суевающейся рядом с плоским гнездом на вершине дерева. Нет, вздохнула я, пусть живет. А вот идея устроить небольшое гнездо на этом могучем дереве и немного передохнуть мне понравилась. Сломав несколько молодых деревьев, я по очереди затащила их наверх, забираясь по глубоким выбоинам в коре: такое ощущение, что дерево просто сбрасывало нижние ветки по мере взросления, а в этих местах образовывались подобные округлые углубления.

Потом сплела из гибких стволов молодых деревьев нечто, похожее на большое гнездо, и устроила чудовищный результат своих усилий на двух толстых ветках, что росли очень близко друг к другу. Так я осталась в недосыгаемости от гипотетических хищников и мимо пробегающих существ и обрела возможность заметить опасность первой. Но в лесу было тихо, ветер, качающий верхушки старых деревьев, пел тихую колыбельную, глаза слипались в полуденной жаре.

Проснулась я внезапно, почувствовав опасность. Распахнула глаза и взглядом натолкнулась на цвака. Тот сидел на ветке, которая располагалась чуть выше той, где устроилась я, и болтал ногами, не сводя с меня зеленых глаз. Черный плащ развевался на ветру.

- Ллер? - испуганно прошептала я. - Так ты жив?

- Мы теперь в разных весовых категориях, Мел, - весело усмехнулся Ллерекайен. - И если в прошлый раз ты могла меня с легкостью убить, теперь придется постараться. Долго же ты спала, у меня уже ноги затекли, да и вообще, надоело из себя изображать переспелый фрукт.

- Ты нашел меня, спящую, и не убил? - несказанно удивилась я.

- А с чего мне тебя убивать? - пожал плечами верховный маг цваков и тут же сузил глаза: - Или есть за что?

Я пытливо всмотрелась в спокойное лицо цвака:

- То есть, ты не веришь в то, что про меня тут напридумывали?

- Верю, - охотно кивнул цвак. - Но меня это не касается. Меня-то ты не бросала...

- Не про это, - отмахнулась я. - Про «влезть в доверие» там, да «натравить анахов»...

- Я что, похож на идиота? - возмутился Ллер. - Я же был там сам и видел все своими глазами: маг был, и это никак не могла быть ты. К тому же, я всегда прекрасно знал, что ты не любила Ривизеля, значит, сбежать с ним могла только при крайней необходимости. И вообще, то, что из-за женщины сходят с ума, не ее вина. Мужчина совершенно сознательно, так сказать, в здравом уме и твердой памяти, отдает ей свое сердце. А с подарками каждый волен поступать так, как ему захочется.

- Вот спасибо, - опешила я. - Но я на самом деле ни с кем не убежала. Меня совершенно наглым образом обманула Хранитель, наговорила с три короба да вытурила из Кеприи. А когда я вернулась, на меня свалились такие новости, что мама - не горюй! А ты как оказался на том корабле?

- Видишь ли, - ухмыльнулся Ллер, наклоняясь ко мне так, что рисковал наклониться вниз. - Я сразу просек ситуацию, когда Хен объявила, что ты сбежала с Ривизелем, поэтому судьбу за усы не дергал, остался у анахов вместе с братьями Ривизеля. Те привыкли к нам и не относились, как к остальным цвакам. Мы ведь пропитались их магией. Интересное сочетание получается, когда используешь и силу цваков, и силу анахов... но это я отвлекся. Мицар сразу почувствовал, что ты снова в Кеприи, уж не знаю, как. Поэтому я собрал вещички и направился на твои поиски, при этом всячески сбивая с толку ищек мицара. Сам он, к счастью, посчитал правильным остаться и ждать, когда тебя приволакут к его ногам в цепях. Чтобы, так сказать, насладиться твоим унижением в полной мере. Ну я и воспользовался этим. Ох, позабавила ты меня с этим водным представлением... правда, корабль хороший утопила, но нам не навредила... в отличие от тех, кто по несчастию решил тебя подвезти...

- Подвезти?! - прорвало меня. - Да они меня нагло похитили, какой-то урод чуть... - я осеклась. Смущенно потупившись, продолжила: - Чуть не женился на мне насильно, а ты и ухом не ведешь! Нет бы помочь мне!

- Вот уж чего мне не приходило в голову, - цвак развел руки, - так это помогать Мастеру стихий... Еще под горячую руку попадешься, потом останки твои развеют по всем мирам!

- А я не знала, что все еще Мастер, - чуть не плача, пробормотала я. - Мне, знаешь ли, объяснили, что сила моя - заемная, выдается Хранителем строго под расписку и сдается в том же виде! И я провела в своем мире пять долгих лет, в одиночестве, думая, что я - никто.

- Пять сот? - удивился цвак.

- Пять лет, - поправила я. - Это несколько больше, чем пять сот.

- Но не больше, чем тысячу сот? - деловито уточнил маг.

- Нет, - от растерянности рассмеялась я. - У нас столько не живут.

- Тогда не выпендривайся, - качнул головой Ллер. - И, кстати, хватит цваков так бояться, а то срам один: как увидит цвака, так сразу хлоп на спинку да лапками дрыг! Знаешь, редкий мужчина не воспользуется ситуацией и не плюхнется следом!

Я покраснела: это он на того молодого цвака намекает? Значит, следил, гад!

- А я чего, виновата, что они на меня, как на мед летят? - еще более смущенно пробормотала я. - Я, между прочим, все еще Роже люблю...

- В том-то и дело, - погрустнел Ллер. - Твоя неразделенная любовь, усиленная силой, создает нечто вроде воронки, куда засасывает всех, кто под руку попадет. Каждый хочет закрыть собой эту невыносимую брешь. Твоя боль просто осязаема. И страх тоже, так что, будь добра, это тоже учти.

- Учту, - растерянно кашлянула я. - Только еще бы знать, как! И как мне вернуть мою силу?

- Эх, молодежь! – деланно вздохнул маг. – Все-то вас учить надо. Чтобы постигать мир, нужно уметь чувствовать! Так что, милая, освободи свои чувства и вздохни полной грудью.

- Легко сказать – трудно сделать, – пожаловалась я магу, скорчив кислую мину. – А поконкретнее?

- Поконкретнее? – усмехнулся маг и подмигнул: – Отдайся...

Я нахмурилась и метнула в цвака взгляд, полный гнева.

- ... обаянию лесных ароматов, – с невинным выражением продолжил цвак. – Игривой энергии солнышек, озорному зову ветра. Просто расслабься, Мел, и получай от жизни удовольствие, не слишком забывая свою симпатичную головку. В прошлый раз у тебя получилось просто великолепно... вот только финал истории подкачал. Зато теперь есть шанс все подкорректировать. Так что, слазь с дерева: хватит изображать из себя ванагу.

Я нехотя спустилась и торопливо размяла затекшие ноги: очень не хотелось покидать уютное гнездо. Там не нужно было куда-то идти, ни о чем думать, ничего постигать и возвращать. Живешь, как птица. Свободно, ловишь ртом капли дождя... нет, червячков что-то не очень хотелось. Тело требовало пищи поосновательнее.

- Ллер, – жалостливо простонала я: маг нахмурился, мол, хватит соплей. Действовать пора. – Нет ли у тебя чего пожевать? Со вчерашнего утра маковой росинки во рту не было...

- А вчера была? – ядовито уточнил маг. – Эх, великая волшебница, называется!

- Готовка вообще не по моей части, – оправдывалась я, пока цвак копался в небольшой сумке, перекинутой через плечо. – Я вообще только кофе варить умею...

- Кого варить? – уточнил маг, протягивая длинный узкий сухарь с красноватым оттенком: он был чересчур уж твердым, но выбирать все равно не из чего, – кафий? Чем бедолаги тебе не угодили? В такт не попадали или запросили слишком дорого за свои услуги?

Я отмахнулась от назойливого цвака: что-то за тысячу сот он стал излишне разговорчивым... хотя, если все это время общаться только с молчаливыми анахами, вообще с ума сойдешь: я хитро покосилась на мага, вгрызаясь в черствую корку хлеба.

- Не вращай так ехидно глазами, – попросил цвак, отряхивая плащ от сухих корочек бурой коры, прилипших к нему. – Лучше подумай, как мы будем скрываться от подручных мицара, и что будем делать, если нас нагонят... исключая вариант, который ты проделала с невезучим эфемеридом – размазывание тонким слоем по дну морскому.

- Я бы еще раз его размазала, – зло пробормотала я с набитым ртом. – Чтобы другим неповадно было...

- Добиваться любви Мастера, – хихикнул язвительный цвак. – Жаль только, что с мицаром этот фокус не пройдет. Ты хоть представляешь, как должны возрасти способности мага, чтобы он смог пройти такой путь, какой прошел Рож'иальяр Л'ладаргра? Честно говоря, я сомневаюсь, что даже твои силы в лучшие времена могли бы сейчас противостоять мицару. А вот его сподручным могли бы... только сейчас я ощущаю, что сила твоя ущербна.

- Она хотя бы есть! – с обидой воскликнула я. – Еще сутки назад ее и в помине не было... то есть диос назад, – уже спокойнее добавила я, чтобы снова не впасть в обсуждения разницы времени между мирами.

- А как ты вернула к жизни часть силы? – неожиданно заинтересовался цвак.

Я задумалась: правда, как оно случилось? Я очень испугалась, но это не то. Теперь я тряслась от страха чуть не каждую минуту. Я пела... нет, это мелодия шла через меня, сила шла через меня. Но что послужило толчком, тем самым, что открыл во мне тщательно замаскированный от самой себя меридиан силы?

- Ой, – я растерянно посмотрела на цвака. – Кажется, я заранее последовала твоему совету: просто расслабилась, перестала дрожать по любому поводу и получала удовольствие от жизни. Точнее, от красоты водяных струй, изящного танца волн...

Маг удовлетворенно кивнул и хитро сощурился:

- Молодец, девочка. Так держать!

- Мать, мать – привычно отозвалось эхо, – тихо буркнула я: если бы знать, что держать и куда. – Кстати, куда держать путь будем?

- Я как раз хотел спросить о том же, - изумленно поднял брови цвак. - Что тебе подсказывает твое загадочное утро?

Я картинно прислушалась к себе: тело ответило громким ворчанием желудка. Покраснев, я выдавила:

- Ой, прости. Но, кажется, того сухарика все-таки маловато.

- Эх, - тяжело вздохнул Ллер, доставая арбалет, - чем только не приходится заниматься. Но ладно уж, тряхну стариной: раньше я был лучшим стрелком. А ты пока попробуй найти ручей, огонь разведи...

Я фыркнула в спину уходящего в лес цвака:

- Если бы еще знать, как все это сделать...

Ну ладно, ручей у нас что - вода. А вода мне уже подчиняется. Я развернула ладони к земле и прислушалась. Позвоночник расслабился, плечи задвигались мягкими волнами, шея откинулась, позволяя волосам свободно стекать вниз. Под ногами я почувствовала ощутимую дрожь. Внезапно из-под земли вырвалась струя воды и ударила в лицо. В испуге я со всего размаху села на пятую точку. Как назло, подо мной оказалась коряга, поэтому я сильно ушибла мягкое место. На мои вопли прибежал озабоченный цвак, держа арбалет наизготовку. Профессиональным взглядом обшарив полянку, он задержался на струе воды, бьющей из-под земли, и посмотрел на меня уже с насмешливым спокойствием:

- Ты права, так гораздо удобнее. Жаль, птицу зажарить на лету ты еще не можешь...

И снова исчез в багровой листве кустов. Я вздохнула, потирая ушибленное место, вытерла с лица потоки воды и проворчала:

- Как всегда - сочувствия не дождешься! Хотя, на кой оно мне сдалось, его сочувствие, на хлеб не намажешь...

Вздохнув, я хотела было идти за хворостом для костра, как меня осенила идея: быстренько забравшись на дерево, я скинула вниз огромное гнездо, служившее мне кроватью. За время моего сна ветки подсохли и вполне годились для костра. Так что с заданиями я умудрилась справиться быстро, кроме одного: зажечь огонь не могла.

Поэтому я осторожно присела на больное место и всмотрелась в разлом земли, из которого бил веселый ключик. Ручеек, звонко журча, уже прокладывал себе дорогу сквозь старые листья, гнилые щепки и чахлую траву. Повеяло свежестью, напомнив тот день, когда на пляже я увидела Роже в цепях. Именно в таком виде он хочет теперь увидеть меня? Сердце заныло, а в чистый ручей скатилась одинокая слеза. Вода заботливо отозвалась, замурлыкав успокаивающую, до боли знакомую мелодию.

Услышу зов в тени листвы: По жилам тонким жизнь течет. Пусть дерево спокойно спит, Миг пробужденья настает. Тревожит ветер облака. Мне чувственность подарит он И аромат издалека Навевет, вызвав томный стон. Проснется и подарит жизнь Природа тайны женских чар. Споет переплетеньем брызг Балладу про любовный дар. Я распахну природе дверь. Вдохну я аромат земли И подчиню себе теперь Всю силу гор и дух равнин...

Вдруг из леса, пригнувшись к земле, тихо выбежал Ллер. Он зорко смотрел по сторонам, не опуская арбалета, по боку его хлопала при ходьбе мертвая тушка сбитой магом птицы.

- Быстро, - жестко приказал мне цвак. - Уходим!

Я подорвалась следом за магом, сломя голову неслась за ним, стараясь не отстать ну или хотя бы не упустить из виду. Бежали мы долго: я возблагодарила небо за то, что не щадила себя все эти годы, ибо без изнурительных тренировок просто бы спеклась на таком невероятно быстром кроссе с препятствиями. Странно, бежать было довольно легко: платье не цепляли многочисленные сучки и ветки, немилосердно хлещущие по лицу.

Когда я уже почти выдохлась, думая, что вот-вот просто упаду, цвак резко остановился: я со всего размаху уткнулась в спину мужчины. Ллер даже не шелохнулся, я же, взыв, схватилась за ушибленный нос: если так пойдет дальше, живого места на мне скоро не останется. Цвак стоял столбом, прислушиваясь к чему-то. Потом облегченно вздохнул и обернулся ко мне:

- Ну что за ребячество, Мел? - обвиняющим тоном начал он. - Стоит оставить тебя одну, так ты сразу обращаешься к стихиям. Трудно было делать это при мне?

- Что делать? - опешила я.

- А ты посмотри на себя, - маг старался выглядеть рассерженным, но непослушные фиолетовые губы цвака постоянно расплывались в довольной улыбке.

Я послушно опустила голову и замерла: теперь понятно, почему платье не цепляли ветки. Платья просто не было. Хвала небесам, я не бегала по лесам голой: стихия земли подарила мне кокетливые шортики и крохотный топ коричневого цвета, расчерченного золотыми нитями. А на самых пиках груди красовались белоснежные узоры, напоминающие кристаллы снега:

- И подчиню себе теперь всю силу гор и дух равнин, - повторила я слова из песни земли. - Ллер! Я поняла: перед тем, как мне подчиняется стихия, я думаю о Роже... плачу. Стихия идет через меня мелодией потока, слагаясь в песню... нет, материализуясь в заклинание! И когда я пою его, стихия подчиняется мне полностью.

- Слезы, - задумчиво повторил цвак. - Слезы вообще великая вещь - они символ очищения. Так что, возможно, ты права. Но проверить твою догадку мы сейчас не сможем: я и так с трудом отвел от нас приспешников мицара. Они, словно гончие, идут по следу магии стихий. А так как в нашем мире подобных вибраций не было тысячу сот, делать это совсем не трудно. А вот укрыть тебя дело не из легких. Так что, милая, думай, где мы могли бы переждать.

- У Марвии! - осенило меня. - Это на каких-то островах. Ой, - я осеклась. - Я не знаю толком, где это...

- Я знаю, - вдруг усмехнулся маг. - Насколько понимаю, Марвия - это та смешная ведьма, полуанах, что была с тобой в нашу первую встречу...

- Она, - кивнула я и сразу заинтересовалась: - Кстати, а почему ее не пустили к Ривизлю вместе со мной?

- Лучше бы спросила, почему пустили тебя, - добродушно улыбнулся цвак, глаза его чуть затуманились от воспоминаний: - Вообще-то в лес цваков раньше было так просто не попасть: либо цвак приводил с собой гостя сам, либо гостям от ворот поворот... в лучшем случае. В худшем - мы сразу применяли оружие. Решение принимали, исходя из обстановки. - Маг скосил на меня подозрительный взгляд. - Думаю, тебе не надо объяснять способность цваков ощущать настроение существ, их мысли, намерения?

- Не надо, сэр сканер, - хихикнула я: со мной у цваков в этом вопросе всегда были проблемы.

- Так вот, - как ни в чем ни бывало продолжал Ллер, - тебя я провел на свой страх и риск... Вообще-то, сперва подумал, что это новая уловка - твоё состояние было похоже на наэлектризованность воздуха перед грозой, силы так и кипели в странно выглядевшем существе. Любая попытка ощутить намерения проваливалась, так и не начавшись...

- Я вообще не люблю планы строить, - едко хмыкнула я. - Зачем, если жизнь постоянно вносит свои коррективы и все идет совершенно в другом направлении? Только лишняя трата времени и сил.

- Ведьму просчитать было делом двух унов, - цвак вернулся к моему вопросу, - Девушке было любопытно посмотреть на жилище цваков, да еще она готова была порвать на лоскуты любого, кто посмеет причинить тебе боль. Такая странная привязанность полукровки. Создавать лишние проблемы было ни к чему, так что ведьму просто выпроводили из леса. Кстати, Марвия просто так не сдалась: она соорудила подобие жилья неподалеку и сторожила дорогу до тех пор, пока цваков в том лесу просто не стало... Я следил за дальнейшей судьбой ведьмы: она сама провоцировала мое любопытство своим неординарным поведением. Изучала магии различных рас. Те, что не даны ей по крови, изучала теоретически. Но любое знание рано или поздно приносит свои плоды, так что женщина стала самой сильной ведьмой в Кеприи. И самой богатой: она стала скупать рабынь. Чтобы их прятать от цваков, она купила несколько островов у морнеев. Кстати, цваки не такие уж и кровожадные.

При этих словах я вздрогнула и чуть покраснела. Ллер же продолжал, не обращая внимания на мое смущение:

- Есть, конечно, индивидуумы, которые считают виновной в бедах Мастера стихий. Но это цваки недалекого ума, поскольку стоит копнуть в эту историю поглубже, понимаешь, что тут больше вопросов, чем ответов. Так что девушек из твоего мира, зверски убитых цваками, можно пересчитать по пальцам одной руки. Большинство выкупила Марвия, некоторые осели в гаремах камов. Короче говоря: да, я знаю, где ведьмины острова. Как и любой в этом мире, поскольку шила в мешке не утаишь. Тем не менее, считаю, что укрыться на какое-то время там можно: на островах столько твоих землячек, что приспешники мицара просто растеряются от множества следов. Правда, нам теперь придется топтать обратно, поскольку мы двигались в глубь материка, а острова находятся аккурат за нашей спиной.

- Надеюсь, это не те острова, на которых цваки добывают камни, - пробурчала я.

- Я же сказал, что цваки не так опасны, как ты думаешь, - хитро сощурился Ллер: вот противный!

Знает же, что я всеми силами буду избегать встречи с молодым цваком, перед которым так опозорилась от страха. Тот, наверное, до сих пор хихикает над глупой девчонкой, которую оказалось так легко развести.

Сил бежать обратно в том же темпе у меня не осталось, поэтому мы двинулись пешком. Я скосила глаза на тушку птицы, но заикнуться об ужине не решилась. Вместо этого попробовала сделать наше путешествие максимально комфортным, попросив деревья уступить нам дорогу: впереди теперь простирался широкий ровный коридор, в конце которого чуть поблескивало в закатных лучах второго солнышка темное море.

Глава 15

На берегу океана под темнеющим небом весело плескались озорные волны, наперебой предлагая мне свои услуги. Я попросила их отнести нас с Ллером туда, куда укажет сам маг. Лишь коснувшись воды, я вновь преобразилась: океану не понравился фривольный наряд, дарованный мне природной стихией. Он предпочитал меня видеть в романтическом образе, поэтому я с удовольствием рассматривала серебристо-серое платье, украшенное искусной вышивкой из малюсеньких ракушек.

До островов Марвии мы добрались почти ночью. Сама ведьма словно почувствовала наше приближение и уже встречала нас с цваком на берегу, освещая его тусклым фонарем.

Я нежно обняла ведунью и представила цвака.

- Да помню я этого проходимца, - буркнула Марвия. - Это в его сомнительной компании я видела тебя в последний раз...

Я виновато скосила глаза на цвака и чуть пожала плечами, не ожидая подобной реакции от ведьмы. Но лицо фиолетового осталось бесстрастным.

- Кстати, - весело спросила я цвака, чтобы хоть как-то попытаться разрядить атмосферу, пока мы направлялись к скоплению каменных домиков, приветливо подмигивающих светящимися окошками. - А где те двое, что сопровождали тебя... братья Ривиэля? Только не говори, что в том фарше, который я намазала на морское дно, есть и вкрапления их тел.

- Не буду, - равнодушно ответил цвак, но потом соизволил добавить: - Я их высадил на ближайшие рыбацьи лодки сразу, как вытащил из той передраги, что ты устроила. Чтобы не упустить тебя или хотя бы не дать ищейкам мицара добраться первыми, мне нужны были все силы. А друзья, увы, сильно уступают мне в магии, пришлось их бросить, дабы не отвлекаться.

Ведьма покосилась на цвака с заметным уважением. Я же понимала, что Ллер не просто так упомянул мицара, он тоже хотел разрядить обстановку. Я вспомнила, что он читает существ своего мира, как открытую книгу, так что цваку не составило труда расположить к себе сварливую ведьму. Стоило только показать, что он самоотверженно готов защищать меня.

Мы прошли в самый большой домик: в круглой гостиной стояло несколько мягких диванчиков, на полу лежал большой пушистый ковер. Марвия следовала зову крови, разделяя вкусы анахов. В помещении молча стояли девушки, все, как одна, моего возраста, роста, цвета волос и глаз: я поежилась.

- Весело тут у вас...

- Мел! - налетела на меня радостная Вера. - Ура, ты жива! Что произошло? Куда ты делась? Знаешь, как я испугалась, не обнаружив тебя на корабле Марвии? Ой, нет, я же даже не знала, кто эта старая добрая женщина... Рад просто озверел и хотел добраться до берега вплавь, чтобы искать тебя... Да где же ты пропадала? Ну говори же!

- Милая, - тихо перебила подругу Марвия. - Для начала, сама замолчи, Мел ни слова не сможет вставить в твой монолог.

Вера, совсем не обращая внимания на чопорную старушку, схватила меня за руку и потащила знакомиться с девочками. После десятой в голове все перемешалось: как в тумане я кивала очередной новой знакомой, а внутренний голос ехидно твердил: смотри, сколько человек выдернули по твоей милости из привычной жизни, бросили в мир, который в их глазах более похож на страшную сказку, лишили нормальной человеческой жизни. А все почему - чтобы в итоге добраться до тебя.

- Хватит! - гаркнула ведьма, отдирая жалкие остатки меня от неугомонной Веры, которая так расцвела в свободе островов Марвии. - Не видишь, глупая девчонка, до чего ты довела Мел?

Я почувствовала на щеках влажные дорожки слез: груз ответственности за этих людей, очнувшихся однажды невесть где, испуганных и ничего не понимающих, сдавил сердце. Могу ли я им помочь? И даже если смогу, кто сотрет из памяти девушек чужой мир, оставивший шрамы на каждом из нежных сердечек?

- Мел, - услышала я уверенный голос ведьмы, - посмотри на меня. В этом нет твоей вины. Это случилось и все: каждый из нас ответственен только за себя, за свою судьбу. То, что случилось с другими - это их путь, испытания всегда даются существу по силам. Не казни себя так...

Я обвела затравленным взглядом притихшую стайку девушек и виновато скукожившуюся под строгим взглядом Марвии Веру:

- Но все могло быть иначе, - тихо произнесла я, качая головой. - Я прекрасно осознаю, что упорно прятала от самой себя знание того, что происходит. Не хотела слышать историй, похожих на мою, которые часто слышала по телевизору или читала в газете: услышав подобную, я отмахивалась, мол, не может быть. Хотя внутренний голос просто надрывался: смотри, они исчезли именно туда!

Ведьма растерянно оглянулась на нахмуренного Ллера в поисках поддержки. Маг вздохнул и подошел ко мне, коснулся подбородка, чуть приподнимая заплаканное лицо:

- Ты просто казнишь себя за бездействие, в котором провела все это время, - мягко произнес он, грустно улыбаясь. - Прежняя Мел жила по правилу: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает». Но этот путь неизбежно привел к ошибке, ты поверила Хранителю и попала под влияние уничтожения, ни за что отказавшись от своего счастья. И замерла, чтобы больше вообще ничего не совершать. Но новый принцип тоже не принес тебе счастья и даже спокойствия, только вялый сон, лишь пародию на жизнь. Не бойся жить, Мел, не бойся ошибок, они - всегда нечто большее. Каждое препятствие в твоей жизни - всего лишь повод заглянуть в себя поглубже, познать еще одну Мел. Я верю в тебя, потому что знаю - ты все исправишь. Увы, не ведаю, как. И даже умом понимаю, что это невозможно: изменения, которые происходят с существом, идущим по пути мицара, необратимы. Но сердце твердо уверено: ты можешь. Иначе я не стал бы возиться с тобой.

- Да уж, - проворчала я, стирая слезы, и попыталась улыбнуться: усилия друзей стоили того, хотя на душе активно скреблась целая армия кошек с невероятно острыми когтями. - Продам бы в ближайший гарем, да и дело с концом. И баба с возу, и волки сыты. Опять-таки, прибыль...

- Уже лучше, - усмехнулся цвак, хотя все еще буравил меня своими колючими глазами. - А то что-то вернувшаяся Мел стала много думать, это к добру обычно не приводит, девочка моя...

- А некий наглый цвак что-то стал много болтать, - я дернула мага за нос: пусть не зарывается! - Это, знаешь ли, тоже может повести по наклонной дорожке! И вообще, ну вас с вашими нравочениями, пойду, лучше, прогуляюсь...

- Я с тобой, - пискнула было Вера, но тут же, взвизгнув, поскакала по комнате на одной ноге: Марвия словно случайно отдала ей пальцы ног.

Слабо улыбнувшись, я махнула всем рукой и отправилась на берег океана: может, старый друг унесет в своих водах мою печаль.

В Кеприи всегда по ночам темно так, как в старой поговорке про выколотый глаз: хотя эта темнота была тягучей, словно горячий шоколад. Ноздри щекотал тонкий аромат неизвестных цветов, под ногами хрустела сухая трава, умудряющаяся расти прямо на камнях. Я медленно шла по еле заметной тропке навстречу свежему ветру, несущему след соленых брызг. Глаза мои высохли от слез: зачем ронять соленую воду на землю, когда есть Великий океан. Звезды загадочно подмигивали с черного неба, словно зазывая к себе. Я улыбнулась им и помахала рукой. В ответ на эту детскую выходку с небес словно опустилось покрывало, усеянное миллионом мельчайших искринок: я мгновенно облачилась в черное, глухое платье, просто сияющее темнотой. За спиной медленно, словно плавное облако, опускалась воздушная накидка из пушистой ткани. Из сердца полилась уже знакомая мне мелодия: понимание коснулось разума, теперь я знала, что это - музыка сфер.

*В перинах легких облаков, Во тьме загадочно мерцая, Вся в отражении миров
Взлетаю в небо, точно знаю: С вершин небес мой долгий путь
Покажется лишь кратким мигом. Я к пелене звезд
прикоснусь, Зачем звезде земные игры? Подманит тайной млечный путь.
Возьму я бусины желаний И, нанизав их на суть, Разверзну небо я крылами.
Падут сокровища миров Из звездной пыли прямо в бездну. «Кто я?» - ответ небес таков: Поверь, вершина совершенства!*

Вокруг плавно оседали хлопья тумана, словно пух из мягкой перины облаков. Мне казалось, что океан - это глаза мира Кеприи, в которых отражаются хороводы звезд. Чуть освоившись с мельтешением сверкающих вокруг причудливых созвездий, я поняла, что это за легкость, наполнившая все тело: стихия воздуха сложила к моим ногам все свои сокровища... а также Кеприю, что темным пятном виднелась там, внизу. Я же парила в выси, словно перистая накидка за спиной - самые настоящие крылья. Восторженно взвизгнув, я закружилась в танце с озорным ветром... и расхохоталась, вспомнив свой испуг в объятиях эфемериды, который показал мне свои владения. Теперь я могла показывать любому существу свои владения: я посмотрела вниз, пытаюсь разглядеть материки и острова - настолько я высоко парила.

Ветер, оставшись без партнерши, покружился вниз, превращаясь в смертельный вихрь, опускающийся на Кеприю. Охнув, я протянула к нему руки, но озорник ловко выскользнул из-под контроля и исчез из поля зрения. Вот так, чуть замечтавшись, я создала смерч.

Я послала воздушный поцелуй величественным звездам, с умиротворенным спокойствием взирающим на меня: теперь часть звездного неба всегда будет сверкать в моих глазах, ибо все небо

- лишь малая часть меня. И плавно стала опускаться, паря над Кеприей в поисках маленького островка, откуда начался мой танец под музыку сфер.

Опустившись на землю, я с мягкой улыбкой повернулась к океану, чтобы пожелать другу спокойной ночи, и вздрогнула: на фоне чуть поблескивающей звездными дорогами воды различила темный силуэт.

- Конечно, все понятно, - холодным тоном произнес мужчина в черном плаще, - Мастер стихий развлекается, не обращая внимания на последствия.

- К-какие последствия? - чуть заикаясь, уточнила я, чувствуя, как по шее пробежался неприятный холодок: передо мною стоял мицар собственной персоной. - Это ты про вихрь? Что натворил озорник?

- Ничего, - равнодушно пожал маг плечами. - Я его развоплотил... Хотя нет, он перед смертью выдал мне тебя.

Анах откинул с лица капюшон и поднял на меня свои прекрасные оранжевые глаза: сердце заколотилось так, что, казалось, сейчас просто остановится, не выдержав марафона. Ноги подкосились, слабость разлилась по всему телу:

- Роже, - прошептала я непослушными губами. - Любимый...

- С каких пор? - искренне удивился маг, приподняв черную бровь.

- Послушай, - пролепетала я, - я не сбегала с Ривизэлем...

- Тихо, - анах прижал палец к моим губам. - Я пришел не разговаривать...

Он властно притянул к себе и, пытливо заглянув в глаза, проник глубоким поцелуем: меня затрясла мелкая дрожь, молния пронзила тело снизу вверх, вызвав потемнение в глазах. Когда анах меня отпустил, я, не в силах устоять на ногах, плавно осела на землю. Вскинув глаза на Роже, почувствовала холодный укол в самое сердце: маг равнодушно смотрел на меня.

- Ну иди же ко мне, - потянула я мужчину за пояс, не в силах больше сдерживать чувства.

Роже опустился на меня с силой прижимая к земле. Застонав, я обхватила ладонями лицо любимого и покрыла его поцелуями. Я пробралась под рубаху милого, скользя по прохладной коже. Услышала треск ткани: Роже не церемонился с платьем, наглухо скрывающим мое тело; тихо зарычала от нетерпения, царапая кожу анаха. Почувствовав на теле грубую ласку сильных рук мага, выгнулась дугой, простонав:

- Роже, любимый, не медли... все эти годы я просто сходила с ума от желания...

Позже я сидела на берегу, обнаженная, прикрытая лишь водопадом распущенных волос, и нежно водила пальцами по голубоватой коже любимого. Роже никак не реагировал на ласку: мужчина лежал, запрокинув голову и не моргая смотрел вверх. Но мне и не надо было ответных прикосновений, поскольку все тело и так наполняла нега, а счастье душу. Удовлетворенно вздохнув, я припала к голому торсу мага, осыпав его пеплом волос, но анах, чуть отодвинув меня, встал и поднял свою одежду.

- Уже уходишь? - удивилась я, не понимая холодности любимого.

- Я все выяснил, - с безразличием в голосе ответил анах.

Я непонимающе уставилась на Роже: в душе заскребли кошки. Что он этим хочет сказать, мы даже толком не разговаривали?

- Я лишь хотел убедиться, - спокойно продолжал маг, - что в моем сердце больше нет боли. Это теперь в прошлом.

- В смысле? - я не поверила своим ушам. - Ты больше не любишь меня?

- Я давно потерял способность любить, Мел, - посмотрел на меня маг, набрасывая тяжелый плащ. - Когда ты исчезла, были ревность, боль, разочарование. Чувства поглощали меня, требуя выхода, иначе бы сила просто разорвала тело. Тогда я начал все крушить, осваивал новые уровни магии, поглощал жизни существ... Это был не такой уж долгий период, но Кеприя помнит его до сих пор. Так я стал мицаром, передо мною склонили головы все расы, подчиняясь силе. Я продолжал искать тебя, но теперь это оставалось просто незавершенным делом, к тому же это был единственный способ узнать, насколько сила изменила меня.

- И насколько? - со слезами на глазах прошептала я.

- У меня больше нет чувств, Мел, - спокойно отозвался Роже. - Я не злюсь, я не чувствую боли, обиды, разочарования и... любви.

- Ты словно ходячий мертвец, - потрясение было слишком большим: в глазах заплескались разноцветные пятна.

- Но я все еще жду, когда тебя приведут ко мне, - спокойно проронил анах и, не оглядываясь, пошел прочь, оставив меня на холодном берегу: я стояла на коленях, прижимая руки к груди.

- Угрожаешь? - деревянным голосом спросила я.

- Предупреждаю, что эта ночь ничего не меняет, - хладнокровно уточнил Роже, не оглядываясь и не снижая темп шагов. - Дело все еще остается незаконченным.

Затем он просто исчез: это у него всегда хорошо получалось, горько усмехнулась я.

- Мел? - донесся до меня встревоженный голос Ллера, потом появился и он сам. Увидев меня, все еще стоявшую на коленях, маг зажмурился и для верности прикрыл глаза рукой: - Ой! Не думал, что ты любительница купаться голышом. Будь добра, девочка, оденься, не соблазняй старого цвака...

Я вздрогнула, словно от удара хлыстом, и торопливо стала натягивать на себя черное платье:

- Я просто не ожидала, что ты пойдешь за мной, - стуча зубами, прошептала я.

- Не знаю, - цвак пожал плечами и опустил руку, - меня посетило странное предчувствие, потом я понял, что ты овладела еще одной стихией, потом... нечто еще более странное.

Потом овладели мной, грустно улыбнулась я, чувствуя себя почему-то очень грязной.

- Ой, - цвак разглядел прорехи на платье. - Ты что тут, с краками дралась?

- Какой ты догадливый, - фыркнула я, старательно прижимая к груди слишком глубокое декольте, бывшее некогда воротом.

- Ничего мне не хочешь рассказать? - вдруг глухо спросил Ллер.

- Пока нет, - решительно ответила я, - а вот спросить хотела бы...

Цвак присел рядом, всем своим видом выражая готовность поделиться всем, что сам знает. Я благодарно улыбнулась магу и, осторожно подбирая слова, спросила:

- Как существо может стать мицаром? Став мицаром, существо еще живет? Кто такой - мицар? Или - что?

- Грамотно, - печально покачал головой цвак. - А ты знаешь, что в правильно заданном вопросе уже есть готовый ответ? Вот с тобой сейчас та же ситуация...

- Объясни, - жалобно протянула я.

Цвак вздохнул, но соизволил ответить:

- Существо, которое стремится стать мицаром, должно пройти путь инициации. Это долгий и сложный процесс, на который отважится не каждый. Да и не каждый пройдет его до конца... может, один из тысячи самых-самых сильных. Но став мицаром, существо... нет, не то чтобы погибает, но лишается всех живых реакций. Они просто не могут больше находиться в столь сильном существе, сгорая еще при инициации. Попросту говоря, магия заполняет существо настолько, что там не остается места даже для него самого. Можно сказать, что это высшее проявление мага... хотя, лично мне никогда не хотелось пройти по этому сложному пути.

Я потрясенно молчала, переваривая услышанное. Выходит, Роже сам себя обрек на такую долю? И все это для того, чтобы убить в себе боль, которую я ему якобы причинила? Насколько должен быть эгоцентричен анах, чтобы пойти на такое, ведь из-за этого решения вся Кеприя потом встала на уши... да с тех пор так и не может принять свое нормальное положение. Если только... он и сам не подозревал, что сможет.

- Ллер, - звенящим от подозрения голосом спросила я, - а что происходит с существом, которое решилось на такую экзекуцию, но попросту не сдюжило?

Цвак посмотрел на меня так, что я поперхнулась:

- Ты уверена, что хочешь это знать?

- Теперь да, - я испуганно сжалась. - Ты разжег мое любопытство...

- Женщины, - пожаловался небу маг: звезды загадочно мерцали в ответ, ведь большинство из них тоже женского рода. - Ну, если опустить кучу подробностей вроде расчленения трупов и луж крови, то зарвавшегося, но не справившегося поглощает его же магия без остатка.

- То есть, финал один, - утвердительно кивнула я.

- Но есть нюансы, - отрицательно покачал головой цвак. - В первом случае - мицар с памятью и личностью существа, но без чувств, во втором - кучка жалких останков без признаков жизни.

- Я и говорю - один, - упрямо повторила я. - Какая радость не жить полной жизнью, а существовать в качестве холодного сосуда для силы?

- Но жизнь-то в этом случае сохраняется, - растерянно промолвил маг, - пусть и в некотором роде ущербная, но зато не в пример другим долгая. К тому же все теперь мицару подвластно, любые его прихоти исполняются... если они, конечно, в пределах этого мира.

- Но какой толк от исполнения, если нет желаний? - недоумевала я. - А если вдруг что-то исполнится из живого состояния, то все равно не сможешь порадоваться его исполнению. И зачем тогда власть... интересно, все мицары повелевают миром, или это Роже такой оригинальный? Им же все до лампочки должно быть.

- В легендах мицары все владели миром, это неотъемлемая часть инициации. - Тут Ллер задумался: - Если посудить, то это единственное, что им остается делать. На что еще тратить время, если и так все удается? Ты права - желаний уже нет. Но остаются намерения, которые требуют исполнения, как неиспользованные сгустки магии. А мицар физически не может просто откинуть их, он должен использовать даже крохи своей новообретенной силы. Поэтому, даже если ему уже давно все равно, как будет происходить развитие мира, допустим, он все равно будет действовать так, как хотел. Этот дар одновременно и страшное проклятие.

- Ладно, - взмолилась я, прижимая платье. - Хватит страшилок на ночь. Только последнее хочу уточнить: если мицару действительно все равно, он скажет своим ищейкам, где находится жертва, если узнает, где она скрывается?

Цвак вздрогнул и внимательно посмотрел на меня:

- Нет, - нахмурившись, протянул он. - Ему это ни к чему: он дал приказ, пусть его другие и исполняют. По шее потом им даст за то, что справился бы сам быстрее.

Он поколебался немного, но все-таки ничего не спросил, за что я была очень благодарна цваку. Ходить в разодранном платье очень некомфортно, поэтому я решила провести небольшой эксперимент: подошла к океану и опустила в воду руки. Волна лизнула меня, словно пес любимую хозяйку.

Быстрая волна шлепнула ладонью о берег, окатывая кружевами пены, которая оставляла на коже блестящие капельки своих поцелуев. Мгновение, и я была уже облачена в тонкую прозрачную тунику до пят. Легкая ткань колебалась на ветру, переливаясь всеми оттенками синего и серого. Ллер крикнул в кулак и отвернулся, пряча смущение: ткань вышла уж слишком прозрачной.

Я укоризненно посмотрела на океан и покачала головой: мол, как не стыдно так хулиганить! Волны зашуршали под ногами, словно хихикая и обдавая миллионами брызг. Легкое сияние, и под туникой я ощутила нечто вроде комбинезона из более плотной ткани.

- Другое дело, - улыбнулась я, шлепнув по воде ладонью.

Встала и пошла к цваку: на ногах я ощутила легкие туфельки без каблуков - самое то, чтобы бродить по каменным тропинкам одинокого острова в Великом океане.

- Доведешь ты меня до сердечного приступа, - хмуро проворчал маг, хитро щуря глаза. - Хватит наряды по десять раз на дню менять.

- Ну что поделывать, если они так быстро приходят в негодность, - пожаловалась я мужчине. - К тому же, я - женщина...

- Правда, что ли? - ухмыльнулся маг, смешно вытаращив глаза. - Не верю, докажи!

- ... поэтому должна всегда стараться хорошо выглядеть, - закончила, проказливо показав язык магу.

Мы медленно двинулись к домам. Окошки давно погасли кроме одного: это верная Марвия ждала свою ветреную подругу. Возможно, она даже оставила мне чего на ужин: в животе все еще было

пусто. Тушку мы с цваком так и не сподобились приготовить. Желудок мгновенно отозвался на такие мысли радостным урчанием. Цвак неодобрительно покосился.

- А ты птичку-то куда дел? - с невинным видом уточнила я. - Самое время бы костерок разжечь, а то уже два дня прошло: я и так ем мало, но это уже перебор.

- На самом деле ты не так уж нуждаешься в постоянном поглощении пищи, как камы, - снисходительно молвил цвак. - Просто привыкла есть каждый день, а так тебя питает твоя сила. Для восполнения клеток организма есть можно гораздо реже, практически как цваки. Или анахи.

- А как часто ты ешь? - заинтересовалась я. - Я вообще не видела тебя... да и других за процессом поглощения пищи.

- Ну, обычно где-то раз в пять дней, - неуверенно протянул маг, словно вспоминая, когда он ел в последний раз. - Может, дольше. Поэтому и отходов меньше, в отличие от смрада жилищ камов, вынужденных питаться несколько раз в день, чтобы восполнить запасы энергии, так как своей силы у них нет.

- А пьешь ты тоже раз в неделю? - с любопытством спросила я, представив фиолетового верблюда с ирокезом и косами на каждом из горбов.

- Ну что ты, - рассмеялся маг. - Воду нужно пить каждый день, это основа жизни.

- Жаль, - искренне пробормотала я. - Почти идеальный муж: сплошная экономия и готовкой не заморачиваться. Только чуть двинутый на почве ревности, да неспособный проявить искреннее чувство. Хотя, как раз таких в моем мире пруд пруди.

Помахав рукой на прощание бывшему верховному магу цваков, я зашла в дом Марвии: старушка уснула прямо за столом, дожидаясь меня. Ведьма сидела на лавочке, положив локоть на стол и подперев ладонью голову. Я умильно покачала головой: вот это и есть дружба, проверенная временем. Столько сот, даже считать не буду, сколько это лет, подруга дождалась меня, совершенствуясь в магии, чтобы в один определенный день суметь встретить и помочь. И девочек спасала всех, кого успевала, да еще пришлось ведь с ними возиться. Мы в ответе за тех, кого купили: это верно в мире Кеприи. Так что стала оседлой хозяйкой, почти кавайя. Если бы ими было разрешено становиться женщинам. И вообще, что здесь за притеснение женщин? Ни тебе раба прикупить, ни кавайя стать... Сплошное безобразие. Ну ничего, я им тут устрою манифест феминисток!

И с этой грандиозной мыслью я, чмокнув спящую старушку в лоб, устроилась на одном из диванчиков холла. Сон накрыл, словно грозовая тучка солнце: быстро и незаметно.

На утро я первым делом порадовалась лучикам оранжевых солнышек, пробивающимся сквозь романтические кружевные занавески: раз Роже не умеет теперь радоваться жизни, я буду делать это за двоих. Старушки на том месте, где я ее оставила вечером, уже не было, так что пришлось поискать Марвию. Ведьма обнаружилась во дворе, где давала поручения полуголым девицам, затеявшим генеральную стирку. Оставив старую женщину развлекаться, строя из себя грозную начальницу, я направилась на поиски цвака.

Маг стоял на том месте, где вчера мы с Роже любили друг друга. Точнее, любила я. А этот гад проверял, «есть ли еще боль в его сердце». Так вдруг я вспомнила способность цваков ощущать эмоции и намерения других существ. И хоть раньше это ему не очень-то помогало, сейчас сердце мое сжалось в страхе: я не готова была поделиться ни с одним живым существом событиями этой ночи.

- Привет, - как можно спокойнее сказала я. - Ищешь трупки жестоко убиенных мною краков?

- Думаю, - нервно буркнул цвак, обхватив голову так, словно она сейчас развалится на части, стоит ему опустить руки. - Я не спал всю ночь, что-то не дает мне покоя. Я ходил, проверял свои чары: насколько глуха защита, насколько далеко ищейки мицара. Все нормально внешне. Но тревога не отпускает меня.

- Забудь, - легко махнула я рукой, присаживаясь на невысокий плоский осколок скальной породы. - Это не твоя битва и не твои проблемы. Так что и решение принимать не тебе.

- Я так и знал, - пробурчал он, пряча глаза. - Но до последнего надеялся, что ошибаюсь. Вот почему ты вчера устроила мне допрос с пристрастием. Только не говори, что решила вернуть мицару чувства...

- Типа, это невозможно? - я насмешливо изогнула левую бровь.

- Типа, это сразу прикончит его, - скопировал мои интонации цвак.

Полюбовавшись немного ужасом на моем лице, маг продолжил:

- Ты думаешь, это прихоть силы - лишить существо чувств? Нет, это суровая необходимость. Это не стихии, Мел. Стихии подчиняются тебе, но они живут вне тебя, поэтому ты остаешься самой собой. И твоя сила дремлет до поры до времени, когда станет необходима. А ты представь себе мешок, куда пихают камни до тех пор, пока не треснет ткань и все повалится наружу. Существо точно такой же вот мешок с силой. Только отличие в том, что роль мешка играют эмоции. Роль сдерживающего фактора, своеобразного уровня, выше которого существо просто не выдержит. Это не так-то просто - ощущать в себе столько силы. Но фокус в том, что сила может сжиматься до удивительно малой величины и вместит существо ее больше, чем даже если собрать всю магию Кеприи. Конечно, с условием, что сдерживающего фактора, эмоций, уже не будет. Иначе существо просто разорвет изнутри... примерно так, как ты проделала с магом, насланным на цваков проклятие. Помнишь?

И цвак передернулся от омерзения, словно картинка встала перед его глазами.

Я побледнела:

- То есть, ты намекаешь, что тот маг тоже был мицаром? - прошептала я.

- Вряд ли, - засомневался маг. - Ну, может, был на пути к этому. Подслушанный тобой разговор может многое означать. Может, он хотел завоевать Хранителя, возможно - просто защитить, подчинив себе ее мир. В любом случае, твои чувства, твоя любовь, воплощенная в стихиях, привели к печальному результату... печальному для него, разумеется.

- Как все запутано, - теперь я обхватила голову: черепушка уже тихо гудела и намекала, что еще толика информации, и она за себя не отвечает. - Но если не вернуть Роже к нормальной жизни, что я еще могу сделать? Каким образом мне все исправить?

- Мицар еще не означает конец мира, - пожал плечами Ллер. - Значит, Хранитель не против его существования. Но я знаю, что мир идет к своей гибели, и этот день все ближе. Откуда придет беда - неизвестно, у меня просто предчувствие...

- Цваковский маг прав, - пробубнила старуха, вперевалочку приближаясь к нам. - Конец близко, девочка. Мои дзеты твердят об этом со дня, когда ты исчезла. И выход показывали только в твоём возвращении...

Ну вот, я немного огорчилась, поскольку образ подружки, ожидающей тысячу сот моего возвращения, разрушился карточным домиком. Хотя, беспокоясь о существовании мира, Марвия не перестала быть моей подружкой.

- Любопытно, - мрачно подытожила я. - Значит, мир все-таки в опасности. Но Хранитель почему-то бездействует...

- Понятно, почему, - ухмыльнулась ведьма, усаживаясь прямо на землю и метая свои разноцветные дзеты. Она потянула меня вниз и почти потыкала носом в выпавшую фигуру, словно я понимала что-то в этом. - Любовь! - авторитетно заявила она. - Хранитель на седьмом небе от счастья и совсем думать забыла о своих обязанностях.

- А другие Хранители? - уточнила я, с интересом следя за ловкими руками ведьмы: та снова раскинула дзеты.

- Других нет, - отрицательно качнула головой Марвия.

- Не может быть! - воскликнула я, - попробуй еще раз.

- Мои дзеты меня еще никогда не подводили, - ворчливо пробормотала ведьма, но камешки раскинула: я поражено уставилась на землю.

И хотя я ничего не понимала в подобном гадании, все равно заметила, что они легли на землю точно также.

- Других нет, - спокойно повторила Марвия.

- И тут обманула, - я с осуждением покачала головой. - Больная стерва! И весь сыр-бор из-за парня, который мне на фиг не был нужен! Марвия, а задай вопрос, что я должна делать, чтобы все исправить, - попросила я.

Ведьма усмехнулась и кивнула. Она долго трясла камешки в мешочке: видимо, чтобы я не просила больше повторить гадание, потом вытряхнула дзеты на землю. Я вытаращила глаза, затаив дыхание.

- Не может быть, - прошептал цвак.

Камешки, упав на землю, отскочили, чтобы соединиться в воздухе в один, переливающийся всеми цветами радуги. Глаза ведьмы стали стеклянными, она нараспев произнесла высоким чужим голосом:

- Ответ на твой вопрос - начало начал. Стихии отдадут в твои руки священную тайну сотворения жизни. Вернись в колыбель мира и познай счастье второго рождения.

Потом камень распался на дзеты, рассыпанные в беспорядке на сырой земле. Марвия растерянно моргнула, глаза ее приняли осмысленное выражение: она потрясенно посмотрела на меня.

- А вот такое со мной впервые, - голос ведьмы звучал почти испуганно. - Что произошло? Я так полагаю, тебе ответили стихии?

- Ответили, - мрачно изрекла я, - теперь дело за малым - понять, что именно они мне тут насоветовали...

Махнув рукой на все тайны мира, я отправилась назад; ошарашенный событиями цвак остался на берегу. Видимо, переваривать дальше. Ведьма расстроено плелась за мной следом.

- Марвия, - позвала я женщину, она подняла на меня выцветшие глаза. - А почему ты не завела семью, детей?

- Я же полукровка, - печально ухмыльнулась ведьма.

- Ну и что? - недоумевала я. - На всякую хитрую гайку найдется свой винт с резьбой...

- Дело принципа, - пожала плечами Марвия. - Выходить за кама - ниже моего достоинства, а брать в мужья анаха - ниже его достоинства...

- Да уж, - буркнула я, - достоинство у них будь здоров, высокое! Нечего и пытаться дотянуться.

Молча, размышляя каждая о своем, мы вошли во двор, полный щебечущих девчушек. Они все еще пытались стирать. Но это действие грозило затянуться на соту: полуголые девушки, восторженно визжа и смеясь, со всей дури лупили друг друга мокрыми тряпками. Вся стирка пошла насмарку, поскольку тряпье уже успело несколько раз повалиться в пыли двора. Все вокруг, включая безалаберных девиц, было мокрым и равномерно серым.

- Ну ни на уну нельзя оставить! - всплеснула руками старая ведьма. - Эй вы, ванаги, прекращайте балаган! Все белье перепортили...

- А зачем ты их заставила стирать? - недоумевала я. - Наши этого вообще не умеют, в моем мире стирают машины.

- Да и я бы справилась сама, - пробубнила ведьма, отбирая грязные мокрые тряпки из рук смущенно хихикающих девиц. - О них заботилась, от безделья уже с ума сходят. Чем их еще занять, чтобы морнеев на островки не заманивали?

- Это как? - хохотнула я.

- Да вот, взяли манеру, - недовольно ворчала старуха, - в чем мать родила по берегу ходить. Говорят, загорать так лучше, следов не остается. А несчастные морнеи вокруг так и юлят на своих лодчонках, все глаза уж просмотрели. Ну, думаю, ладно, пусть полюбуются на красоту. Так они по ночам на остров лазить стали, к девчонкам пробираться. Визгу-то было, страшно вспомнить. Прогнала наглецов: парни добрые, хорошие, только ума недалекого. Думала, прекратят девки это безобразия. А эти ванаги специально стали по берегам шнырять, морнеев дразнить. Те и меня боятся, но девки красивые, стайками рыбаков соблазняют, даже плавают к лодкам, бесстыжие. Ну, думаю, до добра это не доведет, но как же занять-то их?

- Обеспечить, значит, досуг, - задумчиво проговорила я и усмехнулась: - Ну это я на себя возьму. Все равно надо дожидаться, когда же стихия огня снизойдет до повиновения Мастеру. И уж поверь, девчатам будет не до мужиков!

С этого дня я начала тренировать бедных девчушек. В этой стихии я чувствовала себя, как в воде. С восходом солнышек выгоняла разнеженных подруг на пробежку, потом легкий завтрак и утренняя тренировка на сотню унов, обед, небольшой отдых, снова тренировка, ужин и отбой.

В первое время девочки обильно обливались потом и топали по каменному двору Марвии, как слониhi, но жесткая дисциплина делает свое дело, и вскоре стали получаться первые па. Конечно, сразу научить танцам людей, далеких от этого, невозможно. Но постепенно можно объяснить каждое движение, разложить на составляющие каждую связку, вложить в прекрасные головки чувство ритма.

Начала я с востока, так как танец живота – это первое, чем хотят заниматься новички. Конечно, есть еще стрип, гоу-гоу, но клубные танцы преподавать в Кеприи трудновато: невозможно добиться нужного ритма от кафий. Марвия, идея которой безусловно понравилась, раздобыла где-то парочку с необъятными инструментами еще замысловатей, чем даже те, которые я видела на рынке рабов. Кафии быстро схватили ритмы востока, но другому их обучить не удалось. И скорее всего дело тут не в них, просто я сама не музыкант. Да, я изучала игру на табле, поэтому могу на пальцах объяснить, как это делается, а вот что-то иное передать не смогла.

Но для начала вполне достаточно и этого, тем более, что кафии освоили и саиди, и беледи, и максум, и множество других ритмов востока, и даже могли сбацать неплохую импровизацию со сменой ритмов. Так что музыкальным сопровождением я была вполне довольна. Девочки просто расцвели, когда у них стали получаться движения, поначалу глядя на которые они лишь таращили глаза от ужаса. Все правильно: терпение и труд... а особенно тоска от безделья в чужом мире, где нельзя, да и невозможно делать практически ничего из того, что делал всю жизнь.

Так что, дни летели быстро: я смотрела на девочек, и глаз радовался: все, как на подбор... хотя, почему, как? Все они были выдернуты из привычного мира именно потому, что имели внешнее сходство со мною. И сейчас передо мной тренировалась самая идеальная группа из всех виденных мною прежде: девочки ровненькие, заниматься начали одновременно, и постигали науку танца более-менее равномерно. Звезд-выскочек не было, работали слаженно и сообща. Одно удовольствие тренировать подобную группу. Думаю, дома я бы их через месяц-другой уже на сцену выпустила. Да Лелька бы палец себе на ноге отгрызла за такую группу! Поскольку коммерческий успех обеспечен.

А вот ночи тянулись непомерно долго: я каждый вечер, замотав девчонок до полуобморока, отправлялась на полюбившийся мне берег, разводила костер и всю ночь смотрела в огонь, ожидая песню сфер. Я даже пыталась плакать, вспоминая Роже и нашу потерявшуюся в мирах любовь. Но огонь безучастно выстраивал ровные языки пламени, жадно жрал дрова, не давая мне ни малейшей надежды на продвижение в обретении магии стихий.

Танцы перед костром тоже не дали результата: только подманивали ближе к берегу лодчонки соскучившихся по пикантным зрелищам морнеев.

И в один прекрасный день, наблюдая за девочками, с трогательной серьезностью выполняющими простенький рисунок, я поняла, что если буду сидеть на месте, ничего и не случится. Точнее, мир так и будет катиться к уничтожению, а вот мои способности просто опять уснут, считая себя ненужными. Стихия огня, так и не открывшаяся мне, ждет где-то в другом месте.

Я поделилась этой немудреной мыслью с цваком, уныло слоняющимся по окрестностям, распугивая суеверных девиц: ну что делать, зашугали белок цваками, а так просто от инстинктов не избавиться! Ллер несказанно обрадовался переменам: маг давно понял, что надо двигаться, ибо под лежащий камень вода не течет. Но, с другой стороны, беспокоился за меня, поскольку в пути больше шансов быть настигнутыми ищейками мицара.

Сердечно попрощавшись с расстроенной Марвией и сбившимися в стайку девушками, мы с магом направились на берег океана.

– Не думаю, что тебе стоит так часто пользоваться силами, – с сомнением сказал цвак, глядя на веселую игру белоснежных барашков. – Любое волнение стихий могут заметить ищейки. Лучше давай воспользуемся обычным средством передвижения.

– Каким это? – подозрительно уточнила я: от мага всего можно было ожидать, он мог переместить меня с помощью своей магии.

Я очень не любила этот метод, поскольку приходилось полностью доверяться спутнику, а в последнее время в ответ на доверие я получаю болезненный щелчок по носу, фигурально выражаясь, разумеется.

– Возьмем лодку у морнеев, – осклабился фиолетовый. – Или ты предпочитаешь магический способ?

– Нет, спасибо, – торопливо отозвалась я. – К тому же, сам говорил, применяя магию, мы можем привлечь к себе излишнее внимание. Воровать, так воровать...

– Кто говорил, воровать? – удивился цвак и покачал головой, цокнув языком: – Ай-ай, как не стыдно, а еще Мастер стихий: ворует у бедных морнеев последнее, что у них осталось...

Маг подошел к густому кусту, усеянному багровыми острыми листьями с золотистыми прожилками, и вытащил из него длинную нетяжелую лодку, словно выточенную из большого ствола пробкового дерева. Только цвет был серее.

– Я уже попросил Марвию прикупить для нас лодчонку, так что этот пункт плана выполнен давно, я просто ждал твоего решения, – оттерев пот со лба, важно заявил он.

- Ждал, когда до меня дойдет, что я теряю время? - усмехнулась я. - Тебе вообще повезло, что я это осознала, поскольку убивать время было моим любимым занятием на протяжении последних пяти лет.

- Какая ты кровожадная, - весело усмехнулся маг, - даже завидно: это цвакам положено быть такими, а не прекрасным белочкам, несчастным жертвам...

- И не говори, - усмехнулась я, усаживаясь в лодку и недоуменно крутя нелепую дубину в руках, - все перевернулось вверх тормашками в мире... А это что такое?

- Весло, - поучительно ответил цвак, - им принято грести воду за бортом лодки, дабы привести ее в движение. Увы, без этого немудреного действия мы никуда не поплывем.

- Шут, - фыркнула я, хотя, возможно, цвак всерьез думал, что я не знаю, как передвигаются весельные лодки. - А почему дубина? Гораздо удобнее было бы пользоваться плоским веслом: оно значительно легче, да и сопротивление воды больше, а значит, скорость выше...

- Хм, - задумался маг. - А ты права. Но морнеям мы это объяснять не будем, а мне еще вряд ли когда-нибудь пригодится.

Хвала небесам, Ллер не стал меня эксплуатировать, а сел за весла сам. Причем работал он ими так хорошо и слаженно, словно был олимпийским чемпионом по гребле. Впрочем, олимпийских игр здесь нет, так что все дело, конечно, в магии цваков. Что меня полностью устраивало, так что я не отвлекала мага дурацкими расспросами и комментариями, а, просто расслабившись, откинулась на дно резко пахнущей острым мужским потом лодки и подставила солнышкам лицо, ловя теплые лучи.

Сама не заметила, как начала мурлыкать музыку сфер, так славно подходившую под мерный плеск весел о воду.

Я прикоснусь к сиянью неба, Улыбку солнца я поймаю, Чтобы сердечко мне согрела, Любовь мою вновь вдохновляя. Она - огонь, что рвется к власти. Она - как зарево заката. Все подчиню своей я страсти, Верну ушедшее когда-то. Я открываю двери свету: Суть бытия, верх совершенства Огнем любви моей согретый, Лети со мной на верх блаженства.

Открыв глаза, я поняла: последняя стихия склонила гордые языки пламени к моим ногам. Я снова Мастер всех стихий.

Ллер смотрел на меня, взгляд его был полон восхищения, даже некоего преклонения. Я поднялась в полный рост, чувствуя, как сила переполняет, разливаясь по воде радужными разводами, убегающими вдаль. Алый костюм соблазнительно подчеркивал формы. Блестящая, словно полыхающая на солнце, ткань облегала тело, не сковывая легкость движений. Волосы уложены в сложную прическу, украшенную золотисто-оранжевыми бликами солнца, застывшими в янтарных сверкающих камнях.

Заливисто рассмеявшись, я протянула ладони к солнцам, наслаждаясь водопадом искрящихся лучей, в который меня окунули небесные близняшки.

- Осторожней, Мел! - испуганно закричал Ллер. - Я не в силах скрывать такую силу.

- Чтобы поймать птицу счастья, нужно научиться летать, - я закружилась, поднимаясь в воздух. Наслаждаясь легкостью и силой, сплела пальцами из солнечных струй кружево танца жизни. Наверх полетели сказочные птицы с полыхающим опереньем. - Я благодарна тебе за защиту, но сейчас я вернула себе силу стихий и готова к встрече с мицаром. Знаю, что убегая от ситуаций, которые почему-то счел проблемными, ты рискуешь всю жизнь потратить на бег по кругу. Пора вырваться из цепочки стереотипов и посмотреть в лицо своей судьбе.

Я посмотрела на грустного цвака, сидевшего внизу в уютной лодочке, вяло покачивающейся на волнах:

- Не печалься, - улыбнулась я ему. - Все, что от тебя зависело, ты сделал. Теперь мой выход.

Ллер встал и внимательно посмотрел вдаль:

- А вот и ищейки, - мрачно прокомментировал он увиденное: навстречу нам двигался мощный поток неких сил, более всего похожий на ураганный ветер, который несет в себе кучу грязи, пыли и мусора.

- Прощай, - я махнула рукой цваку и медленно поплыла прямо по воздуху в сторону приближающегося вихря.

Глава 16

С одной стороны, мне надо, чтобы ищейки привели меня к Роже: вроде как и не он пригласил, но и вроде как я не сама пришла. Как говорится, и вашим, и нашим, и всем спляшем. А на самом деле, спляшем-ка, а то сдаваться без боя как-то... некрасиво.

Я нежно поманила пальчиком яркие на солнышках воды океана: передо мной встала стена, состоящая из мощных струй воды, словно из водопада вырезали кусок, а он, не заметив, продолжает с чудовищной скоростью и силой нести потоки воды. Шум перекрыл все звуки природы. Поток сил приостановился в задумчивости: правильно, ребята, подумайте, а стоит ли сюда соваться.

Почувствовав бесшабашную веселость, я нежно коснулась верха потока носками легких туфелек и сделала несколько фуэте, красуясь перед ищейками. Стихии отозвались на мой зов: солнечные лучи красивым росчерком оставили в водах юркие молнии змеек, земля выпустила гибкие стебли лиан, карабкающихся по крутому склону водопада, капризный ветерок подхватывал выбившиеся из потока серебряные струйки, намереваясь устроить веселую игру с солнечными змейками.

Поток вражеских сил разбился на три вихря, в середине каждого из которых я увидела анаха. Все трое были без плащей, в их руках я углядела нечто, похожее на меч, лезвие которого свернуто в спираль. Возможно, это штука управляет потоком их сил. Что же, проверим.

Искося метнув на ближайшего анаха кокетливый взгляд, я танцующей походкой прошла по вершине грохочущего водопада. Остановившись на другом краю, призывно качнула бедрами и изящно потянулась, словно кошка. На лице анаха отразилось недоумение: что, милый, вдруг почувствовал приступ страсти? То ли еще будет! Сделав сальто назад просто из озорства, я поманила анаха пальчиком. Спиралевидный клинок звякнул о камень: анахи не отважились пустить свои потоки по поверхности воды, зависнув у кромки. Через пару секунд вихрь под магом развоплотился, а сам голубенький обреченно поплыл мне навстречу.

Товарищи что-то кричали анаху: не расслышала, что именно, уж больно громкий шум водопада, так скоро я сама оглохну. С чувством заломив руки, я прогнала волну сверху вниз по телу, работая мышцами живота: поток воды мгновенно откликнулся. Теперь он не бушевал водопадом, а просто завис неподвижной стеной. Стало очень тихо. В этот момент ко мне подплыл плененный чарами анах и упал в ноги, не смея поднять лицо.

Я ласково потрепала испуганно цепляющегося за мои ноги мага, удержаться на такой тонкой стеночке надо еще умудриться, и обернулась к двум другим, вальяжно подперев бок рукой:

- Простите, что вы сказали?

- Ты не уйдешь от нас, ведьма! - важно провозгласил один из ищеек.

- Ладно, - пожала я плечами, - уговорили, не уйду.

В ответ он лишь растерянно моргнул, зато очнулся второй:

- Отпусти нашего товарища! - грозно приказал он.

- У! - восхищенно пропела я. - А то мне хуже будет? Втроем навалитесь на бедную беззащитную девушку?

Опустив глазки, я кокетливо поправила облегающие брючки, с трудом отцепляя от ткани руки сияющего от экстаза анаха.

- Да вот он, никто его не держит... Эй, голубок, лети отсюда, а то все брюки мне слюнями закапал, - усмехнулась я, брезгливо дергая ногой, в которую снова вцепился неугомонный анах.

Первый ищейка что-то гортанно заголосил, размахивая руками: заклинание читает, гад. Я заслонила от солнышек рукой так, словно лучи бьют мне в лицо:

- Ой, что-то я ничего не вижу, что там делается? - И показала простенькую связочку из хип-хопа. В чистом небе вдруг сверкнула растопыренная пятерня молнии: она ударила анаха по темечку и рассеялась в воздухе озоновым следом. Я невинно заметила, проследив падение бесчувственного мага на камни: - Ой, что это было?

В глазах оставшейся ищейки мелькнул почти испуг: как же, двое его товарищей были сражены быстро и непонятно как. Печально вздохнув: пора заканчивать представление, а то не поверят, что это они меня пленили, я скрестила руки на груди и насмешливо ждала хоть каких-нибудь действий от анаха.

Судя по виду, маг решил жестоко отомстить за товарищей, такое он грозное лицо скорчил. Я

спокойно ждала: ну что еще мне покажешь, приятель? Анах пропел что-то под нос и исчез. Я изумленно подняла брови: он что? сбежал? Вот тебе и грозные ищейки, которых так боялся цвак. Стоило получить по носу, что, кинулся наутек? Или просто рванул за помощью?

Я озадаченно размышляла над поступком анаха, как вдруг ощутила сильный толчок в спину: падая, подумала, что зря недооценила анахов, ведь они все-таки ищейки мицара, так что существа опасные и неглупые. Но собственно, мне и надо было, чтобы меня победили, так что все идет по плану. Сгруппировавшись, я нырнула в воду, в последний момент ощутив, как лишившаяся силы стена накрывает сверху тяжелым потоком.

Отплевываясь от попавшей в рот воды, я тяжело выползла на берег: вот так, поприкалывалась, называется. Зато получилось все, словно по-настоящему. И на будущее урок: не упиваться своей непобедимостью, а достаточно трезво оценивать врага. На суше уже поджидали три ищейки. На этот раз они не кружились в серых вихрях, а спокойно стояли на песчаном берегу, холодно наблюдая за моими попытками отдышаться.

- Что стоите, как истуканы? - со злостью спросила, откидывая с лица длинную прядь, выбившуюся из некогда безупречной прически. - Никто не поможет бедной девушке подняться? У вас что, галантность не в моде?

Один из магов протянул в мою сторону свой спиралевидный меч.

- Нет уж спасибо, - я удивленно отстранилась. - Раз так, я уж как-нибудь сама...

Но двое других передвинулись так, чтобы окружить, и тоже протянули мечи в мою сторону. Ой, а может, приказ мицара вовсе не в том, чтобы доставить меня живой...

С острий мечей потекли сверкающие искры, падая на землю, они образовывали правильный круг. Вскоре полоса ярко-синего цвета стала уже очень широкой. Земля подо мною дрогнула и поплыла по часовой стрелке, подчиняясь движению сверкающего потока. Я с недоумением наблюдала, как песок превращается в прозрачное стекло, хотя никакого жара не ощущала. Вскоре я словно сидела на блюдечке с голубой каемочкой и нервно хихикала по этому поводу: так меня, видимо, и доставят к мицару.

Я оказалась права: анахи возродили свои серые вихри, которые мощным потоком закрутились вокруг меня. Вскоре ничего не стало видно, лишь песчаная буря окружала мое сказочное транспортное средство.

Когда буря утихла, я обнаружила себя в очень большой круглой комнате. Стены и полукруглый купол потолка были выполнены из голубоватого стекла: без магии здесь явно не обошлось. На полу красовался черный ворсистый ковер, он единственный составлял всю обстановку. Через полупрозрачное стекло виднелись заснеженные пики горных вершин, чистое небо и парочка солнышек, весело подмигивающих с небосвода. Передо мною, крестив руки, стоял Роже и внимательно изучал.

- Я понимаю, - кивнула я, плавно проводя рукой по пушистому ковру, - девушка с белой атласной кожей на черном пушистом ковре смотрится очень сексуально.

Перевернувшись на живот, я игриво посмотрела на мужчину снизу вверх:

- Ну, вот я здесь. И что ты теперь со мною делать будешь, мой повелитель? Поиграем в рабыню и господина?

Я подмигнула анаху самым легкомысленным образом. На лице мага не шелохнулась ни одна мышца: ну вот, я и забыла, с кем разговариваю. Вся моя ирония пролетела мимо, так и не зацепив живую статую.

- Жаль, что у тебя не осталось ни единой эмоции, - погрустнела я. - Раньше с тобой было гораздо веселее. Тебе самому-то не жаль? Не жаль смотреть на этот великолепный закат и ничего при этом не испытывать? Не жаль лицезреть прекрасную соблазнительную даму и не испытывать желания?

- Я не чувствую жалости, - бесстрастно ответил анах.

- Нет, ну я не понимаю, на кой я тебе тогда сдалась, - рассвирепела я. - Послал своих приспешников, которые чуть не утопили меня, притащили сюда, а чего теперь делать с добычей, не знаешь... Чего ради столько усилий?

- Чтобы было, - пожал плечами маг. - К тому же, если я не ведаю эмоций, это вовсе не означает, что мне не нужна женщина.

Я замерла: этот идиот считает, что я с ним сексом заниматься буду?

- Ну уж нет, - фыркнула я, вскакивая на ноги, - это все равно, что любить робота; я что, по-твоему, извращенка?

Роже не ответил и вообще никак не прореагировал на мои вопли. Он спокойно подошел и, схватив меня за руку, бросил на ковер и принялся методично и холодно снимать с меня одежду. Я царапалась и кусалась, вне себя от злости:

- Отпусти, проклятый голубок! Ладно бы удовольствие получал, садист несчастный, так ведь словно для галочки пристаешь! Отпусти! А!

Роже, не обращая внимания на протесты, прижался своим мускулистым телом к моему: мгновенно из меня испарилась вся злость, уступив место дикой страсти. Внешне же эта перемена никак не изменила моего поведения: я все так же рьяно кусала и царапала анаха, только к крикам добавились еще и стоны.

Позже Роже встал, оделся и, не говоря ни слова, просто исчез. Я перевернулась на живот и зарыдала, вцепившись в длинный ворс ковра. Ну что за жизнь: стоило так рваться навстречу мечте, сверкающей вдали ярким алмазом, чтобы, наконец добравшись, с омерзением крутить в руках острый осколок стекла. И бросить не могу, и постоянно ранюсь о его острые грани.

Проревевшись, я все-таки встала и оделась, твердо пообещав себе в следующий раз не сдаваться так быстро. Потом на ум пришла гаденькая мыслишка: значит, милая, надеешься, что он будет, этот следующий раз. И что толку давать себе подобные обещания, если таешь в руках мага, как мороженое в пустыне? Даже если он, как и бескрайняя пустыня, ничего не ощущает в этот момент. Но я-то ощущаю: и боль, и жалость... и любовь. Я все равно люблю этого бесчувственного болвана!

Прическа безнадежно растрепалась, поэтому я, старательно выковыряв из волос все каменные украшения, распустила их и заплела длинную косу. Солнышки уже торопливо скрылись за горизонтом, словно не в силах смотреть на мое унижение. Да я и сама стыдилась своей слабости, но поделаться с этим ничего не могла. В воздухе быстро промелькнул легкий туман и в комнате проявился незнакомый анах.

Насторожившись, вопросительно уставилась на прибывшего: чуть раньше я обследовала все помещение и убедилась, что ни дверей, ни окон в нем нет, к тому же стекло было закалено силой, так что внутрь не проникала ни одна струйка стихий. Я была обезоружена. Это означало, что Роже давно и очень тщательно готовился к моему прибытию.

Анах не произнес ни слова, поставил на пол поднос с парой золотистых сосудов и так же бесшумно испарился. Я подошла к подносу: кувшин с вином и кусочки чего-то явно вкусного, судя по распространяющемуся аромату. Усмехнувшись: цвак давно просветил меня насчет способности долгое время не нуждаться в пище, я поддела носком туфли плоское блюдо и отшвырнула в сторону. Не удовольствовавшись этим, подошла и с садистским удовольствием растерла грязь по ковра. Немного выместив злость на обстановке, я пригорюнилась: что же мне теперь делать?

Я думала, что найду подсказку здесь, рядом с Роже. Все сразу пойму, когда взгляну на любимого. А оказалась в тщательно подготовленной клетке, в которой даже силу свою проявить не могу: я кожей ощущала, что все вокруг пропитано мертвой силой мицара, а чтобы взаимодействовать с силами стихий, нужно соединиться с природой. Он словно перекрыл русло реки моих сил, лишив живительной влаги. Все очень жестко и расчетливо. Да, в таком сосуде не осталось ни микрона для даже малейшего чувства.

Но все же я недоумевала: что ему от меня нужно? Убить? Анах бы убил меня сразу, без тени сомнений, как только увидел. К тому же, в этой комнате, я не смогла бы противостоять мицару в магии. Или в нем осталось намерение умертвить меня медленно и мучительно, чтобы отомстить за страдания? Голодная смерть среди гор подошла бы для этой цели великолепно, но нет: еду мне принесли практически сразу же... хорошо, хоть одеться успела.

Или использовать как приманку для Ривиэля, чтобы сначала пришить любовника, потом меня? Тогда все его действия вполне логически объяснимы: доставить цваку как можно больше боли от того, что его женщина принадлежит другому. На правду похоже, но тут имеется загвоздка: я не женщина белобрысого панка, и спасать меня он не примчится, так что Роже ожидало бы разочарование... если бы мицар мог испытывать его.

Я тяжело вздохнула: если так, то будущее мое имеет довольно мрачную окраску: сидеть на вершине горы, общаясь лишь с солнышками, периодически страдать, получая удовольствие от холодных ласк мицара, да ждать, когда тому надоест поджидать принца на белом коне. Которому и в голову не придет меня спасать. Он и так вполне себе счастлив где-то там, где водятся лживые Хранители.

Делать было нечего, спать не хотелось. Красивый костюм, перестав получать подпитку от магии стихии солнца, снова превратился в мой сценический костюм... Точнее, в остатки его, так как эти грязные лохмотья с чудом оставшимися кое-где стразами и рваными крыльями за спиной очень

сложно назвать полноценным костюмом.

Вот и я себя сейчас ощущала так же, как выглядела моя одежда: запачканной, оборванной, с упрямыми остатками надежд на лучшее. Глотая горькие слезы, я смотрела на темные пики гор, чуть различающиеся по форме между собой, пока глаза не слиплись, поддавшись тревожному, изматывающему оцепенению, которое лишь по случайности можно перепутать с восстанавливающим силы сном.

Утро встретило слишком яркими лучиками восходящих солнц, от которых было некуда спрятаться: вокруг лишь прозрачная стеклянная поверхность. Утренние птицы, вылетев на раннюю охоту за завтраком, могли бесплатно любоваться местным шоу «за стеклом». Впрочем, что можно найти привлекательного в оборванке, которая с мрачным видом растянулась на черном ковре?

Я заставила себя подняться и сделать зарядку: после тяжелой ночи все тело ныло и упорно отказывалось подчиняться. Танцевать не хотелось, какие уж тут танцы с таким настроением? Йога тоже не принесла бы сейчас должного успокоения. Хотелось просто выплеснуть изнутри накопившуюся там бессильную ярость и безнадегу. Поэтому я, скинув мешающие движениям алые крылья, провела небольшой комплекс из восточных единоборств. Как раз в процессе я увидела мерцание, и в комнате проявился недавний маг с новым подносом.

- Кий-йя! - выдохнула я и ногой выбила поднос из рук анаха: остатки вязкой желтоватой жидкости, размазанной по стеклянному потолку, стекали вниз тягучими каплями, оставляя на черном ковре яркие пятна.

Анах замер в испуге, а потом поспешно ретировался: так-то, пусть в следующий раз стучится и просит разрешения войти! А то взяли моду: вламываются все, кому не лень. Даже в тюрьме мужчины спрашивают заключенных женщин, можно ли войти. Мало ли в каком я тут виде: может быть решила нагишом на утреннем солнышке позагорать?

До самого вечера так больше ничего и не происходило: похоже, что за плохое поведение меня решили оставить без сладкого. Я мерила шагами круглую комнату по кругу. Рисовала желтыми кляксами неприличные слова на прозрачном стекле, причем так, чтобы можно было прочесть и изнутри, и снаружи. Если вдруг за мной наблюдают с воздуха. То, что эти слова не означают для анахов ничего большего, чем для меня их загадочные письмена, в голову пришло уже слишком поздно. И я решила: раз сделано - пусть будет, просто так, для поднятия духа.

Медлительные солнышки совсем не торопились покидать небосвод, видимо, хотели подольше украсить мое общество, но все-таки им пришлось уйти на покой: суровый горизонт магнитом тянул их все быстрее. В наступившей темноте стало как-то не по себе: я что-то ощущала, но не понимала - что.

А когда поняла, было уже поздно: знакомые уже синие искры ищеек опоясывали мое тело со всех сторон, не давая ни малейшей возможности шелохнуться.

- Ну вот, - проворчала я, пытаюсь освободиться. - Снова - здорово!

Когда узы надежно стягивали все мое тело, в комнате появился знакомый с моим искусством анах. Бросив на меня взгляд, полный опасения, он огляделся. Увидев, во что я превратила чистейшее некогда помещение, он негодуяще покачал головой. Растерянно рассмотрел мои художества на стекле и пощупал ногой застывшие кляксы вчерашнего ужина.

- Ты объявила голодовку? - с печалью в голосе спросил анах.

Я внимательней пригляделась к магу: худощавый, невысокий, с коротко стриженными черными волосами: я впервые видела анаха с такой революционной прической. Он отнесся ко мне почти с сочувствием, хоть и старался держаться подальше.

- Не дождетесь, - невольно улыбнулась я. - Мне нужна просто чистая вода. И все...

- Но, - покачал головой анах, - ты лишена силы, значит, питать они тебя не могут. И поэтому нужно есть часто, как камы...

- Хм, - задумалась я: а ведь он прав, но голода я все равно почему-то не ощущала. Видимо, убедив организм в ненужности постоянного поглощения разнообразных продуктов, выключила ставший бесполезным процесс. - Тогда пусть будет голодовка.

Правильно: главное из всего извлечь выгоду. Заталкивать в себя пищу насильно я не намерена, хватило моему организму и сторонних измывательств. А вот объявив голодовку, возможно, сдвину свое дело с мертвой точки. Ибо очень не улыбалось сидеть здесь, словно муха под банкой, и ждать неизвестно чего.

- А почему? - с какой-то детской наивностью спросил молодой анах.

- Мне скучно, - пожаловалась я. - Даже поговорить не с кем... было. Да и с тобой не очень-то разговор клеится: в скрученном состоянии хорошего общения не получится...

Анах кивнул и исчез... вслед за ним в небытие медленно потянулись ярко-синие искры, сковывающие мое тело. Но свобода движений не принесла облегчения: я тоскливо наблюдала за звездами до тех пор, пока веки не смежил удушливый сон.

Открыв глаза, вместо грязного черного ковра я увидела яркие зеленые простыни. Это все еще сон, подумала и снова закрыла очи. Но тут услышала веселые женские голоса и встрепенулась. Подскочив, уставилась на новую обстановку: узкая неширокая комната была обставлена почти по-земному. Широкие окна обрамляли веселые занавески; вместо одного огромного ковра однотонной расцветки на полу растянулись половики с разнообразными узорами. Широкая кровать, на которой я лежала, застелена хрустящим от свежести бельем. Тонкое мягкое покрывало соскользнуло с меня, обнажив тело: на мне не было ничего.

Вздвогнув, я вновь припала к кровати, поспешно натягивая на себя покрывало. В узкую дверь, переговариваясь и смеясь, ворвались две белки. Девушки, привычно внешне схожие, несколько смущенно помахали мне ладошками:

- Привет, - слаженным дуэтом проговорили они.

- Привет, - удивленно отозвалась я. - Вы кто? И где я?

- Ты в гареме, - ответила девушка в маленьком синем платье. - А мы жены...

- Так, - я потеряла виски, пытаюсь сообразить. - В последний раз я заснула у анахов в плену, а проснулась у камов в гареме? Вот это и есть настоящее разнообразие в жизни!

- Вообще-то, ты все еще у анахов, - отрицательно покачала головой девушка. - Ты в гареме мицара. Тут только девушки из нашего мира, так что нам, можно сказать, повезло...

Я даже задыхнулась от гнева, накрывшего удушливой волной: этот прохиндей завел целый гарем? Вот нахал, чувств не испытывает, а утех не чурается! Хотя, если честно, а что я ждала: что нормальный здоровый мужчина будет тихо, сам с собою, страдать тысячу сот в ожидании меня, любимой? Но я же его ждала пять лет! Противоречивые чувства раздирали сердце: я готова была выцарапать глаза анаху и подать их ему на блюде под острым соусом.

Зарычав, я в ярости швырнула маленькую подушку в окно: к моему удивлению, сила броска была настолько велика, что тонкое стекло разлетелось вдребезги. Веселенькие занавески затрепетали на ветру. Озорной ветер тут же юркнул внутрь и, обдав мое обнаженное тело холодом, запорошил яркие коврики на полу снежными искрами.

- Не заморожено, - потрясенно прошептала я и соскочила с кровати. Не обращая внимания на смущенные и растерянные взгляды девиц, прошлепала босиком к окну и убедилась в происходящем, высунув в разбитое окно руку. - Я свободна...

- Не совсем, - холодно ответил голос анаха.

Через мгновение в дверь вошел он сам. Роже оглядел меня сверху вниз: я стыдливо прикрылась руками, вспомнив о своем наряде Евы.

- Ты можешь жить здесь, с другими женами, - бесстрастно продолжил анах. - То, что окна здесь не заморожены, не значит, что ты свободна. Я не дам тебе уйти. Ты теперь моя жена.

- Быть женой бесчувственной деревяшки? - возмутилась я. - Да ни за что! Вон у тебя есть, на ком проверять, осталась ли еще боль в твоём мертвом сердце! И как это, интересно, ты мне не дашь уйти, если я в связи со стихиями? Я и не подумаю спросить разрешения!

- Попробуй, - на лице анаха отразилась холодная усмешка: я не надеялась, что мага посетила насмешливость, гримаса просто исказила его лицо, как нервный тик.

Я содрала с окна яркую ткань занавески и завернулась в нее: ветер, нежно коснувшись меня, облачил Мастера стихий в белоснежный наряд, украшенный пушинками: девушки одновременно вздохнули, выражая восхищение. Чувствуя себя уже спокойнее: я защищена одеждой от бесцеремонных взглядов Роже, соединила руки над головой в намасте и глубоко вздохнула, призывая стихии. Две восьмерки бедрами, и я развела руки в стороны, мягко покачиваясь на волнах стихии воздуха, вплела струи солнечного огня и расчертила прохладными стрелами воды пространство вокруг себя.

Роже спокойно, даже с некоторым интересом, наблюдал за разворачивающейся сферой заклинания. Но только я чуть приподнялась, намереваясь взмыть вверх и вылететь в окно, воодушевленная скорой свободой, маг просто выбросил в мою сторону руку, развернув ладонь наружу.

Весь рисунок танца смело ураганным порывом, я же упала на пол в полном бессилии, не было энергии даже немного приподняться. Ощущая возрастающую панику внутри, я испуганно поглядела на мицара: передо мной уже давно не было моего любимого, не было Роже. И я только сейчас это осознала в полной мере.

- Удивлена, - мицар не спрашивал, а утвердительно кивнул. - Все просто: ты самонадеянно решила, что открылась всем стихиям и вновь вернула силу Мастера. Видимо, счастье заглушает разум. За все время, которым не пользовалась своей магией, ты почти полностью утратила способность управлять стихиями. Но это детали, мне просто интересно: а с чего ты взяла, что стихий только лишь четыре? Их гораздо больше. А вот времени, чтобы подчинить их себе по одной, как ты практиковала до этого, у тебя уже нет. Так что, милая, ты не можешь противостоять силе мицара. Смирись.

- Размечтался, - буркнула я. - Интересно только, как ты узнал, что я овладела именно четырьмя, раз их много...

- Да я собственно на то и рассчитывал, что ты попытаешься улизнуть, для этого тебе придется воспользоваться силой стихий. И тогда мне не составит труда посмотреть, какими именно ты пользуешься и как, - бесстрастно ответил мицар. - Кроме стихии воздуха, появление которой я увидел еще там, на острове, ты овладела другими, но тебе помогал некто, скрывая магию стихий от меня. Это мог быть только анах. Теперь осталось найти его...

- Зачем? - удивилась я, подумав: цвак правильно поступил, что так долго жил среди анахов, теперь он мог воспользоваться их силой так, что даже мицар не различил разницы. - Убьешь его? Какая теперь разница, если я здесь? Или так хочется отомстить?

- Он предал своего мицара, - рассудительно ответил Роже, - и должен понести наказание.

Он вышел. Девушки во все глаза смотрели на происходящее, стараясь не пропустить ни слова. Я чуть приподнялась на локте, выпутываясь из занавески: вместе с магией пропал и мой красивый костюм.

- Ненавижу его! - со всей страстью заявила я, метнув на дверь, закрывшуюся за мицаром, взгляд, полный злости. - И как вы с ним живете?

- А кто это? - удивленно спросила девушка в синем.

- Как - кто? - я изумленно рассматривала «жен» мицара: сердечко дрогнуло, но я постаралась придавить снова зарождающуюся надежду. - Собственно, начальник гарема, ваш муж - мицар собственной персоной. Спокоен, как мертвец, и хладнокровен, как последний гад!

- Да? - отозвалась вторая девушка. - С чего это он через столько времени все-таки решил посетить это местечко? До сих пор к нам приходили только подчиненные...

- Интересно, зачем? - хмыкнула я. - Пересчитать, все ли на месте?

- Ну, там, - закатила голубые глазки первая, - спросить, что требуется, уточнить, хватает ли еды, питья...

- У, - буркнула я, поднимаясь: слабость потихоньку отступала, ноги почти не дрожали. - Какие заботливые! Скажите, а одежда у вас имеется? А то прямо беда - что ни надену, все сразу отбирают! Надо бы запастись на будущее...

- Полно, - вторая девушка схватила меня за руку и потащила в соседнее помещение. - У нас тут одна швея со скуки всех обшила, да еще сверх того, вон, в том сундуке покопайся, может, что понравится. Ты, как и все, одного размера, так что с одеждой нам тут несложно... Где они находят одинаковых девушек - по всему миру, что ли, рыскают?

- Рыскают, - кивнула я, перебирая тряпки: все сплошь вечерние платья, видимо, портниха специализировалась как раз на них. - И много вас тут таких, всех одинаковых?

- Было девяносто девять, - улыбнулась первая, приближаясь. Девушка встала у косяка, перекрестив руки на груди: - Для ровного счета всего одной не хватало.

- А вот и я, - хихикнула, выживая, наконец, нечто брючное. - Да, Марвия не так-то уж и много перехватила девиц... Но теперь все, больше не будет... лишь бы меньше не становилось.

- Почему? – заинтересовалась вторая девушка, одетая в длинное сиреневое платье с открытыми плечами: судя, по поведению, она была немного попроще первой – настойчивой и решительной.

- Слухи по земле ходят, – туманно отозвалась я.

Поскольку еще не знала, как все тут устроено и сколько придется жить в этом месте, я предпочитала не сильно распространяться о своем статусе Мастера. Да и то, что девушек вытащили из мира из-за меня, дружбе нашей явно не поспособствует. А хорошее отношение землячек мне было необходимо, поскольку нужно узнать, как устроена жизнь анахов, какие ходы-выходы имеются и вообще, постараться извлечь всю информацию, которой они владели: никогда не знаешь, что может пригодиться в конце концов.

Одев брючки-капри из бордового шелка и тунику в восточном стиле, я ощутила себя намного лучше. Конечно, защиту одежда не дает, зато комфорта прибавляет.

Девушки назвали Викой, та, что первая в синем, и Настей, та, что в сиреновом. Оказалось, что эта гора вся предназначена для девушек из гарема. Как высотное здание, она содержала много комнат, выдолбленных на различных уровнях, они соединялись между собой огромной спиралевидной лестницей с невысокими длинными ступенями, по которой можно было проехаться в карете. Правда, в карете тут никто не ездил, и вообще, девушек посещали очень редко, предпочитая просто доставлять все нужное в специальную комнату магически.

Поэтому об обустройстве анахов и стиле их жизни они не знали ровно ничего. Мицара увидели сегодня впервые: до этого девушки знали, что они – гарем, но доказывать им это еще никто не пытался. Поэтому сейчас они были взволнованы и напуганы. Да, с точки зрения среднего обывателя моей исторической родины Роже, конечно, урод вроде тех супермутантов, про которых комиксы сочиняют. Но если копнуть глубже, внешне от людей он отличается только лишь цветом кожи, да загадочным строением своих непостижимых гляделок. Да что же такое, опять я его оправдываю!

Настя вызвалась показать, как тут все у них устроено, Вика же осталась в комнатах. Прогулявшись с новой знакомой, я узнала, что от лестницы отходили в разные стороны небольшие коридорчики, заканчивающиеся помещениями, используемыми в качестве спален. Сколько их было, Настя не знала, и до моего вопроса ни у кого даже мысли не возникло их считать. В каждом ответвлении жили девушки, по два-четыре человека, в зависимости от размера комнат и уживчивости самих наложниц. В самом низу лестница выходила в огромный зал, куда и доставляли все необходимое, а девушки делили, что – кому.

На мой вопрос о прогулках Настя грустно заметила, что ни разу не выходила на улицу. Более того: свежий воздух она вдохнула как раз сегодня через разбитое окно. То, что их не выпускали, девушки объясняли по-разному. Кто-то твердил, чтобы не украли, кто-то – чтобы не замерзли. Вторая версия мне тоже приглянулась постольку, поскольку анахи обычно гаремы не заводят, а если заводят, то исключительно из представительниц своей расы. Девушки же не знали предыстории такого исключительного увлечения мицара коллекционированием девиц с моей родины. А вот замерзнуть в горах – это запросто, особенно без теплой одежды: в Кеприи я вообще ни одной шубы не видела. Анахи же обладают уникальной способностью вполне комфортно себя ощущать при минусовой температуре, может, именно поэтому они такие синие...

Внизу уже толпились девушки, набирая в небольшие корзинки продукты с большого стола, уставленного таким количеством всего, что глаза разбегались. Да, запросы у гарема мицара будь здоров! И стоило Роже тянуть эту ляжку, возиться с поддержанием жизни такого количества девиц, если ни разу так и не воспользовался своим положением.

Настя набрала корзинку для нас троих, и мы отправились в свои комнаты:

- Ты, конечно, можешь выбрать любое жилье, – сказала мне девушка. – Но одной скучно, а других ты пока не знаешь, так что пойдем к нам, раз ты появилась именно в пустующей спальне.

- А я именно появилась? – уточнила я.

- Так все появляются, – рассеянно отозвалась Настя, высматривая что-то в стайке девушек. И вдруг закричала: – Дина! Сегодня собираемся?

- Конечно, – помахала ей в ответ загорелая девушка в шортах и майке.

- У нас что-то вроде концерта, – объяснила мне Настя. – Скучно же здесь, приходится развлекаться самим. Вот и выяснили, кто что умеет. И иногда устраиваем такие вот концерты, кто поет, кто танцует, кто стихи читает... такой смотр самодеятельности. Пойдешь?

- А куда я денусь, – вяло ответила я, – все равно других пунктов программы нету.

- Ну почему же, – весело рассмеялась Настя. – Вон Вика вообще ни разу не ходила, предпочитает

поспать. Говорит, за всю жизнь здесь отоспалась, но то ли мало, то ли понравилось...

Все оставшееся до вечера время я мерила шагами свою комнату. Случай с незадачливым освобождением не шел из головы. Как странно: я на самом деле думала, что все стихии покорились мне. Но что их больше, ни разу не задумывалась. Ведь раньше я их не считала, просто они были и все. А какие, сколько – кто знает, я же их на плацу не строила, чтобы пересчитать...

И движение Роже, такая сила. А какая? Это не было похоже ни на что на свете, даже с вихрями ищеек не сравнить. Сила анаха ощущалась словно... мертвой. Даже не мертвой, трудно переварить нечто, что так обожгло тебя в какое-то мгновение. Но этого мне уже никогда не забыть. Я чувствовала, что надо обязательно попытаться идентифицировать эту силу. Сила мицара, его магия... В мире есть магия живых существ, она живет, дышит вместе с ними, можно назвать ее живой магией. Есть силы стихий, которыми пользуются ведьмы, ведуньи, некоторые маги и, конечно, Мастер стихий. Ее можно назвать магией природы, она тоже живая. Была магия смерти – я очень четко ощущала ее, когда в мир проник тот маг, что чуть не погубил расу цваков. Магия ужаса, страха, вся отрицательная.

Сила же Роже была ни той, ни другой, ни третьей. Она словно была... никакой, абсолютный ноль. Такой, как черная дыра, из которой рождается новая Вселенная. Такой, как миг между жизнью и смертью. Такой, как нечто неосознаваемое после смерти, но до жизни. Это пугало, однако притягивало невообразимо. И я была не права, считая Роже холодным. Он просто спокоен, находится в абсолютном равновесии, потому что только в таком состоянии можно управлять этой непостижимой силой.

А тогда был неправ Ллер, считая силу мага мертвой. Видимо, мицар мицару тоже рознь. И предыдущий владел магией смерти и на самом деле уничтожил в себе все эмоции, так как все, к чему прикасается эта сила – умирает. В том числе и сам ее носитель. А я тогда лишь уничтожила его тело, вместилище страшной магии, угрожающей этому миру.

Сейчас же все обстояло иначе. И это давало мне надежду, которая с каждым мгновением все больше росла и крепла: Роже не убил в себе чувства, он просто... отказался считать их своими. Это конечная стадия просветления, к которой стремятся йогины в медитации. Можно сказать, это и есть нирвана, как ни странно.

А это значит... у меня есть шанс расшевелить этот вросший в землю маятник, возродить его, и сызнова запустить течение времени, мысли, нормальных чувств живого существа. А то, что он, возможно, больше не сможет исполнять обязанности мицара... лично нас уже не будет касаться.

Так что с заходом солнышек я уже набросала примерный план поведения с мужчиной своей мечты и с нетерпением ждала концерта, чтобы приступить к первой его части. Для этой цели я выкопала из сундука шикарное вечернее платье, состоящее из, как минимум, десятка слоев прозрачной ткани, пришитой к основе на разных уровнях. В танце подобная роскошь будет смотреться просто сногшибательно.

Настя зашла за мной, под мышкой она несла продолговатую шкатулочку. Я узнала, что девушка играет на флейте, и пропала она из мира в то время, когда как раз направлялась на репетицию. Узнав, что я собираюсь танцевать, девушка обрадовалась и побежала к Вике рассказать новость. В итоге с нами пошла и Вика, которой вдруг стало любопытно посмотреть, как я буду выступать: девушка наверняка вынесла из нашего спора с Роже много любопытного для себя и теперь хотела убедиться в этом. Я не могла обмануть ее ожидания. Хищная улыбка тронула мои губы: посмотрим, сколько продержится твое хваленое равновесие, любимый!

Концертным залом служило как раз то же помещение, где мы днем брали с Настей еду. Теперь здесь не осталось ничего лишнего, а огромный широкий каменный стол, должно быть, служил сценой, судя по тому, что вокруг него на многочисленные подушечки и низенькие пуфики рассаживались девушки. Да, анахи все же старались сделать жизнь затворниц как можно комфортнее. Вперед вышла скромная девушка в одежде стиля хиппи, волосы были перевязаны тесемкой, сплетенной из деревянных бусинок:

– Вот, – она поставила на стол небольшой музыкальный центр странной конструкции. – Заряжен на полную – сегодня весь день на окне стоял, заряжался от солнц. Но вы знаете, что там за диск... Может, кому пригодится.

– Что это? – спросила я захихикавшую Настю.

– А, – прошептала мне девушка на ухо, – это наша природница, хиппи вроде. Она все время лекции читает, как сохранить природу, как правильно использовать природные ресурсы, как уменьшить вред земле. И при этом ей все равно, что мы уже давно черт знает где, и что здесь и в помине нет дымящих фабрик и токсичных отходов. А плеер этот сконструировал ее брат, он в единственном экземпляре был на земле... теперь, конечно, он в единственном экземпляре здесь, в этом мире...

- В Кеприи, - поддакнула я.

Девушка воззрилась на меня с удивлением, я вздохнула: похоже, тут никто не занимался образованием наложниц о мире, в который их занесла нелегкая... магия мицара.

- Так вот, - вновь вернулась к рассказу Настя. - Штука заряжается от солнца, там вроде солнечные батареи, поэтому до сих пор работает. Вообще-то многие девушки имеют различные мелкие приборчики, но большинство давно перестали работать - кончились батарейки. Точнее, все, кроме этой махины. А так как все давно используют цифровые плееры, а здесь нужны именно диски, то приходится слушать то, что есть. А у Фрейи только симфоническая музыка, которая звучит на фоне звуков природы. Под такую особо не потанцуешь...

Я усмехнулась: именно подобную сложную для постановок музыку я любила брать в последнее время. И ставила под нее танцы, полные казалось несовместимых движений из самых разных танцевальных направлений и стилей. И именно эту дикую смесь так любили заказывать интеллектуалы, которые уже давно «накушались» ширпотребом.

Концерт начался. Сперва выступила Дина, та смуглянка в шортах. Оказалось, девушка неплохо поет. Так хорошо, что даже совсем не требовался аккомпанемент. Дина умудрялась голосом выводить такие трели, что у меня захватывало дух: всегда завидовала людям, которым дано голосом переворачивать людские души. Я же пела так, что сворачивались в основном уши слушателей.

Потом выступила Настя: флейта девушки выводила мелодичные трели, словно рассказывала сказку о дивных эльфах и кокетливых феях, о летящих над прекрасной землей белоснежных единорогах и волшебных цветах, роняющих золотую пыльцу под копытами волшебных животных... Когда музыка замолчала, я обнаружила, что взор мой затуманен, а глаза полны слез. Музыка затронула глубокие струны души, которые играли внутри в унисон с одаренной девушкой Настей.

Я поднялась: не знаю, как тут принято и расписано ли, кто за кем выступает, мне все равно. Сейчас именно то настроение, чтобы попробовать потанцевать со стихиями, попробовать вовлечь их в круговорот своих желаний, чтобы построить нечто, что привлечет внимание холодного мицара. Забираясь на импровизированную сцену, я щелкнула клавишей плеера: по залу под редкие смешки девиц разлились трели лесных птиц и шум ручья, сквозь которые вторым планом звучала вечная лунная соната. То, что нужно! Девушек я, конечно, понимаю, наверное, они эту музыку давно могут сами спеть, да не просто так, а на разные голоса, словно кавказский хор. Но сейчас они увидят эту композицию в новом свете.

Я встала точно в центр стола и закрыла глаза, подчиняясь музыке: тело плавно раскачивалось, ловя нужный темп. Ну хорошо, я поняла: не все стихии подчиняются мне. А что, если и не нужно подчинять себе природу? Что, если эта серьезная девушка, над которой все смеются, права: надо попробовать жить в мире с теми стихиями, что существуют вокруг нас?

Я просто позову их, если захотят - придут поучаствовать в моем танце, поиграть с Мастером в магию. Поворот, проходка... Построить такие структуры, которых еще не было в этом мире. Гранд батман, партер, стойка - фиксация... Я открыла глаза, чтобы увидеть, как прямо из каменного стола в разные стороны ползут зеленые змеи гигантских усов неизведанных растений: они забираются на стены, мгновенно оплетая их сетями листьев. Посреди всего этого зеленого царства, прямо из-под моих ног, вырастает розовый бутон: я поднимаюсь все выше, танцуя на его вершине. И с каждым движением он все больше раскрывается, расправляет свои нежные лепестки, расточая вокруг неземной аромат.

Девушки застыли в восторге, боясь даже вздохнуть лишний раз, чтобы не спугнуть это великолепие. Глаза их сияли восторгом от соприкосновения с рождением чуда.

Я весело засмеялась и взмахнула шелком длинных распущенных волос: миг, и цветок взорвался, создав из каждого лепесточка восхитительной красоты бабочку размером с голубя. Все это великолепие порхало в огромной зале, переливалось яркими красками, радовало глаз и душу.

Я плавно опустилась на стол и послала зрителям поцелуй, сверкнувший ночной звездочкой. Как раз в этот момент в зале появился мицар с двумя ищейками: я сразу узнала сопровождающих его анахов без плащей. Те держали наготове свои спиралевидные клинки, видимо, готовясь к атаке.

Мицар посмотрел мне в глаза и взмахнул руками: бабочки опали сухими листьями, скукожились и рассыпались в прах, зелень на стенах пожухла. Девчонки завизжали и бросились в разные стороны. Я же осталась спокойно стоять на сцене:

- Ну и что за спектакль? - насмешливо спросила я Роже.

- Странно, - мицар прошелся по зале, глянул на жавшихся в испуге по углам девчонок, - ты вроде не пыталась убежать...

- И не думала, - я с сарказмом фыркнула на ледяное спокойствие мицара: первый раунд за мной!

- Зачем же ты использовала стихи? - настороженно уточнил он.

Так-то милый, ты еще и нервный тик получишь вдобавок к возросшей подозрительности.

- Просто так, - я пожала плечами. - Ты запретил убегать, но просто танцевать не запрещал. Да и девочек захотелось порадовать, а тут пришел страшный Бармалей и напугал маленьких детей... и цветы все потоптал. Бабочки-то тебе что сделали?

Роже еще раз внимательно осмотрел помещение, но так как ни подкопа, ни дырок в стенах не увидел, то пришлось произнести:

- Извините, что помешал представлению, - вполне вежливо сказал он девочкам, потом кивнул магам - те исчезли, и обратился ко мне: - Пойдем со мной, Мел, надо поговорить.

Я чуть не взвыла от восторга, поскольку и не рассчитывала на такую скорую победу, думая, что придется еще парочку выходов сотворить.

Роже подошел ко мне и обнял: я, конечно, знала, что сейчас просто последует перемещение, но все равно задрожала в объятиях любимого. Ну что за предательская реакция организма! Еще недавно готова была ему нож между лопаток воткнуть, а стоило приблизиться, так все: сердечко стучит, в голове шумит, губы пронзает миллион маленьких молний.

Мы оказались в той же комнате, что встретила меня после пленения: теперь здесь снова было чисто, стекла сверкали, ковер манил мягкостью... Но я постаралась не отвлекаться: что хочет мне поведать великий мицар?

- Чего ты добиваешься, Мел? - напрямую спросил Роже. - Только не надо больше спектаклей: ты прекрасно знаешь о собственной силе, чтобы просто так тратить ее стихи на увеселение толпы.

Блин, огорчилась я, как же быстро он меня раскусил.

- Ты встревожен тем, что я на этот раз нащупала правильное взаимодействие со стихиями? - ехидно спросила я. - Так ты сам подсказал. А там дело логики: раз не все получается подчинить, то с оставшимися можно договориться.

- Честно говоря, не думал, что ты так быстро поймешь это, - покачал головой мицар. - Так что тебе нужно?

- Не так уж много, - задумчиво ответила я. - Всего лишь нормальная жизнь, без измывательств.

- А кто над тобой измывается? - уточнил Роже.

И он еще спрашивает! От возмущения у меня перехватило дыхание: ну ладно, я тебе все скажу.

- Да только ты и измываешься! - гневно воскликнула я.

Кажется, я все-таки чуть качнула маятник: на лице мицара отразилось почти удивление.

- Объясни, - попросил он.

- Ты обидел меня своей холодностью. После той ночи ушел, сказав, что только хотел проверить, есть ли еще боль, - через силу буркнула я: оказалось, говорить то, что действительно чувствуешь, гораздо сложнее, чем просто проглотить обиду. - Мне кажется, ты используешь мое тело, чтобы заставить страдать душу, ласки твои холодны, лишены любви.

- Я дал тебе то, что ты хотела, - пожал плечами Роже. - Твое тело просто светилось желанием, я его удовлетворил. А приходил я на самом деле, чтобы проверить, остались ли у меня еще чувства, способна ли нарушить равновесие та, из-за которой я так сильно страдал.

Простые слова, а сердце сжалось от сочувствия к любимому. Нет, это еще не все его пакости, а я уже готова простить Роже все на свете за то, что он признался, что сильно страдал из-за меня.

- Ты отправил меня в свой гарем, чтобы заставить ревновать, - снова обвинила я анаха.

- Ты сказала Харелию, что скучаешь, что тебе не с кем поговорить, - снова пожал плечами маг. - Я лишь дал тебе возможность общения с теми, кто наполняет твой мир, с привычными для тебя существами, полагая, что у вас больше тем для разговоров.

Это что же получается: он просто заботился обо мне, а я все равно тупо обижаюсь и обвиняю мужчину своей жизни во всех смертных грехах?

- Ты унижил меня, - почти простонала я, - когда я хотела улететь, воспользовавшись стихиями.

- Я хотел, чтобы ты поняла, что ими не пользоваться надо, а сотрудничать с древними силами, - покачал головой анах: видимо, уже плечи устали от моих капризов. - А еще я просто не хотел, чтобы ты снова ушла.

Он так спокойно это сказал. Да пусть анах хоть льдом покрывается, все равно он любит меня, это чувство уже просто въелось в каждую молекулу. Так что отсутствие эмоций и состояние дзен не помеха: теперь я точно знала, что добьюсь своего.

По лицу катились слезы счастья: глаза любимого светились почти теплом. словно между нами не было тысячи сот страданий и ожидания, словно все было, как прежде...

- Роже, - нежно произнесла я, поскольку хотела утешить его, успокоить: ну куда я денусь от любимого? И еще сказать: все, что он считает правдой, на самом деле ложь. И что мы оба пострадали от нее. - Я не убегала с Ривиэлем, это все придумала Хен. Она...

- Это все уже давно не имеет значения, - резко прервал анах.

Волшебный миг был разрушен, все вернулось на круги своя: холодная магия мицара охватила пространство, выбивая дух ледяным спокойствием и лишая надежды всякое стремление души.

И он исчез, оставив меня в пустой комнате.

- Ну вот, - рывкнула я. - Опять сбежал. Ни тебе здрасте, ни до свидания. Мол, сиди здесь, и не гавкай!

Я раздраженно передернула плечами и плюхнулась на ковер. Уткнув голову в колени, горько зарыдала. Рядом раздалось деликатное покашливание.

- Кто еще там? - ворчливо спросила, не поднимая головы: зареванная, с красным носом, я сейчас представляла не самое приятное зрелище.

А то, что плохо мне, еще не повод доводить до сердечного приступа окружающих.

- Тебе что-нибудь нужно? - осторожно спросил молодой мужской голос: я узнала анаха, у которого выбила поднос из рук.

Улыбнувшись в колени, отозвалась:

- Спасибо, Харелий, пока ничего. Нет, постой, - мне в голову пришла мысль, как немного поднять настроение. - А можно сюда привести Настю с флейтой?

- Настю можно, - с сомнением в голосе ответил анах. - А вот жены с именем Флейта у мицара нет...

Рассмеявшись, я в бессилии опустилась на мягкий пол. Через минуту под стеклянным куполом сидели мы с Настей вдвоем: я попросила девушку немного поиграть для меня. Подруга с радостью согласилась.

Я сидела в темноте ночи, обхватив руками колени и положив на них подбородок. Слушая волшебные звуки флейты, извлекаемые очаровательной и доброй девушкой, смотрела на мерцание звезд. По щекам текли слезы, но на сердце было спокойно и тепло. Потому что это не грусть, а просто очищение души.

Проснувшись посреди ночи, я поняла, что Настя убаюкала меня своим искусством. Девушки в комнате не было: видимо, Харелий отвел ее обратно. Но зато напротив сидел мицар. Роже смотрел на меня: янтарные глаза анаха слегка фосфоресцировали в темноте, создавая иллюзию, что в комнате нет живых существ, а есть только эти немигающие глаза.

- Давно ты здесь? - деревянным голосом спросила: после нашего разговора я надеялась, что не увижу мага долго, поскольку надо было переварить услышанное.

Мицар не ответил, даже не шевельнулся. Может, он спит с открытыми глазами? Я же толком не знаю: они то мертвые, то раненые, то активно передвигающиеся... честно говоря, вообще удивительно, что анахи могут спать. Едят раз в неделю, может, и спят раз в месяц.

- Ты жив, чудо? - я помахала рукой перед раскрытыми глазами Роже.

- Жив, - тихо ответил он: я вздрогнула от звука его хриплого голоса.

- А что сидишь и смотришь? - подозрительно уточнила я. - Загипнотизировать меня хочешь?

- Просто хочу, - спокойно откликнулся Роже. - Но после нашего разговора я не так уверен, что хочешь ты.

- Эх, - я расплылась в довольной улыбке, - если бы я сама это знала, жила бы в тысячу раз спокойнее и счастливее. Мне есть не давай, дай помучиться в размышлениях, чего это я хочу... и хочу ли я чего? Но твой курс верный, действуй в том же фарватере... особенно мне понравилось то, что ты дождался, пока я разрешу. Но в следующий раз заранее позволяю не дожидаться. А то вдруг не проснусь ночью, что теперь, так и остаться без сладкого?

- Слишком много говоришь, - только и ответил Роже, запечатывая мне рот поцелуем для верности: правильно, это хороший, а главное, приятный способ заставить меня заткнуться.

Глава 17

Утро встретило уже привычной щекоткой наглых лучиков ярких оранжевых солнышек. Я, даже пискнув от восторга, сладостно потянулась и рассмеялась от хорошего настроения, охватившего весь мой стихийный организм.

- Доброе утро, - прозвучало позади.

Внутри забурлило от счастья: Роже остался со мной на всю ночь, чтобы пожелать доброго утра! Я развернулась, чтобы броситься анаху на шею, и счастливая улыбка сползла с моего сияющего лица. Позади стоял Харелий с подозрительно отвисшей челюстью.

Позор мне и пепел на голову: перепутать голос любимого... хотя, так как мицар говорит сейчас, подделать нетрудно: у анаха должно быть настроение: «что воля, что неволя, все равно», в простонародье называемое состоянием глубокого пофигизма, в эзотерических кругах - полный дзен.

Пока вся эта чушь проносилась в голове, я приветливо смотрела на анаха, хватающего воздух, как рыба, которую мало того, что на сушу вытащили, так еще и червяка отобрали. В конце концов, до меня дошло, что так подействовало на Харелия... платье же вот оно, в стороне валяется кучкой поблескивающих тряпок: я вчера так обрадовалась Роже, что сама помогала его укоренившейся привычке разодрать мою одежду.

- Ой, - я скукожилась, пытаюсь закрыться, хоть и понимала, что уже поздно: все, что только можно, анах уже разглядел за это время. - Хоть бы отвернулся, видишь, что девушка не в себе...

- Что-нибудь нужно? - привычно пробормотал Харелий, даже не думая отворачиваться.

- Ящик одежды, - буркнула я. - И какой-нибудь колокольчик, который будет звонить перед твоим появлением.

Анах пригорюнился и исчез: правильно, больше таких пикантных сцен ему не обломится. И вообще, что за мода, мужиков приставлять к гарему. Надо Роже посетовать: как бы чего не приключилось... с мужиком-то.

Через некоторое время в комнате появился ящик, а в воздухе завис изящный колокольчик, который сразу же издал мелодичный звук.

- Нельзя! - крикнула я, роясь в сундуке.

- Что нельзя? - удивленно уточнил Харелий.

Я запустила в анаха какой-то туфлей, попавшейся в это время под руку:

- Колокольчик должен звонить перед твоим появлением, а не вместе с ним!

Анах ловко увернулся от туфли и, подозрительно довольно сверкнув оранжевыми глазами, вкрадчивым тоном спросил:

- Что-нибудь нужно?

Расхохотавшись, я пригрозила магу пальцем и запустила вторую туфлю. Тот исчез прежде, чем она достигла цели.

- Вот нахал! - восхищенно пробормотала я, выживая из сундука коротенькое платьице веселой расцветки: на бирюзовом фоне ярко полыхали алые языки пламени, словно жующие узкие полоски цвета морской волны.

Как всегда, платье оказалось впору: как все-таки удобно, что все белки в этом мире - почти мои двойники.

Прозвенел колокольчик.

- Войдите, - отозвалась я, стягивая волосы в хвост.

- Правда, можно? - уточнил Харелий, поставив на пол еще один сундук.

- Правда-правда, - хихикнула я и любопытствовала: - Что там?

- Туфли, - торжественно объявил анах и подмигнул.

Я растерянно моргнула:

- Ты что, со мной заигрывать пытаешься? Вот ненормальный: под самым носом у мицара... Не боишься, что он тебе уши отрежет?

- Не отрежет, - уверенно ответил анах. - Скорее, сразу голову. Но я почему-то не боюсь.

- Ну и глупый мальчик, - фыркнула я, потом жалобно протянула: - Там вон целый гарем без внимания мицара пропадает, а ты на меня клюнул...

- Они словно твои неумелые копии, - с глубокой печалью в глазах заметил парень: когда же он успел влюбиться-то?

- Ну что, тебе так рано жить надоело? - простила я. Потом нахмурилась, преувеличенно грозно посмотрев на анаха. - И почему это ты решил, что я предпочту тебя грозному, богатому, сильнейшему магу мицару? Что ты мне можешь дать, чего не даст он?

- Свободу, - просто ответил вихрастый анах.

Я с сомнением оглядела паренька, а в голове родился план. Если вызвать сюда Ривизэля, чтобы он сам рассказал Роже правду? Судя по тому, что в мицаре стали изредка проклевываться нормальные реакции, можно предположить, что шоковая терапия подействует сильнее. Правда, для этого нужно вырваться отсюда: мицар не даст мне применить свои силы. Конечно, мальчика использовать не очень красиво, но тот сам добровольно полез на рожон, никто его не просил. Немного посомневавшись, я осторожно уточнила:

- Интересно, а как ты собираешься меня отсюда вытащить? Использовать магию я не могу - мицар это сразу чувствует. Да и не получится в этом помещении...

- Но я-то могу и входить, и выходить из него, - ухмыльнулся анах.

- Входит и выходит, замечательно выходит, - расхохоталась я. - Ну и что из этого?

- А то, что при этом я могу проносить различные нужные тебе вещи, и выносить ненужные, - парень заговорщически подмигнул. - А эти добротные сундуки...

- словно созданы для того, чтобы воровать в них дамочек из гарема, - снова рассмеялась я. - Вот пострел, все продумал! Так, мицар, как добропорядочное привидение, всегда приходит только по ночам, значит, сейчас самое время меня воровать.

- Прямо сейчас? - чему-то ужаснулся Харелий.

- А чего тянуть? - удивилась я. - Знаешь, если долго и терпеливо ждать, так ничего и не произойдет!

- Да ничего, - глаза анаха беспокойно забегали. - Просто надо собрать продукты, вещи... для тебя.

- Да ничего мне не надо, - отмахнулась я. - Я не кам, чтобы лопать беспрестанно, так что расслабься и воруй сейчас же, если, конечно, это все не шутка. А то гляди, через пару унов я и передумать могу!

Угроза подействовала: анах бросился к ящику и вывалил из него все содержимое. Пригластительным жестом указал мне на пустой сундук. Я же все еще немного сомневалась: мицар будет просто в ярости - сбежать с анахом, да еще после того, как он признался, что не хочет, чтобы я его снова покинула... Короче, если не получится, на стене спальни мицара будет красоваться не только чучело с головой Харелия, но и выделанная шкурка маленькой белочки.

Но, в конце концов, я же хотела устроить Роже шоковую терапию. А побег как раз будет первой ее частью. Обреченно вздохнув, я залезла в сундук. Сверху с похоронным стуком захлопнулась крышка. Я сдавленно хихикнула: ну вот, мне предоставляется прекрасная возможность проверить, есть ли у меня клаустрофобия.

Сундук трясся, прыгал, брякался обо что-то, снова трясся. Я сидела внутри тихо, как мышь, постоянно твердя себе, что поступаю правильно. Страх холодной рукой сжал сердечко: то, что сейчас делает для меня Харелий, мицар считает предательством. И в принципе, конечно, правильно считает. Но мне еще предстоит закончить цепочку дурных поступков, предав самого Харелия. Я вообще не понимала, на что рассчитывает паренек: от мицара далеко не убежишь, рано или поздно все равно придется отвечать за поступок по всей строгости законов анахов. И тщетно убеждала себя, что это не мое дело.

Конечно, совесть чиста только у тех, кто ею не пользуется совсем. Моя же меня совсем загрызла, пока я сидела в сундуке, ожидая, удастся Харелию выскользнуть из Лив'утвао или нет.

Наконец снаружи все стихло, но я не решалась как-нибудь себя обнаружить, поэтому все еще

сидела тихо, стараясь даже дышать через раз. Прошло достаточно долгое время, но ничего не происходило. Не в силах дальше мучиться неизвестностью, я осторожно выглянула из сундука, чуть приподняв крышку.

Первое, что я увидела, были широко распахнутые мертвые глаза анаха. Вздвогнув, откинула крышку: какая теперь разница. Парень, конечно, знал, на что идет, но такого скорого возмездия я не ожидала.

Сглотнув, заставила себя отвести глаза от трупа, раскинувшегося на пустой земле в неестественно выгнутой позе. Осторожно осмотревшись, я поняла, что нахожусь в лесу: багровые листья приветствовали шелестом оваций, скрывая от вездесущих солнышек.

Рядом с сундуком я увидела темную линию на земле, словно посыпанную пеплом. Аккуратно обогнув ящик, проследила, куда она ведет: линия продолжалась в обе стороны и проходила ровно под холодным телом анаха. Видимо, это какая-то защита, через которую не смог пройти беглец. Странно, что эта магия не затронула меня. Оповещает ли линия мицара о происшествии?

Я решила не испытывать судьбу: быстро оттащила пустой сундук в кусты, дополнительно прикрыв старыми ветками, а сама залезла на ближайшее дерево и затаилась. Как раз вовремя: со стороны горных пик уже стремительно приближались три вихря. Ба, да это все знакомые мне ищейки!

Прижавшись к ветке, я прошептала ветру просьбу скрыть от посторонних глаз. Очень надеюсь, что ищейки меня сейчас не ощутят, ждала их приближения. Бежать смысла не было, все равно догонят. А вот затаиться – это хоть малый, но шанс. И возможность проследить, что они решат делать с телом Харелия.

Вихри становились все ближе с каждой секундой. И уже совсем близко они вдруг зависли, издавая глухое гудение, словно высоковольтные провода. Анахи спустились на землю и подошли к трупу. Они долго спорили, размахивая руками, один все рвался лететь дальше, видимо, считая, что анах был не один: умный, гад. Остальные двое были против, считая погоню бессмысленной затеей. Победило мнение большинства: анахи забрали труп, взгромоздились на своих чудовищных коней и отбыли восвояси.

Я же, загрустив, откинулась спиной к стволу дерева: ну вот, еще одна жертва по моей вине. Сколько их еще будет, и стоят ли их жизни той цели, которой я добиваюсь? Конечно, если верить дзетам Марвии, мир в опасности, и опасность эта исходит от мицара. А если я верну Роже чувства, то он, возможно, сможет предотвратить беду или просто перестанет быть этим опасным для мира существом.

Да, нужно обязательно попробовать притащить в мир Ривизеля, так как я даже и не подозревала, как притащить саму лгунью Хен. Если честно, то я совершенно не предполагала, ни как белобрысого цвака переместить, ни где он находится в данный момент, ни с какого края вообще к этому делу приступать. Но что-то делать надо было, так что я сползла с дерева и потопала вперед: когда не знаешь, что делать, делай все, что придет в голову, а там, может, наткнешься на правильное решение... Конечно, не самый разумный девиз, но он не раз спасал меня из, казалось, абсолютно безвыходных ситуаций.

Воспользоваться стихиями я не рискнула, так как боялась, что и слабый порыв ветра, тщательно прикрывающего меня от ищеек, сможет вызвать подозрения мицара. Роже как-то умудрялся узнавать, что я обращаюсь к силе. Возможно, это магия мицара. И лишь Ллер мог прикрывать меня от его вездесущего ока.

Однажды, когда я, забыв об осторожности, создала вихрь, даже магия цвака не смогла укрыть меня от мицара, но в других ситуациях он всегда справлялся. Роже не подозревал до моего выступления перед его светлыми очами в зеленой занавеске, что за силы мне покорились. И я сама все подробно показала анаху, но сейчас это уже не имело значения: я поняла главное. Покорять стихии не нужно, даже противопоказано. Плененная сила уже наполовину перестает существовать. И пока я буду считать силу своей, она будет медленно таять. Или не совсем медленно. В любом случае, это ложный путь – пытаться сразу завладеть всем, что тебе не принадлежит, это может лишить всего того, что находится в твоём распоряжении.

И сперва мне нужно освободить те силы, которые я удерживала с помощью магии музыки сфер. Это еще одна дилемма: что за магия мне открылась и как ею пользоваться предстояло выяснить, увы, опытным путем. Увы, потому что первый блин оказался комом – я неправильно использовала эту силу. Рискну лишь предположить, что музыка сфер помогает мне достичь желаемого, несмотря на обстоятельства.

Но даже это я рискну проверить лишь под прикрытием магии цвака. А значит, нужно сперва добраться до Ллера. Куда мог отправиться цвак, когда я его оставила там, на утлой лодчонке морнеев? Может, он вернулся за братьями? А может, возвратился к Марвии? Так как других идей у

меня не возникло, я решила отправиться на острова. К тому же две цели были практически рядом: острова морнеев соседствовали с вотчиной старой ведьмы.

Оставалось выяснить, в какой стороне находятся эти острова, и как туда добраться, поскольку я понятия не имела, где нахожусь в данный момент. Отвлекаясь от размышлений, обнаружила, что двигаюсь вдоль темной сторожевой линии навстречу поднимающимся солнышкам: тело само решило за меня, в какую сторону направляться. Вдоль линии, поскольку это уже ориентир, а навстречу солнышкам... да просто так веселее, чувствуешь себя не так одиноко.

Над головой метались и громко перекивались вездесущие ванаги, сопровождая меня. Я нахмурилась: птахи могли выдать мое местоположение возможным часовым. Я же не очень представляю, как устроена охранная система у анахов. Остановившись, я пыталась прогнать птиц, швыряя в них палки: птахи расшумелись еще громче, довольно резво уворачиваясь от импровизированных снарядов.

- Ой, белка, - изумленно пророкотал возникший словно ниоткуда валл. - Ты с моими крошками играть...

Я испуганно отступила, выставив перед собой кривую сучковатую палку, которую уже собиралась запустить в наглых ванаг, маниакально кружащих над головой.

- Не бойся, - отмахнулся валл, присвистнув птахам: ванаги вмиг разлетелись по своим птичьим делам. - Не трону. Валлы не едят белок.

- Знаю, - я все еще подозрительно косилась на существо: интересно, анахи используют валлов, в избытке шныряющих по лесам, в качестве сторожей или доносчиков? - А валлы говорят анахам, что видели белок?

Громила нахмурился. А я вдруг поняла, что меня так беспокоит в существе: давно взрослый, скорее, пожилой, валл не носил штанов. Даже старых полотняных шорт не было на волосатике.

- Ты сбежала, - утвердительно кивнул валл. - Но почему? Мод видел цваков? Цваки убивать белок. Белка оставаться у Мода! Я защищать тебя!

Мохнатик даже стукнул себя в волосатую грудь для убедительности. Я с сомнением посмотрела на чудище: вот уж чего не входило в мои планы, так это прятаться у старого валла.

- Спасибо, конечно, - растерянно хмыкнула я. - Но у вашего брата тоже не особо надежно. Я так полагаю, цваки прекрасно осведомлены о маниакальном стремлении валлов защищать слабых и затравленных. Судя по тем экземплярам, что встречались мне на пути, это верно: Дик прятал под крылышком поэтов, а Рад тоже постоянно стремился защитить Веру. Так что нормальные цваки деньги зарабатывают, сидя на островах, а кровожадные собратья рыскают по лесам, потроша белок, которых находят в жилищах валлов. Веселенькая картинка...

- Мод не понял, - растерянно моргнул мохнатик. - Белка не хочет?

Громила пригорюнился, а я, кажется, поняла его странный вид: видимо, мне достался не совсем нормальный вариант представителя славной расы валлов. То есть, он был и взрослым, и ребенком не перестал быть, посему и без штанов... попросту говоря, это был недоразвитый мужчина. Поэтому обращаться с ним надо, как с ребенком и стараться не обижать. Я тщательно подбирала слова:

- Мод хороший... белка не может... надо к морю! Поможешь? - я умоляюще сложила руки и скорчила жалостливую физиономию для пущей убедительности.

Валл приободрился и выставил грудь колесом, полный решимости: ну, хвала небу, к морю я попаду. К какой его части, неизвестно, но уже кое-что. А Мод добрый и безобидный, знает порядки в этом лесу, значит, все-таки с ним я буду в большей безопасности.

- Белка есть! - громила так расчувствовался, что достал из мешка, привязанного к поясу, кусок чего-то, не поддающегося идентификации. Но судя по тошнотворному запаху, давно уже протухшего. - Мод кормить белку!

- Гав-гав, - отгрызнулась я, отодвигая щедрое угощение. - Зови меня Мел, ладно?

- Белку звать Мел! - счастливо захохотал на всю округу Мод: я поморщилась от такого звукового напора.

- К морю, - напомнила я, махая рукой перед носом моего спутника: для этого пришлось встать на цыпочки и вытянуться, словно кошка, во весь рост. - Пойдем уже, наконец!

- Идем, - радостно кивнул Мод и, схватив меня за руку, побежал вперед.

Еле успеваю передвигать ногами, я завизжала от страха и боли: кажется, еще немного, и чудовище мне руку оторвет...

Мод затормозил и с испугом воззрился на меня:

- Белка плохо? - встревоженно спросил он, ощупывая мое тело.

- Белка так быстро не бегают, - хихикнув, я отскочила: волосатые руки валла щекотали кожу. Проверив, на месте ли вытянутая рука, попросила мохнатика: - Давай, белка сядет тебе на плечи, а ты побежишь?

Валл расцвел: будь его воля, он бы мне премию какую присудил за столь замечательную мысль. Так как у добряка вполне бы хватило ума схватить меня и просто закинуть на плечо, я потянула мохнатика вниз, принуждая сесть: так я избежала участи принцессы, прокатившейся на Шреке. Вполне комфортно рассевшись на могучих плечах Моды, потянула его за чуб:

- Поехали!

Валл подорвался с места и со скоростью бешеного экспресса метнулся в заросли: я тут же пригнулась к самому загравку, стараясь не сбивать головой круглые шишки, в огромном количестве растущие на ветках. Вскоре привыкнув к скорости и наострившись ускользать от низкорастущих веток, я ощутила необыкновенный восторг, словно каталась на американских горках. Правда, руки задира не пыталась, всячески цепляясь за свое неординарное транспортное средство: волосы Моды были не так включены, чем у других представителей этой замечательной расы: такое ощущение, что его иногда тщательно расчесывали. Не успев додумать эту мысль, я кубарем покатила по земле, все-таки умудрившись навернуться с валла. Мохнатик просто резко остановился и припал к земле: я не удержалась при таком неожиданном кульбите.

Покувыркаясь, я распласталась на ровной поверхности земли, вся в гнилых щепках и старых листьях, уткнулась носом в носок кожаного сапога. Вздвигнув, я в панике поползла было назад, но была придавлена этим же сапогом в районе лопаток:

- Опаньки, кто тут у нас? - существо произнесло эту фразу с выражением человека, заметившего новый вид лягушек, пусть и мерзких, но необычайно редких. - Белки посреди леса летают!

- Низко пошла, может, к дождю? - вторил ему другой голос с не меньшей долей брезгливости.

Я осторожно приподняла голову и посмотрела вверх: передо мной стояли два цвака в странной одежде, третий практически стоял на мне, с садистским удовольствием прижимая к земле. Дождавшись придавленного хрипа, он довольно хмыкнул:

- Повезло нам сегодня! Еще одна гадина попалась!

Я в панике сглотнула: так это как раз те отморозки, что шныряют по миру, отлавливая землянок и методично уничтожая ни в чем не повинных девушек. Но наряду с этим нелюбезным чувством внутри росла злость, требующая справедливого возмездия. Да, раньше вы натыкались на беззащитных девчат, которые и так находились в страхе и растерянности от незнакомого мира, где неожиданно оказались. И убивали, смачно наслаждаясь предсмертными хрипами. Но сегодня судьба подбросила вам бомбу. Я даже не боялась за свою жизнь. Ярость, постепенно захватывающая разум, требовала кровавой мести. Требовала вынуть кишки цваков и засунуть им же в глотку. Требовала луж крови и мольбы о пощаде...

Я осеклась, настороженно прислушиваясь к себе: откуда столь не свойственная мне жадность до кровавых развлечений? Это еще один побочный эффект порабощения стихий. Отрезанные от внешнего мира, они словно гнили, отравляя мой организм. Я вздрогнула: надо скорее найти Ллера, как бы меня не переключило на злой части природы, которая живет в каждом живом существе, лишь иногда проявляя черные стороны.

Цвак удовлетворенно хмыкнул, приняв мою реакцию за страх перед ними, страх смерти. Интересно, долго они глумятся над жертвой, прежде чем убить? Лучше бы подольше, надо найти решение, при возможности не обращаясь к стихиям, ибо это могло обнаружить мое местоположение раньше времени. Говорить при этом они могли что угодно: меня давно уже не интересовали звуки, издаваемые врагами, поскольку реальные действия - это единственное, чего нужно опасаться.

Тем временем маг убрал ногу с моей спины и приподнял за шкуру, словно нашкодившего щенка:

- Любопытный экземпляр попался: от страха вся дрожит, а глаза просто горят от ненависти... Что, белка, мы уже успели насолить тебе? Судя по тому, что от нас еще никто не уходил, похоже, мы лишили жизни какую-нибудь тварь, которая была тебе близка? - лицо цвака перекосило от ненависти: сосуды стали совсем красными, сменив цвет лица с сиреневого на фиолетовый.

Я же просто рассматривала мужчину, отмечая отличия от нормальных, разумных, цваков: они не брили голов, давно лишившись своих экзотических ирокезов, видимо, наплевав на моду. А может, чтобы отличаться от своих не столь кроважанных собратьев. Спутанные лохмы неопределенного цвета оттеняли лица более красноватого оттенка. Я сперва приняла его за временный, возникший под воздействием эмоций, но нет, похоже, это нормальный цвет лиц мстителей, который они приобрели в камских лесах. Одежда была мятой и неопрятной, до моего обоняния доносился зловонный запах. Даже валлы пахли гораздо приятней. Да что там: даже в повозке рабов камов запах был более приемлем.

Тут меня осенило: так вот оно что! Цваки эти лишены части своей силы, вынуждены питаться чаще, чем их собратья, дабы обеспечить организм энергией. И, соответственно, выдают непереваренное содержимое все чаще. А вот следить за собой не стали, отсюда и столь плачевный результат. И белки тут скорее всего не при чем: цваки мстят миру за свое унижение, за то, что они лишены магии. А землянки просто так, под руку подвернулись, так как были похожи на существо из древней легенды, которое и послужило причиной переворота в мире.

Интересно, а цваки с островов тоже лишены силы? Я как-то не заметила сильных различий между молодым цваком, объегорившим меня, и теми экземплярами, что наблюдала прежде.

Лесной цвак разглядывал меня и при этом все мрачнел: взгляд мой был пуст, так как в данный момент времени меня занимали другие проблемы, да и дрожать я как-то быстро перестала. Разочарование сквозило во всем виде фиолетового: так, глядишь, и убивать передумает.

- Какая-то ты странная белка, - задумчиво протянул он, не обращая внимания на подзадоривающие возгласы товарищей. - Откуда ты здесь взялась?

Я и не думала отвечать, так как продолжала рассматривать цвака. И углядела самое главное: арбалетов всегдашних при них сейчас не было! То ли использование этого оружия требовало сил, у них сейчас не имеющих... либо просто не носили с собой. И первое казалось мне наиболее вероятным. А тонкие нучи, торчавшие за поясами, не представляли такой угрозы, как вездесущие стрелы.

Я кровожадно усмехнулась и в упор посмотрела на цвака: тот дрогнул, не ожидая такого наглого поведения от жертвы. Рука непроизвольно разжалась, и я брякнулась задницей на землю, не ожидая, что тот меня отпустит. Двое других подорвались с места, не понимая, что произошло с их товарищем. Я спокойно поднялась и постаралась отряхнуться, поправляя задравшийся подол короткого платица. Стянув распушившиеся волосы в привычный хвост, насмешливо смерила взглядом притихших цваков.

Да, ситуация для мальчиков необычная: жертва не орет, не писается от страха и не умоляет о пощаде. Должно быть, инстинкт самосохранения цваков шептал о возможной опасности, таившейся во всем неизвестном. Я же успокоилась окончательно: раз цваки магией не владели, то и сильно паниковать ни к чему. Нужно подготовиться к битве, так как появился шанс ее выиграть.

Фиолетовые тем временем достали нучи и потихоньку стали обходить меня, стараясь заключить в круг. Я лишь сосредоточилась и встала в стойку. К стихиям обращаться не имело смысла, изучаемое годами искусство поможет мне сегодня. Я представила себя на татами, в окружении друзей. Это было частой нашей забавой: нападать всем на одного. Тот, кто продержится дольше других, считался победителем и имел право воспользоваться душем первым. А так как в группе у нас человек по десять всегда ходит, расклад «трое на одного» уже не считался таким уж страшным. Правда, у друзей не было оружия в руках, ну максимум тренировочные палки.

Цвак, который прижимал меня к земле, напал первым. Легко избежав атаки, я продолжила движение руки противника, уткнув того носом в землю, и изящно отобрала ножичек. Теперь силы более усреднены, хотя я не очень любила пользоваться холодным оружием. Растянувшийся цвак мотал ушибленной головой, пытаюсь сообразить, что же произошло. Саркастически хмыкнув: цваки оказались глупы и не напали все сразу; я подзадорила врагов:

- Ну уж где вам со мной по одному справиться! Давайте сразу вдвоем.

Оставшиеся цваки с яростным рыком набросились на меня одновременно: ура! Они поддались на уловку. И теперь мне ничего не оставалось делать, как в последний момент быстро улизнуть с линии атаки...

Миг, и фиолетовые, хрипя и истекая вполне красной кровью, лежали на земле, проткнув друг друга нучами. Я же прижала к земле еще живого цвака, наступив между лопаток:

- Это вам, отморозки, за всех девиц, над которыми вы издевались, - прошипела я и, словно накрытая волной жестокой ярости, проткнула нучем череп фиолетового.

Лезвие вошло в кость, словно в мягкую землю, без признаков сопротивления холодному металлу.

Видимо, размягчение мозгов лесных цваков прошло успешно еще столетие назад.

Позади раздался хруст ветки: я мгновенно выдернула нуч из головы мертвого цвака, метнула кинжал в сторону звука: нуч вонзился в дерево, под которым свернулся Мод, поскуливая от ужаса.

- О, небо, - испуганно воскликнула я, подбегая к валлу, - я тебя не ранила?

- Белка страшная, - укоризненно прошептал Мод, все еще содрогаясь.

Я почувствовала себя отвратительно. Оглянувшись на окровавленные трупы, решила, что двигаться надо еще быстрее: плененные стихии постепенно завладевали мною, глуша все доводы разума и заставляя идти на поводу у не самых светлых чувств. Конечно, я понимала, что лесные цваки являлись опаснейшей угрозой. Но убивать их не было особой необходимости. Я вполне могла спокойно их разоружить и сбежать...

- Мод, не бойся меня, - жалобно попросила я валла. - Мне и так плохо...

- Белка смелая, - осторожно погладил мою руку Мод, заметив слезы, брызнувшие у меня из глаз, - цваки плохие, цваки убить много белок...

- Да, ты прав, я сохранила много жизней, которые они бы могли еще отнять, - прошептала я, с омерзением глядя на трупы: это послужило хорошим утешением.

Валл припал к земле и чуть шевельнул обрубок хвоста:

- Море! - радостно взвыл он, вполне оправившись от испуга и преданно заглядывая в глаза.

- К морю, - облегченно рассмеялась я, стараясь больше не смотреть в сторону, где проходила битва.

Вид мертвых тел цваков рождал в глубине души не совсем приятные воспоминания.

Я торопливо забралась на загривок валла и тут же вцепилась в густую шерсть, зная о нетерпеливости прыткого Мода. Тот, подтверждая мои представления, рванул вперед с оглушительной скоростью. Оглушительной, потому что я кроме свиста ветра ничего не слышала.

Больше искателей приключений и охотников на белок нам не встретилось, так что к морю мы добрались вполне быстро: была бы моя воля, передвигалась бы только на валлах. Прекрасные, чуткие, добрые и стремительные существа. Проникнувшись к валлам светлыми чувствами, я благодарно чмокнула Мода в нос и погладила шелковистую шерсть:

- Мода кто-нибудь причесывает? - уточнила я интересующий меня вопрос.

- Мама, - смущенно буркнул Мод и порывисто обнял меня: я сдавленно захрипела. - Прощай...

- И тебе всего хорошего, - проворчала я, потирая помятые ребра, когда это мохнатое чудо меня отпустило. - Привет маме.

Мод закрутился волчком вокруг меня, а потом сиганул обратно в лес с такой скоростью, словно за ним гнался отряд бешеных цваков.

Я вздохнула, грустно наблюдая за качнувшимися ветками и сбитыми шишками: вот и еще один симпатичный персонаж исчез из моей жизни. Пусть недалекого ума, зато у него большое доброе сердце. А впереди ждало море: оно бурлило в нетерпении, проявляя свои чувства сильным волнением. Компанию нетерпеливому океану составлял шквальный ветер. Но я не могла успокоить его, не могла воспользоваться стихией, похищенной у могучего океана, не могла выдать себя. Поэтому он злился все сильнее, грозя устроить целую бурю.

Что же я наделала? Почему вместо того, чтобы просто просить мир о чуде, желала заграбастать себе в свободное пользование все его чудеса? Что это: стремление к волшебству или банальная жажда власти? Если второе, то недалеко я ушла от мицара. Даже Роже поступал с миром гораздо лояльнее, он не подчинял его своим противоречивым эмоциям, как пыталась это сделать я.

Остолбнев, я прислушалась к закравшейся мысли: а что, если это меня нужно спасти? Что, если маятник чувств, раскачивающий подчиненные мне стихии, словно на дурацких качелях, и есть угроза этому миру? Что же случится, когда качели сделают свое первое «солнце», перевернувшись через перекладину?

В панике отменяя эти соображения, я направилась вдоль кромки моря, тщательно рассматривая берег: мне нужно строго придерживаться плана, а не метаться в поисках объяснений творящихся со мною вещей. Ведь многое из того, что живет внутри меня, просто уже отравлено взбешенными стихиями.

Ни лодчонки, ни бревнышка. Но в море выходить сейчас все равно нельзя, поскольку это будет равно самоубийству: волны просто разобьют утлое суденышко о песчаный берег. Острова, виднеющиеся в дымке зависших брызг, были мне незнакомы. Но, с другой стороны, я же помню берег островка цваков только со стороны моря. Острова же Марвии, кажется, вообще не запомнила, так как вел меня к ним Ллер.

Пока я брела по коричневому берегу, сплошь устланному багровыми кружевами водорослей, выкинутых океаном на песок, юркие солнышки уже засобирались на покой, наперегонки стремясь к мягкому горизонту, укутанному пушистыми облаками. Вскоре они скрылись в перистой массе серых перин, оставив меня в одиночестве. Звездочки еще не успели занять свои позиции на темнеющем небе, предоставив мир полной темноте.

Под ногами я уже не могла ничего разглядеть. И после пятого падения, запутавшись в сетке гнилых водорослей, решила переночевать. Берег все еще оставался пустынен, насколько это можно было разглядеть в ночи. Лес, темнеющий рядом с океаном, приглашал выбрать место для ночлега. Огонь разводить я не буду, дабы не привлекать нежданных гостей: на широкой кромке прибоя мой костер будет прекрасным ориентиром для ищеек, которых, я не сомневалась в этом, мицар уже направил по моему следу. Может, правда, не троих, а только одного оставшегося в живых. Поскольку дуэт, не послушавший голоса товарища, вернулся в Лив'утвао, не потрудившись проверить: а один ли изменник?

Осторожно ступая по лесу (к сожалению, я так и не осведомилась ни у кого, есть ли в здешних лесах хищники), я ощупывала деревья в поисках похожего на то, которое послужило мне пристанищем в прошлый раз. Уж больно удобные впадинки были на стволе, позволяя быстро забраться вверх и так же стремительно покинуть убежище при признаках опасности.

Вскоре, как раз при появлении первых звезд, я нащупала знакомую кору с впадинками и, облегченно вздохнув, не мешкая, забралась наверх. Обследовав временное жилище, поняла, что это деревце моложе, а значит, не столь удобное, как то. Но выбора не было, как и возможности сплести еще одно гнездо, надо устраиваться, как есть. Я развязала поясok и прикрепила его на толстую ветку, для страховки: вдруг ночью попытаюсь свалиться вниз.

Сама же разлеглась, опершись спиной на ствол и положив голову в небольшое углубление, такое же, как те, в которые я вставляла ноги, забираясь вверх. Было почти удобно, но заснуть в таком положении страшно: малейшее дуновение ветра, и я потеряю такое шаткое равновесие. Это же касалось моей силы: малейшая опасность, и ярость, бушующая где-то внутри, поднимается наружу. Что я могу натворить в этот момент – не знает никто. И даже мне самой становится страшно, когда я лишь только думаю об этом.

Ветер, ласкающий нежные листики крон багровых деревьев, пел тихую печальную песню тускло мерцающим звездам, убаюкивая своими мерными наплывами. Волны беспорядочно лизали песчаный берег и, словно не в силах добраться до дерева, ставшего мне прибежищем, уныло отползали назад, оставляя на коричнево-красном песке крупные хлопья склизких водорослей.

Слушая шепот стихий, я сама не заметила, как уснула.

Глава 18

Проснулась я резко, от стука. Первым делом вцепилась в спасительную тесемку страховки и поняла, что это не стук моего брэнного тела об землю, это уже радовало. Сон... что-то смутное, там вроде я нашла разгадку туманного гадания Марвии. Но обрывки сонного тумана, словно легкий дым из пальцев, ускользали из моей памяти.

Торопливо оглядевшись, я поняла источник мерного стука: на берегу кто-то старательно дубасил палкой утлое суденышко морнеев. Я так и не поняла: чинил он его или же наоборот, пытался разбить на тысячу маленьких щепок; но, тем не менее, быстро слезла с дерева и побежала к существу, намереваясь упасть к тому на хвост в любом случае.

- Простите, - обратилась я к заднице, возвышающейся над лодкой: вся верхняя часть скрылась внутри суденышка, возясь с чем-то, мне невидимым. - Вы не могли бы подвезти меня до островов морнеев?

- Вообще-то я тут один, - донеслось из лодки, - и у меня нет раздвоения личности...

Парень выпрямился, вытер лицо рукой и обернулся, широко улыбнувшись. Я застыла от неожиданности: да это знакомый мне молодой цвак с островов!

- Зато, по всему, имеются галлюцинации, - опешил в свою очередь цвак. - Та ли это белочка, что похитила мое бедное сердечко не так давно?

- Не знаю, сколько и чего там у тебя похитила стая белок, - ворчливо буркнула я, хмурясь, - но лично я ничего не крада!

- Точно, - парень пригляделся внимательнее, - это ты! Да это же судьбоносная встреча!

- Ага, - я немного отступила от экзальтированного цвака. - Одна такая судьбоносная уже была недавно со мной в лесу...

- В лесу? - тут же стал невероятно серьезным цвак. - Ты не пострадала? Куда они направились? Как тебе удалось улизнуть?

- Сколько вопросов, - усмехнулась я. - Давай по порядку: да, в лесу; нет, почти не пострадала; улизнуть не удалось... цвакам. Короче, если тебе так интересно, то можешь сходить, немного полюбоваться на их трупы.

Я еще никогда не видела лицо очень удивленного цвака. Даже с его собратьями в прошлый раз мне не удавалось проделать ничего такого, настолько вытянулось лицо парня. Кажется, он даже немного испугался:

- Трупы? - недоверчиво переспросил он. - Кто же на них напал? Валлы? Я слышал, они симпатизируют белкам, но чтобы так целенаправленно начать охоту на цваков, это по-моему слишком...

- Да нет, - отмахнулась я, улыбнувшись: вспомнила героическое поведение валла при нападении на нас цваков. - У них там свои разборки вышли... двое друг друга порезали... а третий так разнервничался, что проткнул себе черепушку!

Цвак слегка посинел и моргнул:

- Сам себе? - повторил он зачарованно. - Значит, это магия, кто-то их заморозил... Ты случайно не видела, кто?

- Случайно, нет, - отрезала я: похоже, цвак не верит, что слабая трусливая белка может укокошить троих здоровых цваков. Ну, что же, мне это на руку: пусть защитит бедненькую девушку: - Так ты отвезешь меня на острова?

- Теперь отвезу, - растерянно промолвил цвак. - Все равно кто-то сделал мою работу...

Тут он стряхнул оцепенение и широко улыбнулся:

- А где круглые от ужаса глаза и падение ниц перед страшным и ужасным цваком? - хитро прищурившись, спросил он.

- Ой, давай сегодня обойдемся без пантомимы? - жалобно попросила я.

- Давай, - с энтузиазмом кивнул фиолетовый, - сразу приступим ко второй части... а там, глядишь, и до третьей дойдет...

- Все равно ты меня убивать не собираешься, - искоса глянула я на наглого цвака. - Так что торги откладываются на неопределенный срок.

- Ух, какая ты умная стала, - хихикнул цвак, - даже завидки берут. Подскажи, где умишком-то разжилась, может, и я себе немного добавлю...

- Бесплезно, - я с преувеличенной жалостью посмотрела на парня, - тебя уже ничего не спасет.

- Но-но, - погрозил фиолетовый мне пальцем, - кажется, кто-то зарывается: а значит не хочет прокатиться на моей лодочке до островов. Маленькой белочке выгоднее вести себя с молодым и красивым цваком повежливее! Но пара поцелуев немного смягчит мой гнев...

- И не надейся, - хихикнула я, залезая в лодку, - аванса хватит! Это тебе за то, что пугал беззащитных девиц!

- Вылезай! - грозно гаркнул на меня цвак. - Никуда ты не поедешь!

Я с недоверием уставилась на фиолетового: при всей своей наглости парень он хороший, так что я не поверила в то, что он сможет кинуть одинокую девицу...

- Что смотришь? - уже мягче сказал цвак. - Вылазь-вылазь, лодка-то повреждена. Так что, раз не хочешь доставить мне удовольствие, будешь помогать. Тащи сюда куски глины вон из той ямки... да поживее.

Я тяжело вздохнула и полезла на берег с насиженного местечка. В принципе, такая плата меня устраивала больше, так что спорить бесполезно. Но, доплетясь до указанной ямки, я почти передумала: глина Кеприи оказалась на редкость неприятной мерзостью. В своем мире мне одно время доводилось работать в гончарной мастерской, так что нормальной глиной меня не испугать. Даже в смеси с землей она оставляла на руках приятное ощущение пластичности и тепла.

Эта же зеленоватая субстанция напоминала скорее непереваренные остатки пищи, извергнутые организмом при перепитии горючего пойла. И пахло так же. Я с омерзением отпрянула, зажимая нос пальцами под пристальным взглядом цвака. Ну нет, не доставлю я ему такого удовольствия! Больше наглый фиолетовый не поймает на свои сладкие речи, уж лучше эта гадость!

Сморщившись, как старый чернослив, я опустила руки в землю, стараясь подавить приступы тошноты: хвала небу, что я теперь питалась не так часто, как раньше, иначе бы давно оросила глину еще и своей рвотой.

Вынимая зеленоватую жижу, я буквально ощутила, что мое лицо приобрело такой же замечательный оттенок. И под пристальным взглядом ухмыляющегося цвака, понесла это месиво на вытянутых руках.

- Куда? - сквозь плотно сжатые зубы промолвила я, подходя к лодке.

Цвак кивнул на небольшое зеленоватое пятно на дне суденышка. Опустив массу в указанное место, я с немалым удивлением увидела, что глина чуть застыла, пока я ее несла. И даже запах повыветрился. А на дно лодки упала уже зеленовато-коричневая масса, приняв форму прорехи и быстро застывая. И хоть время работы с этим материалом было кратким, я пожалела тех существ, которые вынуждены делать многочисленные плитки для дорог, и поняла, почему круглые домики с такими наплывами: строители просто не успевали придать материалу нужную форму.

- А ты молодец, - с изрядной долей уважения проговорил растерянный цвак. - Вот уж никак не мог подумать, что белоручка пойдет на такое... лишь бы не целоваться со мною. Конечно, мне не понятна такая упертость, ладно бы урод какой или целоваться не умел... Ну да ладно: чужая душа - потемки.

- Ну что, теперь можем плыть? - спросила я, подозрительно покосившись на цвака: что он еще придумает? - Или нужно обработать дно слюною валла?

- Хорошая идея! - обрадовался цвак: я погрозила парню кулаком. - Но мне неизвестно, что этот неординарный материал способен увеличить скорость лодки. И вообще, я уже все починил, просто...

- Захотелось еще немного поиздеваться над белкою, - мрачно перебила я. - Видимо, у цваков это в крови: не порезвился, день прошел зазря.

- Ну ладно, подруга, прыгай в лодку, - отмахнулся цвак, широко улыбнувшись. - Поехали, красотка, кататься! Тоже хорошее развлечение, особенно, когда по океану такие волны гуляют. Доплывем до островов - уже будет чудо!

- Кстати, о чудесах, - осторожно протянула я, устраиваясь в суденышке и глядя, как побагровевший цвак толкает лодку в море: с ума сойти, он даже не попытался заставить меня ее толкать! - А цваки еще владеют силой?

- С чего вдруг такой интерес? - исподлобья зыркнул фиолетовый, пристраивая весла к бортам: в отличие от дубин морнеев, весла были почти похожи на человеческие. - Даже не так: откуда ты знаешь, что цваки вообще владели силой?

- Слухами земля полнится, - загадочно улыбнулась я. - Ну, скажи!

- Да покажи, да дай попробовать, - неопределенно усмехнулся парень. - Не лезь в такие дела, если не хочешь, чтобы укоротили твой хорошенький носик. Белкам положено трепетать и исполнять прихоти цваков, а не вести умные беседы, и уж точно не спрашивать про подобные вещи!

- А еще паранджу носить и тапочки приносить, - поддакнула я, фыркая.

- Хорошая идея, - поднял брови цвак, парой мощных гребков вынося суденышко в море: я судорожно вцепилась в борт. Конечно, волны и с берега смотрелись весьма устрашающе, а в открытом море они могли запугать до икоты. - А что такое паранджа? Нечто, что подчеркивает парочку округлостей? - и парень, подмигнув, указав взглядом на грудь.

- Скорее скрывает все подчистую от посторонних глаз, - слегка покраснела я, отворачиваясь от иронично-восторженного взгляда цвака: как он умудряется и с волнами справиться, и лодку вести в правильном направлении, да еще и меня закидывать страстными взглядами?

Воистину, уникам!

- Тоже нужная вещь, - со знающим видом покивал фиолетовый. - Нечего другим на мое добро пялиться... хотя, если скрывать, то как другие узнают, что у тебя за добро? Они же завидовать не смогут! Нет, я на это не согласен!

- Ну, хвала небесам, - облегченно вздохнула я, рассмеявшись. - Значит, твоей девушке повезет, и она не будет обливаться потом в этом чехле для танка.

- Ну так место еще не занято... - вкрадчиво сказал цвак.

Я лишь вздохнула: настырный тип, не хотела бы оказаться действительным объектом для вожделения фиолетового. Я чувствовала, что он просто не может пропустить очередную юбку, чтобы не потренироваться. А вот если бы ему на самом деле приспичило эту юркую белку, то она бы и в другом мире не спряталась от настойчивого парня.

- Тебя куда на острова? - уточнил цвак, не прерывая ни на секунду размеренного движения веслами. - К морнеям или на острова ведьмы?

- Так тебе известно про вотчину Марвии? - хохотнула я. - Наверняка уже не раз посещал эти благодатные места!

- Было дело, - с довольным видом, словно кот, схмятивший воблу хозяина, ответил цвак. - Девахи там высший класс!

Похоже, парень решил перевести меня в разряд подруг, раз не удалось сделать любовницей. Ну что ж, меня это устраивало больше.

- Скажи, тебе не встречался цвак по имени Ллер? - спросила я фиолетового. - Ой, то есть, Ллерекайен?

- Верховник? - даже присвистнул цвак. - А что, ему удалось выжить?

Я неопределенно пожала плечами: парень вновь посмотрел на меня более осмысленно, отбросив свою неумную гиперсексуальность. Так, значит, Ллер на островах цваков не появлялся. А братья Ривизеля?

- Может, на ваших островах появились потерпевшие кораблекрушение цваки? - понимая, что лишь усиливаю подозрения фиолетового, продолжала уточнять я. А как еще могу выяснить, где сейчас находится Ллер? И добавила, совсем потупившись под пристальным взглядом цвака. - Ну, двое таких, в плащах анахов...

- Странные ты вопросы задаешь, - с подозрением сказал цвак. - И вообще, ты странная, не похожа на других белок...

Парень всерьез задумался, а я уже не решалась снова задать вопрос, так как боялась повторения истории из знаменитой песни про Сеньку Разина. Как бы он не решил завершить дело, начатое

лесными цваками.

- А как тебя зовут? - кокетливо спросила я парня, пододвигаясь поближе: он все равно весла не бросит в такую-то погоду, так что я ничем не рисковала. - А то как-то мы неправильно начали наше знакомство...

- Прог'айян, - мрачно ответил цвак, не меняя выражения лица. - Ведьминские девчонки зовут меня Ян.

- Ян, - я постаралась улыбнуться как можно более обворожительно, - отвези меня к девочкам... ты, наверное, и сам не против еще раз посетить этот райский уголок... И как умудряешься справляться с такими волнами! Да ты просто чудесник.

Но все мое очарование разбивалось о глухую стену подозрительности фиолетового цвака. Видимо, я задала такие вопросы, на которые у него имелся совсем неоднозначный ответ. Что это значило: братья Ривизеля попали под подозрение в шпионаже? Или упоминание про анахов вообще портит цвакам настроение? Но в конце концов, это не так уж и важно, важно попасть к Марвии, она может указать, где искать Ллера.

Ян больше не проронил ни слова, все больше хмурясь при приближении к темным линиям островов. Кажется, он и сам сомневался, правильно ли поступает, но все равно направлялся к серповидному островку. Я, конечно, давно его узнала - Марвия прикупила здесь самое живописное местечко.

Не подходя близко к берегу, Ян приказал:

- Прыгай, дальше я не пойду. И так сильно задержался, наши волноваться будут... если не похоронили уже.

Он уже разворачивал лодку и, чтобы не плыть еще большее расстояние, я с визгом прыгнула в холодные воды океана. Плыть в таком волнении то еще удовольствие. Посмотреть назад, на цвака, не представлялось возможным. Мне вообще с трудом удавалось держаться на поверхности и не быть сметенной очередной волной.

Чтобы не разбиться в молекулы о каменный берег островка, мне пришлось прибегнуть к знаниям, которые я получила еще в детстве в клубе юных моряков: надо плыть к берегу не прямо, а наискосок, подныривая под волны, тогда есть возможность уцелеть.

Свою возможность я использовала по полной и, обессиленная и мокрая насквозь, с трудом выползла на каменный берег. Отползая на карачках подальше от кромки воды, я растянулась во весь рост в бессилии.

- А я-то думаю, зачем это опять Ян плывет к нашим берегам, - ехидно проговорила старуха, выходя из-за куста. - Аль, думаю, забыл, как я его встретила в последний раз... Хотя, лично я думала, такое не забывается. А он мне подарочек привез! Эх, придется парню в следующий раз фору дать, дабы отблагодарить за доброе дело.

- Ах, вот в чем дело? - слабо улыбнулась я. - А он нес про беспокойство своих... Все просто: грозная колдунья ему чуть хвост в узел не завязала, с тех пор и боится даже приблизиться к райскому острову...

- Хвост в узел? - удивленно протянула Марвия, строго качая головой. - Ай-ай, какая распушенная девочка стала. Хотя, надо взять на вооружение...

- Ой, - я схватилась за голову, заранее жалея всех окрестных мужиков, которые по моей вине теперь рисковали самым сокровенным.

- Хорошо, что ты вернулась, девочка, - тепло сказала Марвия, заключая в объятия: старая женщина с легкостью подняла меня и поставила на ноги. - Я уже вся извелась, гадая, где ты и что опять затеяла. Дзеты выдают нечто невразумительное. Они вообще словно свихнулись после нашего последнего гадания...

- Да? - несказанно огорчилась я. - А я хотела узнать у тебя, где искать Ллера...

- А зачем меня искать? - уточнил цвак, проявляясь передо мною прямо из воздуха. - Я сам тебя искал с тех пор, как учуял, что ищейки опять идут по твоему следу. Оставалось надеяться, что ты поступишь умно: не будешь пользоваться стихиями и направишься именно сюда.

- Она умная девочка, - Марвия улыбнулась, снова нежно обнимая меня: я преисполнилась благодарности этой женщине за всю ее любовь и заботу, придавив в себе червячок, утверждающий, что вся ее забота обо мне - липовая, что ей нужно лишь мир спасти.

Я позволила о себе позаботиться: провести в дом, переодеть, высушить и напоить горячим отваром из душистых трав. И лишь затем Марвия допустила Ллера до моего брэнного тела.

- Где тебя носило? - добродушно спросил цвак, присаживаясь на маленький мягкий диванчик, что стоял в холле ведьмы вместе со своими двойниками.

- Где меня только не носили, - вяло усмехнулась я. - И в Лив'утвао приносили, и в гарем мицара таскали, и из-под носа Роже стырили, и по лесам катали... Не жизнь, а сказка - все время провожу на руках и шеех у мужчин!

- Интересная жизнь, - понимающе кивнул цвак. - А теперь по порядку: что там у вас с мицаром и как завершился твой выход? Я тебя видел в последний раз как раз тогда, когда ты к нему отправилась с помощью ищейек. Особенно меня потряс твой живописный провал, который ты сыграла третьему ищейке. Они наверняка поверили, что победили...

Я кашлянула и, стараясь не краснеть, кивнула:

- Да вот так, собственно, я и оказалась в стеклянной комнате, практически темнице, компанию мне составляли только птицы... да один забавный мальчик. Потом мицар выяснил, что я не имею своей прежней силы, пользуясь силами четырех плененных стихий...

- Плененных? - удивленно переспросил Ллер. - Это как?

- А вот так, - мрачно буркнула я. - Я считала, что возвращаю расположение стихий, но моя магия, плюс музыка сфер, которая открыла передо мной новые возможности, так активно завлекла эти силы, что в итоге просто овладела ими, поработив. И осуждая завоевателей, я сама уподобилась им. Но этого мало: стихии, будучи запертыми... уж не знаю где, банально отравляют меня, сжигая изнутри. И я решилась бежать, чтобы попробовать снова, потому что в таком виде для мицара я не предоставляю ни малейшей опасности!

- А ты пыталась? - деловито осведомился цвак, вскакивая с места и присаживаясь рядом со мной.

- Пыталась, - угрюмо ответила я. - Ллер, он просто затушил все мои силы, словно костер под напором разлившейся весной реки. В мгновение я перестала быть Мастером, просто упав без сил. Это не та сила, что была со мною прежде, это псевдомогущество. И я очень хочу попытаться избавиться от него, пока стихии не выжгли меня изнутри полностью. Пока я спокойна, они бездействуют, но стоит проявить гнев, радость, любовь, или иную эмоцию, как они, словно тигры, получившие пищу, восстают, становятся буйными...

Я осеклась: страшная догадка пришла в голову.

- Ллер, - несчастным голосом произнесла я. - Кажется, я догадываюсь, что такое - быть мицаром. Это сила Мастера стихий наоборот. Легенда не говорит правды: эмоции не выжигаются в существе, осмелившемся стать мицаром. Он сам должен их усмирить, привести себя в совершенно нейтральное положение духа. И только так он сможет выжить, сможет управлять стихиями, не давая им ни малейшего повода для восстания, не давая им пищи, своих эмоций. Сейчас он может быть и рад проявить что-то, да не может: стихии сразу взбунтуются против него. Ведь он мне и сказал, что стихий гораздо больше, чем четыре. Он покорил их все! И теперь, если они все взбунтуются в нем, это просто может разорвать мицара.

Я потрясенно молчала, переваривая собственную догадку, Ллер мрачно хмурил брови, не произнося ни звука.

- Теперь я должна освободить их, - тихо сказала цваку. - И только освободившись, я пойму, как помочь любимому, как освободить его от этой обузы.

- Не думаю, что он считает это обузой, - печально покачал головой цвак. - Скорее всего, он сам пытался быть равным тебе по могуществу, поэтому и пошел на риск, став мицаром. К тому же, ему нечего было терять. А теперь есть чего... И сейчас рисковать он не будет, предпочитая все оставить как есть.

- Меня не устраивает «все оставить как есть», - упрямо буркнула я. - Жить с каменным изваянием, ища в линиях статуи знакомые черты, приятного мало. К тому же, первую часть плана мне придется претворить в жизнь, поскольку я не так уж дисциплинирована и запретить себе чувствовать не могу. А значит, мне, чтобы спечься, хватит и моих четырех стихий! Ллер, я не хочу, чтобы мицар узнал о моих опытах, скрой силы, как ты это делал прежде...

- Да я понял, - перебил меня маг. - И поставил защиту сразу же, как только узнал, что ты здесь. Но, пожалуйста, не используй магию без меня, мицар сразу может узнать твое местоположение. Хотя, лично мне кажется, как раз это для него не загадка. А вот зачем ты сбежала, его наверняка очень интересует, и только поэтому он все еще в Лив'утвао.

- А если я использую стихии, ты сможешь сдержать их? - с замирающим сердцем спросила я, так как сомневалась, что они не постараются сразу же завладеть моим телом.

И как я сама не почувяла разницу? Все-таки сказывается провал в пять лет. Танец со стихиями - это плетение кружев из вашего взаимодействия, а танец с использованием стихий - это попытка вплести в рисунок заклинания сами стихии. А кому понравится быть раскоряченным? И рано или поздно стихии восстанут против такого обращения.

- Не знаю, Мел, - пожал плечами цвак. - Я ни разу не пытался делать ничего подобного. Так что у нас только один способ выяснить. Только нужно все-таки выбрать более пустынное место.

- Ну, в пустыню Тау мы не поедem, - я благодарно улыбнулась другу: я знала, что он будет со мною до конца. - Давай спросим у Марвии, есть ли в ее вотчине какой пустой островок...

- Есть-есть, - ворчливо пробубнила ведьма, внося в холл поднос с только что испеченным печеньем. - Мне при покупке буквально навязали пустую скалу, для ваших сумасшедших опытов как раз самое оно!

- Замечательно, - воскликнула я, вскакивая, - прямо сейчас и отправимся!

- А поесть? - грозно прикрикнула ведьма: я удивленно подняла брови. - Ах, да, забыла, что для вас мои кулинарные изыски - пустое времяпрепровождение.

- Не обижайся, Марвия, - приобняла я полукамку. - Но еда и правда не самое необходимое, а вот дружба и любовь твои меня всегда грели.

Оставив старую ведьму умиленно утирать передником выступившие слезы, мы с цваком отправились на поиски Рада, так как именно он теперь заведовал лодкой старушки.

Рад обнаружился во дворе, где наблюдал за играющими девушками: присмотревшись к правилам, я поняла, что это похоже на теннис, только ракетками служит свернутый упругий прут с натянутым на него драным чулком, а мячиком - набитый чем-то мешочек из ткани. Молодцы девочки: продолжили занятия спортом, применив фантазию, расширили спектр игр.

Вера, бросив ракетку, метнулась к нам, размахивая руками:

- Мел! - восторженно кричала она. - Ты вернулась! Это здорово!

Рад тоже подошел, смущенно улыбаясь, положил волосатую руку девушке на талию: глаза мои поползли на лоб. Я, конечно, замечала между ними симпатию, но не подозревала, что дела могут зайти так далеко, он же валл. Но, впрочем, кто бы говорил: я же влюбилась в синего монстра с оранжевыми гляделками без признака зрачка или радужки!

Узнав про наши планы, Вера навязалась к нам в компанию, не желая отпускать милого одного на такое опасное мероприятие.

- Я же буду в лодочке, с тобой, - жалобно надула она пухлые губки. - На берег ни-ни! А то я буду очень волноваться за тебя, - оглаживала она тщательно расчесанную шерсть молодого валла. - Ты же не хочешь, чтобы я плакала всю ночь?

Конечно, хитрая девчонка добилась своего, и даже нахмурившийся цвак не помешал девчужке забраться в лодку. Вера сидела с довольным видом, глядя на меня восторженными глазами, словно ей предстояло главное приключение всей жизни. А я в то же время очень надеялась, что это будет не так.

Волнение ничуть не стихло, и даже, кажется, океан стал еще более мрачен, хотя это казалось уже невозможным. За тяжелыми тучами, что набежали на белесое небо еще в обед, не было видно спешащих к закату солнышек. И только по сгущающейся тьме можно догадаться, что день идет к концу.

Скала, пресловутый пустынный островок, навязанный Марвии продавцом, встретил нас угрюмым видом скукожившегося от времени утеса, на котором росла единственная на весь остров растительность - старое, узловатое дерево, у которого корней, расплзшихся сонными змеями по камням, было в несколько раз больше, чем чахлах веток без единого листочка.

- Да, - протянула Вера, вжавшись в лодку, - веселенькое зрелище.

Валл обеспокоенно оглянулся на любимую, но промолчал: в этой паре девушка была и идейным вдохновителем, и оперативным работником, не зная, куда девать свою неумемную энергию. Раду ничего не оставалось делать, как только подчиняться своей взрывоопасной даме, да ходить следом, как послушная собачонка.

Мы с цваком переместились на землю: хвала небу, не пришлось плыть по этим жутким волнам. Я не уверена, что тут бы помогли все мои знания. Любой безумец, приблизившийся в такую погоду к скалам ближе, чем на калон, рискует быть разодранным на ленточки острыми гребнями подводных скал. И цвак благоразумно воспользовался магией, что позволило нам и жизнь сохранить, и лодку, и одежды не замочить. Впрочем, последнее не было таким уж преимуществом: только оказавшись на скале, мы ощутили все нарастающую морось дождя.

- М-да, - почесал подбородок цвак, - может быть отложим рискованные эксперименты на более благоприятное время?

- Я буду работать со стихиями, - улыбнулась я. - А подобное безобразие природы и есть самое лучшее время для стихийных экспериментов. Ты отойди подальше, обеспечь защиту.

- Не нравится мне все это, - пробубнил цвак, удаляясь.

- Эх, если бы ты знал, как мне это все не нравится, - я отерла ладонью мокрое лицо и воззрилась на хмурое небо. - Ну что, разбушевавшаяся стихия, давай-ка выскажем наши претензии друг другу...

Небо осталось глухо, а лишь клубилось всеми оттенками серо-фиолетового и поливало стеной дождя. И, словно касаясь тонких струн ливня, вторя грозowymi раскатами, в воздухе зазвучала музыка сфер:

Природа, словно женщина: изменчива, опасна. Она накатит сплетней, опалит обидой. Но всей своей коварностью она всегда прекрасна: Кружит перед тобой, ты наслаждайся видом. Подснежники скрывает тонкой белой тканью И кружит голову тебе весенним ароматом. Не жди, что распахнет пред очи Мирозданье. Но может быть оставит след губной помады. Сейчас откроются мне все дары природы: Покорность трав, фривольность ветра, грация воды. Природой стану я - я продолженье рода, Я Мастер всех стихий, я верх твоей мечты.

Буря все нарастала, захватывая в свои холодные душевные объятия маленький островок, сметая с поверхности щепки, мелкие камешки, хватала куски скалы и швыряла их в бурлящее море. В воздухе носилась взвесь песка, гальки и воды: я закрыла лицо руками, чтобы не расцарапать кожу в кровь. Стихия бури, стихия ветра склонились передо мной. И я уже почти поглотила эти силы, как внутри сработал звоночек: вот оно! Этот миг, когда стихия склоняет голову перед Мастером, не надо делать ее рабой! Это и есть моя ошибка: раба не будет любить хозяина, будет всегда стремиться отомстить ему за свою неволю. Особенно такая, как стихия. Ибо это великая часть мира, великая сила, рожденная свободной.

Я расхохоталась в лицо буре и отшвырнула от себя покоренные стихии: идите на свободу, вы мне не нужны. Откуда столько собственничества во мне? Раньше я по наитию действовала правильно: вплетала в свои заклинания магию стихий, получала от процесса удовольствие, просто танцуя. Сейчас же пыталась использовать свои силы, сперва сделать силу стихий своей и, пропустив через магию, добиваться результата... да это же все равно, что пропустить через себя электрический ток, чтобы потом рукой зажечь лампочку!

Теперь нужно освободить те стихии, которые попались на мою удочку раньше: бедняжки пришли на мой зов, готовые помочь, а тут злой Мастер их попросту заглотила и даже не подавилась. Я доверилась своей силе и мудрости магии: стихии, оставшиеся на свободе, резвились вокруг стайками белесых струй. Там, дальше, бушевала буря, но меня это уже не касалось: внутри, на этом кусочке острова, царило затишье.

Я легла на скалу: суетливые струйки тут же подняли мое тело. Древняя мудрая могучая змея, что спала все эти годы, вдруг шевельнулась. Не то, чтобы проснулась, но дала знать, что все еще здесь и в полной силе. Струйки все больше мельтешили вокруг меня, пока все тело не окуталось серебристым сиянием. Сияние плавно стекало на скалы, растворяя человеческие очертания. Кто остался там, на скалах, я даже не могла предположить. Но именно в этот момент в районе груди расцвел прекрасный цветок: нежные лепесточки трепетали, словно мотыльки, раскрывая источающую тонкий свет середину. И каждый лепесток был произведением искусства стеклодува, словно использующего вместо нескольких оттенков стекла различные расцветки солнечного заката. Цвета перетекали друг из друга, наплывая, смешиваясь, но оставаясь такими же яркими и самобытными.

Раз за разом раскрывались лепестки, все больше открывая миру сияющих лучей, которые источала ослепительно яркая середина цветка. И вот, когда лучи соединились в один сплошной поток, я позвала плененные стихии. Откуда они появились, понять невозможно, ибо меня уже нет. Есть только необыкновенной красоты цветок, произрастающий из серебристого сияния, роняющего тягучие капли на холодные скалы.

Но тут защемило сердце, и поток чувств, самых разных, ярких и запоминающихся, взорвался со страшным грохотом, осыпая хлопьями страха и апатии прибрежные камни. Буря с радостной

легкостью подхватила эти хлопья, насыщая их солеными брызгами, украшая обрывками тумана...

Казалось, все - я лишь медленно оседающие рваные лохмотья, растаскиваемые океаном по всей поверхности, но тут мудрая змея снова пошевелилась: она подняла голову и заглянула в самые глаза стихиям. Те мгновенно присмирели, словно мудрая мать лишь бросила строгий и уставший взгляд на расшалившихся детей.

Тишина, легкий шелест волн. Я открыла глаза и увидела, что лежу на мощной ветвистой коряге, которая плавно качается на волнах.

Глава 19

Никакого острова не было и в помине, зато рядом наблюдались другие владения Марвии – вполне целые и невредимые. А еще я увидела, как ко мне приближается лодочка, в которой стоял Ллер, пристально наблюдающий за мной. Думаю, что там, за ним, сидела крайне напуганная Вера, а судя по ритмичному движению лодки, методично греб веслами Рад.

Обрадовавшись появлению друзей, я подумала, что это просто чудо. Судя по тому, что учудили выпущенные на волю стихии, вполне можно было бы ожидать полного разрушения всех близлежащих островов, огромного количества трупов, вяло покачивающихся на волнах – многочисленных любителей райской обособленной жизни.

Тут я вспомнила, что происходило со мною, что пытались сделать стихии с наглой ведьмой, осмелившейся поработить их. Острая тоска проникла в душу, начав с упоением отгрызать по кусочку этой мистической субстанции. Горькие слезы покатались из глаз, падая на сухое, выжженное солнцами, высушенное неприступной скалой, старое безлиственное дерево.

– Ты как? – озабоченно спросил Ллер, с легкостью перескакивая из лодки на дерево.

Вера с черной завистью посмотрела на его акробатический пируэт: землянам такого не суждено повторить, даже в цирке не увидишь ничего подобного. Девушка бросала на меня встревоженные взгляды, но как ни старалась, не могла перебраться на бревно: лодка билась о сухое дерево, моталась по кругу, направляемая валлом, который пытался помочь любимой.

– Жива, – вытерла я слезы и попыталась улыбнуться.

– У тебя, – с облегчением заметил цвак, – видимо, просто мания намазывать на океанское дно все, что под руку подвернется: будь то таурские суда или морнейские острова... Ты только глянь, ни намека на то, что здесь тысячи сот возвышалась неприступная скала!

Фиолетовый поглядел на меня преувеличенно-восхищенно и обвел руками опустевшую местность: я послушно осмотрелась. Бури словно в помине не было: на чистейшем небе переливались серые и фиолетовые цвета затухающего заката. Последние искры оранжевого солнца, чуть отставшего от собрата, плясали на ряби волн, словно стараясь оставить на память этот вечер, так насыщенный событиями.

Лично я бы с удовольствием стерла его из памяти:

– Ллер, все напрасно, – с печалью в голосе прошептала я. – Все бесполезно...

– Что напрасно, Мел? – мягко уточнил цвак, присаживаясь рядом: бревно даже не покачнулось, никак не отзываясь на резкие движения мага, словно тот весил не больше перышка.

Хотя, я на самом деле не знала, сколько весит среднестатистический цвак. Мотнув головой: что за странные мысли приходят в такой непростой час, я жалобно посмотрела на друга:

– Я отпустила стихии, но они были в ярости, чуть не разорвали мое тело на тысячу маленьких белок. И лишь сила Мастера стихий, которая только сегодня шевельнулась во мне через столько лет, спасла от кары грозных сил... А ведь их только четыре было. Сколько их всего, я не знаю, но думаю, того, что есть, достаточно, чтобы превратить тело мицара в месиво, если попытаться избавиться его от этой обузы. Все бесполезно, Ллер...

– Скажешь тоже – бесполезно, – иронично фыркнул цвак. – Ты только выяснила, что не стоит делать с мицаром, чтобы сохранить ему жизнь, и сама избавилась от неудачного начала возрождения своей силы, плюс тебе подарок – сила Мастера, что наконец обнаружилась в тебе. Вот какой результат, и повод поразмышлять – что можно предпринять дальше. А ты уже готова убиваться, заранее сложив лапки перед следующим поворотом судьбы. А что, если там, вместо чудовищной опасности, которую тебе услужливо нарисовало твое неумное воображение, лишь маленький тощенький червячок, которому уже давно надоело корчить из себя великую неприятность, но приходится: некий Мастер стихий угрожает плетью, поднимает и велит: «А ну-ка, сострой безобразные глаза! Да клыки побольше нацепи! Давай, чтобы Мастеру пострашнее было, не отлынивай!».

Я весело расхохоталась, представив эту прекрасную картинку: слезы мгновенно высушил со щек услужливый ветерок. Он нежно лизнул в щеку, словно верный пес, которого хозяйка, наконец, отпустила с цепи, и теперь он готов ей простить все свои обиды.

– Стихии больше не хмурятся, – я нежно посмотрела на тонкий след исчезающего солнца: мгновение, и яркий росчерк потух, предоставив сиять холодности звезд. – Они простили меня. Эх, Ллер, я даже не подозревала, насколько сама жадная! Стоило увидеть след могущества, так сразу захотелось его присвоить...

- Не казни себя, - философски пожал плечами цвак. - Ты лишь хотела вернуть силу Мастера, оказавшись в Кеприи, потому что без нее чувствовала себя ненужной. Привыкнув к славе спасительницы целого мира, тебе пришлось пережить унижение твоих достоинств, которое спровоцировали разросшиеся сплетни; видеть, как ускользает из рук такое, казалось, близкое женское счастье. И на фоне всего этого чувствовать себя слабой и беззащитной, не способной помочь друзьям и любимому. Совсем не легкое испытание, я сам не уверен, что не хватался бы за любую, даже призрачную, соломинку...

- Ты умеешь утешить, - благодарно улыбнулась я цваку. - Интересно, как удалось выжить вам и остальным при таком буйстве стихии? Это все твоя защита?

- Да, - просто ответил маг, безразлично пожав плечами: он не кичился своей силой, считая ее чем-то обычным - вот чему надо учиться, вместо того чтобы упиваться своим эфемерным могуществом. - Я постарался ограничить действие бушующих сил этим островом...

- Ах, как это было чудесно! - вскричала Вера, которой, наконец, удалось перебраться на бревно. - Весь остров объял вихрь чудовищной силы. Он, казалось, отрывает куски скалы, крошит их в пыль, закручивает многочисленные смерчи! Было так страшно! - Глаза девушки горели просто неземным восторгом. - Дождь, ураганный ветер... и все это буквально в двух шагах от нашей лодки. А Ллер стоял, выставив вперед руки, сосредоточенно так, он словно держал весь этот ужас в прозрачном мешке. Тут внутри этого мешка образовался прозрачный пузырь: мы увидели, как ты вся осветилась... и превратилась в огромную змею, ну словно из «Анаконды»! А потом большой взрыв! Меня даже из лодки выкинуло, Раду пришлось меня спасать!

- Она так засмотрелась на представление, что просто вывалилась из лодки, испугавшись взрыва, - снисходительно пояснил цвак: он надежно держал защиту, не давая стихиям ни малейшего шанса проявить свой гнев вне обозначенного круга.

- Понятно, - рассеянно кивнула я. - А почему вы все сюда рветесь? - удивленно уточнила я, увидев, как валл пытается перелезть на бревно, не потеряв при этом лодку. - Как же мы возвращаться будем? Или на старом дереве удобнее плыть?

- Романтичнее! - безапелляционно заявила Вера, прижимаясь к смущенному валлу, который все-таки упустил наше транспортное средство: суденышко медленно удалялось, сразу же подхваченное озорным ветерком. - А может, и не стоит возвращаться? Думаю, Марвии не особо понравится уничтожение одного из весьма недешевых островков.

- Стоит, - хихикнула я. - Может, она нам еще и приплатит. Хитрая Марвия сама добровольно отдала на растерзание этот остров, наверняка втайне надеясь, что мы избавим ее от необходимости следить за порядком на этом уродливом объекте недвижимости. Но извиниться все равно не помешает...

Валл отломил от коряги ветки потолще и торжественно вручил всем участникам заплыва. Увы, теперь стихии мне неподвластны, а танцевать на шатком бревнышке, в состоянии, близком к обмороку, пытаюсь привлечь их изменчивое внимание, было верхом безрассудности. Так что пришлось использовать иные методы воздействия на океан: попросту поработать руками, пытаюсь привести в движение огромное старое дерево.

Ллер нагло занял теплое местечко рулевого, но, подумав, я не стала возмущаться, так как не знала, ни куда править, ни, что самое главное, как поворачивать эту корягу. Когда мы доплыли до острова, на котором стоял дом Марвии, стояла уже глубокая ночь. Вывалившись на берег, я вдруг вспомнила про магию цвака:

- Ллер, - возмущенно простонала я: на более громкие звуки сил уже не было, - а почему ты не перенес нас на остров магически?

- Вот это наглость! - восхитился фиолетовый. - Во-первых, я сильно поиздержался, пытаюсь оградить мир от плясок спятивших от свободы стихий! Во-вторых, я до сих пор держу защиту, чтобы отголоски следов твоей ворожбы не долетели до мицара. А в-третьих, я физически не способен перенести более одного существа за раз. И даже если бы перенес одного, то вернулся бы уже в пустое место, рискуя утонуть: бревно, знаешь ли, на месте не стоит...

- Ну и ладно, - пожал я плечами, не ожидая столь сильного отпора, - уж и спросить нельзя! - и тут услышала за спиной воркующий шепоток.

- Голодная? - нежно спросил валл, похлопывая Веру по голове.

Девушка осторожно убрала лапищу и погрозила пальчиком. Потом томно вздохнула и запустила руки в густую шерсть валла:

- Какой сегодня потрясающий день был! Это так возбуждает! Пойдем, я тебя расчесу?..

Поперхнувшись, я смущенно отвела взгляд, делая вид, что ничего не слышала. Даже боюсь представить, какие игры практикует эта нестандартная, по меркам всех миров, парочка.

- Хвала силе! - возникла из темноты скукоженная фигура старой ведьмы. - Вы живы! Я уже начала беспокоиться: такое представление устроили для всех близлежащих островов, любо-дорого было посмотреть!

Я вздрогнула:

- А мицару никто не сможет доложить о странностях в этом месте?

- Не волнуйся, девочка, - успокоила Марвия. - Странностей в этом месте и до тебя хватало... правда, не с таким размахом, но я старательно учусь.

- Марвия, мне нужна твоя помощь, - я умоляюще поглядела на подругу. - Раскинь дзеты, я должна знать, что они сейчас покажут...

- Я говорила тебе, что они с нашей последней встречи несут какую-то чушь? - рассеянно уточнила ведьма, роясь в многочисленных мешочках, в избытке украшающих пояс старухи.

Судорожно кивнув, я жадно следила за каждым движением Марвии. Та вздохнула, отцепила серебристый мешочек и потрясла его: камешки издали мелодичный перестук. Резко вытряхнув содержимое мешка, ведьма с разочарованием уставилась на землю:

- Опять то же самое!

На сером камне лежала четко прорисованная фигура. Конечно, я узнала звезду Давида. Это был знак мне: знак единства женского и мужского начал: вздрогнув, я жестко приказала:

- Еще раз!

Марвия скривилась, но послушно собрала камешки и, тщательно смешав их в мешочке, снова выбросила на камень: звезда... Ведьма, ворча про неверие некоторых неблагодарных девиц, опять собрала камешки, тяжело поднялась на ноги и отряхнула колени. Тщательно приладив серебристый мешочек к поясу, она суетливо засобиравалась обратно.

Я покачала головой, глядя на милую старушку: та отчаянно тащила всех участников эксперимента в дом, где нас ждали «исключительно удавшиеся пироги с ванагами». Одно название блюда вызывало недоумение: как можно есть мясо этих помоечниц? Я уже насмотрелась на этих птах, шныряющих по всему миру: они лопают все, что не приколочено. А что приколочено, отключают и тоже слопают! Не мудрено, что местные так не любят этих птиц. Что, впрочем, не мешает им размножаться везде и всюду.

- Прости, Марвия, у меня дела, - я, извиняясь, погладила подругу по сторбленной сухонькой спине.

- У тебя всегда дела, девочка, - понимающе усмехнулась старуха и, подхватив под руки весьма расстроенную испорченным вечером парочку, направилась к дому.

Мы с Ллером проводили их взглядами. Когда друзья скрылись в темноте, цвак обратился ко мне:

- Что теперь? Я так понимаю, ты собираешься действовать дальше... По мне, так тебе необходим отдых и некоторая порция грубой пищи - а то Мастер стихий становится чересчур похож на одного из своих помощников: воздух.

- Некогда, - отрицательно качнула я головой, тяжело вздохнув. - Знаешь, что для меня означает гадание Марвии?

Цвак застыл в ожидании: похоже, он уже разуверился, что я поделюсь с ним этим знанием.

- Это, Ллер, привет из моего мира, - тихо произнесла я. - Знак единства мужчины и женщины. То есть, я так понимаю, дзеты подсказывают, что выход из ситуации я найду лишь в паре с мужчиной. Только наши совместные действия принесут результат. Кто этот мужчина? Может ты, а может - Ривизель. Я изначально хотела вызвать его в этот мир, чтобы он помог разъяснить мицару, что моей вины в его одиночестве нет. Конечно, когда план освобождения мицара от стихий провалился, это единственная ниточка к сердцу любимого.

- Ты уверена? - засомневался Ллер. - А если вызванные эмоции от разговора с бывшим другом будут слишком сильны? Тогда мицар не справится с собой и стихии разорвут его изнутри...

- Какой ты умный, - печально усмехнулась я. - Но тут, думаю, ничего не случится: мицар столько сот учился контролировать свои эмоции. А поначалу они были явно сильными и отравляющими, так что стихии давно успели напитаться ими на соты вперед. Но магическая сила самого Роже

прекрасно противостоит им, так что еще одна порция не убьет мицара... зато, возможно, заставит задуматься.

- Я не понимаю, чего ты добиваешься, - раздраженно пожал плечами Ллер. - Но я, естественно, с тобой. Что ты хочешь предпринять?

- Для начала, скажи, осталась ли у цваков сила? - уточнила я у Лера. - Дело в том, что в лесу я наткнулась на отморозков, что хотели прикончить меня за нестандартный цвет кожи. Я сперва испугалась, но потом видела, что они не сильно отличаются от камов, и объяснила, как нехорошо сеять смерть из расовых предрассудков... Но потом встретила цвака с островов морнеев, и тут закруилось у меня предположение, что эти скрытники не только не растеряли свою магию, но и умудрились преумножить. Я так понимаю, это стало необходимостью, ради выживания... Так сказать, стремление к лучшей жизни есть основной двигатель прогресса. Что скажешь?

- Ничего, - пожал плечами Ллер. - Ты не забывай, что последнюю тысячу сот я провел у анахов, понятия не имея, что творится с выжившими цваками. Возможно, ты права, но для чего нам это нужно знать?

- Все просто, - торжествуя улыбнулась я. - Цваки всегда были отличными практиками в перемещении существ. А если собрать много цваков и использовать их силу для того, чтобы вытащить Ривизэля оттуда, куда его запрятала ревнивая Хен? Я помогу со стихиями просто найти это местечко, ты обеспечишь маскировку, цваки - переход беглого принца.

- Интересная идея, - почесал гладкий подбородок цвак. - Только почему ты уверена, что цваки согласятся на такой рискованный эксперимент? Возможно, что групповой сеанс магии все-таки привлечет внимание мицара, а я не думаю, что существа захотят опять превратиться в изгоев, только-только обретя хоть какое-то прибежище.

- Но попробовать-то мы можем, - настаивала я, - за спрос денег не берут!

- За подобный спрос сразу убивают, - мрачно усмехнулся Ллер. - Но попробовать можно...

Выцогавив у Марвии последнюю лодку, мы отправились на остров, где я повстречалась с молодым цваком. Звезды освещали нам дорогу, устлав молочной белизной полоску воды, которая старательно отражала Млечный Путь. Каменная громада острова, где цваки добывали камни, выросла перед утлой лодчонкой, нависнув над смелыми существами грозной тенью.

На берегу одиноко горел костер, отражаясь в спокойных водах океана. Был ли кто-нибудь около огня, сказать было трудно. Мы причалили к пологому берегу, Ллер легко затащил лодку на камни, чтобы ту не унесли неспешные воды. Костер весело подмигивал, зазывая спутников подойти и погреться, отпугнув на время прохладу ночи.

Я решительно зашагала к огню, несмотря на протесты Лера: он считал рискованным идти вот так, в открытую, так как неизвестно, к чему привлекает беспечную бабочку сей чудесный огонек. Конечно, с одной стороны, он прав, но я упрямо не слушала цвака, считая, что ничего опасного в нормальных цваках нет. И тут же чуть не получила стрелу между глаз: в последний момент меня дернул Ллер, спасая мою бестолковую жизнь.

- Кто там по кустам среди ночи шастает? - весело спросил знакомый голос. - Говори, если кто еще живой остался, а то получше прицелься...

- Ян, ты открыл охоту на белок? - растерянно спросила я, рассматривая короткую стрелу, которую Ллер весьма многозначительно крутил перед моим носом. - Давай, зароем топор войны и приступим к переговорам!

- Не знаю, что ты там роешь, - усмехнулся воинственный цвак, - и как ты умудряешься это проделывать с каменной скалой... Но выходи, смелая белка, поговорим.

- Ян, я не одна, со мной Ллерекайен, - предупредила я, подходя к костру.

Глаза у цвака, восседающего на плоском камешке, вмиг растеряли всю насмешливость при виде цвака, который шел за мной следом:

- Верховник...

У парня был такой вид, что казалось, он сейчас перекрестится, мол - чур меня, чур! Но все обошлось, цвак лишь растерянно моргнул и потрясенно уставился на меня:

- Так ты на самом деле Мастер стихий! - прошептал он.

- Дедуктивный метод? - донельзя удивилась я. - Как ты догадался?

- Наши давно твердили... - начал было цвак, но тут осекся и искоса посмотрел на Ллера. - Еще когда на острове после странной бури появились цваки в анаховых плащах, тукан собрал всех оставшихся цваков. Сперва мы подумали, что мицар нашел способ влиять на нашу расу изнутри. Но потом выяснилось, что пришельцы - братья Ривиэля, - Ян произнес имя так, словно это был принц из сказки. - И, мало того, помощники верховного мага Ллерекайена... Тукан сказал, что грядут большие перемены в мире, возможно, снова будет явление Мастера стихий...

Я сдавленно хихикнула: то еще явление! Потом постаралась скорчить серьезную физиономию и перебила цвака:

- Так, все понятно: массовая медитация, - обрубил я. - Запугивание народов, предсказывание конца света - это все мы уже проходили. Теперь к главному: как нам этого конца избежать? Да, ты прав, я - Мастер стихий. Но сила моя еще слаба... хорошо, хоть вообще шевельнулась, словно забытый сон. Поэтому мне нужна помощь. Как ты думаешь, тукан согласится выделить мне несколько магов из расы цваков для личного пользования?

- Для личного? - заинтересовался Ян. - А добровольцы нужны?

- Нужны, - я строго посмотрела на цвака. - Для того чтобы вернуть в мир Ривиэля.

- Твоего любовника? - цвак даже ахнул от восхищения и вскочил на ноги. - Ты хочешь, чтобы цвак и анах сразились за сердце прекрасной дамы?

- Законченный романтик, - печально вздохнула я, осаживая цвака. - И как только умудряешься им оставаться при таком количестве романов! Видимо, у тебя врожденный талант. А мне сейчас нужны цваки с врожденным талантом к магии перемещения, думаю, существ... восемь. Хорошее число, число бесконечности. А нам как раз требуется нырнуть в бесконечность за беглым принцем.

- А что, он от тебя сбежал? - глаза цвака округлились от любопытства.

- Скорее, мы сбежали друг от друга, - усмехнулась я. - Проводишь нас к тукану или мне опять ловить лбом цваковские стрелы? - обреченно спросила я.

- Нельзя, - Ян сразу стал серьезным, окинув нас тяжелым взглядом: я поежилась, вдруг ощутив силу этого внешне смешливого существа. - Сперва я доложу.

Он замер, взгляд остекленел. Я оглянулась на Ллера, намереваясь уточнить:

- Общается?.. - как увидела вытянутое от изумления лицо цвака. - Что?

- Ты права, Мел, - деревянным голосом проговорил маг. - Сила выживших цваков выросла в разы. Раньше они лишь считывали информацию с образа существа, теперь же полноценно общаются между собой на расстоянии! Почти как если бы разговаривали в присутствии друг друга! Знаешь, сейчас мне кажется, я больше бы выиграл, если бы остался до конца со своим народом.

- Зато не стал бы легендой, - усмехнулась я, подмигнув. - А так, глядишь, тебе все поклоняться будут.

- Эх, мне теперь учиться и учиться, - печально вздохнул Ллер, с завистью глядя на сорасника.

Молодой цвак вдруг вздрогнул, очнулся и одарил меня невероятно тяжелым взглядом.

- Пойдем, - мрачно бросил он, быстро зашагав в глубь острова.

Мы поспешили за скорым проводником, еле поспевая. Цвак направлялся напрямиком к кособоким хижинам морнеев: я удивленно оглянулась на Ллера - тот пожал плечами. Конечно, трудно предположить, что цваки будут жить в столь удручающих условиях. Но, видимо, маскировка имеет для них значение гораздо большее, чем комфорт.

Ян остановился у пролома в хижине, означающего вход, откинув старую ткань, служившую пологом, подждал нас. Я нырнула в пролом первая и так и осталась стоять на пороге, пораженная в самое сердце. Хвала небесам, не цваковской стрелой, а просто изумлением от увиденного пригвоздило меня к месту.

Начиная прямо от порога, вниз уходила чуть светящаяся лестница: она расширялась книзу, чуть закругляя величественные ступени. У подножия лестницы раскинулся волшебный город из сказки про фей: ажурные, ярко сияющие разноцветными красками дома с развевающимися на маковках цветными полосками узких флагов. Улочки вымощены блестящими камнями шестиугольной формы. Стройные башни венчали широкие площадки с аккуратными палисадниками. На круглой площади собрались цваки, с напряжением рассматривая вошедших существ.

Ян, которому, видимо, пришел приказ поторопиться, ткнул меня в спину, чуть не спихнув с

лестницы: с трудом восстановив равновесие, я пробежала несколько ступенек и оглянулась на наглого цвака, показав тому кулак. Но он был прав: любоваться архитектурой сейчас времени совсем не было. Чувствовала я себя уже значительно лучше, чем сразу после уничтожения скалы, так что пришло время действовать. Но впереди еще предстоял разговор с правителем цваков. Поверит ли он мне? Будет ли помогать? Мучаясь вопросами, я приближалась к группе встречающих с видом введомой на эшафот.

- Буду, - неожиданно мягко улыбнулся мне высокий цвак с суровым лицом, - и поверю...

Я сглотнула в панике: он читает мои мысли! И даже весь сумбур, царящий там, не мешает тукану просматривать меня, как открытую книгу. Паника поднималась по позвоночнику, грозя закатить истерику сразу по прибытии в голову. И тут внутри словно древняя змея приоткрыла один глаз: ну что ты мечешься? Что такого может прочесть в тебе этот цвак? Ты всегда была открыта этому миру, чего сейчас скрывать от его части?

Я мгновенно успокоилась и приветливо улыбнулась тукану, вся насмешливость которого мгновенно испарилась, оставив место нормальной реакции удивления:

- Спасибо за поддержку, - сердечно поблагодарила я цвака. - Ваше согласие служит мне знаком, что я поступаю правильно. Вы можете уже сейчас дать восемь сильных магов перемещения?

- Нет, - качнул головой тукан, с трудом справившись с удивлением от моего внутреннего диалога с силой. Я нахмурилась, а цвак широко улыбнулся: - Выбирай сама, сколько нужно, любой из моих подданных - отличный маг.

Ллер при этих словах вздрогнул, словно от удара хлыстом. И нахохлился еще сильнее: надо же, как подействовала на цвака весть о таком прогрессе своей расы. Он-то думал, что является самым сильным магом из расы цваков, так как сумел внедрить в нее магию анахов. А оказалось, что сами цваки не стояли при этом на месте... Правда, они заплатили за свое могущество почти полным вымиранием и выкидышами вроде отморожков из леса.

Я задумчиво обвела взглядом небольшую толпу цваков: среди них я заметила немало женщин, головы которых теперь украшали шикарные гривы волос. Я не могла поверить, что все, что осталось от великого народа, стоит сейчас перед моими глазами.

- Не переживай, девочка, - печально отозвался на мои мысли тукан. - Ты все исправишь... не спрашивай, как, только ты сама это знаешь. Точнее, это ведает нечто, что скрыто от моего внутреннего зора.

Загадками изъясняется, я начинала злиться, это плохой знак: отрицательных эмоций сейчас нельзя проявлять, цваки чрезвычайно чувствительны. А ведь мне еще с ними предстояло дело проворачивать. Наугад потыкав пальцем в толпу, я выбрала нескольких претендентов: цваки, на которых пал выбор, буквально расцветали, словно им достался крупный выигрыш. Да, наверное, сейчас у существ была не самая веселая жизнь: приходится постоянно прятаться, скрывать от мира свои возможности. Конечно, они отыгрались, построив чудо-город под землей. Но этого явно мало: кипучая сила цваков требовала выхода.

- Семь, - подсчитал Ллер. - А ты говорила - восемь, надо еще одного...

Приунывшие цваки, на которых выбор не пал, воспрянули было, но тут влез вездесущий Ян:

- Это место Мастер пообещала мне еще на берегу! - гордо заявил он, одарив меня сладострастным взглядом: я лишь тяжело вздохнула - ну вот, опять снова-здорово.

А ведь только решили расстаться друзьями.

- Я бы попросил, чтобы вы начали утром, - снова подошел ко мне тукан, - нужно собрать вещи и увести цваков, на которых не пал выбор, чтобы уберечь их от ярости мицара.

Я огляделась: восемь цваков стояли плечом к плечу и сияли так, словно они всю жизнь мечтали о смерти во имя всего мира. Я вынуждена была огорчить горе-героев:

- Не нужно, - хихикнув, хитро сказала я повелителю цваков. - У нас есть такой специальный маг, Ллер, который укроет от глаз мицара еще не такие проделки!

При этих словах Ллерекайен вытянулся во весь рост и гордо сверкнул зелеными глазами: мол, я тоже на что-то гожусь! Тукан выглядел ошеломленным:

- Значит, братья Ривиеля были достаточно честны: мицар на самом деле разрешил цвакам остаться в Лив'утвао, да еще открыл для них тайны силы анахов... это удивительно и позволяет с иной точки зрения оценить действия Рож'иальера Л'ладаргра.

- Ох, если бы вы знали, сколько этих грешных точек, - мрачно усмехнулась я. - Давно бы повылезали из своих подземных городов. Мицар все эти соты лишь стремился истребить лесных цваков - тех подонков, что отлавливали и убивали белок. А на оставшихся в мире магов ему уже было начхать - пусть себе живут, только бы не гадили.

Я осеклась и прикусила язычок: цвакам могла совсем не понравиться моя не совсем дипломатичная манера высказывать мысли, но тукан язвительно улыбнулся на мой испуг:

- Мы белок не убиваем... особенно, если это - грозный Мастер стихий! - провозгласил он.

- Нашли грозу всех Краков и ванаг, - смущенно прошептала я.

- А можно ли увидеться с моими помощниками? - чуть склонившись, осведомился Ллер.

Тукан, не ответив, просто оглянулся на широкий дом, напоминающий карету-тыкву из старой сказки. Через мгновение оттуда выскочили две фигуры и со всех ног бросились к нам.

- Ллер! - Братья облапили цвака, радостно хлопывая друга по спине.

- Мел! - увидел меня брат Ривизеля, которому мне однажды удалось спасти жизнь. - Ты здесь! Значит, старый пройдоха был прав - Мастер стихий снова пришел ворошить скучное существование здешних существ!

«Старый пройдоха» поперхнулся и посмотрел на цвака весьма красноречиво, но тот спокойно проигнорировал гнев друга: да, передо мною стояла практически копия легкомысленного Ривизеля... разделенная на две части.

- Где вы будете воровать? - деловито осведомился тукан, которому надоел бессмысленный спектакль.

- Прямо здесь, - растерянно пожала я плечами, недоумевая - что всех так волнует место, где нужно колдовать? Чем это место отличается от тысячи подобных? Лично я никогда не ощущала разницу: просто площадка или специально предназначенная для применения силы, что так любили практиковать и цваки, и анахи. - Или вы тоже боитесь за сохранность острова?

- Мы готовы ко всему, - высокопарно ответил тукан, показывая на решительных подопечных.

Что ж, они готовы пожертвовать остатком цваков, лишь бы чем-нибудь помочь Мастеру стихий. Это было приятно, но возлагало большую ответственность.

Сделав знак избранным цвакам: те поспешно обступили меня со всех сторон, я покачиваясь, постаралась максимально расслабить тело. Мышца за мышцей, сустав за суставом: тело привычно отзывалось, отпуская все зажимы, тревоги и напряжение. Уже научившись вызывать музыку сфер, под которую так любят веселиться изменчивые стихии, я повела плечами, повинаясь движениям сердца - музыка управляла моим телом, словно подчиняя иным ритмам. Но в эту симфонию стук живого сердца добавлял гармонии, легкость дыхания - воздушности. Я уже не чувствовала под ногами твердость каменной мостовой цваков, ощущая лишь игривую ласку ветра, пробежавшегося по босым ступням.

*Я - огонь, что к власти стремится
Над твоей неземной красотой.
Я - огромная, сильная птица,
Что в народе зовется мечтой.
Я - закат, что сияет на небе,
Освещая твой путь в темноте.
Я - сквозняк, распахнувший все двери,
Открывая вход яркой весне.
Ты иди вслед за мной по тропинке
По проталинам первых цветов,
Где сверкает роса, как слезинка
На скрижалях твоих ярких снов.*

Стихия ветра, что чуть ли не преследовала меня с самого утра, закружила в вальсе ароматов, наполняя душу воздушными поцелуями: из-под рук проистекали белоснежные снежинки, которых не знает Кеприя. Подхватив сверкающие кристаллы, ветер разнес их по всему пространству подземного города. Земля, стряхнув с себя воспоминания веков, присоединилась к нашему дуэту, вплетаясь волшебными струйками багровых лиан, расцветивая снег в ярко-зеленый цвет, так схожий с глазами Ривизеля.

Выгнувшись в дугу, я распростерла объятия солнцу, которого не видно отсюда, но которое давало тепло и жизнь Кеприи. Оба близнеца наперегонки стали запускать золотые стрелы под землю, освещая путь во мгле пространства меж миров. Мягко качнувшись, я встала на носочки и соединила руки над головой, продолжая кистями движения волн: мягкость облаков окутала тоннель, обеспечив моему другу безопасность путешествия. Облака не ограничились только практичным вступлением сил, охватив все мое тело в круговерти танца, повели сквозь пространство, положили к стройным ногам все, что видели когда-то. Я рассмеялась подобному подарку, легкими касаниями пальцев превращая видения в невероятной красоты птиц, которые металась по подземелью в поисках свободы: я всегда недоумевала некоторой скудности фауны

Кеприи. Сейчас же мне представилась возможность внести свой вклад, пусть даже и на краю мира.

Совершив грациозную проходку, я собрала воздух вокруг тела, изогнув руки, словно крылья, и кокетливо качнула головой: звездная стихия потянулась в подземелье темным шлейфом, сбивая с небосвода сверкающие капли, они укажут путь в коридоре вечности.

Ореол живого существа стал постепенно проявляться в наступившей темноте: это стихия ночи погасила все краски, чтобы с новой силой вспыхнуть ими в борьбе со стихией рассвета. Цвак не шевелился, глаза были закрыты, дыхание не тревожило грудь: он что, мертв? Я в панике сглотнула: воздух просочился сквозь стихию земли, ломая в беспричинной ярости все багровые побеги.

Я встрепенулась: нельзя бросать все на полпути, ибо стихии посчитают это предательством. Танец должен обрести свой финал, каким бы он ни был. Сжав зубы, выстукивавшие дробь, я махнула волосами, призывая стихии к завершению рисунка: воспрянув, воздух окутал меня сиянием ночи, подхватив под руки, передал в теплые объятия оранжевых лучей. Проведя ладонями вдоль тела, я собрала всю магию переплетенных стихий, раскрутила словно обруч, извивая стан, и нырнула вниз, давая возможность разноцветью заполнить собой все пространство подземелья. Миг, и оно осыпалось искрами, которые таяли в миллиметре от земли. Довольные стихии ласково шептали мне слова любви и верности, я же метнулась к бездыханному телу цвака.

Глава 20

Цваки, взявшись за руки, стояли вокруг меня, образуя ровный круг, и мерно гудели, напоминая трансформатор: я хихикнула – наваждение рассеялось. Зато вернулась спокойная уверенность в силах Мастера стихий. Змея, которая все это время спала, обернувшись вокруг тела, и даже не прореагировала на кокетливый танец со стихиями, вдруг подняла голову и бессловесно шепнула слова истины.

Я наклонилась к белобрысому цваку, нежно проводя пальцами по ровному ирокезу:

Сила льда – зеркала мира, чтобы отразить холод небытия.

Сила воды – чтобы омыть твою душу от следов безмирного пространства.

Сила огня – чтобы согреть твое сердце страстью существования...

С каждым словом, которые сочлились из моих уст, словно яд древней змеи, краски жизни возвращались к Ривизелю. Застонав, цвак приоткрыл глаза:

– Мел – ну кто же еще! – слабо улыбнулся он. – Только ты могла мне устроить подобную передрыгу! Знаешь, не очень приятно умирать второй раз в жизни...

– Второй? – удивилась я. – А в первый ты когда успел?

– А как, ты думаешь, меня Хен перетащила к себе? – уже почти ожил Ривизель, приподнимаясь на локтях. – Увы, таким, как вы, это запросто, а маленьким цвакам приходится туго – чтобы выскользнуть из мира, который считает тебя своим, нужно как минимум отбросить копыта. И это при сильной магической поддержке. Что там, как максимум, я даже боюсь и подумать...

– И не думай, – облегченно рассмеялась я, убедившись, что маг вполне жив и здоров, – тебе вредно!

– Зачем звала? – хитро сощурился Ривизель. – Неужто истосковалась? Не один ремень прошел, не один ходень, как ты вдруг соскучилась по мне... хотя, мне трудно сказать, сколько именно, я так и не привык к мерам времени в мире Хен.

– Ну, здесь прошла тысяча сот, – мягко улыбнулась я, помогая цваку подняться и поддерживая мужчину за талию. – Этого достаточно, чтобы соскучиться?

– Тысяча сот? – потрясенно повторил цвак, ошалело обводя взглядом остальных цваков, все еще не разжавших рук.

Те, в свою очередь, тоже косились на Ривизеля, как лошади на пожар, но пока с места не рвались. На меня же цваки вообще старались не смотреть. Я до сих пор не ведаю, как смотрится со стороны моя ворожба, но, судя по результатам и моим ощущениям в процессе, думаю, зрелище не для слабонервных... особенно, если не считать это представлением.

– Тысяча сот, – снова прошептал цвак, оглядывая кружевные строения: могу его понять – с деревьев сразу под землю – тот еще шаг. – Что здесь произошло?

– Хороший вопрос, – буркнула я. – Вот, собственно, поэтому я и притащила тебя обратно из страстных объятий самой великой лгуни в мире – старушки Хен!

Ривизель слушал мой рассказ очень внимательно, ни разу не перебив. С каждым словом его лицо становилось все мрачнее, приобретая жесткое выражение, которое знакомо мне по прошлому визиту: цвак в критической ситуации становится совершенно другим существом, поражая своей серьезностью и собранностью.

– Понятно, – сухо кивнул он, когда я завершила свой сбивчивый рассказ о подлом поступке Хранителя, который, возможно, приведет мир к гибели. – Что требуется от меня?

Вот это мне нравится: никаких воплей и вырывания цветных волос из ирокеза, только требование четких инструкций. Вот только последних у меня не было – так, лишь неясные наметки.

– Надо бы как-то разъяснить Роже, что это большое недоразумение, – растерявшись, проблеяла я. – Я подумала, может, он тебе поверит...

– А тебе он не верит? – размышлял цвак, что-то прокручивая в голове.

– Не то чтобы не верит, – протянула я, – просто не слушает. А в нынешнем состоянии вообще непонятно, во что он на самом деле верит – по нему ничего не видно. Камень! Хладный труп, который по недоразумению все еще дышит!

- Не сгущай краски, - поморщился цвак, оглядывая окружающую обстановку. - Здесь-то что?

- Вот так теперь живут твои сорасники, - я снова восхищенно окинула взглядом владения тукана. - Пошли по стопам анахов: вот только те в горах комнаты делают... а твои затейники подошли к задаче креативно: выдолбили целый город в подводных скалах, попутно заработав на этом немалые деньги. Думаю, что если мицар вдруг захочет утопить цваков, те легко научатся дышать под водой.

Цваки, стоявшие кругом, наконец, решили расцепить руки, хотя далось им это с трудом. Существа тут же заполнили все пространство, окружили нас галдящей толпой, поздравляли, восхищались работой Мастера. Я и забыла, как приятно получать овации.

Тукан подошел к Ривизэлю и преклонил колено:

- Если рожденный повелителем пожелает, я с радостью уступлю ему власть.

- Да на кой она мне нужна? - лицо Ривизэля вытянулось в недоумении. - Все в мире совершенно иначе, я вообще более похож на ходячего мертвеца, чем на повелителя... ну, во всяком случае, я уже больше иномиреец, чем даже Мел: она в любом мире будет чувствовать себя, словно дома - лишь бы там были стихии...

- Это тебе Хранитель сказала? - тут же уточнила я причину такой глубокомысленной мудрости, которую изрек принц: цвак не ответил, но я уже знала - это действительно так - и задумалась.

- Приветствую, - Ллер подошел к старому другу и сжал плечи Ривизэля: принц пристально взгляделся в постаревшее лицо цвака. - Да, мой друг, я уже не тот мальчишка, что сопровождал тебя на всех сомнительных вылазках... Здесь твои братья.

И он отступил в сторону, предоставляя братьям цвака потискать Ривизэля в крепких объятиях. С трудом выживший после такого горячего приветствия маг просочился сквозь толпу поближе ко мне:

- Мел, - он потянул меня за лямку платья, отвлекая от заоблачных мечтаний о множестве открытых передо мною миров. - А как мы попадем к мицару? Насколько я понял, добраться до Роже живым у меня еще меньше шансов, чем у тебя...

О, небо: а ведь цвак прав! И тут быстрой стрелой цваковского арбалета в голове мелькнула мысль:

- А что, если тебя замаскировать под одного из братьев? - воскликнула я, подтаскивая к Ривизэлю брата, которого спасла от проклятия. - Вы очень похожи, даже сейчас. И Ллер просто возвратится к мицару с двумя помощниками, одним из которых будешь ты! А приблизившись к Роже, откроешься ему и расскажешь о подлости Хен...

- Прямо-таки - подлости, - чуть поморщился Ривизэль, но, увидев мой тяжелый взгляд, осекся: - Ладно-ладно, как скажешь - рассказать о подлости Хранителя! Одна проблемка - как нанести на меня лоск силы анахов?

- Ну, в принципе, я смогу это сделать, - чуть сомневаясь, отозвался Ллер. - Уже хорошо то, что ты сейчас очень сильно отличаешься от нынешних цваков: не внешне, по магии. А маскировку я тебе сделаю, так что план Мел вполне осуществим. Более того, я не вижу иного выхода. Но, Мел: думаю, тебе тоже необходимо присутствовать в этот момент рядом с мицаром.

- Эх, жаль, что я не сойду за второго братца, - протянула я. - Придется воспользоваться старым путем - позволить ищейкам схватить меня...

- А вот этого сейчас тебе делать никак нельзя, - предупредительно махнул рукой Ллер. - В схватке я не смогу тебя прикрывать, ибо ищейки раскусят меня, а мицар сразу узнает, что ты обрела свою настоящую силу.

- Как все непросто, - растерянно буркнула я. - Ну, что же, тогда просто постучусь в ворота: вот она я, верните меня, пожалуйста, в гарем, а то жизнь на свободе не мила!

- Гарем? - враз заинтересовался Ривизэль, с цвака мгновенно слетела вся его серьезность: вот лис! - Мицар завел гарем?

- Что, завидно? - я показала цваку язык. - Вот так-то: мицар считает, что ты нагло переманил меня, поэтому сам решил вышибать клин клином, завел себе сотенку моих почти точных копий... за исключением силы.

- Во народ развлекается, - протянул Ривизэль: глаза цвака горели любопытным огнем. - А подробности будут?

- Так, - мрачно подытожила я. - Похоже, планы меняются: это Ривизэля сразу в гарем, а меня - в

помощники Ллера. Вот только потом не жалуйся, если мицар вместо прекрасной девы нащупает тебя...

- Ну вот, - проворчал Ллер, оттаскивая Ривизеля в сторону, - встретились два одиночества! Пойдем, красавчик, буду делать из тебя чудовище.

Пока мы с туканом обсуждали, куда девать стаи разноперых птиц, в панике мечущихся под сводами подземного городка, к нам вернулся Ллерекайен, облаченный в плащ анахов. За спиной верховного мага маячили еще две фигуры в длинных черных плащах. И тут из-за спин прибывших высунулась донельзя довольная мордаха брата Ривизеля:

- А вот он я! - с видом фокусника на ярмарке прокричал цвак.

- Невероятно, - развел руками тукан. - Я бы поклялся, что это - как раз те самые подозрительные типы, что свалились на мой остров не так давно...

- Будем надеяться, что мицара тоже введет в заблуждение мой маленький трюк, - с довольным видом кивнул Ллер, откидывая широкий капюшон на спину. - Кстати, Мел, - обратился он ко мне с хитрым выражением на колоритном лице, - если ты вдруг передумаешь ломиться в гарем мицара, у меня родился запасной план. Если мы скажем, что с риском для жизни освободили тебя из лап лесных цваков, ты очень будешь ругаться, что мы отнимаем лавры у слабой беззащитной девушки?

- Не очень, - улыбнулась я. - Так, пару тарелок разобью и все. Только ты не очень напирай про риск. Думаю, мицару прекрасно известно, что подобные отбросы общества напрочь лишены силы как таковой, посему и отыгрываются на беззащитных девчонках...

- Надо бы тебя связать, - задумчиво оглядел меня Ллер.

- Ой, - испугалась я. - Если бы это сказал Ривизель, я бы и не обратила внимания, поскольку его эротические фантазии всегда зашкаливали, но от тебя, Ллер, я такого не ожидала...

Лицо Ривизеля вытянулось:

- А зачем связывать? При чем здесь фантазии? - Но я лишь отмахнулась от любопытного цвака.

- Связать, чтобы было понятно, что ты - пленница, - с укоризной воззрелся на меня Ллер. - Есть идеи?

- Ну, в прошлый раз ищейки доставили меня на блюдечке с голубой каемочкой, - задумалась я.

- Что? - удивленно моргнул цвак. - Но, в любом случае, магия ищейек не подходит. Это анахи, с рождения тренированные особенным образом, и смысл их жизни заключен в служении. В прошлом - порфиноосцу, сегодня - мицару. И магия у них особенная, тайны которой не разглашаются и крайне тщательно охраняются самими ищейками. Это было сделано для того, чтобы найти и пленить даже самого сильного мага из расы анахов, если это прикажет повелитель. Скрывать от них тощую девицу - одно, а тягаться с ними силами - совершенно другое...

- Ничего не тощую! - возмутилась я, выпрямившись: так грудь кажется больше. - И вообще, это ваша проблема, можете вообще сказать, что я сама так испугалась, что слезно просила взять с собой и даже веревочкой обвязалась для удобства...

Нам пришлось опять добираться самим, так как Ллер напрочь отверг мое предложение немного полетать: видите ли, ему трудно скрывать магию при движущемся объекте, то есть, меня, движущихся стихий, да еще если и он сам в центре этого безобразия. Единственное, чем нам смогли помочь цваки - выделили парочку морнеев. Головой те работать не умели, но гребли с исключительной скоростью. Так что основной путь мы проделали прямо по воде, доплыв до долины Кабал. Из долины до Лив'утвао нас с Ривизелем перенесли Ллер с помощником.

Я впервые оказалась перед входом в это в высшей степени интересное место, поэтому смотрела во все глаза: длинная дорога, с определенного момента скрывающаяся в багровых лесах, шла по прямой, почти без поворотов. Меня не покидало ощущение, что это когда-то была долина, но однажды здесь произошло нечто вроде землетрясения. И равнина выкинула ввысь пики гор. А в других местах, для равновесия, земля рухнула вниз. И только дорога осталась на уровне прежней равнины.

Поежившись, я посмотрела вперед, на цель нашего путешествия: дорога резко упиралась в высокий пик, словно великан воткнул в землю гигантский столб. Ни дверей, ни ворот, ни окон в горе не было видно. Как в Лив'утвао проходят путники, пока оставалось загадкой.

- Ну вот, - тихо произнес Ллер. - Мы обозначили себя, теперь можно перемещаться в зал пристней. И если мы не вызовем подозрений, то попадем к мицару.

- Как все не просто, - прошептала я в замешательстве. - Я и не подозревала о такой мощной охране, вспомнить только линию, словно посыпанную пеплом, которую я видела в лесу...

- Не все тебе ходить через черный ход, - хитро ухмыльнулся Ривиэль. - Пора разок и через парадный прогуляться. Так, для разнообразия.

Миг, и мы оказались в невысокой длинной черной зале, сплошь уставленной чучелами... Приглядевшись, я поняла, что это не чучела, а нечто вроде военного музея - много разнообразнейших костюмов на деревянных копиях анахов, при каждом виднелось какое-то оружие.

- Впечатляет, - промолвила я, разглядывая странные одеяния. - Это все костюмы воинов? О! Вот этот я помню... - и добавила с тоской, - Роже был в нем в нашу первую встречу.

- Это форма верховного мага, которую носили тысячи сот назад, - печально покачал головой Ллер. - Сейчас она уже другая.

- Не заметила, - фыркнула я. - Плащи те же, а остальное все равно не видно! А где же эти... пристни? Или тут что-то вроде рентгена? - Ллер удивленно поднял брови. - Ну, нас просвечивают специальными лучами, дабы выяснить, что мы собой представляем.

- Что-то вроде этого, - цвак посмотрел на меня с уважением. - Только постарайся больше не пользоваться своей силой хотя бы сейчас, это может привлечь ненужное внимание. А я тебя уже не смогу прикрывать в Лив'утвао.

Я пожалала плечами: не буду же объяснять, что просто хотела пошутить, а не применяла силу, чтобы узнать, как устроена система пристневого досмотра.

Прошло совсем немного времени, как в конце узкого помещения открылась широкая дверь. Воздух в помещении пристней, освещенном магически, померк перед солнечным светом, ворвавшимся в зал через дверной проем: мы поспешили в соседнее помещение. Войдя в дверь, я ахнула от восторга: огромная высокая зала с круглыми окнами на потолке была похожа на зал во дворце, где постоянно проходят балы: все сверкало, искрилось и переливалось до боли в глазах. Немного привыкнув к ярким солнышкам, добродушно подмигивающим из каждого зеркала, с каждой грани искусно отшлифованного камешка, я обратила внимание на пустоту.

Натертый до зеркального блеска пол не был покрыт ковром, что так не похоже на анахов, предпочитающих в интерьере комфорт и мягкость, заглушающую шаги. Не было ни каменного низкого столика, ни пуфика, ни какой-либо еще мебели. В сравнении с богатой отделкой, пугающая пустота не вязалась никак.

- Здесь всегда так... прибрано? - растерянно спросила я цвака.

- Простите, я должен уйти, - нахмурился маг, возвращаясь в зал пристней.

Следом за ним с такой же удивленной физиономией отправился брат Ривиэля: мы с Ривиэлем переглянулись - как-то все это подозрительно. Дверь с шумом захлопнулась, отделяя от нас друзей. Посредине зала чуть за клубился серебристый туман, являя мицара. Роже был один, стоял неподвижно, пристально разглядывая, как я испуганно прижималась к цваку. Я тут же отпрянула, чуть покраснев. Неопределенно покачав головой, мицар направился в нашу сторону. Я дернула Ривиэля за рукав.

- О! Дружище! - тут же широко улыбнулся Ривиэль. - Столько сот прошло, а ты все такой же... только немного не в себе, а так все такой же!

- Что ты несешь! - яростно прошептала я. - Давай по существу!

- А, да, - еще шире улыбнулся цвак. - Тут, значит, такое дело: Мел и я... ну мы не вместе... да и не были никогда... за исключением помолвки. Но это дело былое, так вот...

Мицар шел размеренным шагом, не проявляя никаких эмоций, все как всегда. Вот только, поравнявшись с Ривиэлем, он все также спокойно достал острый нуч и проткнул живот Ривиэля. Я вскрикнула от ужаса, а цвак медленно осел на пол, судорожно вцепившись в рукоять нуча: по фиолетовым пальцам заструилась багровая кровь. Он с недоверием посмотрел на анаха, а потом закрыл глаза и завалился на бок.

- Нет, - вскрикнула я и, словно очнувшись, бросилась к Ривиэлю с намерением исцелить его, пока не поздно...

Но была тут же отмечена силой мицара. С размаху припечатавшись о стену, больно стукнулась спиной о красивый излом, украшенный ограненными камнями, и в бессилии опустилась на пол.

- Почему? – спросила я одними губами, в ужасе наблюдая за спокойствием Роже.

- Тебя я простил, – невозмутимо ответил мицар. – Его предательство я не прощу никогда.

- Так ведь не было никакого предательства, – я почувствовала, как по щекам заструились слезы. – Ты убил друга, который ничего тебе не сделал. Он даже не знал, что мы с тобой разлучены. Хранитель забрала его из Кеприи прежде, чем он узнал...

Мицар немного помолчал, спокойно наблюдая за мной.

- Ты пришла, чтобы быть со мной? – холодно спросил он.

- Мы словно на разных языках разговариваем, – горько рассмеялась я, опуская лоб на ладони. – Тебя совсем не интересует правда? Я-то с тобой, и всегда была с тобой, даже находясь в другом мире. А вот ты теперь не со мной. Ты принадлежишь стихиям, которые завладели тобой после того, как ты поработил их. И теперь любая твоя эмоция, обращенная ко мне, наказуема. Такая жизнь меня не устраивает. Это не жизнь – видеть, как день ото дня мучается любимый человек. Как он убивает тех, кто ему дорог, как он убивает самого себя, оставляя только оболочку в угоду жадным стихиям внутри. Это уже не те свободные созидательные силы, что подарены природой, это – отравленная жижа разных цветов, которая испытывает удовольствие от того, что мучает тебя, давая иллюзорное ощущение могущества. Да, конечно, тебя боится каждое существо в этом мире, все готовы ползать перед мицаром на коленях... Но тебе-то что за радость от этого?

- Я вернул тебя, это главное, – ровным тоном отозвался мицар, не меняя положения тела ни на мгновение и не отрывая от меня оранжевых глаз.

- Зачем? – взвыла я. – Чтобы я полюбовалась на хладный трупик? Ты напоминаешь мне петуха с отрезанной головой: уже мертв, но еще сам не знает об этом, наворачивая круги по курятнику... Тебе самому нравится такая жизнь?

- Нет, – хладнокровно качнул головой мицар. – Но иного варианта у меня нет. Я думаю, ты и сама это поняла, когда освободила стихии...

- Ты знал об этом? – я похолодела, покрывшись потом от ужаса: что еще он знает? – Откуда?

- Стихии внутри меня сразу ощутили твою нынешнюю легкость, – признался Роже. – Но лишь Мастер стихий может выжить, освободившись от пожирающих его изнутри стихий и остаться при этом живым. Я же не питаю излишних надежд. И не понимаю, что ты хочешь от меня сейчас?

- Хоть малейшего проявления чувств, – жалобно протянула я. – Покажи, что ты живой и не будешь просто так уничтожать этот прекрасный мир!

- Я и не собирался уничтожать его, – пожал плечами чуть опешивший мицар. – С чего ты взяла?

- Дзеты Марвии так сказали, – прошептала я: ну вот, опять поверила стороннему существу, видимо, горький опыт меня ничему не научил. – Но, может, это не ты, а стихии в тебе стремятся принести гибель Кеприи.

- Зачем? – рассудительно отозвался Роже. – Тогда они сами канут в небытие.

- И то правда, – пробормотала я: тут было от чего сойти с ума – столько телодвижений впустую!

И вдруг огромное круглое окно посередине потолка разлетелось на куски, внутрь влетело уже знакомое мне серебристое чудище.

- Ну, вот и зеленые человечки пожаловали, – растерянно констатировала я. – Принимай гостью, мицар: это Хранитель!

Серебристый дракон плюхнулся брюхом на пол, усеянный стеклянными осколками, и поплыл в очертаниях, превращаясь в тоненькую фигурку хрупкой девушки с черными волосами.

- Ривизель! – отчаянно взвизгнула она, бросаясь к мертвому телу.

Растерянно потрогала окровавленный нуч и обернулась, вперив в меня ненавидящий взгляд.

- Что, подруга, – горько усмехнулась я. – Не принесла тебе ложь счастья? Вот новость: она и мне принесла одни страдания – посмотри, что ты сделала с Роже, всего лишь сказав ему, что его любимая убежала с другим. Он осерчал и зарезал собственного друга! Ну, что теперь будем делать?

Хен зарычала, словно настоящая тигрица, и снова поплыла в очертаниях. Я приготовилась вновь увидеть серебристого дракона, но прогадала: перед нами разрастался огромный сиреневый вихрь. Он срывал с выступов стен сверкающие украшения, бил стекла в круглых окнах, вбирал в себя все

осколки, насыщаясь смертоносным материалом.

- Роже! - вскричала я в панике, хватаясь за выступ, который еще недавно доставил мне боль: теперь он давал иллюзию спасения, удерживая мое тело от сумасшедшего вихря, сметающего все на своем пути.

Мицар спокойно скинул плащ, который тут же засосал ненасытный фиолетовый смерч, и поднял вверх руки: из ладоней мага в стороны поползли длинные жуткие черви различных оттенков золотого. Я содрогнулась, воочию увидев ущербные стихии, заключенные в физическом теле.

Золотистая субстанция расплзлась по полу, не испытывая никаких затруднений от бушующего вихря. Постепенно они заполнили все пространство залы, переплетаясь и шевелясь, словно дыша.

С трудом подавив приступ тошноты, я с омерзением наблюдала, как все увеличивающиеся змеи поглощают воздух, притесняя фиолетовый смерч, не давая тому увеличиваться, замедляя движение.

Хен, видимо, поняв, что эта магия исчерпала себя и не даст лучшего результата, засеребрилась и вновь приняла облик красивой девы. Роже опустил руки: змеи, заполонившие залу, опали на пол горами золотистой пыли.

Чихнув, я встала, отпустив спасительный выступ, и тщательно стряхнула с платья остатки желтой пыли.

- Вы друг друга стоите, ребята, - проворчала я.

Хранитель жестко усмехнулась и растеклась по полу полноводной рекой, постепенно заполняя всю залу, проносясь по зеркальной поверхности смертоносной волной: я испуганно вдохнула и задержала дыхание, поднырнув под бурлящую от гнева воду.

Вынырнув на поверхность, перевела дыхание и увидела зависшего под потолком Роже. Мицар протянул руки к бушующей стихии воды: из середины ладоней в воду уходили яркие лучи, оставляя на поверхности облака пара. Вода мгновенно нагрелась: я взвизгнула и по многочисленным выступам забралась повыше. Обнаружив небольшую балку, поддерживающую высокий свод, уселась на нее, удобно свесив ноги.

Лучи, бьющие из ладоней анаха, становились ярче, почти мгновенно иссушая потоки воды. Роже не опустил руки даже в тот момент, когда жалкая лужица на полу чуть засветилась серебром, пытаясь сменить облик. Он жестко уничтожил угрозу, не давая Хен больше ни малейшего шанса спастись. Он и так один раз отступил, предоставив девушке время одуматься. Весьма благородный поступок, что бы ни говорили про мицара.

Последняя капля воды обратилась в серебристое облачко, которое приобрело прозрачные очертания Хен. Девушка упала на пол: иссушенная, она еле дышала. Я осторожно спустилась вниз по искромсанным битвой титанов стенам и подошла к Хранителю.

- Ее не спасти, - тихо проговорил Роже, - даже тебе...

- Что с ней? - я с сожалением провела пальцами по холодной коже Хен: в том месте, где касались мои пальцы, проявился темный след.

- Она отравилась стихией солнца, точнее, стихией солнца и стихией пустыни, которыми мне пришлось защищаться, - пояснил мицар, хладнокровно наблюдая, как умирает Хен. - Она была очень зла и стихиям пришлось по вкусу.

Я растерянно глядела, как тает стройное тело девушки, как оно чернеет и съеживается, словно бумага, обгоревшая на палящем солнце в самом сердце пустыни...

Внезапно Хен открыла глаза и посмотрела на меня:

- Ты можешь все исправить, - чуть слышно прошептала она, из последних сил дотянувшись до сломанного серебристого цветка, украшающего ее иссиня-черные волосы. Вытащив заколку, вложила цветок мне в руку. - Скажи ей, что она - глупая, ревнивая женщина! И... прости меня...

Хранитель обмякла, растеряв последние силы: стихии делали свое дело, быстро пожирая все, что осталось от девушки. Вскоре на полу передо мною остались лишь очертания тела Хен, очерченные пеплом.

Мир померк, как будто на яркие лампы надели черные чехлы. Я недоуменно оглянулась на небо: нет, солнышки на месте. Вот только они уже не были теми яркими веселыми близнецами, что из озорства устраивали по утрам мне легкую щекотку.

Небо стало глубоким, почти ночным. Краски потускнели, словно мир стремительно становился

черно-белым, устав постоянно окрашивать себя в яркие цвета.

Глава 21

- О, нет, - прошептала я, глядя, как сереют разноцветные осколки стекла, в беспорядке валяющиеся на полу. - Что же это получается, если Хранитель умирает, то и мир стремится прекратить свое существование?

Роже не ответил: мужчина стоял лицом к разбитому оконцу, заложив руки за спину и пристально смотрел вдаль. В дыры, оставшиеся на месте окон, торопливо проникал холодный ветер, обдавая все вокруг ледяным дыханием: я поежилась в коротеньком платице. Кожа уже приобрела синюшный оттенок. Еще немного, и я стану очень похожа на анаху. Мицар же явно не испытывал никаких неудобств: я упрямо тряхнула головой.

- Значит, угроза миру была не совсем в мицаре, - прошептала я, буравив взглядом неподвижную фигуру анаха. - Дзеты показывали лишь лицевую сторону надвигающейся беды, а на самом деле во всем виновата я сама! Если бы не притащила сюда Ривиэля - он бы жил себе дальше с Хен где-то в ином месте и вполне счастливо. Да и Хранитель не рвалась бы отомстить за любимого. Я сама, совершенно добровольно, привела мир к гибели...

- Не говори ерунды, - хладнокровно проговорил мицар и, стремительно развернувшись, подошел ко мне. - Ты говоришь, были предсказания, что мир умрет... это уже знак того, что в мире что-то происходит неправильно. Проще всего взять вину на себя и горевать до конца дней, посыпая голову пеплом. Но Мастер стихий никогда так не поступала: ты должна знать, что стихии свободны и вольны поступать, как им хочется. Так и мир свободен...

- То есть, ты хочешь сказать, - побледнела я. - Что Хен так же владела миром, как ты - стихиями?

- Ну что ты, - чуть не рассмеялся мицар, потом поморщился, словно от резкой боли. Выпрямившись, он продолжил: - Я совершенно добровольно глотал стихии одну за одной, пока не достиг пика могущества. Хранитель же родилась вместе с миром, она - его часть. Очень важная часть, без которой ему трудно обходиться, а сейчас почти невозможно...

- Ты знал, что, убив Хранителя, приведешь мир к гибели, но все равно уничтожил Хен! - с тоскою в голосе протянула я. - И она прекрасно все осознала, нападая на тебя: вы чем-то похожи в своей силе. Стихии подчиняются вам, но Хен была явно слабее и намеренно шла на смерть. Но почему именно сейчас?

- Потому, что мир давно шел к тупику в своем развитии, - жестко ответил мицар. - Как раз в данный момент мы уперлись лбом в мощную стену, но продолжаем буравить ее лбами. И каждый его житель старательно вносит лепту в ретроградное движение. Это наказуемо по законам стихий. Ты это чувствовала, поэтому и не готова была смириться с происходящим. Знала, что нужно что-то менять, но не понимала, что. Поэтому и делала то, что подсказывало сердце. Увы, часто эта мышца не самый лучший наш советчик.

- А что будет дальше? - с замирающим сердцем спросила я у Роже.

- Если мы и дальше будем бодать неприступную стену, она попросту развалится, придавив камнями все живое, - спокойно объяснил анах. - Или же мир вдруг просветлеет и развернется обратно... но, чтобы просветить об этом всех существ, живущих в Кеприи, понадобится не одна сота, так что это просто нереально... Камни уже крошатся, и результат ты видишь - процесс необратим.

- Значит, мир медленно погибает, - потрясенно прошептала я. - И ничего нельзя сделать...

- Ну, почему же, - анах притянул меня к себе, - можно. Можно попытаться прожить остаток жизни так, как всегда хотелось. Ты требовала эмоций от меня, сейчас я готов дать тебе все, что ни попросишь.

- Но ты при этом умрешь! - в ужасе воскликнула я. - Стихии не отпустят тебя!

- Мы все скоро погибнем, милая, - почти нежно прошептал Роже, но лицо его перекошилось от боли, которую причиняли мужчине ревнивые стихии. - Так пусть это будет смерть во имя любви... Ты спрашивала, не жалею ли о прошлом? Теперь я могу позволить себе это чувство: как бы я хотел все вернуть!

Сердечко екнуло, мысль ясно озарила разум:

- Вернись в колыбель мира... - с изумлением повторила я. - Знак единства! Роже, ты говоришь, что готов на смерть ради любви. А готов ли ты отдать мне все силы, зная, что останешься беззащитным перед стихиями, во имя нашего будущего?

- Успокойся, Мел, - чуть улыбнулся Роже, прижимая меня к груди. - Даже Мастеру стихий не под

силу повернуть мир от неизбежной гибели. Зная, ты могла бы попробовать сделать это чуть раньше. Но долгое время сама отворачивалась от силы стихий, а обрела свое могущество слишком поздно...

- Поверь мне, - я обхватила руками лицо любимого и заглянула в прекрасные глаза, полные нежности и боли. - Постарайся сейчас восстановить свое хваленое равновесие: нам потребуются все силы, и ты не можешь потерять ни капли, отдавая их прожорливым стихиям. Мне нужен Ллер и немного времени, чтобы закончить здесь парочку дел. Я скоро вернусь.

- Цвак? - удивленно переспросил мицар. - Но он подвергся наказанию за измену, которую совершил, помогая Ривизлю проникнуть в Лив'утвао...

- Только не говори, что он уже мертв! - вскрикнула я. - Без цвака я не смогу завершить дела достаточно быстро. Что за манера, всех убивать!? Кто теперь будет транспортировать меня по Кеприи?

- Подожди, - жестом остановил мои стенания анах, - может, он еще жив. Судя по нерасторопности моих подданных, это может случиться.

Он быстро вышел в обрушенный провал на месте двери. Удивительно, но за время битвы в зал не сунулось ни одно существо. То ли анахи побоялись вмешиваться в битву сильнейших, то ли просто опасались гнева мицара, не смея без приказа даже пытаться помочь повелителю.

Через пару унов в огромную дыру в потолке, которая еще недавно была ни чем иным, как величественным окном, влетел серый вихрь ищейки. Недовольно бурча, он развоплотил смерчик, выпуская из завихрений цвака, окруженного сияющей силой с бледно-голубой полосой. Я усмехнулась:

- Ну вот, теперь мне самой принесли цвака на тарелочке с голубой каемочкой, практически свалили на голову! Жаль, что ты не мужчина моей мечты!

- Что вы тут устроили? - потрясенно осматривался чуть потрепанный маг.

Ищейка ходил взад-вперед, размахивая руками и крайне эмоционально выражая свое недовольство тем, что пришлось отпустить жертву. Тем не менее, он не мог заставить себя просто уйти, инстинктивно охраняя цвака.

- Так, небольшие семейные разборки, - отмахнулась я, радуясь, что тело Ривизля скрыто под горами желтого песка. - Мне нужна твоя помощь, Ллер. Ты наверняка заметил, что мир изменился...

- В смысле? - растерянно оглядываясь, уточнил цвак.

- Ну, как же, - я обвела рукой, обращая внимание мага на потемневшее небо и потускневшие краски, но взгляд цвака был все таким же непонимающим.

- Они не видят, Мел, - объявил мицар, возвращаясь в зал. - Это нечто вроде прощального подарка мира - невидимость угасания. И это весьма гуманно: нет пытки хуже, чем обреченное ожидание смерти без капли надежды на спасение, смерти не только твоей, но и всех, кто тебе дорог. Не всякий может оценить этот дар и проклятие. Но я считаю, что нам повезло: стихиям не надеть шоры на глаза владеющего ими, укрыв от правды.

- Неважно, - нетерпеливо отмахнулась я. - Ллер, ты теперь переходишь в мое личное распоряжение, так что растерзание, к которому приговорил тебя мицар, откладывается... Я вообще не понимаю, к чему сейчас дополнительные наказания, при сложившейся-то ситуации!

- Цвак предал мицара и должен понести наказание, - маньячно сверкнул желтыми глазами ищейка.

- Роже, будь добр, отзови свою псину, - попросила я мицара.

Анах повелительно махнул рукой, и ищейка просто исчез.

- Перенеси меня к Марвии, - попросила я цвака. - Сможешь?

- Ну теперь, когда не приходится тебя прятать...

Ллер виновато покосился на мицара и обнял меня. Миг, и мы стояли на острове ведьмы, обдуваемые вялым ветерком. Свободные стихии Кеприи становились все слабее - надо спешить.

- Марвия! - заорала я во все горло, не имея возможности искать юркую старушку.

На мой дикий рев выскочили все жительницы островка. Вера летела впереди всех, распахнув объятия: даже при вялости, навеваемой близким концом, девушка освещала мир своей неистребимой жизнерадостностью.

- Девочки, только быстро, мне нужны ваши имена и адреса, телефоны, по которым раньше можно было вас найти в мире, - торопливо проговорила я. - Марвия! - вскрикнула я, углядев, наконец, сонную старушку. - Тащи бумагу и чернила - пусть пишут адреса и явки!

- Что происходит? - деловито осведомилась Марвия, доставая из одного из многочисленных мешочков письменные принадлежности.

- Конец света близок! - вращая глазами, замогильным голосом прошептала я ведьме. - Все, как ты предсказывала. Вот только забыла уточнить, что если бы я не старалась спасти мир, то он бы еще какое-то время простоял. Но теперь уже неважно, главное - я знаю, как все исправить! И я хотела сказать - прости меня за то, что не могу взять тебя с собой, умирающий мир цепко держит своих пленников в болоте иллюзий. Зато этих девочек я смогу спасти, бедняжки снова будут жить в своем привычном мире, словно жизнь в Кеприи со всеми ужасами и лесными цваками, гаремами, была лишь страшным сном...

- Нет, - схватила меня испуганная Вера, умудрившись подслушать наш тихий разговор с ведьмой на фоне общего девчачьего гвалта, поднявшегося из-за воспоминаний о прежней, нормальной, жизни. - Я не хочу! Мел, не возвращай меня!

- Это само собой произойдет, - растерянно улыбнулась я.

- А ты сама вернешься? - с подозрением уточнила девушка.

- Я - другое дело, - пожав плечами, сообщила я. - А почему ты не хочешь возвращаться? Тут все, словно в фантастическом сериале, а ты не обладаешь ни каплей силы, чтобы защитить себя...

- Мел, - проникновенно сказала Вера. - Кто я дома? Неизвестная сирота без роду и племени, у которой даже парня нет, поскольку ни один не вынес моих чудачеств. Здесь же я нашла любовь... ты и сама должна это понимать.

Я опешила - вот уж никак не думала найти единомышленника, считая, что девушки все несчастны и только лишь пытаются выжить в страшном незнакомом мире.

- Ну, попробовать можно, - с сомнением протянула я. - Но учти, возможно, тебе придется умереть, чтобы воскреснуть в другом мире... и даже про «воскреснуть» я не уверена. Готова рискнуть жизнью ради счастья?

- Без колебаний, - твердо ответила Вера, поразив меня своей уверенностью. - А Рада ты сможешь взять с собой?

- Увы, - я с сожалением посмотрела на девушку. - Это точно не в моих силах - мир должен оставаться точно таким же, как был, иначе моя ворожба может привести совершенно к другому результату. Так что тебе потом придется самой улаживать эту проблему...

- Мне надо поговорить с ним, - задумчиво пошарила глазами девушка в поисках валла. - Не уходи без меня, ладно?..

Я собрала разрозненные листочки с кривыми записями девушек, сердечно попрощалась с Марвией и подошла к хмурому Ллеру, все время державшемуся в стороне:

- Все-таки мир погибнет? - мрачно уточнил он. - Почему ты мне сразу не сказала?

- Он уже погиб, - с сожалением улыбнулась я цваку. - Просто это - лишь агония, видимость жизни. Поэтому нет времени, нужно беречь каждую уну, чтобы попытаться исправить все, спасти ваш мир. Но если удастся, он будет другим. Этот мир все равно умрет, потому что он, повторяю, уже мертв, и это невозможно исправить.

- Я готова, - подбежала к нам раскрасневшаяся Вера.

- В смысле? - удивился цвак. - Хочешь сказать, я должен тащить вас обеих? Ты помнишь, что цвак может переместить только одно существо?

Я задумалась, как быть, но тут к нам подскочила неугомонная старуха:

- Эх, раз такие дела, придется мне попробовать эту науку. Перемещаться сама я научилась давно, правда, старалась не очень часто употреблять это умение, чтобы не привлекать нездоровое внимание анахов. А теперь можно попытаться переместить одну из вас... куда?

- В Лив'утвао, - указала я конечный пункт перемещения, слегка пожав плечами. - Там все началось, там все и закончится.

Марвия обняла притихшую Веру и сосредоточилась. Очертания девушек слегка поплыли,

прозрачность усиливалась до тех пор, пока не раздался негромкий хлопок, и под изумленными взглядами девочек парочка исчезла из виду.

- Получилось, - пораженно прокомментировал цвак, - вот уж не думал, что такое возможно. Все-таки полукровки не так просты, как кажутся. Напомни это, пожалуйста, тому, новому Ллеру, пусть поразмышляет об этом на досуге.

- Постараюсь, - я перекрестила за спиной пальцы: и не подумаю!

Пусть Марвия и похожие на эту чудесную женщину живут спокойно. Как хорошо, что Ллер не достиг высот своих сорасников, живущих под землей, и не может читать меня, как открытую книгу.

Цвак же быстро переместил нас в разгромленный зал Лив'утвао, где на том же месте и, кажется, в той же позе, ожидал мицар. Я бросилась к Роже, отмечая, что небо потемнело еще больше, хотя оранжевые солнышки изо всех сил пытались прогнать дурман тьмы.

- Роже, - воскликнула я, хватая мицара за руку, - после того, как я начну свой танец, отдай мне все силы, весь запас магии, как тогда, в битве с темным магом, помнишь? Это и есть единство: моя способность к магии стихий и твоя сила дадут новое рождение миру, второе рождение, понимаешь?

Мицар озадаченно смотрел на меня, не в силах поверить, что выход настолько прост. Я и сама не могла поверить, но выяснить, права ли я, можно было только одним путем.

Я прошла в середину зала, ступая босыми ногами по острым осколкам стекол:

- Поживешь с анахами, сразу станешь просветленным йогином, - проворчала я, стряхивая со стоп прилипшие стекляшки. - Условия просто на грани выживания! Вон Верка потихоньку синееет, правильно: на дворе ремень, зачем тепло одеваться? А предупредить девушку у меня ума не хватило... как и не хватило догадливости и себе прихватить нечто, не столь напоминающее широкий пояс с ляпочками. Повыпендриваться захотелось, видите ли, ножки показать... синие. Хотя, как раз это анахам понравится, хотя мне грозит гангреной!

Глубоко вздохнув, я попыталась настроиться на магию стихий, ловя ноты песен сфер. Не так-то просто оказалось отвлечься от неудобств, которые испытывало тело, но время поджимало: с каждой уной силы стихий слабели. Солнышки за окном приняли уже неизбежность темноты и сами почернели от горя.

Мелодия зазвучала неожиданно, как всегда: Медленно ступая по кускам мечты, Словно собирая детскую игру, Их соединяю - паззлы так просты, Но рожденье мира - кропотливый труд. Серебряные капли струятся из глазниц, Заигрывая с солнцем, подарят отраженья. Туманы под покровом опущенных ресниц Стыдливо наблюдают за вторым рождением. Поддавшись ласке ветра фривольной, облака Запутались в глубокой холодности озер. Лишь подчеркнув застенчивую нежность лепестка, Что наготу скрывает земли от мрачных гор. Пленяя нежной страстью, играет чаровница, В руках перебирая осколки миров. И в вечной книге новая, чистая страница В себя вбирает краски витиеватых слов.

Вмиг пропали холод, страх, неверие в собственные силы. Остались только я и стихии. Они пришли ко мне, чтобы помочь сохранить дом для этих непостижимых сил, ибо погибнет мир - и безвозвратно исчезнут стихии. Силы воздуха нежно подняли тело Мастера над полом, усеянным острыми осколками: я прошла по следу падающих звезд и окунулась в росу серебристого тумана Млечного Пути.

Стихии пронзали тело, грея душу, и выражали полную готовность помочь. Множество, великое множество самых разных сил витали сейчас вокруг меня, словно заботливые птицы вокруг одинокого птенца с раскрытым клювом: чьего именно червячка он примет?

Это было совершенно непостижимое ощущение, и я бы ни за что не променяла его на псевдомогущество, которое давали поработанные стихии. Пусть сейчас я не могла сделать себе из воздуха норковую шубку, или всласть полетать по миру, оседлав ветер, зато я могла подарить Кеприи второй шанс на жизнь, подарить себе второй шанс на счастье. Мицар и Хранитель показали мне битву двух существ, владеющих силами стихий. Я же сейчас играючи могла направлять эти силы, куда мне требуется, и не платить за могущество ни отравленным сердцем, ни невозможностью существовать в собственном же мире.

- Пора, - прошептала я мицару, зная, что любимый обязательно услышит мой зов.

Анах тут же отозвался, и в моем распоряжении оказался полный магический резерв. Привычно втянув в себя все предоставленные магом силы, я словно на своей шкуре почувствовала, с каким вожделением набросились на беззащитного Роже поработанные стихии, разрывая его сердце, кромсая душу в лохмотья. Я словно сама умерла вместе с любимым. Слезы орошали лицо, смешиваясь со стихией густого тумана, отозвавшегося на мои чувства.

Сжала зубы: смерть Роже – это лишь эпизод умирающего мира, нужно действовать дальше, потому что сила стихий тает, как снег под весенним солнцем. Я опустила на колени и оперлась спиной на стихию ветра: волнами тела посылая ураганные порывы, я разбила стекло окружающего пространства, легкой тряской бедрами охватила осколки мироздания в оправу стихии льда, сковав неотступное движение смерти. словно легкую шаль раскинула небосвод, усеянный мерцающими звездами, и спиралью закружила вокруг себя.

Звезды, не удержавшись на месте, горящими каплями падали вниз, словно с охваченных огнем паев, раскручиваемых мною во тьме ночи. Взмахи распущенным шелком волос привлекли текучую энергию воды в мой танец, которая заструилась по оковам льда, растворяя остатки привычной картины мироздания.

Теперь все вокруг мерцало в глубокой синеве, словно многочисленные кусочки слюды в недрах авантюрина нетипичного для себя цвета. Я не ощущала своего тела, полностью слившись с этой мерцающей энергией небытия. Нет, это не смерть, это тот неосязаемый материал, из которого рождается жизнь. Тянущая на себя вселенную черная дыра вакуума, взрывом рождающая новую сторону света.

И взрыв не заставил себя ждать: темные волны прокатились в пространстве бесконечности, вздыбливая следы чужих миров. Эхо прокатилось по всей Вселенной, возвещая появление нового мира. Да, Кеприя умерла, встречайте новую Кеприю! словно умытая слезами по своей кончине, она теперь сияет еще ярче, наполненная чудесами и вдохновленными стихиями.

Внезапно частицы, сверкающие на небосводе, собрались в маленькую точку, сверкнув так, что зарябило в глазах. Я проморгалась, пытаюсь вернуть ощущение мира: маленькая комнатка пришла на смену огромному пространству небытия. Я была дома, в своем мире, где родилась. Ах, как я отвыкла от того, что называю его «своим», ведь Кеприя мне ближе и роднее, особенно сейчас, ведь я приложила свои силы к ее возрождению... как и жизнь своей любви.

Взволнованная, я схватила пульт телевизора – так и есть! Завтра утром меня самым наглым образом вытурят из Кеприи! Еще есть немного времени, чтобы решить все вопросы в мире, который я покидаю если не навсегда, то очень надолго. Точнее, на «долго и счастливо»!

– Мел? – растерянно проблеял голос Веры из кухни: я хлопнула себя по лбу.

Ну, конечно! Как же я могла забыть еще об одном равнодушном к Кеприи сердечке?

– Вера, – отозвалась я, устремляясь на кухню. – Как хорошо, что ты здесь, это дополнительное доказательство, что все это не было сном!

– А это точно не было сном? – с какой-то болью в голосе уточнила девушка. – Я просто не переживу, что жизнь моя и любовь всего лишь бред сумасшедшей!

– Не переживай, – тепло усмехнулась я. – Если даже так, то в белой палате ты не будешь одинока. А теперь главное: у нас есть время до утра. У меня здесь дела, так что можешь мотаться со мною, а можешь прогуляться в последний раз по улочкам этого мира. Единственное условие – не общайся с собой, даже не пытайся попасться ей на глаза, лучше и сама на нее не смотри. Мало ли, чем может закончиться такое вот баловство со временем.

– И не собиралась, – фыркнула Вера. – У меня нет ничего общего с этой одинокой, несчастной девицей! Давай, я лучше с тобой! А что ты хочешь сделать?

Хороший вопрос. Так, для начала, написать письмо Леле. Встретаться с подругой я не хотела, незачем беречь единственную связь с миром. Пусть она останется в моей памяти светлым воспоминанием.

«Дорогая моя, – писала я. – Я уезжаю очень далеко с любимым человеком, – ну, почти что правда... за исключением человека, конечно, но не могу же я обозвать Роже чудовищем? – Прости, что сообщаю тебе так о своем решении, совершенно нет времени. Хочу сказать главное: ты всегда считала, что я – твой талисман. Что без меня ничего бы не получилось. Это... – я хотела написать, что подруга сама прекрасно справляется, а представление, будто я ворожу для наилучшего результата – лишь иллюзия, позволяющая быть более уверенной в себе. Что это ей не нужно, поскольку у подруги и так все будет в лучшем виде. Но вдруг подумала, что затейливые фантазии порою лучше голой правды: в нашем мире и так катастрофически не хватает волшебства. – ... конечно, так! Но я всегда буду поддерживать тебя, и расстояние для ведьмы – не предел! Вот адреса девочек. Это прекрасные танцовщицы... хоть они сейчас об этом не знают. Как хочешь убеждай их, тащи в группу. Если соберешь, у тебя будет идеальная команда: девочки ровненькие, словно сестренки-близняшки. И все получится, как мы мечтали, не сомневайся: будет и своя школа-студия, и высокий статус, и уважение коллег. У тебя это все уже есть, просто нужно немного времени, чтобы неизбежная удача достигла тебя. Я постараюсь как-нибудь навестить тебя, если получится, – я, немного подумав, все-таки дописала:

- Присмотрись к незавершенному строительству рядом с моим домом».

Конечно, это прямое вмешательство в процесс жизни, но ведь Леля сама дошла до вершин, которые себе наметила. А я лишь сопровождала подругу. Заклеив конверт с запиской и списками девочек, я позвонила в службу доставки. Да, конечно, с букетом цветов, ее любимые белые розы: порадовать подругу. Нет, сегодня не устроит, нужна доставка на завтра, но конверт надо забрать сегодня. Конечно, цена устраивает. Что мне теперь деньги мира? Кстати, о деньгах: если я вдруг собираюсь вернуться, то нужно утрясти вопрос с оплатой за квартиру.

С наслаждением приняв горячий душ, я переоделась в спортивную одежду и тут же поставила себе еще галочку: купить пару спортивных комплектов. И полегче, и потеплее, чтобы таскаться с Роже в романтические прогулки по горам. Маленькое кокетливое платьице брошено в корзину для грязного белья, хотя, скорее всего, его надо просто выбросить на свалку. И лишь маленький серебристый цветок перекачвал с платья в карман эластичных брюк.

Подхватив Веру, наслаждающуюся просмотром какого-то мыльного сериала, я отправилась по делам и магазинам, вытряхнув все свои сбережения из тайников. Уладив дело с квартирой, мы пошли в торговый центр. Тут Вера воскликнула:

- Вот что! Надо купить подарки: Марвии, Раду... что бы доставило им удовольствие?

- Не забывай, что они тебя не знают, - с мягкой улыбкой напомнила я. - Но идея хорошая. Я, пожалуй, тоже устрою милому сюрприз: угощу его на завтрак кофе с шоколадом. В Кеприи кофе нет, так что пара пачек с собой не помешает.

К вечеру, нагруженные пакетами, мы выгрузились из такси около дома. Смеясь и переговариваясь, поднялись в квартиру и уложили вещи в большие спортивные сумки: я надеялась, что смогу перетащить и их, в конце концов, в первый раз я попала в Кеприю даже с плеером и костюмами!

Уснуть мы, конечно, не смогли. Поэтому вышли на маленький балкончик: Вера со стаканом какао, я с малюсенькой чашечкой кофе. Наблюдая за одинокими прохожими, спешащими домой к ужину и яркому квадрату телевизора, Вера заметила:

- Интересно, как сейчас живут те девушки, которым суждено провалиться сквозь землю, чтобы затем появиться в Кеприи?

Я с интересом глянула на девушку: она что, правда перед этим куда-то провалилась?

- Вообще-то им уже суждено оставаться в этом мире до самой смерти, - усмехнулась я. - Так что если они и провалятся, то уже не в Кеприю, это точно.

- Как грустно, - как-то померкла Вера. - Ведь это было самое интересное в их жизни, а теперь они и не узнают про тот чудесный мир?

- Не понимаю, чего ты грустишь, - безразлично пожала я плечами. - Одной незадачливой сироте все-таки придется навернуться в загадочную глубину... Правда, я не знаю, что с ней случится. Скорее всего, упадет она завтра же и канет в небытие. Ведь ты-то здесь. А остальные и не догадываются о том, что могло бы приключиться в их жизни, так что не о чем и жалеть.

Вера замолчала, мрачно прихлебывая из своего стакана: похоже, я ее не убедила. Что толку жалеть о других: это не значит, что остальные девушки восприняли путешествие, как нечто захватывающее; скорее всего, они каждый день проклинали судьбу, занесшую их в этот негостеприимный мирок, где за каждым углом подстерегает опасность и нет привычных бытовых удобств.

Я смотрела на небо, усыпанное яркими звездами. Здесь они ближе и ярче, чем в Кеприи: там звезды напоминают таинственных восточных красавиц, открывающих миру лишь сверкающие загадкой глаза. Все остальное надежно скрыто дымкой серого тумана, простирающегося на высоком небе. И светлеющая полоска рассвета, зазывающая близняшек в путь дня, была не красной, а золотисто-оранжевой. Да, уже скоро рассвет. Задумавшись, я не заметила, как ушла Вера. Прихлебнув из чашки давно остывший кофе, я выплеснула остатки на улицу и зашла на кухню, тщательно прикрыв за собою дверь: неизвестно, сколько зим придется провести моему жилищу в ожидании визита своей хозяйки.

Разбудив Веру, я оглядела комнату, вспоминая, все ли дела завершила в прошлой жизни: впереди ждала Кеприя с ее чудесами и неординарными жителями. Дверь заперта, ключи на кухонном столе, все розетки отключены, форточки закрыты...

Сонная Вера стояла напротив меня, держась за лямку сумки так, словно это сумка незыблема, а Вера - лишь болтающаяся цапка для украшения. Вздохнув, я перекинула через плечо свой рюкзачок и приготовилась.

Ждать пришлось недолго: воздух в комнате засеребрился магией Хранителя. Неопределенный туман становился все более осязаем, пока на меня не уставилась я сама пятилетней давности. Девушка в розовом платье с фиолетовым отливом вздрогнула и рассыпалась на множество разноцветных змеек, закружившихся вокруг нас с Верой в сумасшедшем хороводе.

- Все, - констатировала я. - Круг завершен, умирающей Кеприи никогда и не существовало...

Конечно, не совсем приятно знать, что пять лет жизни скомканы, словно листок черновика, и выброшены в мусорную корзину за ненадобностью. Но это было достойной платой за все то хорошее, что ждет меня впереди: сердечко сладко замирало в предчувствии.

Ленты стихий мелькали все быстрее, превращаясь в ураганный ветер, который подхватил нас и разметал по воздуху, не оставив даже воспоминания о том, кем были еще совсем недавно эти сверкающие частицы.

Я очутилась перед дверью, ведущей в покои, где мы с Роже провели ночь вместе. Дверца была чуть приоткрыта: я осторожно заглянула внутрь.

Хен металась по комнате, судорожно хватая вещи: скрывала следы преступления. Кто же поверит, что женщина может сбежать, бросив все тряпки? По горам голой долго не пробегаешь, рискуешь превратиться в ледышку раньше, чем остынет твоя страсть.

Хранитель собрала вещи в кучку и щелкнула пальцами: легкий дымок, и тряпки исчезли без следа.

Спящий мужчина вздрогнул и приподнялся на локте:

- Мел?

Тут он увидел скукожившуюся от смущения Хен и встревоженно просил:

- Что происходит?

- Э, - заметалась девушка. - Мел... она ушла.

- Куда ушла? - с легкой угрозой в голосе спросил Роже, нашаривая что-нибудь из одежды, чтобы прикрыться: все правильно - после ночи любви у анаха не было времени одеться.

Я видела, что девушка в панике, она боится разоблачения: так тебе, змея, не будешь вмешиваться в чужую жизнь!

- Она... - надо прекращать этот балаган.

- Сбегала за кофе и булочками, - широко улыбаясь, договорила я за Хен, входя в дверь и бросая рюкзак в угол. - Что так удивлена, Хен? Я же быстро, всего пять лет прошло!

Хранитель нахмурилась, что-то прокручивая в голове: строит очередные планы, как избавиться от меня, неудобной. Но я тебе этого удовольствия не доставлю.

- Кстати, - я достала из кармана сломанный цветок и с невинным видом протянула его девушке, - это тебе привет из будущего. Одна Хранительница просила передать, что ты, цитирую, «глупая, ревнивая женщина»!

Хен сглотнула и растерянно покрутила в руках всученное мною похужлое украшение: точно такое же, новенькое и сверкающее, сейчас было в волосах Хранителя.

- И еще, - тихо произнесла я, подступая к Хен и буравя Хранителя взглядом, не обещающим ничего хорошего. - Теперь я в курсе, что сила стихий мною не заимствована. Более того, я знаю, что сила Хранителя гораздо слабее...

- Это угроза? - мрачно уточнила Хен.

- Это предупреждение, - устало ответила я. - Хен, твоя беспричинная ревность привела к гибели Кеприи. Не смейся, это лишь второе рождение мира, прежней Кеприи уже несколько унов как нет. Это магия Мастера стихий. И, кстати, - словно невзначай обронила я. - Возрождая мир, я избавила его от зависимости. Теперь, если ты погибнешь по возможной нелепой случайности, мир будет жить и процветать дальше. Так что, прежде чем сделать еще какую-нибудь глупость, дважды подумай, поскольку теперь девиз «После нас хоть потоп» не сработает. - Хен все еще с сомнением глядела на меня, не в силах поверить услышанному. - Ты ведь хотела сказать будущему мицару, что его Мел сбежала с любовником? - подмигнула я.

С каждым словом Хранитель хмурилась все больше.

- Иди к Ривиэлю, - с сарказмом усмехнулась я. - Не нужен мне цвак, что я - сумасшедшая, собирать коллекцию представителей разных рас. И не попадайся мне на глаза, второй раз я тебя не прощу.

И вяло фыркнула, вспомнив, как Роже из погибшего мира тоже дал Хен шанс, уничтожив ее, когда она им не воспользовалась. Но я очень надеялась, что теперь девушка будет умнее.

- Почему у меня чувство, что я что-то пропустил? - растерянно проговорил Роже, приближаясь ко мне: тяжелый плащ, обернутый вокруг бедер, волочился по мягкому ворсу ковра, приминая его не хуже тракторных гусениц.

- Ты пропустил... - начала было я.

- Мел! - жалобно раздалось из коридора. - Мел, ты где?

Я звучно шлепнула себя по лбу: ну опять про нее забыла! Простонав, я развернулась на каблуках и торопливо подошла к двери... чтобы захлопнуть ее. Я заслужила награду, и пусть весь мир подождет!

Обернувшись к любимому, я позволила себе насладиться зрелищем его обнаженного торса: Роже моргал, не понимая, что происходит. Тихонько взвизгнув, я разбежалась и кинулась на шею анаху, обхватив синий торс ногами: мужчина не удержался и шлепнулся на пол. Я рассмеялась и шепнула на ухо магу:

- Ты пропустил прелюдию, так что, давай сразу приступим к самому главному!

*Ступай за мною ветром поутру
По нежным лепесточкам первоцвета,
По мягкому зеленому коврику,
По нежным краскам сонного рассвета.
Суть бытия, природе петь хочу.
Я знаю совершенство ее тела.
Навстречу счастью ветром я лечу,
Чтоб доказать любовь свою на деле.
Миг неземной и снова наслажденье:
Рождается здесь счастье и покой.
И чудо окрыляет каждое мгновенье
Под нежный шепот: «Мой... мой... мой...».*

Конец

Примечания

1

Кавай – мелкий помещик.

2

Ревень – теплый период соты (сто дней года), составляет примерно две трети соты.

3

Коруг – морской змей, из очень эластичной кожи которого делают одежду.

4

Ванаги – мелкие неприметные птицы с громким криком.

Цваки – существа с прозрачной кожей. Сетка кровеносных сосудов под ней придает ощущение светло-фиолетового цвета кожи. Цвет волос у мужчин – признак статуса в обществе: гладко выбритый череп с невысоким прокезом ото лба к затылку, который переходит в длинную косу. Глаза преимущественно зеленого цвета, круглые. Женщины выбривают волосы на голове. Заносчивы, обладают магией в различной мере. Национальное оружие – рамы (подобие арбалета).

6

Анахи – существа с синей кожей и оранжевыми миндалевидными глазами, сильные маги, очень высокомерны, живут обособленно – в горах.

Валлы - огромные человекоподобные существа, тело сплошь покрыто волосяным покровом.

Упитанность - признак социального положения. Мужчины подчеркивают свою зрелость одеждой, только перейдя порог совершеннолетия, они имеют право носить штаны.

8

Уна - единица времени, примерно полторы минуты.

Сота - год в мире, сто дней.

10

Калон - мера длины, примерно верста.

Камы – существа с серой кожей, в основном серыми глазами с красноватым зрачком, маленьким, словно обрезанным носом и вытянутыми продольными ноздрями, чуть заметными ушами с гипертрофированной мочкой. Не обладают магией, занимаются в основном земледелием и торговлей. Жители долины Кабал, которая расположена между горами анахов и лесами цваков.

Снезь - летающее насекомое с продолговатым тельцем багрового оттенка и прозрачными крылышками. При опасности - бросается на существо и, прокусывая кожу, впрыскивает яд, который может вызывать галлюцинации. Разводят, чтобы собирать яд, который потом используют как легкий наркотик.

Нуч - короткий узкий кинжал.

Диос – сутки (день и ночь в мире), тысяча унов.

Морнеи - раса с невысоким интеллектом, живут на россыпи маленьких островов в Великом океане, вегетарианцы.

Мицар - владыка мира.

Дзеты - подобие рун, дзеты подчиняются магии ведьмы, предсказывая будущее и позволяющие заглянуть в прошлое.

Кафии - небольшой народец с идеальным музыкальным слухом, считают красивым свисающие складки жиров, небольшого роста, горчичного цвета кожей, играют на собственноручно изобретенных и выполненных инструментах.

Крак - небольшой зверек, похожий на кошку без ушей и с обрубком хвоста, рьяно охраняют свои жилища, без предупреждения бросаясь на каждого, кто подойдет ближе, чем на шаг. Пускают в бой когти и острые длинные клыки зубов.

20

Ходень - холодный период года, составляет примерно одну треть соты.

Пристни - стражи Лив'утвао.